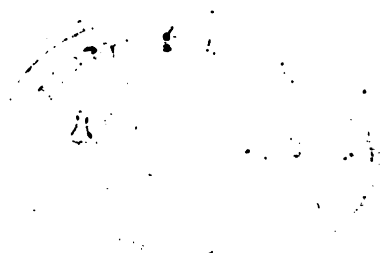
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891



ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

С. С. ШАШКОВА.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ Н. А. ШИГИНА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Моригеровскаго, Троицкій пер., домъ Гассе.
1872.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ предлагаемыхъ читателю этюдовъ первые два, относящіеся къ исторіи реакцій, взаимно пополняютъ и объясняютъ другъ друга. Послѣдніе же четыре этюда изъ исторіи Сибири, повидимому, не имѣютъ съ первыми ничего общаго, но въ сущности, и тѣ и другіе проникнуты одной идеей, занимаются одними и тѣми же проявленіями народной жизни. Они посвящены изображенію той системы злоупотребленій, которая опираясь на невѣжественную, неразвитую массу, преслѣдуетъ одни только сословные или корпоративные интересы, задерживая прогрессивное развитіе народа и воспитывая его въ понятіяхъ и чувствахъ традиціоннаго консерватизма. Изъ четырехъ послѣднихъ этюдовъ читатель увидитъ результаты осуществленія тѣхъ ретроградныхъ принциповъ, исторіи которыхъ посвящены два первыхъ этюда.

Всѣ этюды были уже напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ „Дѣлѣ“. Для настоящаго изданія они исправлены и значительно дополнены.

Авторъ.

I.

РУССКІЯ РЕАКЦІИ.

РУССКІЯ РЕАКЦІИ.

Со времени Петра I, оторвавшаго Россію отъ Востока и придвинувшаго ее къ Западу, русская исторія представляетъ рядъ прогрессивныхъ движеній, постоянно прерываемыхъ болѣе или менѣе продолжительными и сильными реакціями. Реакціонную силу всегда представляло то огромное большинство, которое было недовольно реформами Петра, которое боялось всякихъ нововведеній, какъ чего-то враждебнаго своимъ личнымъ интересамъ,—тупое и самодовольное большинство, подозрительно смотрѣвшее на всякую прогрессивную мѣру. Это упорное противодѣйствіе прогрессивнымъ началамъ было не столько результатомъ теоретической мысли, вооружавшейся противъ крайностей и переходившей въ противоположную крайность, сколько слѣдствіемъ явной и скрытой ненависти къ этому порядку вещей, который нарушалъ пассивное состояніе невѣжественной массы и эксплуатирующей ее партіи крѣпостниковъ. Теорія въ подобныхъ случаяхъ только оправдывала и санкціонировала практику, набрасывая на ея неблаговидности покровъ фальшивой справедливости и разумности.

Значительное количество вновь изданныхъ матеріаловъ по исторіи двухъ послѣднихъ столѣтій даетъ намъ нѣкоторую возможность познакомиться съ характеромъ, интригами и тенденціями нашихъ реакціонеровъ со времени Петра I.

I.

1698—1725 г.

Сближеніе съ Европой Россіи, коснѣвшей подъ давленіемъ своей византійско-азіятской культуры, началось задолго до Петра, но это сближеніе было крайне медленное и одностороннее, въ родѣ того, какое происходитъ въ настоящеее время въ Китаѣ, Японіи, Персіи, Турціи. Геній Петра поставилъ себѣ цѣлью ускорить это сближеніе и сдѣлать его всестороннимъ. Сонная, апатичная, зараженная азіятскою косностью Русь почувствовала удары молота по своей головѣ, наносимые гигантскою рукою реформатора,—и началась всенародная страда преобразованія. Работа шла быстро, какъ не шла она на Руси ни прежде, ни послѣ того, но все-таки была медленною для Петра, незнавшаго усталости, знакомаго съ энергіей и предпріимчивостью европейцевъ. Медленность была для него преступленіемъ. „Губернаторы наши зѣло раку послѣдуютъ въ происхожденіи своихъ дѣлъ“, писалъ онъ однажды, угрожая на будущее время „уже не словами, а руками со оными поступать“. Подобныя угрозы рѣдко не приводились въ исполненіе, и не одни губернаторы, а даже особы повыше ихъ знакомились съ прочностью извѣстной дубинки царя-плотника. Но дубинка была еще однимъ изъ самыхъ легкихъ наказаній за медлительность. Вотъ, наприм., Петръ велитъ оберъ-президенту главнаго магистрата поспѣшить устройствомъ въ Петербургѣ цеховъ и магистрата. „А ежели сихъ двухъ дѣлъ не учините въ пять мѣсяцевъ, или въ полгода, то ты и товарищъ твой Исаевъ будете посланы въ работу каторжную“. Ускоряя дѣло преобразованія, желая перестроить по новому образцу всю народную жизнь, начиная съ государственныхъ учрежденій и кончая мельчайшими подробностями частнаго

быта и промышленности, Петръ довелъ господствовавшую тогда систему регламентаціи до послѣднихъ границъ. Всѣ должны были жить и работать не такъ какъ прежде, а по новому, какъ предписано царскими указами: ослушникамъ— наказаніе. Въ концѣ 1715 г., напр., Петръ издалъ слѣдующій указъ: „Понеже юфть, которая употребляется на обувь, весьма негодна къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватитъ, расползывается, и вода проходитъ, того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланы изъ Ревеля мастеры къ Москвѣ для обученія того дѣла, для чего повелѣвается всѣмъ вышеписаннымъ промышленникамъ во всемъ государствѣ, дабы отъ каждаго города по нѣсколько человѣкъ ѣхали въ Москву и обучались; сему обученію дается срокъ два года; послѣ чего если кто будетъ дѣлать юфть по прежнему, тотъ будетъ сосланъ въ каторгу и лишенъ всего имѣнія“.

Поставивъ себѣ цѣлью сдѣлать изъ Россіи сильное европейское государство, Петръ весь отдался этой цѣли, и для достиженія ея жертвовалъ всѣмъ, даже самимъ собою. Идея государственной пользы, понимаемая въ духѣ того времени и осуществляемая сообразно съ русскими обстоятельствами, заставила Петра поддерживать крѣпостное право. Славянофилы укоряютъ его за это, умалчивая о томъ, что въ петровское время объ освобожденіи крестьянъ не думали даже и въ Европѣ, и что допетровская Русь успѣла сдѣлать крѣпостное право основою государства, основою, къ которой не посмѣла прикоснуться даже такая желѣзная рука, какъ Петра I.

Главною сословною силою древней Руси былъ тотъ классъ, который впослѣдствіи получилъ названіе дворянства. Это не аристократія въ европейскомъ значеніи этого слова, не раса побѣдителей, привиллегіи которой основаны на породѣ, а только служилое сословіе, какъ уже видно изъ самаго названія. Дворянство образовалось изъ *дворни*, изъ придворныхъ чиновъ княжескихъ и царскихъ. Даже дворовые люди на-

мѣстниковъ, будучи рабами, назывались иногда *дворянами*, а въ Малороссіи дворня старшинъ и шляхетства носила названіе *дворянъ* даже въ XVIII в. (Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, 4; Сергѣевичъ, Вѣче и Князь, 354). Самые древніе аристократическіе роды произошли отъ *побѣжденныхъ* удѣльныхъ князей, отъ выходцевъ литовскихъ, нѣмецкихъ, монгольскихъ, татарскихъ, отъ лицъ, *пожалованныхъ* царскою милостью. Составляя *дворню* владѣльца московскаго, они не могли имѣть того значенія, какимъ пользовались аристократы Европы. Европейскіе аристократы считались *пэрами*, т. е. равными между собою; а король былъ среди ихъ, какъ первый между равными; наши же бары назывались и были въ дѣйствительности *холопами великаго государя*. Но историческія условія дали возможность этимъ *холопамъ* государя превратиться въ *господъ* народа. Члены этого сословія вмѣстѣ съ зависимыми отъ нихъ людьми составляли военную силу государства, занимали всѣ важныя должности и были опорою московскаго трона. Вмѣсто жалованья имъ давались помѣстья; если помѣщикъ плохо исполнялъ службу или вовсе не исполнялъ ея, то у него убавляли помѣстной земли или совсѣмъ отнимали ее. Массы простого народа, побуждаемыя страшною нищетою и необходимостью имѣть въ тѣ грубыя времена надежнаго покровителя, впадали въ кабалу и другія формы зависимости отъ знати. Въ XV и XVI в. годовой доходъ крестьянина простирался отъ 1 р. до 4 р., и половину этой суммы онъ отдавалъ въ видѣ налоговъ. Чтобы не умереть съ голоду, онъ шелъ въ кабалу и рабство. Нищета до такой степени усилила предложеніе рабовъ, что при Иванѣ III рабъ стоилъ 1 рубль, т. е. столько же, сколько стоила лошадь, а при Иванѣ IV 3 р. (Хлѣбниковъ, о Вліяніи Общ. на Организ. Государства, 20, 47, 51, 66). Но такимъ порабощеніемъ массъ и привилегіями первостепеннаго сословія притязанія дворянства не ограничивались. Въ лицѣ своихъ древнихъ и знаменитыхъ фамилій оно стремилось къ олигархіи и хотѣло

раздѣлить съ самодержавіемъ государственную власть, что ему неразъ и удавалось, напр., въ правленіе Елены и по смерти ея до совершеннолѣтія Ивана Грознаго. При чемъ бары не упускали случая набить свой карманъ самымъ непристойнымъ образомъ, они, напр., воровали изъ дворца серебряную посуду и перечеканивали на ней вензеля на свое имя (Курбскій, 182). Ужасными казнями и неимовѣрными жестокостями Иванъ хотѣлъ задушить олигархическую интригу и завѣщалъ своимъ преемникамъ устремить всѣ усилія на борьбу съ притязаніями боярства. Но едва только умеръ Грозный, какъ боярскія партіи начали бороться за обладаніе государствомъ, которое и досталось временщику Годунову, правившему отъ имени Θеодора Ивановича. Началось крѣпостное порабощеніе народа. Митрополитъ Даніилъ первый испросилъ прикрѣпленіе къ землѣ своихъ крестьянъ (Акты Ист. I, № 215). Борисъ, угодничая боярамъ, прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ, сдѣлалъ патріарха своимъ орудіемъ и такимъ образомъ расчистилъ себѣ дорогу къ трону, на который онъ избранъ своими сторонниками, составившими „земскій соборъ". Борисъ отстоялъ свою власть отъ ограниченія, котораго требовали бояре, и послѣдніе сдѣлались его врагами. Деспотизмъ Годунова, закрѣпощеніе крестьянъ, предоставленныхъ произволу помѣщиковъ, законъ, въ силу котораго свободный человѣкъ, добровольно прослужившій у господина полгода, дѣлался его холопомъ, разореніе страны, ужасный голодъ — были послѣдствіями олигархической интриги, приготовившими смутное время. Россія независимо отъ своего распаденія на областныя части, сохранявшія нѣкоторые остатки прежней самобытности, распалась еще на два враждебныхъ лагеря. Въ одномъ стали — дворянство, стремившееся къ окончательному развитію крѣпостного права и къ олигархіи, духовенство, имѣвшее общіе съ дворянствомъ крѣпостные интересы, наконецъ, всѣ „лучшіе и середніе люди", купцы, зажиточные промышленники и т. д.; въ другомъ лагерѣ собиралось все бѣдное и угнетен-

Чаша народныхъ бѣдствій снова переполнилась. Вспыхнулъ бунтъ Разина, этого полудикаго утописта, мечтавшаго „сожечь всѣ дѣла у государя, избить всѣхъ бояръ, и дворянъ и начальныхъ людей и сдѣлать всѣхъ равными“. Крѣпостничество одержало новую побѣду и ко времени Петра дошло до того, что, по словамъ самого преобразователя, помѣщики третировали крестьянъ, „какъ скотовъ“.

Такъ развивалось крѣпостное право до Петра, который воспользовался имъ, какъ однимъ изъ орудій для своихъ реформъ. Схватившись всѣми силами за развитіе промышленности, онъ учреждалъ фабрики и заводы и приписывалъ къ нимъ крестьянъ, создавая такимъ образомъ новый многочисленный классъ заводскихъ крѣпостныхъ людей. Преслѣдуя идею поголовнаго всеобщаго служенія государству, чувствуя постоянный недостатокъ какъ въ денежныхъ средствахъ, такъ и въ рабочихъ рукахъ, Петръ не могъ оставить въ прежнемъ положеніи той громадной массы народа, которая подъ именемъ вольныхъ государевыхъ гулящихъ людей, никуда неприписанная, бродила по всей Россіи и жила вольнонаемнымъ трудомъ. Петръ постарался уничтожить этотъ классъ, постановивъ, чтобы всѣ гулящіе люди шли или въ военную службу, или къ владѣльцамъ въ холопы, „а безъ службъ никто-бъ не шатались, а ежели кто таковыхъ впредь гдѣ поймаетъ, и оные будутъ сосланы въ галерную работу“. Введенная Петромъ ревизія сравняла всѣ степени крѣпостной зависимости, поставивъ въ одинъ разрядъ крестьянъ и бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей, кабальниковъ и полныхъ холоповъ. Сборъ податей легъ на помѣщиковъ, и владѣлецъ совершенно заслонилъ крестьянина отъ государства: онъ вносилъ за принадлежащія ему души подати, ставилъ требуемое число рекрутъ и затѣмъ поступалъ съ крестьянами, какъ ему хотѣлось. Народъ бѣжалъ въ отдаленныя украины и за границу. Строго преслѣдуя побѣги и наказывая крестьянъ, возстававшихъ противъ помѣщиковъ, Петръ старался по возможности ограничить

произволъ послѣднихъ. Помѣщиковъ, разоряющихъ своихъ рабовъ, онъ велѣлъ лишать управленія деревнями, и передавать ихъ родственникамъ. Онъ хотѣлъ прекратить и продажу людей „какъ скотовъ“, но сознавая всю трудность выполненія этой мѣры, онъ въ томъ же указѣ говорилъ: „а ежели невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то хотя бы по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями, а не врознь“. Жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами наказывалось, коль скоро дѣлалось извѣстно царю. Въ 1721 г., напр., Василій Головинъ посланъ на 10 лѣтъ въ каторгу за то, что билъ человѣка своего и тотъ отъ побоевъ умеръ. Независимо отъ подобныхъ мѣръ, которыя, конечно, мало приносили крестьянамъ существенной пользы, Петръ предоставилъ крѣпостнымъ людямъ нѣкоторыя льготы, впослѣдствіи совершенно отнятыя у нихъ. При немъ всѣ крѣпостные могли добровольно поступать въ военную службу и тѣмъ избавляться отъ господской неволи. Крестьянинъ имѣлъ право вести торговлю, содержать заводы и записываться въ посадъ, только обязывался уплачивать оброкъ своему владѣльцу, и при томъ оброкъ не по богатству, а наравнѣ съ другими крестьянами. Крѣпостной крестьянинъ могъ вступать въ подряды съ казною и съ частными лицами. Владѣльцы не имѣли права суда надъ своими людьми.

Мысль о свободѣ крестьянъ не умирала и въ царствованіе Петра. „Просимъ и молимъ и умильно вопіемъ“, — писали Петру крестьяне — „да тя на милость приклонимъ о свободствѣ, дабы намъ изъ Садому и Гомору отраднѣе было. На семъ нашемъ приношеніи къ тебѣ, великому государю, сановніи твои бояре и князи тебѣ станутъ возбранять, чтобъ намъ у нихъ, яко въ Содомѣ и Гоморѣ мучиться; яко львы челюстями своими пожираютъ и яко зміи ехидные, разсвирѣпя, напрасно попираютъ, и якоже волци свирѣпіи біютъ насъ, яко немилостивіи пилаты; великій государь, смилуйся, пожалуй!“.. Другъ народа, Посошковъ, писалъ: „крестьянамъ

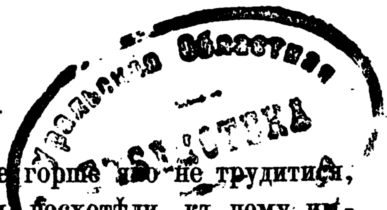
пропитанія, государственная польза есть“. При этомъ царь имѣлъ еще въ виду и пользу крѣпостныхъ крестьянъ, положеніе которыхъ всегда ухудшается по мѣрѣ раздробленія большихъ помѣстій. Служба требовала знаній, и Петръ началъ заводить школы, набирать въ нихъ учениковъ, посылать дворянъ учиться въ Европу. Въ 1714 г. онъ послалъ „во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ школъ математическихъ, чтобы учить дворянскихъ дѣтей цифири и геометріи, и положилъ штрафъ такой, что невольно будетъ жениться, пока сему не выучатся“. Эта новая повинность ученья была для благороднаго шляхетства не менѣе тяжелою, чѣмъ всѣ другія. Учениковъ приходилось набирать силою, какъ рекрутовъ, и помѣщики относились къ ученью съ такою же непріязнью, какъ крестьяне къ рекрутчинѣ. „Лѣта 1712“—разсказываетъ, напр., Василій Головинъ—„Его царское величество изволилъ опредѣлить малолѣтнихъ дворянъ за-море, въ Голландію, для морской навигацкой науки, въ числѣ которыхъ за-море *и я, грѣшникъ, въ первое мое несчастіе опредѣленъ*“. Не менѣе возмущалось дворянство и тѣми мѣрами реформатора, въ силу которыхъ оно было уравнено на службѣ со всѣми другими сословіями. Людямъ самаго низкаго происхожденія заслуга открывала дорогу къ дворянству, и чинъ, пріобрѣтенный службою, поставленъ выше привилегій касты. Многіе изъ главныхъ помощниковъ Петра происходили изъ низшихъ сословій. Съ этимъ чванное, полудикое барство помириться никакъ не могло, тѣмъ болѣе, что дворяне, вслѣдствіе своей неспособности, были оттѣсняемы на задній планъ, а дѣлами управляли худородные Меншиковы, Шафировы, Ягужинскіе. Служба перестала быть выраженіемъ родовыхъ отличій, и дворянство вытѣснялось бюрократіей. Объ олигархическихъ проискахъ, о временщичествѣ при Петрѣ нечего было и думать. . . . .

Если дворянство имѣло много причинъ быть недовольнымъ реформою, то еще болѣе имѣло ихъ духовенство, вліяніе ко-

тораго въ древней Россіи было громадно. Даже Иванъ Грозный не малое время находился подъ безусловною властью извѣстнаго попа Сильвестра, не только правившаго государствомъ, но и регулировавшаго каждый шагъ царя, опредѣлявшаго для него и количество пищи, и одежду, и часы сна, и время интимныхъ свиданій съ женою. Свою власть, по словамъ Ивана, онъ основывалъ на „запугиваньи совѣсти дѣтскими страшилищами". Иванъ освободился изъ подъ этой опеки и сдѣлался отъявленнымъ врагомъ клерикаловъ. „Священство"—пишетъ онъ Курбскому—„не должно вмѣшиваться въ царскія дѣла; нѣтъ царства, которое не разорилось бы, будучи въ обладаніи поповъ". Иванъ не только держалъ духовенство въ рукахъ, не только собралъ съ него по случаю ливонской войны около 2,000,000 рублей, но и принялъ мѣры къ ограниченію церковныхъ имуществъ и привилегій. Однакъ мысль объ отобраніи церковныхъ имуществъ была не безопасна для свѣтской власти, и попытка секуляризаціи, затѣянная Лже-Дмитріемъ, только ускорила его паденіе. Во все продолженіе XVII в. дѣятельность свѣтской власти относительно духовенства состояла только въ незначительныхъ ограниченіяхъ его привилегій. Въ этомъ столѣтіи нерѣдко высказывалась даже мысль, что „патріархъ есть второй царь, перваго царя большій". Въ лицѣ Никона клерикальныя притязанія достигли высшей степени и хотя потерпѣли пораженіе, но далеко не окончательное. Вліяніе духовенства отражалось на всей жизни. Государственная церковь окончательно сформировалась, принципъ нетерпимости введенъ въ законы, религіозное разномысліе сдѣлано преступленіемъ, расколъ отожествленъ съ государственною измѣною; казни и гоненія раскольниковъ дошли до того, что въ правленіе Софьи велѣно драть кнутомъ, даже тѣхъ, которые „отъ неразумія или по малолѣтству стояли въ упрямствѣ въ новоисправленныхъ книгахъ", даже всѣхъ православныхъ доставлявшихъ раскольникамъ пищу, питье и проч.! Враждебно относясь и

къ обычаямъ западной жизни, и къ западному искуству, и къ „лжеименному разуму“ западной науки, духовенство ревниво охраняло цѣлость древнерусской культуры и не переставало проповѣдовать пассивность разума. „Братіе, не высокоумствуйте! Аще кто ти речетъ: вѣси-ли философію? и ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни съ мудрыми философами не бывахъ.“ „Учися держати умъ; высочайшаго не ищи, глубочайшаго не испытуй, но елико ти предано, сіе содержи.“ Европейская цивилизація, „лжеименный разумъ“ и терпимость, вводимые реформою, были не только могучими соперниками клерикальнаго авторитета, но и врагами мірскихъ привилегій духовенства. Бороться противъ реформы было изъ за чего. Духовенству принадлежала духовная власть надъ умами царей и народа, ему же принадлежала весьма значительная часть государственной территоріи и около 1,000,000 крѣпостныхъ крестьянъ; его доходы равнялись половинѣ государственныхъ доходовъ; въ его рукахъ сосредоточивалась значительная часть торговли и промышленности, и „монахи были самыми богатыми купцами въ странѣ,“ по словамъ Флетчера.

При Петрѣ дѣла пошли не такъ. Петръ уничтожилъ патріаршество, замѣнивъ его синодской коллегіей, хотѣлъ секуляризировать церковныя имущества, не стѣснялся брать изъ монастырей крупныя суммы на государственныя нужды; въ его царствованіе съ одной только троицкой лавры взято 229,000 рублей, 2,000 червонцевъ, 1,000 ефимковъ да отписано 4,412 крестьянскихъ дворовъ. Противъ монастырей приняты строгія мѣры. Указывая на чистоту жизни первыхъ отшельниковъ, Петръ писалъ, что монахи тогда „монастыри въ пустынахъ имѣли и такимъ же правиломъ, яко и уединенные, жили, не требуя трудами другихъ туне насыщатися. Когда же нѣкоторые греческіе императоры ханжить начали, а особенно ихъ жены, тогда нѣкоторые плуты къ онымъ подошли и монастыри уже въ самыхъ городахъ строить испросили и де-



нежной помощи требовали; еще же горше яко не трудитися, но трудами других туне питатися восхотѣли, къ чему императоры весьма склонны явились и великую часть погибели самимъ себѣ и народу стяжали.... Сія гангрена и у насъ зѣло было распространяться начала подъ защищеніемъ единовластниковъ церковныхъ, но ихъ въ умѣренности держали прежніе владѣтели, которыхъ Господь Богъ такъ благодати своей не лишилъ, какъ греческихъ. Могутъ-ли у насъ монахи имя свое дѣломъ исполнить? но сего весьма климатъ сѣверной нашей страны не допускаетъ и безъ трудовъ своихъ или чужихъ весьма пропитаться не могутъ.... Большая часть ихъ тунеядцы суть и бѣгутъ въ монастыри, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть.“ Изгнавъ изъ монастырей множество постоянно проживавшихъ тамъ мірянъ, затруднивъ поступленіе въ монахи, Петръ заставилъ монастыри заниматься ремеслами и хлѣбопашествомъ, превратилъ ихъ въ богадѣльни для нищихъ, больныхъ и инвалидовъ; многіе женскіе монастыри сдѣланы воспитательными домами для сиротъ и найденышей, которыхъ монахини обязывались содержать „въ чистотѣ хорошей“ и обучать грамотѣ. Изъ монастырей монахинямъ велѣно быть неисходными, а если случится большая нужда выйти, то отпускать ихъ по билету часа на два или на три. Такъ какъ въ монастыряхъ во множествѣ фабриковались пасквили на Петра и фанатическія прокломаціи противъ его реформы, то монахамъ и монахинямъ запрещено имѣть въ кельяхъ чернила и бумагу,—писать должны въ трапезѣ, подъ надзоромъ начальства. Не менѣе строгія мѣры предпринимались и противъ бѣлаго духовенства; его дѣтей силою отбирали въ школы; безмѣстныхъ, праздношатавшихся поповъ царь велѣлъ штрафовать чѣмъ нибудь „тяжкимъ, хотя на время и до каторжной работы, дабы и прочіе страхъ имѣли;“ лишнія часовни запечатывались; ложныя чудеса, пророчества, фальшивыя чудотворныя иконы и другіе подобные обманы жестоко преслѣдовались. Въ 1721 г., напр. „въ Новгородѣ одинъ дья-

чекъ объявилъ, что въ сонномъ видѣніи явились ему два архіерея, нѣсколько бояръ и образъ тихвинской богородицы, стоявшій въ его церкви, передъ которымъ пѣли молебенъ, какъ передъ чудотворнымъ; ночью онъ такъ накадилъ въ церкви, что поутру священникъ нашелъ ее полною „благоуханія,“ что и приводилось дьячкомъ въ доказательство чуда. Дьячка приговорили „въ Новѣгородѣ при той церкви, въ которой онъ затѣйное чудо учинилъ, для показанія всѣмъ тамошнимъ обывателямъ, сжечь“,—и сожгли. Невѣжество, порочность и клерикальныя наклонности духовенства встрѣчали въ Петрѣ нещаднаго гонителя и насмѣшника. Еще въ самомъ началѣ своего царствованія Петръ учредилъ „сумасброднѣйшій, всешутѣйшій и всепьянѣйшій соборъ,“ настоятелемъ котораго сдѣланъ Зотовъ съ титуломъ „князь-папы, всешутѣйшаго отца Аникиты, пресбургскаго, кокуйскаго и всеяузскаго патріарха.“ Въ 1715 г. съ шумными, потѣшными церемоніями Петръ женилъ Зотова на старухѣ Пашковой. При пушечной пальбѣ, звукахъ музыки и колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, въ петропавловской церкви семидесятилѣтній Зотовъ и его шестидесятилѣтняя невѣста, оба въ полныхъ кардинальскихъ облаченіяхъ, были обвѣнчаны девяностолѣтнимъ священникомъ. Толпы народа сопровождали эту процессію со смѣхомъ и криками: „патріархъ женился! патріархъ женился! да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!“ Зотовъ вскорѣ умеръ отъ пьянства. Петръ обратился къ своему шутовскому кесарю, Ромодановскому, со слѣдующимъ письмомъ. „Великій государь, князь-кесарь! Извѣстно вашему величеству, что отецъ вашъ и богомолецъ, великій князь-папа, всешутѣйшій Аникита отъ житія сего отыде и нашъ сумасброднѣйшій соборъ остави безглавенъ. Того ради просимъ ваше величество призрѣти на вдовствующій престолъ избраніемъ бахусоподражательнаго отца.“ Ромодановскій назначилъ старика Бутурлина, а Петръ женилъ его на вдовой патріаршѣ Зотовой, отпраздновавъ ихъ свадьбу съ новыми потѣхами. Во время этихъ

празднествъ князь-папа и кардиналы переправлялись черезъ Неву на плоту изъ бочекъ, связанныхъ по двѣ вмѣстѣ и составлявшихъ, на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, шесть паръ! На каждой бочкѣ было поставлено по ушату, а на каждомъ ушатѣ сидѣлъ кардиналъ. Впереди, на бочкахъ же плылъ огромный котелъ съ пивомъ, а въ пивѣ плавалъ всешутѣйшій князь-папа, котораго повертывалъ своимъ трезубцомъ Нептунъ, сидѣвшій впереди котла. Всѣ эти сатирическія выходки немало создавали враговъ Петру. Уничтоженіе патріаршества, мѣры противъ монастырей, духовный регламентъ со своими обличеніями и нововведеніями—все это возмущало древнерусскія души церковниковъ. Не менѣе была непріятна и извѣстная вѣротерпимостьПетра. Дочего доходила нетерпимость даже у мірянъ его времени, можно видѣть изъ слѣдующаго письма Толстова, русскаго посла въ Константинополѣ. „Молодой подъячій Тимофей, познакомившись съ турками, вздумалъ обусурманиться. Богъ помогъ мнѣ объ этомъ свѣдать. Я призвалъ его тайно и началъ ему говорить, а онъ мнѣ прямо объявилъ, что хочетъ обусурманиться. Я его заперъ въ своей спальнѣ до ночи, а ночью *онъ выпилъ рюмку вина и умеръ*; такъ его Богъ сохранилъ отъ бѣды“... Петръ же былъ индифферентенъ. „Совѣсти человѣческой, писалъ онъ, приневоливать не желаю, но предоставляю каждому на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей“, обѣщаясь „крѣпко смотрѣть, чтобы никто какъ въ своемъ публичномъ, такъ и въ частномъ отправленіи богослуженія обезпокоенъ не былъ“. Раскольники свободно вздохнули въ началѣ царствованія Петра. Но вслѣдствіе того, что многіе изъ нихъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, относились враждебно къ реформатору и его дѣламъ, а особенно вслѣдствіе того, что Петра не переставали убѣждать въ политической зловредности раскольниковъ, онъ вооружился противъ нихъ, а расколъ провозгласилъ его антихристомъ. Раскольники вполнѣ сходились съ духовенствомъ въ своихъ антипатіяхъ къ Петру, къ его мнимому еретичеству, къ его

реформаторской дѣятельности. Бритье бородъ, куренье табаку, дружба съ иностранцами, равнодушіе къ обрядамъ, приверженность къ наукѣ, вѣра въ силу разума — всѣмъ этимъ Петръ возмущалъ ревнителей старины, какъ православныхъ, такъ и сектантовъ.

Невѣжественная и суевѣрная нація, гордившаяся своею вѣрою, кичившаяся своими побѣдами надъ азіятами, изолированная отъ Европы, считала себя первымъ народомъ въ подсолнечной, новымъ Израилемъ, а своего царя-земнымъ божествомъ, самымъ сильнымъ властителемъ въ мірѣ. „Нашъ цезарь побольше вашихъ цезарей будетъ, а каждый попъ у его царскаго величества, — что вашъ папа“, говорили однажды бояре австрійскимъ посламъ. Иностранцы считались исчадіями ада, погаными еретиками, а ихъ науки, искуства, ихъ цивилизація—дѣломъ сатаны. Постепенное усиленіе европейскаго вліянія возбуждало остервенѣлое негодованіе даже въ самыхъ образованныхъ людяхъ XVII в., какъ, напр., въ Крижаничѣ. И даже тогда, когда необходимость заставила привлекать европейцевъ въ Россію, русскіе дѣлали это съ проклятіемъ и бранью на поганыхъ еретиковъ. Въ 1661 г. послѣдовалъ слѣдующій секретный, впослѣдствіи уничтоженный, указъ царя Алексѣя. „Учали на Москву и во всякіе наши царя и великаго князя града многіе еретики и разные нѣмецкіе люди приходити и стали просить они нашея царскія службы; и мы, государь и великій князь всея Россіи, собрали мы наши архіепископы, епископы, архимандриты и іереи на думу и положили мы на томъ съ думными людьми ихъ, *б...скихъ дѣтищъ*, еретиковъ и всякихъ нѣмцовъ на воеводства не посылать и къ воеводствамъ не опредѣлять, а быть имъ, *б....скимъ дѣтищамъ* только на Москвѣ и записыватися имъ, по черной сотнѣ, а въ службу нашу царскую, вступать имъ *ворамъ*, въ ратную, и то по нуждѣ“ (Р. Стар., III, 393; Р. Архивъ, 1871, 1249).

При Петрѣ дѣла пошли иначе. Самъ царь превратился въ

нѣмца, а нѣмцы сдѣлались первыми членами общества, учителями, командирами. Національное тщеславіе и религіозная нетерпимость были жестоко уязвлены.

Старовѣро-церковническая оппозиція находила себѣ друзей и среди дворянства, и среди купечества, и среди крестьянъ. Такая страда преобразованія истощала всѣ сословія. Государственные доходы при Петрѣ возвысились съ 3 до 10 съ лишнимъ милліоновъ, а натуральныя повинности увеличились несравненно болѣе. Не одинъ милліонъ народа погибъ отъ голода, казней, войнъ, болѣзней, государственныхъ работъ; 100,000 человѣкъ умерло при постройкѣ одного только Петербурга. Воровства, разбои, пожары, бунты и усмиренія ихъ, побѣги и погони за бѣглыми, преслѣдованія раскольниковъ, разоренія отъ солдатчины, несносные правежи—все порождало вѣру въ пришествіе антихриста и облекало народное недовольство въ форму религіознаго фанатизма. Въ народѣ ходили самые дикіе разсказы о царѣ. Монахи, пустынники, кликуши, подъячіе, солдаты, люди всѣхъ классовъ общества видѣли видѣнія, пророчествовали, разсказывали, что Петръ еретикъ, антихристъ, губитель вѣры. Эта пропаганда въ формѣ проповѣдей, частныхъ бесѣдъ, прокламацій, пасквилей шла и въ городахъ, и въ селахъ, и въ церквяхъ; и на базарной площади, и въ острогахъ, и въ кабакахъ. Стрѣлецкіе бунты были только прелюдіей послѣдующихъ народныхъ волненій, заговоровъ, покушеній на жизнь реформатора. Какія мелочи могли только возбуждать къ бунту взволнованный народъ—показываетъ слѣдующій случай. Когда введеніе нѣмецкаго платья, брадобритія и европейскихъ обычаевъ раздражило суевѣровъ въ высшей степени, прошла страшная молва, что царь съ своими приближенными кланяется языческимъ истуканамъ и заставляетъ всѣхъ приносить имъ жертвы. Поводъ къ этой молвѣ подали и поддерживали ее невиданные до тѣхъ поръ на Руси болваны съ человѣческими физіономіями [illegible] бары вѣсили свои накладные

волосы, чтобы они не мялись. Прошелъ этотъ слухъ, и въ астраханскомъ краѣ вспыхнулъ бунтъ. Астраханцы, „многое время терпѣвъ и посовѣтовавъ между собою, рѣшили стоять и умирать за вѣру Христову, противъ брадобритія, и табаку, и нѣмецкаго платья, мужского и женскаго, чтобы вѣры не отбыть и болванамъ не покланяться и напрасною смертью вѣчно не умереть“.

Большинство духовенства и боярства пѣло въ унисонъ съ простонародьемъ, вооружаясь противъ реформы Петра, считая его нечестивцемъ, подрывающимъ всѣ священныя основы общества. Самый умѣренный изъ противниковъ реформы, Стефанъ Яворскій, и тотъ однажды разразился проповѣдью, въ которой говорилъ понятными для всѣхъ намеками, что бѣдствія, постигающія Россію, посылаются въ наказаніе за безчисленные и великіе грѣхи „человѣка законопреступнаго“ (Петра), который „ломаетъ, сокрушаетъ и разоряетъ законъ божій, не соблюдаетъ постовъ“ и т. д. Мѣры противъ духовенства, разводъ съ женою, бритье бороды, куреніе табаку— все шло въ обвиненіе Петра. Но болѣе, чѣмъ бритвой и трубкой, возмущались стараніями государя о введеніи наукъ. Особенное неистовство возбуждали въ суевѣрныхъ фанатикахъ переводившіяся тогда физическія и естественно-историческія книги. Ревнители старины усердно прочитывали ихъ съ предвзятымъ убѣжденіемъ въ ихъ богопротивности, и русская литература еще въ колыбели была окружена литературными доносчиками. Хотя при Петрѣ подобные доносы не могли имѣть большого значенія, но они принесли свои плоды въ послѣдующую эпоху. Да нельзя сказать, чтобы и самъ Петръ вовсе не подчинялся вліянію подобныхъ инсинуацій и реакціонныхъ желаній большинства, которыя, между прочимъ, совершенно измѣнили его отношенія къ раскольникамъ и заставили его подчинить всю духовную литературу предварительной цензурѣ синода. Однакожъ системой запугиванья нельзя было вовсе поворотить [illegible]

чайшаго и честнѣйшаго изъ государей новой исторіи. Но если система запугиванья не дѣйствовала на умнаго Петра, то ею можно было терроризировать невѣжественное, тупое, полудикое русское общество. Соціальныхъ пугалъ тогда еще не было, но ихъ съ отличнымъ успѣхомъ замѣняли суевѣрные призраки, созданные фантазіей народа, и гдѣ впослѣдствіи пускали въ ходъ *фармазона, якобинца, нигилиста,* тамъ при Петрѣ пугали *еретикомъ* и *антихристомъ*. Страхъ ереси и антихриста служилъ надежнымъ орудіемъ въ рукахъ реакціонеровъ. Самымъ крупнымъ выраженіемъ поднимавшейся реакціи служила партія царевича Алексѣя. Апатичный, набожный, безусловно преданный духовенству, Алексѣй былъ надеждою всѣхъ реакціонеровъ, которые, пользуясь его слабостями и недостатками, сдѣлали изъ него орудіе своихъ стремленій. Духовнику своему онъ далъ клятву его, „отца своего духовнаго, за ангела Божія почитать, и за апостола имѣть, и за судію дѣлъ своихъ и во всемъ его слушать". Сторонники Алексѣя и его приближенные не упускали случая воспитывать въ немъ ненависть къ отцу и къ его реформамъ. „Они"— говорилъ Алексѣй на слѣдствіи — „видя мою склонность ни къ чему иному, только чтобъ ханжить и конверсацію имѣть съ попами и съ черцами и къ нимъ часто ѣздить и подпивать, въ томъ мнѣ не токмо не претили, но и сами со мною тожъ охотно дѣлали. А понеже они отъ младенчества моего при мнѣ были, и я обыклъ ихъ слушать и бояться, и всегда имъ угодное дѣлать, а они меня больше отводили отъ отца моего и утѣшали вышеупомянутыми забавами; и по малу не токмо дѣла воинскія и прочія отца моего дѣла, и самая особо его зѣло мнѣ омерзѣла." Алексѣй умеръ подъ кнутомъ, и его партія присмирѣла, но не надолго. Смерть царевича, породившая множество легендъ и толковъ, еще болѣе усилила ненависть къ Петру.

Стрѣлецкіе и другіе бунты, реакціонныя смуты, заговоры, прокламаціи, пасквили, фанатическія проповѣди вели за со-

бою полицейскій терроръ. Мы не будемъ здѣсь заниматься этими постоянными казнями, пытками, кнутами, висѣлицами и тому подобными жестокостями, въ которыхъ виноватъ не Петръ, а породившее его время. Порицатели этихъ мѣръ забываютъ, что они были и до Петра, что реформа была *переворотомъ* въ полномъ значеніи этого слова, что терроръ служилъ реформѣ, идеѣ, а не личнымъ корыстнымъ разсчетамъ реформатора. Побѣда реакціонной партіи была бы ознаменована не меньшими жестокостями; даже слабодушный царевичь Алексѣй похвалялся, что всѣ близкіе къ Петру люди будутъ сидѣть на кольяхъ. Обстоятельства и инсинуаторы сдѣлали Петра подозрительнымъ; онъ далъ самое широкое развитіе сыскной полицейской системѣ и тайная канцелярія работала въ его царствованіе больше, чѣмъ любое для присутственныхъ мѣстъ. Страсть къ доносамъ, бывшая одною изъ самыхъ крупныхъ язвъ древней Россіи, искуственно поддерживалась въ видахъ государственной пользы и приносила громадный вредъ. Доносъ окончательно превратился въ промыселъ, въ орудіе интриги и личной мести. „Подлые люди“— пишетъ де-Геннинъ — „если имъ не будетъ 10 копѣекъ на водку, вскрикиваютъ *„слово и дѣло“*, и обвиняемый въ оковахъ везется на допросъ“. Служа орудіемъ наживы, доносъ въ тоже время служилъ и средствомъ для достиженія реакціонныхъ цѣлей. Неопредѣленное понятіе о государственномъ преступленіи было расширено до-нельзя. Бранное слово пьянаго мужика, безсмысленная болтовня выжившей изъ ума старухи, каждая сплетня о высшихъ персонахъ — все было преступленіемъ. На какой низкой степени стояли тогда юридическія понятія, можно видѣть уже изъ одного того, что, по воинскому артикулу, „когда кто пьянъ напьется и во пьянствѣ своемъ что злаго учинитъ, тогда тотъ не только, чтобъ въ томъ извиненьемъ прощеніе получилъ, но вящею жестокостью наказанъ быть имѣетъ“. Какъ легко было тогда сдѣлаться политическимъ преступникомъ, показываетъ слѣ-

дующій случай. Попъ Автонасьевъ получилъ изъ Кіева отъ своего шурина въ подарокъ портретъ Меньшикова. Разъ послѣ вечерни попадью его зазвала къ себѣ въ гости знакомая торговка и дала ей листъ, на которомъ были нарисованы видѣнные на небѣ „нѣкоторые знаки". Попу что-то вздумалось срисовать эти знаки и, вѣроятно, за неимѣніемъ бумаги, онъ нарисовалъ ихъ на оборотѣ меньшиковскаго портрета. Какіе-то драгуны донесли объ этомъ. Попа арестовали, привезли въ Петербургъ, и началось политическое дѣло „о изображеніи на персонѣ его княжей свѣтлости нѣкоторыхъ противныхъ знаковъ„!...

Реакціонные элементы при Петрѣ были такъ сильны, что многіе иностранные наблюдатели предсказывали полную гибель всего сдѣланнаго царемъ, лишь только онъ сойдетъ въ могилу. Петръ умеръ, не назначивъ наслѣдника и съ горькимъ сознаніемъ, что изъ всѣхъ его „птенцовъ" нѣтъ почти ни одного честнаго человѣка.

Смерть Петра вызвала на ясный божій свѣтъ всѣ темныя реакціонныя силы.

II.

1725—1761 г.

Событія, совершившіяся со времени Петра до воцаренія Екатерины II, теперь уже допущены до свѣденія публики даже въ дѣтскихъ книжкахъ, напр., въ „Чтеніяхъ изъ Русской Исторіи" г. Щебальскаго. Не разсказывая о нихъ подробно, мы попытаемся, въ связи съ нашимъ предметомъ, представить главныя черты реакціонныхъ стремленій этой эпохи.

Закона о престолонаслѣдіи не было; и „бѣдная Россія".

по выраженію Щербатова, „яко вотчина или какого приватнаго человѣка имѣніе“ переходила въ руки то одной, то другой изъ партій, боровшихся за власть и за право пожиранія этого огромнаго пирога, начиненнаго милліонами людей“. Въ гвардіи не только офицеры, но и солдаты были изъ дворянъ; извѣстная партія набирала себѣ изъ гвардейцевъ достаточное число сторонниковъ, захватывала власть и возвѣщала Россіи объ этомъ событіи. Кромѣ совершившихся переворотовъ, многіе не удались, многіе заговоры были открыты заблаговременно, многіе антрепренеры сложили свои головы подъ топоромъ палача или погибли въ Сибири. Каждый изъ властолюбцевъ преслѣдовалъ свои личные интересы и заключалъ союзъ съ другими, подобными себѣ искателями счастія. Такія компаніи никоимъ образомъ не могутъ быть названы политическими партіями въ строгомъ смыслѣ,—онѣ были партіями личными или фамильными и мало чѣмъ отличались одна отъ другой. Всѣ эти партіи можно раздѣлить только на двѣ категоріи; одни, напр., Меньшиковъ, Прокоповичъ, Екатерина I, Остерманъ и другіе птенцы покойнаго преобразователя держались молодыхъ традицій реформы; другіе, преимущественно люди старинныхъ боярскихъ фамилій, напр., Долгорукіе болѣе склонялись къ московской сторонѣ и старались по возможности разрушить дѣло Петра. Но какъ тѣ, такъ и другіе имѣли въ виду преимущественно личныя выгоды, государственными дѣлами занимались мало, и поэтому ихъ политическое различіе не имѣетъ большой важности. Борьба же, происходившая въ партіяхъ каждой изъ упомянутыхъ категорій, сводится положительно на одни только личные своекорыстные разсчеты и притязанія, которые простирались такъ далеко, что не разъ временщики и бояре задумывали даже формально овладѣть престоломъ. Меньшиковъ безусловно управлялъ государствомъ при Екатеринѣ I, Екатерина умерла, старо-русская партія оказалась сильнѣе „птенцовъ“, на престолъ возведенъ Петръ II. Меньшиковъ перешелъ на сто-

рону побѣдителей и чуть было не женилъ молодого государя на своей дочери. Меньшиковъ палъ, государя окружили Долгорукіе, увезли его въ Москву и, преднамѣренно удаляя его отъ дѣлъ, проводя съ нимъ все время на охотѣ, на пирахъ и въ забавахъ, совершенно преждевременныхъ для мальчика, они обручили его съ своею дочерью. Смерть Петра разстроила свадьбу, но не разстроила долгоруковскихъ замысловъ. Долгорукіе задумали возвести на престолъ невѣсту покойнаго и, когда Петръ еще не умеръ, составили объ этомъ съ его подложною подписью завѣщаніе. Обстоятельства помѣшали имъ. Но если ни Меньшикову, ни Долгорукимъ, ни Бирону не удалось формально утвердить за собою власть, то фактически ею владѣли многіе временщики, тѣ же, напр., Меньшиковъ и Биронъ. Нерѣдко любимцы пользовались этой властью, даже не занимая никакой оффиціальной должности. Таковъ былъ, напр., Иванъ Шуваловъ, завѣдывавшій всѣми отраслями управленія; когда ему случалось заболѣть, то останавливались всѣ дѣла. Таковъ былъ еврей Липманъ, который при Биронѣ, можно сказать, управлялъ имперіей (Марк. Шетарди, Пекарскаго, 52). Временщики и фавориты, пользуясь своимъ всемогуществомъ, дѣлали что хотѣли. „Они, по выраженію Пушкина, не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностью пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отселѣ произошли сіи огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколиста все крало и все было продажно“. (Библ. Зап., 1859, 131).

Понятно, что за фаворъ должна была идти такая же ожесточенная борьба, какъ и за власть временщика, какъ и за должности. У каждаго фаворита или претендента на фаворъ была своя партія изъ родственниковъ и другихъ сторонниковъ, которые возвышались и падали вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ одинъ характеристическій эпизодъ изъ борьбы за фаворъ при

Елисаветѣ. Бестужевъ, желая устранить Шувалова и его партію, подыскалъ восемнадцатилѣтняго красавца Бекетова, доставилъ ему доступъ ко двору и средства на обзаведеніе самымъ роскошнымъ платьемъ. Бекетовъ обратилъ на себя вниманіе. Но шуваловская партія знала свое дѣло. Графъ Петръ Ивановичъ вкрался въ довѣренность юнаго Бекетова, выхвалялъ его красоту и для сохраненія всегдашней свѣжести лица далъ ему притиранье, отъ котораго вся физіономія Бекетова покрылась угрями и сыпью, и Бекетовъ былъ удаленъ, какъ человѣкъ зазорнаго поведенія. (XVIII Вѣкъ, II 474,481).

Временщики и любимцы представляли собою личную власть; но тотчасъ же по смерти Петра противъ этого начала возстаетъ олигархическій принципъ въ лицѣ Долгорукихъ, Голицыныхъ и другихъ боярскихъ фамилій. При Екатеринѣ управленіе государствомъ сосредоточивалось въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, но послѣднимъ командовалъ Меньшиковъ. Екатерина умираетъ. Члены верховнаго совѣта, сенатъ, синодъ, маіоры гвардіи и президенты коммиссій собираются для избранія преемника умирающей императрицѣ. Партія царевича Петра беретъ верхъ. Голштинскій посланникъ Бассевичъ составляетъ отъ имени Екатерины завѣщаніе, которое Меншиковъ даетъ вмѣсто императрицы подписать цесаревнѣ Елисаветѣ. Екатерина умираетъ; читаютъ завѣщаніе, подписанное *собственною ея величества рукою*; оказывается, что до совершеннолѣтія Петра власть передается верховному совѣту изъ девяти членовъ и что императору рекомендуется жениться на дочери Меньшикова. „Въ верховномъ совѣтѣ“— сказано въ завѣщаніи—„дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ“. Однакожъ Меньшиковъ, взявшій подъ свою деспотическую опеку одинадцатилѣтняго Петра, управлялъ по прежнему самовластно. Но скоро „погибе и прейде слава сего прегордаго Голіафа“, какъ выражается одинъ современникъ; Меньшиковъ палъ, и власть перешла къ семейству Долгорукихъ.

До сихъ поръ олигархическія притязанія сводились на личности и верховная власть тайнаго совѣта подчинялась вліянію временщиковъ или любимцевъ. Но со смертью Петра II олигархія является уже въ болѣе сильномъ и болѣе опредѣленномъ видѣ, чему она обязана, главнымъ образомъ, своимъ знакомствомъ съ аристократическими идеями и учрежденіями Запада, особенно Швеціи. Когда верховный совѣтъ, сенатъ, синодъ и генералитетъ рѣшили избрать въ императрицы герцогиню курляндскую Анну Ивановну, то было составлено нѣсколько проектовъ, которые всѣ клонились къ тому, чтобы соединить верховную власть въ рукахъ старыхъ боярскихъ фамилій, устранивъ отъ нея мелкое дворянство и всѣ другія сословія. Составлены были „пункты, чтобы не быть самодержавствію" и верховники предложили Аннѣ престолъ на слѣдующихъ условіяхъ:

„Чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ нетокмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя вѣры; такожде по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще обѣщаемся верховный тайный совѣтъ въ восьми персонахъ всегда содержать и безъ согласія онаго 1) ни съ кѣмъ войны не начинать, 2) миру не заключать; 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податьми не отягощать; 4) въ знатные чины выше полковничья ранга не жаловать, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣденіемъ верховнаго совѣта; 5) у шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ не производить; 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать; а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны россійской".

Эта олигархическая программа тайно была послана въ Митаву, и Анна подписала ее. Но сенатъ, синодъ, генералитетъ и мелкое дворянство было противъ верховниковъ. „Кто можетъ поручиться“ — говорила эта оппозиція — „что вмѣсто одного самодержца, мы не получимъ столько же тирановъ, сколько въ совѣтѣ членовъ, и что не очутимся во сто разъ тягчайшемъ рабствѣ отъ ихъ притѣсненій? Мы не имѣемъ твердыхъ законовъ, которыми былъ бы ограниченъ этотъ верховный совѣтъ; если верховники могутъ создавать законы, то могутъ также ежеминутно и нарушать ихъ, и Россія сдѣлается вертепомъ разбойниковъ“. Недовольство было сильно, и когда фельдмаршалъ Долгорукій хотѣлъ взять съ преображенской гвардіи присягу въ вѣрности императрицѣ и вмѣстѣ верховному совѣту, то гвардейцы объявили, что они переломаютъ ему ноги, если онъ будетъ настаивать на своемъ требованіи, и Долгорукій принужденъ былъ измѣнить форму присяги. Недовольные раздѣлялись на двѣ категоріи, изъ которыхъ одна разсчитывала по своимъ личнымъ видамъ на возстановленіе самодержавія. Къ этой партіи, между прочимъ, принадлежали Прокоповичъ и Ягужинскій. Ягужинскій сначала горячо стоялъ за ограниченіе власти; „батюшки“— говорилъ онъ верховникамъ — „прибавьте намъ какъ можно больше воли“. Но не попавъ въ члены совѣта, Ягужинскій тотчасъ перешелъ на сторону Анны и секретно написалъ ей въ Митаву, чтобы она не стѣснялась подписать хартію, что ей помогутъ уничтожить ее. Другая партія, самая многочисленная и самая опасная для верховниковъ, состояла изъ высшихъ чиновъ и дворянства. Но эта партія не имѣла единства. Одни требовали, чтобы число членовъ верховнаго совѣта увеличить до 15 человѣкъ, „а выбирать ихъ обществомъ генералитету военному и статскому и шляхетству“. Другіе настаивали, чтобы „учредить вышнее правительство изъ 21 персоны, и дабы оное множествомъ дѣлъ не отягчить, для отправленія прочихъ дѣлъ учредить сенатъ въ 11 персонахъ;

въ вышнее правительство, въ сенатъ, въ губернаторы и въ президенты коллегій кандидатовъ выбирать и баллотировать генералитету и шляхетству." Верховники принуждены были сдѣлать нѣсколько важныхъ уступокъ требованіямъ этой партіи. Они заявили, что при новыхъ порядкахъ „архіереи и іереи почтеніе имѣть будутъ. Въ сенатъ, коллегіи, канцеляріи и прочія управленія будутъ избираться члены изъ фамильныхъ людей и все шляхетство будетъ содержано какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ, въ надлежащемъ почтеніи и консидераціи, а особливо старыя и знатныя фамиліи будутъ имѣть преимущества, получать ранги и къ дѣламъ будутъ опредѣлены по ихъ достоинству. Шляхетство въ солдаты, матросы и прочіе подлые и нижніе чины неволею не опредѣлять. Людей боярскихъ и крестьянъ не допускать ни къ какимъ дѣламъ", а приказныхъ производить не иначе, какъ съ согласія общества, т. е. шляхетства же. Уничтожить конфискацію. „Къ купечеству имѣть призрѣніе и отвращать отъ него всякія обиды и въ податяхъ облегчать. Крестьянъ въ податяхъ сколько можно облегчать. Резиденцію правительства изъ Москвы въ другое мѣсто никуда не переносить". Послѣдній пунктъ объясняется тѣмъ, что большинство верховниковъ и ихъ партизановъ жило въ Москвѣ и для большаго успѣха реакціи, еще при Петрѣ II Петербургъ былъ оставленъ, такъ какъ въ Москвѣ бояре находили болѣе подходящую для своихъ затѣй почву.

Анна, прибывъ въ Москву, тотчасъ окружила себя преображенцами и кавалергардами. Народъ присягнулъ государынѣ и *отечеству*, подъ которымъ разумѣлся верховный совѣтъ. Верховники „о государынѣ такъ положили, что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее конечно вышлютъ назадъ въ Курляндію. Ей опредѣлили на годъ 100,000 р. и тѣмъ ей можно довольной быть, а сверхъ того, неповинна она брать себѣ ничего. А всего лучше положено, чтобъ ей при дворѣ своемъ свойствен-

никовъ своихъ не держать и другихъ ко двору никого не брать, развѣ кого ей позволитъ верховный совѣтъ". Да и монархическая-то власть оставлена лишь на первое время,— „только помазка по губамъ". Такъ писалъ одинъ изъ сторонниковъ переворота. Нѣкоторые дѣйствительно мечтали объ олигархической республикѣ! Верховники совершенно изолировали Анну отъ всякихъ сношеній съ ея приверженцами и „остро наблюдали" за нею. Но сношенія устроились черезъ жившихъ при Аннѣ женщинъ. 800 человѣкъ изъ сената, генералитета и дворянства явились къ Аннѣ съ просьбою уничтожить „пункты", составленные верховниками, и возстановить самодержавіе съ дарованіемъ вольностей, главныя основанія которыхъ приведены уже нами выше. Но гвардейцы и другіе сторонники Анны настаивали на полномъ самодержавіи. „Вооруженные солдаты и чиновное дворянство" — говоритъ Германъ—„доставили Аннѣ побѣду надъ гордою знатью. Императрица готова была на крайнія мѣры, и войскамъ уже розданы патроны, чтобы стрѣлять въ непокорныхъ". Состряпанная верховниками хартія торжественно разодрана, и Анна провозглашена самодержицею.

Въ сей день Августа наша свергла долгъ свой ложный,
Растерзавши хирографъ подложный,
И выняла скипетръ свой отъ гражданскаго ада,
И тѣмъ стала Россія весела и рада!

Такъ радовались съ Феофаномъ Прокоповичемъ пособники переворота. Верховники же были одержимы совершенно противоположными чувствами. „Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными", говорили они. Противъ нихъ начато гоненіе, и болѣе всѣхъ досталось Долгорукимъ. Какія цѣли преслѣдовались членами верховнаго совѣта, можно видѣть, напр., изъ того, что Алексѣй и Иванъ Долгорукіе совершенно обобрали сокровища дворца — драгоцѣнные камни, серебро, украшенія, деньги, мебель, экипажи, охотничьи принадлежности, даже церковную утварь!

(Русск. Арх., 1866 г., 1—17; Соловьевъ, XIX, 241—291, и др.).

Къ счастью Россіи, затѣянный верховниками олигархическій переворотъ не удался, но олигархическія тенденціи не умирали. Независимо отъ временщиковъ и фаворитовъ, власть принадлежала еще тому же верховному совѣту, названному кабинетомъ, въ составъ котораго вошли на первый разъ Головкинъ, Черкасскій и Остерманъ.

Само собою понятно, что при описанныхъ порядкахъ привилегіи дворянства должны были постепенно расширяться. Число крѣпостныхъ и помѣщиковъ безпрерывно возрастало. Каждый временщикъ, каждый любимецъ, каждый пособникъ переворота, каждый крупный чиновникъ—всѣ получали крестьянъ. У Меньшикова было 100,000 крестьянъ, у Долгорукихъ 80,000, Разумовскіе, Бироны, Шуваловы, Голицыны и многіе другіе также считали своихъ крестьянъ десятками тысячъ; Елисавета, вступивъ на престолъ, роздала около 14,000 крестьянъ однимъ только помогавшимъ ей гвардейцамъ. Потомственные дворяне и лица, дослужившіеся до оберъ-офицерскихъ ранговъ, получили право владѣть крестьянами, даже не имѣя собственной земли. Лицамъ другихъ сословій запрещено имѣть крестьянъ, но за то дозволено „покупать и на товары вымѣнивать“ инородцевъ. Кабальные люди вмѣстѣ съ своими дѣтьми окончательно превращены въ холоповъ. Существовавшее при Петрѣ право крѣпостныхъ людей избавляться отъ неволи добровольнымъ поступленіемъ въ военную службу, было отнято у нихъ; такихъ волонтеровъ жестоко били кнутомъ, батогами, плетьми, а послѣ наказанія однихъ ссылали въ каторгу навѣчно, другихъ возвращали помѣщикамъ. Боярскимъ людямъ, монастырскимъ слугамъ и крестьянамъ запрещено пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ; крестьяне лишены права владѣть фабриками, вступать въ подряды и откупа, обязы-

ваться векселями и поручительствомъ, а указомъ 1741 г., какъ настоящіе безличные рабы, они даже исключены изъ присяги на вѣрноподданство. Помѣщики получили право продавать своихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, также ссылать ихъ въ Сибирь съ зачетомъ отъ казны въ рекруты. При продажѣ людей законъ уже допускалъ продавать однихъ членовъ семейства отдѣльно отъ другихъ. Хворыхъ, старыхъ, вообще неспобныхъ людей помѣщикъ могъ отпускать на волю, т. е. прогонять отъ себя на всѣ четыре стороны. Подати, слѣдующія за проданныхъ, сосланныхъ и прогнанныхъ раскладывались на всѣхъ оставшихся крестьянъ. Взысканіе податей и недоимокъ, посредствомъ военныхъ командъ, сдѣлалось явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Произволъ помѣщика не зналъ границъ, и правительство не противодѣйствовало ему ни въ чемъ. Вся жизнь крестьянина до малѣйшихъ мелочей поставлена была въ зависимость отъ господина. Артемій Волынскій въ наказѣ управителю своихъ имѣній предписываетъ „по вся годы свидѣтельствовать бѣдныхъ мужиковъ, отчего онъ обѣднѣлъ, и ежели не отъ лѣности и не отъ пьянства, такихъ ссужать хлѣбомъ въ долгъ. Также, хотя которые отъ своего непотребства и лѣности обнищали, и тѣхъ ссужа однакожъ съ наказаніемъ, дабы впредь даромъ хлѣбъ неповадно было. Буде же и затѣмъ себѣ пользы не сдѣ то такихъ брать въ работу на мой дворъ и кормить нюю, невѣянымъ хлѣбомъ, и чтобъ онъ былъ въ неп работѣ.“ Татищевъ, передовой человѣкъ и одинъ и гуманныхъ помѣщиковъ того времени, въ своихъ идетъ еще дальше Волынскаго. Каждый крѣпост нинъ долженъ имѣть, по его мнѣнію, 2 лошад коровъ, 10 овецъ, 2 свиньи, 2 пары гусей, суду цѣнинную, блюда, тарелки, ножи, ви ложки, солонки, стаканы, скатерти и про вышеписаннаго въ домѣ своемъ имѣть не б отдавать другому въ батраки безъ платы,

будетъ платить всякую подать и [illegible] дворѣ лѣнивца, имѣть работникомъ.“ [illegible] лучалъ

Усиленіе крѣпостного права [illegible] инѣ съ порядковъ и смутъ. Въ 1729 г. [illegible] лось въ манифестъ о дарованіи разныхъ [illegible] вершенно которыхъ тогда превратили въ [illegible] и дѣлалъ мѣщики тамбовскаго и козловскаго [illegible] и Лестокъ крестьяне большими толпами [illegible] ихъ кабине- для принятія ихъ опредѣленъ [illegible] не давалъ или разныхъ мѣстахъ то и дѣло [illegible] равительствен- мѣщиковъ, для усмиренія [illegible] же о чисто пра- новники. [illegible] было и рѣчи; дѣ-

Хотя во все продолженіе [illegible] и флюгеръ русской рянство напрасно хлопотало [illegible] ы въ сторону. Вой- службы; хотя строгіе законы [illegible] Елисаветы къ Фри- тверждались новыми не [illegible] ся смерти вслѣдствіе и въ этомъ отношеніи [illegible] оваго императора Пе- льготы. Анна Іоановна [illegible] мъ сообщалъ королю всѣ бы дворянина: прослужить [illegible] русскихъ военныхъ дѣйствій ставку. Укрываться же и [illegible] татьею дохода для нашихъ эпоху было несравненно [illegible] тогда Курляндія. Выборы въ время вошло въ обыкнов[illegible] отъ Россіи, и разные канди- службу не только въ [illegible] ское правительство просьбами достигши совершенно[illegible] пражненному герцогскому стулу“, ку! Но полной, закон[illegible] ться въ то время. Въ числѣ этихъ дѣланья благородное [illegible] скіе временщики—Меньшиковъ, не-

Послабленіе дворян[illegible] нъ, сдѣлавшійся герцогомъ; но боль- лось прекращеніемъ [illegible] ринадлежало къ сословію второстепен- ной дѣятельности, [illegible] принцевъ, бродившихъ безъ дѣла по зователя и почти [illegible] теплыхъ мѣстечекъ. Послѣ ссылки Би- димъ рядъ перевор[illegible] разными интригами, склоненъ былъ въ ловъ, [illegible] „ко испраженному герцогскому стулу“, суд[illegible] Карла. Любопытны тѣ основанія, въ силу тог[illegible] читалъ себя въ правѣ владѣть Кур[illegible].

тѣдъ, что называется, ударить палецъ о палецъ, и этотъ отзывъ признается справедливымъ даже такими благонамѣренными историками, какъ г. Щебальскій. „Россія“ — пишетъ одинъ иностранный посланникъ—„похожа на корабль, кормчій и матросы котораго покоятся глубокимъ сномъ“. „Единственное, на что здѣсь обращено вниманіе“—доноситъ другой — „это очищеніе казначейства“. „Въ боярскихъ дворцахъ только и дѣлаютъ, что день и ночь веселятся на всѣ руки. Дѣлами совершенно не занимаются. Самые даровитые и важные люди бросаютъ ихъ“. „Я рискую прослыть за лгуна“, пишетъ въ 1726 г. одинъ посланникъ, „когда я опишу образъ жизни русскаго двора. Кто могъ бы подумать, что онъ цѣлыя ночи проводитъ въ ужасномъ пьянствѣ и расходится не раньше 5 или 7 часовъ утра. Болѣе о дѣлахъ не заботятся. Все страдаетъ и погибаетъ“. (Сборн. Русск. Ист. Общ., III, 439 и др.). При Петрѣ II это дошло до того, что иностранные посланники заявляли, что они будутъ ходатайствовать объ отозваніи ихъ изъ Россіи, въ которой имъ дѣлать рѣшительно нечего. Двадцатидвухлѣтняя правительница Анна Леопольдовна до того ненавидѣла всякую дѣятельность, что коль скоро ей начинали говорить о дѣлахъ, лицо ея принимало утомленно-разсѣянное выраженіе и искажалось зѣвотой. Лѣнь ея была такъ сильна, что она цѣлые дни проводила нечесанною. Также вяло шли дѣла во всей остальной Россіи. Вездѣ и во всемъ преобладали только одни узкоэгоистичные, самые мелкіе разсчеты. Посланники иностранныхъ державъ нерѣдко дѣйствовали у насъ какъ дома, вмѣшиваясь даже въ перевороты: маркизъ Шетарди, напримѣръ, помогалъ восшествію на престолъ Елисаветы. Россія потеряла политическое значеніе, пріобрѣтенное ею при Петрѣ, и ее не разъ впутывали въ такія войны и союзы, которые не приносили ей ничего, кромѣ вреда. Въ семилѣтнюю войну мы ввязались потому только, что Фридрихъ Великій обругалъ кой-кого... Иностранные дипломаты на перебой покупали

союзъ Россіи. При Екатеринѣ I всѣ вліятельные при дворѣ люди получали иностранныя пенсіи. Меньшиковъ получалъ отъ шведскаго правительства, готовившагося къ войнѣ съ Россіей, и сообщалъ ему все, что говорилось и дѣлалось въ верховномъ совѣтѣ. При Аннѣ „вѣнскій дворъ совершенно закупилъ русскій пенсіонами, подарками, титулами и дѣлалъ въ немъ, что хотѣлъ" (Де-Лиріа). При Елисаветѣ и Лестокъ и Бестужевъ состояли на жалованьѣ иностранныхъ кабинетовъ. Союзъ Россіи продавался тому, кто больше давалъ или кто лучше умѣлъ интриговать въ русскихъ правительственныхъ сферахъ. Нетолько о народныхъ, но даже о чисто правительственныхъ интересахъ при этомъ не было и рѣчи; дѣлами ворочали личныя выгоды и страсти, и флюгеръ русской политики постоянно вертѣлся изъ стороны въ сторону. Война, начатая вслѣдствіе личной вражды Елисаветы къ Фридриху, прекращается тотчасъ послѣ ея смерти вслѣдствіе раболѣпной преданности Фридриху новаго императора Петра III, который будучи наслѣдникомъ сообщалъ королю всѣ извѣстія и рѣшенія относительно русскихъ военныхъ дѣйствій противъ него... Немаловажною статьею дохода для нашихъ государственныхъ людей была тогда Курляндія. Выборы въ герцоги курляндскіе зависѣли отъ Россіи, и разные кандидаты постоянно осаждали русское правительство просьбами объ опредѣленіи ихъ „ко испраженному герцогскому стулу", какъ было принято выражаться въ то время. Въ числѣ этихъ кандидатовъ бывали и русскіе временщики—Меньшиковъ, неимѣвшій успѣха, и Биронъ, сдѣлавшійся герцогомъ; но большинство кандидатовъ принадлежало къ сословію второстепенныхъ иностранныхъ принцевъ, бродившихъ безъ дѣла по Европѣ и искавшихъ теплыхъ мѣстечекъ. Послѣ ссылки Бирона, русскій дворъ, разными интригами, склоненъ былъ въ пользу опредѣленія, „ко испраженному герцогскому стулу", саксонскаго принца Карла. Любопытны тѣ основанія, въ силу которыхъ принцъ считалъ себя въ правѣ владѣть Курляндіей.

изъ магистрата по двѣ персоны". Но и это своего рода законодательное собраніе оказалось на дѣлѣ совершенно негоднымъ; всѣ предварительныя работы были взвалены на оберъ-секретарей, которые должны были окончить въ 1726 г. подъ страхомъ лишенія жалованья. И оберъ-секретари не могли ничего подѣлать! Остерманъ предложилъ поручить составленіе законовъ профессору Врангиштейну, мужу „науки высокой". Верховный совѣтъ принялъ это предложеніе къ свѣдѣнію. Верховный тайный совѣтъ, правившій государствомъ отъ имени Петра II, понялъ невозможность составить уложеніе посредствомъ комитета изъ чиновниковъ и учредилъ законодательную комиссію изъ выборныхъ. Онъ предписалъ выслать въ Москву, безъ всякаго отлагательства, къ 1 сентября 1728 г. „за выборомъ отъ шляхетства изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ". Наступилъ сентябрь, но изъ „добрыхъ и знающихъ людей" въ Москву явилась самая незначительная часть. Выбранные депутаты отбивались отъ поѣздки въ Москву руками и ногами, сознавая свою положительную неспособность къ законодательному дѣлу и, по тогдашнему дворянскому обыкновенію, боясь всякой службы, сенатъ настаивалъ на высылкѣ депутатовъ, а воеводы и губернскія канцеляріи доносили сенату, что сдѣлать это не такъ легко, какъ ему кажется. За новгородскимъ депутатомъ Скобельцынымъ три раза посылали въ уѣздъ солдатъ, но Скобельцынъ все-таки не ѣхалъ въ Новгородъ. Тогда послали за нимъ въ четвертый разъ солдатъ съ подъячимъ, приказавъ, въ случаѣ его укрывательства, взять его жену и привести въ Новгородъ подъ карауломъ, а если и она укроется, то „движимое и недвижимое имѣніе ихъ взять на государя". Скобельцынъ струсилъ, сдался и подъ конвоемъ отправленъ въ Москву сочинять законы. Псковскій депутатъ, Ушаковъ, бѣжалъ, многіе другіе скрывались, но ихъ ловили и высылали за карауломъ. За это укрывательство отдувались

ихъ крестьяне и дворовые люди, которыхъ велѣно держать подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока ихъ господа не явятся въ сенатъ. До какой степени простиралось въ провинціи непониманіе дѣла, для котораго велѣно было выбирать и посылать въ Москву депутатовъ, видно уже изъ одного того обстоятельства, что воеводы дѣлали выборнымъ „смотръ", словно рекрутамъ, и забраковывали *глухихъ*, *хромыхъ*, *старыхъ* и *дряхлыхъ*, считая ихъ „къ предположенному дѣлу неспособными". Втеченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1728 и первыхъ 1729 г. кое-какъ успѣли притащить въ Москву всѣхъ депутатовъ, но уже въ маѣ ихъ велѣно распустить по домамъ, такъ какъ всѣ они оказались къ употребленію негодными. И выборное начало не вывезло! Но, можетъ быть, это избиратели намѣренно вредили, пославъ въ законодательную комиссію, что ни на есть глупыхъ и невѣжественныхъ дворянъ; думали руководители дѣла, нехотѣвшіе вѣрить, чтобы въ Россіи вовсе не было свѣдущихъ и умныхъ людей, годныхъ для составленія законовъ. Предписано выбрать другихъ депутатовъ, „знатныхъ и добрыхъ", по два человѣка изъ губерніи; но выборы ихъ предоставлены уже не дворянству, а губернаторамъ. Губернаторы никого не прислали! Въ царствованіе императрицы Анны снова повелѣвается „начатое Уложеніе немедленно окончить и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ людей, выбравъ изъ шляхетства, духовныхъ и купечества". Осенью 1730 г., выборные съѣхались, но уже въ концѣ того же года ихъ отпустили во свояси, увидѣвъ, что никакого толку отъ нихъ не добьешься. Въ чиновничью законодательную комиссію прибавили новыхъ членовъ для *окончанія* уложенія, которое и „оканчивалось" впродолженіи тридцати шести лѣтъ, вплоть до извѣстной екатерининской комиссіи, но не только не кончено, а, кажется, не было даже и начато. Временщики, заправлявшіе дѣлами, боярскія партіи, боровшіяся одна съ другою и тормозившія общій ходъ дѣлъ, иностранные посланники, посредствомъ денегъ нерѣдко пріобрѣтавшіе вліяніе въ

пискѣ „объ управленіи имперіей“ Абрамовъ настаивалъ не только возстановить патріаршество, но даже чтобы правительство „во всемъ съ патріархомъ сносилось и о лучшей пользѣ промышляло, чтобъ духовенство въ древнее ввесть благочестіе и доброе состояніе. И всѣ гражданскіе уставы и указы съ нимъ разсмотрѣть прилежно, согласны ли они съ закономъ божіимъ и церковными уставами и съ преданіями церковными; и буде которые несогласны, тѣ бы отставить, а впредь узаконить въ согласіи божьяго закона и церковнаго разума“. Но для малочисленныхъ духовныхъ новаго образца и особенно для умнѣйшаго изъ нихъ Феофана Прокоповича, борьба противъ клерикаловъ была вопросомъ жизни или смерти, а въ самодержавіи они имѣли сильнаго союзника, который только въ самой крайности могъ согласиться на возстановленіе патріаршества. И вотъ Феофанъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства,—интригу, доносъ, пытки, кнуты, ссылку — чтобы погубить противниковъ. Клерикалы присмирѣли тѣмъ болѣе, что скоро началась бироновщина.

Но если духовенству не удалось возстановить патріарха, то удалось освободиться отъ многихъ петровскихъ стѣсненій, реставрировать обязательное благочестіе въ древнерусскомъ духѣ, возстановить свой прежній авторитетъ. Проклиная иностранцевъ, противодѣйствуя успѣхамъ насажденнаго Петромъ „лжеименнаго разума“, реакціонное духовенство успѣло даже дворцовую жизнь повернуть на старомосковскій ладъ. Особенною силою пользовалось духовенство при Елисаветѣ, воцареніе которой сопровождалось шумными демонстраціями проповѣдниковъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ, напр., что Россія была нивою, на которой появились многіе плевелы—„порожденія ехиднины, изгрызающія утробу матери своей, Россіи; чужестранцы, пришлецы, Петромъ насѣянные въ Россіи, правовѣрія ругатели“, „эмиссары дьявольскіе“, „человѣкоядныя птицы, кумиры златые, которымъ приносили жертвы, какъ болванамъ“. „Въ ихъ желѣзное время неправда царствовала,

а правда за карауломъ сидѣла“. Они не молились ни богородицѣ, ни св. угодникамъ, знаменіемъ креста гнушались, въ св. посты жрали мясо, существованію геены не вѣрили, православіе совсѣмъ искоренить хотѣли. Неправосудіе, казнокрадство, взяточничество,—все это приписывалось этимъ еретикамъ, въ особенности же „евнуху, еретику хитроказненному, окаянному Симону Волхову, хромому и душею, и совѣстію и ногами“ Остерману, который былъ нетолько несравненно умнѣе, но даже и честнѣе всѣхъ природныхъ русскихъ дѣятелей того времени. Суевѣрная и нисколько необразованная Елисавета оправдала возлагавшіяся на нее надежды. Екатерина II разсказываетъ, что „Елисавета была окружена богомольцами и ханжами, и при ней необходимо было быть тѣмъ или другимъ, чтобы хоть сколько нибудь стоять на виду“. Даже канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, чтобы замаскировать передъ государыней свой либерализмъ относительно постовъ, долженъ былъ купить у константинопольскаго патріарха „разрѣшительную на мясоястіе грамоту, по причинѣ всегдашней болѣзни и неусыпности“. Бестужевъ же, сдѣлавшись лучшимъ другомъ Алексѣя Разумовскаго и желая, упрочить чрезъ него свое вліяніе при дворѣ, дѣйствовалъ посредствомъ духовныхъ на совѣсть государыни. Алексѣй Разумовскій честнѣйшій изъ временщиковъ XVIII в., по справедливому замѣчанію г. Васильчикова, служилъ однакожъ орудіемъ для лицъ, прикрывавшихъ подъ рясой благочестія свои реакціонныя стремленія, цѣлью которыхъ было не преуспѣяніе вѣры, а достиженіе личныхъ выгодъ и личнаго вліянія на дѣла“. Онъ по свидѣтельству князя Шаховскаго, „св. синода членами особливо благословенъ былъ и неотрицательно по ихъ домогательствамъ всевозможныя у Ея Величества предстательства и заступленія употреблялъ, а духовенство въ свою очередь оказало ему важную услугу, убѣдивъ Елисавету обвѣнчаться съ нимъ“.

Подъ вліяніемъ духовенства, при Елисаветѣ учреждено множество миссій въ казанскомъ краѣ, въ Сибири, Камчаткѣ,

на Кавказѣ. Но дѣло распространенія христіанства было запятнано дѣйствіями миссіонеровъ, которые, за немногими исключеніями, преслѣдовали только свои личныя цѣли. Возмутительные подвиги казанской „новокрещенской конторы" описаны нѣсколько лѣтъ назадъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ", а миссіонерскую дѣятельность въ Сибири обрисовываетъ въ немногихъ словахъ князь Щербатовъ, говоря, что „инородцы на безчеловѣчіе и мздоимство поповъ своихъ жалуются, кои только грабить и мучить ихъ пріѣзжаютъ". Подобнымъ же характеромъ отличались и отношенія къ раскольникамъ, какъ это засвидѣтельствовано даже указомъ тогдашняго правительства. Еще Петръ I поддался реакціонному давленію и началъ преслѣдовать раскольниковъ, которыхъ при немъ и жгли и казнили и ссылали въ каторгу впредь до обращенія. Но Петръ преслѣдовалъ ихъ изъ политическихъ, а не изъ религіозныхъ видовъ. Петръ всегда былъ вѣротерпимцемъ, а въ слѣдовавшую за нимъ эпоху реакціи иновѣрцевъ начали преслѣдовать уже исключительно за ихъ религіозное разномысліе и, случалось, сожигали людей за совращеніе и отступленіе отъ православія. Вопросъ о допущеніи евреевъ въ Россію рѣшенъ отрицательно.

„Отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли", писала по этому поводу Елисавета. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ врачей XVIII в., д-ръ Санхецъ за свое жидовство былъ устраненъ изъ академіи наукъ и изгнанъ изъ Россіи. (Р. Арх., 1670, 281).

Страхъ и запугиванье всегда были орудіями реакціи; у насъ въ Россіи эта система также извѣстна съ древности и съ успѣхомъ употреблялась въ послѣ-петровскую эпоху. Клерикалы и пустосвяты по прежнему старались основать свое вліяніе „на запугиваньи совѣсти дѣтскими страшилищами", какъ выражался о нихъ Иванъ Грозный. Временщики, фавориты, разные крупные чиновники также старались каждый создать, какъ можно болѣе воображаемыхъ напастей, угрожа-

ющихъ правительству и, выставивъ себя спасителями его, сдѣлаться для него необходимыми, и затѣмъ погубить всѣхъ своихъ враговъ подъ предлогомъ измѣны. Артемій Волынскій въ своей запискѣ, поданной Аннѣ, говоритъ, что всѣ подобные „безсовѣстные льстецы и безполезные отечеству своему тунеядцы“ о томъ только и стараются, „чтобы приводить государей въ сомнѣніе, чтобы никому вѣрить не изволили, а всѣ бы подозрѣніемъ огорчены были; дѣла, которыя за самую бездѣлицу почитать можно, они стараются какъ наибольше расширять и всякія изъ того приключенія толковать, а ничего прямо не изъяснять, и персону свою печальными и ужасными минами показывать, дабы государю тѣмъ больше безпокойства и сомнѣнія придать, а потомъ себя къ поправленію того дѣла рекомендовать и у государя въ кредитъ наибольшій себя привести“. Такъ шли дѣла и при Екатеринѣ I, и при Петрѣ II, и при Аннѣ, и при регентахъ и и при Елисаветѣ. Такъ дѣйствовалъ при Аннѣ, напр., Феофанъ Прокоповичъ. Пугая государыню бунтами и революціями, онъ истреблялъ своихъ враговъ и держалъ въ страхѣ всѣхъ министровъ. Подобную же роль игралъ при Елисаветѣ Шуваловъ. „Безпрестанные недуги ослабили нервы императрицы. Этимъ ловко воспользовался Шуваловъ; онъ старался еще болѣе усилить боязнь государыни, увѣрялъ ее, что она окружена тайными недоброжелателями, готовыми на всякое преступленіе, и наконецъ ему удалось вполнѣ убѣдить императрицу въ томъ, что одинъ онъ въ состояніи оградить ее отъ дѣйствія скрытыхъ враговъ“. (XVII вѣкъ, III. 515).

Въ эту бурную эпоху переворотовъ не мало было дѣйствительныхъ заговоровъ, нагонявшихъ страхъ; но этотъ страхъ усиливали еще искуственно, создавая небывалыя преступленія и, пользуясь ими для усиленія терроризаціи или для погубленія своихъ враговъ. Такъ погубили напр., Волынскаго, казненнаго въ 1740 г., который при всѣхъ своихъ порокахъ и злоупотребленіяхъ былъ не только не хуже всѣхъ своихъ вра-

говъ, но даже неизмѣримо выше ихъ своимъ умомъ и образованіемъ. Волынскій обвиненъ въ небываломъ заговорѣ, и въ вину ему поставлено, между прочимъ, имѣніе у себя книгъ Юста Липсія и Макіавели. Дѣло это такъ возмутительно, что подало Екатеринѣ II поводъ къ слѣдующему завѣщанію. „Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю въ обязанность читать сіе Волынскаго дѣло, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра". Но такихъ „беззаконныхъ примѣровъ" въ то смутное время избѣжать было множество. По всей Россіи гремѣло страшное „слово и дѣло", промыселъ доноса развился до ужасныхъ размѣровъ, каждая мелочь выставлялась или государственнымъ преступленіемъ или доказательствомъ какой-то таинственной, всеобъемлющей интриги. Этимъ проискамъ и замысламъ враговъ приписывались даже столь обычные въ Россіи пожары, которые всегда служили въ рукахъ безчестныхъ пройдохъ отличнымъ орудіемъ для терроризаціи и направленія толпы на извѣстный путь. При Иванѣ Грозномъ, напримѣръ, послѣ пожаровъ 1547 г., бояре внушили царю и черни, что Москву сожгли чародѣйствомъ Глинскіе,—и Глинскіе погибли. Ужасные пожары при Аннѣ Ивановнѣ, опустошавшіе Москву, Петербургъ, Выборгъ, Ярославль приписывались тайнымъ агентамъ мнимаго революціонера Артемія Волынскаго. Тогдашніе сплетники, — эти прародители нѣкоторыхъ нынѣшнихъ публицистовъ,—объясняли пожары даже болѣе нелѣпыми причинами, относили ихъ къ проискамъ *„турецкой интриги"* (Рус. Арх., 1866, стр. 1369). Практика тайной канцеляріи, ея провинціальныхъ агентовъ и волонтеровъ-доносчиковъ возрастала съ каждымъ днемъ. Пьяную болтовню мужика въ кабакѣ, разглагольствія монаха съ какой нибудь старой бабой, обыкновенное частное письмо—все дѣлали государственнымъ преступленіемъ. Даже полуграмотные писцы и рукоприкладчики за неумышленныя описки въ императорскомъ титулѣ вплоть до царствованія Елисаветы отсылались для слѣдствія

въ тайную канцелярію!.. Однажды, въ деревнѣ Прапорщиковой, западной Сибири, крестьянка Иванова, укоряя ссыльную дѣвку Петрову за промыселъ развратомъ, сказала ей: „у васъ, у ссыльныхъ, деньги дешевы — вы монетой и г... подтираете". Петрова объявила на Иванову *слово и дѣло*, и началось политическое слѣдствіе объ оскорбленіи монеты! Доносы развились гораздо сильнѣе, чѣмъ при Петрѣ, „и поелику ремесло сіе"—говоритъ Минихъ—„отверзало путь какъ въ милости, такъ и къ богатымъ наградамъ, то многія знатныя и высокихъ чиновъ особы не стыдились служить къ тому орудіемъ". (Марк. Шетарди, Пекарскаго, 290). „Здѣсь"—пишетъ французскій посланникъ—„невозможно имѣть, какъ въ другихъ мѣстахъ, частную переписку. Видятъ даже глубину души, подсматриваютъ за дѣйствіями каждаго, распечатываютъ всѣ письма, и ничтожная новость рождаетъ сильныя подозрѣнія. Шпіоны, которыхъ держатъ въ кабакахъ, хватаютъ и уводятъ въ тюрьму всѣхъ, кто, забывшись или въ опьяненіи, осмѣлится произнесть хоть малѣйшій намекъ". (Ibid. 289, 148). За арестомъ же въ большинствѣ случаевъ слѣдовала пытка, за пыткою признаніе, за признаніемъ казнь, кнутъ, вырѣзываніе ноздрей, вырѣзыванье языка, пожизненное заключеніе въ тюрьмѣ или ссылка, жестокая ссылка, часто безъ суда, по одному только ордеру какого нибудь Меньшикова или Бирона.

Положеніе политическихъ ссыльныхъ было ужасное. Вотъ что пишетъ, напр., приставъ, карауливщій графа де-Санти, сосланнаго въ устьвилюйское зимовье на пустынномъ сѣверѣ якутской области. „Живемъ мы,—онъ, Сантій, я и караульные солдаты въ самомъ пустынномъ краю, а жилья и строенія никакого тамъ нѣтъ, кромѣ одной холодной юрты, да и та ветхая. А находимся съ нимъ, Сантіемъ, во всеконечной нуждѣ, печки у насъ нѣтъ, и въ зимнее холодное время еле-еле остаемся живы. Отъ жестокаго холода хлѣбовъ негдѣ напечь, а безъ печенаго хлѣба претерпѣваемъ великій голодъ,

и кормимъ мы Сантія и сами ѣдимъ болтушку, разводимъ муки на водѣ, отчего всѣ солдаты больны. А колодникъ Сантій весьма дряхлъ и всегда въ болѣзни находится, такъ что съ мѣста не встаетъ и ходить не можетъ". Обращеніе съ политическими ссыльными было самое жестокое; Долгорукіе, напр., получили въ Березовѣ 15 розогъ за игру въ горохъ. За простое сочувствіе къ политическимъ опальнымъ, за самыя невинныя сношенія съ ними людей драли кнутомъ, вырывали ноздри, ссылали. Когда Ивашкинъ, перенесшій въ Сибири ужасныя мученія за нѣсколько пьяныхъ словъ объ Елисаветѣ, во время пересылки въ Сибирь заболѣлъ такъ, что сопровождавшій сержантъ рапортовалъ о невозможности везти его дальше Иркутска, то врачъ Ваксманъ не рѣшился помочь ему, хотя и нашелъ, что онъ весь распухъ отъ внутренней болѣзни и имѣетъ отъ кандаловъ язвы на рукахъ и на ногахъ. Множество опальниковъ умирало въ ссылкѣ, многихъ, отправленныхъ подъ вымышленными именами или просто безъ именъ, какъ водилось тогда, при амнистіи Екатерины II никакъ не могли отыскать, многіе погибали нравственно. Сколько народа, сколько силъ и дарованій погублено такимъ образомъ! Вѣдь по словамъ „Тобольскаго Лѣтописца", втеченіи десяти лѣтъ по ноябрь 1740 г. въ одну только Сибирь и одныхъ только дворянъ и чиновниковъ сослано 20,000 человѣкъ... Страхъ царилъ надъ умами правителей до такой степени, что даже трупъ политическаго преступника казался подозрительнымъ. Сосланный при Екатеринѣ I Феодосій Яновскій, заключенный пожизненно и неисходно въ одной изъ тюремъ архангельской губерніи, умеръ черезъ семь мѣсяцевъ послѣ того, какъ его запечатали въ тюремной кельѣ. Его похоронили; но тайная канцелярія велѣла, вырывъ трупъ изъ земли, „учинить анатомію, изъ Федосова тѣла внутренности вынуть, а если искусныхъ людей не обрѣтается (въ Архангельскѣ), то положа тѣло въ гробъ, засмолить и отправить въ Петербургъ на почтовыхъ подъ конвоемъ, съ подтвержденіемъ,

якобы ѣдутъ съ нѣкоторыми вещами". Трупъ отправленъ, но около Каргополя его встрѣтилъ кабинетскій курьеръ и осмотрѣвъ—„не явится ли на томъ тѣлѣ какихъ язвъ, чего не явилось"—похоронилъ его.

При Петрѣ были такія же гоненія, доносы, казни, ссылки, но это сводилось тогда къ великой идеѣ реформы; въ послѣпетровскую же эпоху терроризація была только средствомъ борьбы за добычу и результатомъ страха, который всецѣло господствуетъ надъ умами при такихъ порядкахъ.

Великое дѣло народнаго образованія, начатое Петромъ, не могло въ эту эпоху идти по тому же направленію, какое далъ ему реформаторъ. „Цѣль русскаго двора" — писалъ въ 1738 г. французскій агентъ — „бросать пыль въ глаза цѣлой Европѣ. Цѣль двора достигнута, если въ Европѣ говорятъ, что Россія багата". Съ этой-то цѣлью основываютъ и содержатъ заведенія математическія и астрономическія, „совершенно пренебрегая народными школами, находящимися въ упадкѣ". (Марк. Шетарди, 21). Но и основанныхъ въ этотъ періодъ времени академіи наукъ и московскомъ университетѣ дѣла шли плохо. „Весь плодъ, какой эта академія принесла въ 28 лѣтъ"—пишетъ Манштейнъ — „состоитъ только въ томъ, что русскіе имѣютъ календарь по петербургскому полуденнику, могутъ читать на своемъ языкѣ вѣдомости и нѣсколько пріобщниковъ академіи сдѣлались довольно искусными въ математикѣ и философіи, чтобы заслужить жалованье отъ 600 до 800 р. Что же касается русскихъ, то очень мало еще находится столь ученыхъ, чтобы могли заступить профессорскія мѣста". Усилившаяся въ это время непріязнь къ иностранцамъ какъ нельзя болѣе вредила успѣхамъ академіи, положивъ начало почти столѣтней борьбѣ русскихъ академиковъ съ нѣмецкими. „Почти всѣ ученные тамъ люди" — писалъ Волчковъ — „наиболѣе упражняются въ безпрестанныхъ ссорахъ и враждахъ за мнимое свое преимущество въ наукахъ". Русскіе ученики успѣвали крайне плохо; въ этомъ видѣли

„нѣмецкую интригу“, и академикъ Шумахеръ попалъ подъ слѣдствіе за то, между прочимъ, что въ 18 лѣтъ не сдѣлалъ ни одного профессора изъ русскихъ, а „выбранныхъ по указу изъ московскихъ училищъ учениковъ, что ни лучшихъ и остроумныхъ богослововъ и философовъ, порицалъ негодными и непонятными“; что онъ „установленіе блаженныя и вѣчно достойныя памяти г. и. Петра В. испровергъ и тщался злоумышленно науки искоренить и супостатамъ отечества россійскаго, нѣмцамъ, всѣ академическія тайны сообщалъ“ (Чтенія, 1860, III, 60 и др.). Отстаивая такъ ревностно народный элементъ въ академіи, объ образованіи народа не только не заботились, но даже преднамѣренно препятствовали ему. Въ утвержденномъ проектѣ объ учрежденіи московскаго университета было постановлено, что „крѣпостныхъ людей нельзя принимать ни въ университетъ, ни въ гимназію, потому что науки почитаются благородными занятіями и не терпятъ принужденія; для различія дворянъ отъ разночинцевъ предписано учиться имъ въ разныхъ гимназіяхъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1865, X, прилож., 57). Въ проектѣ объ учрежденіи батуринскаго университета высказалась та же сословная тенденція. „Понеже науки по справедливости между благороднѣйшими упражненіями считаются и не терпятъ никакого принужденія, того ради, какъ въ семинарію при университетѣ, такъ и въ университетъ не принимать никакихъ крѣпостныхъ людей“.

Между тѣмъ, тупая ненависть гасильниковъ къ дѣлу разума получила силу, какой она не имѣла и не могла имѣть при Петрѣ. Гнусный промыселъ литературныхъ доносовъ началъ развиваться больше и больше, и благодаря ему, тогдашняя литературная полемика иногда оканчивалась въ застѣнкахъ тайной канцеляріи. Такъ, напр., Абрамовъ доносилъ на переводчиковъ сочиненій Гюйгенса и Фонтенеля. „Изъ гюйгенсовой и фонтенелевой печатныхъ книжищъ сатанинское коварство явно суть видимо. Въ нихъ же о сотвореніи міра напечатано: мірозрѣніе или мнѣніе о небесно-земныхъ гло-

бусахъ и украшеніяхъ ихъ, которыхъ множественное число быти описуетъ, называя странными древнихъ языческихъ лжйвыхъ боговъ именами. Землю же, съ Коперникомъ, около солнца обращающуюся и звѣзды многія толькими же солнцами быти и особыя многія луны во многихъ глобусахъ быти утверждаютъ. И на оныхъ небесныхъ свѣтилахъ и во всѣхъ множественныхъ описанныхъ отъ оныхъ глобусахъ таковымъ же землямъ, якоже и наша, быти научаютъ; и обитателей на всѣхъ тѣхъ земляхъ, якоже и на нашей землѣ, быти утверждаютъ; и поля, и луга, и пажити, и лѣса, и горы, и гады, и всякое земледѣліе, и рукодѣліе, и музыка, и дѣтородные уды, и рожденіе и все прочее, яже на нашей землѣ, тамо быти доводятъ. И тако на каждыхъ глобусныхъ земляхъ собственныя вездѣ солнцы и луны быти утверждаютъ и множественное ихъ число исчисляютъ, и на нихъ земли съ жители, звѣри, и гады, и пажити такожде, яко и на нашей землѣ, все быти научаютъ. И между тѣмъ всѣмъ о натурѣ вспоминаютъ: якобы натура всякое благодѣяніе и дарованіе жителямъ и всей твари даетъ; и тако вкрадчися, хитрятъ вездѣ прославить и утвердить натуру, еже есть жизнь самобытную. О единой бо звѣздѣ книжищи авторъ написалъ еще: егда 25.000 лѣтъ пройдетъ, паки полярная звѣзда на тое же мѣсто пріидетъ, идѣ же нынѣ стоитъ. И прочая басенные, атеистическіе доводы, мнѣнія, доказанія явно во оныхъ книжищахъ разсѣваютъ, и самихъ ихъ (т. е. авторовъ) въ почтенныхъ достоинствахъ и во властѣхъ быти попускаютъ. Прилично заградить ихъ нечестивыя уста“ (Пекарскій, наука и литер. при П. В., I, 511). Вся почтенная дѣятельность извѣстнаго историка, академика и отца русской журналистики, Миллера, сопровождалась подобными доносами. Тредьяковскій, напр., доносилъ на него за напечатаніе оды, въ которой этотъ бездарный піита „по ревности и вѣрѣ своей къ истинному слову божію, въ священномъ писаніи вѣщающему, покорно донося“, указывая ложь на псаломника и богопро-

тивность, состоящія въ томъ, что авторъ разсуждалъ о множествѣ міровъ и безконечности вселенной. Крекшинъ обвинялъ Миллера въ государственномъ преступленіи за то, что въ одной изъ своихъ рукописей онъ сдѣлалъ много выписокъ, оскорбительныхъ для русскихъ царей и императоровъ. Ломоносовъ и другіе академики долго привязывались къ нему за то, что въ своей сибирской исторіи онъ упомянулъ о разбойничествахъ завоевателей Сибири. Его преслѣдовали за то, что въ своей рѣчи о происхожденіи русскаго народа „онъ ни одного случая не показалъ къ славѣ россійскаго народа, но только упомянулъ о томъ больше, что къ безславію служить можетъ. А напослѣдокъ, удивленія достойно, употребилъ экспрессію, что скандинавы побѣдоноснымъ своимъ оружіемъ благополучно себѣ Россію покорили“. Вслѣдствіе подобныхъ обвиненій, Миллера тѣснили, оскорбляли, обыскивали, даже подвергали домашнему аресту (Пекарскій, Ист. Акад. Наукъ, I, 343, 347, 360). Не менѣе страдалъ отъ доносовъ и другой знаменитый дѣятель того времени, Ломоносовъ. Его гимнъ бородѣ, напр., поднялъ противъ него цѣлую бурю, хотя въ этомъ гимнѣ, мѣтившемъ преимущественно на раскольниковъ, не было ничего особенно возмутительнаго и самые рѣзкіе стихи были слѣдующіе:

Борода предорогая
Жаль, что ты не крещена,
И что тѣла часть срамна
Тѣмъ тебѣ предпочтена....
Дураки, врали, пролазы
Были бъ безъ нея безглазы;
Имъ въ глаза плевалъ бы всякъ,—
Ею цѣлъ и здравъ ихъ зракъ!...
Мать дородства и умовъ,
Мать достатка и чиновъ,
Корень дѣйствій невозможныхъ,
О, завѣса мнѣній ложныхъ!...

Тредьяковскій доносилъ, что авторъ гимна „явилъ безбожное свое намѣреніе и желаніе, чтобъ обругать христіанское

ученіе и таинства вѣрѣ нашея“; что „сей безбожный сумасбродъ, пьяница, негодный ярыга, ходя по разнымъ домамъ и компаніямъ, въ разговоры употребляетъ всякія насмѣшки и ругательства благочестивому закону нашему, презираетъ уставы онаго, и все то ни во что вмѣняетъ, что добрые люди, родившіеся въ христіанствѣ, за святое и спасительное почитаютъ; онъ безъ разбору на весь духовный чинъ вездѣ, какъ песъ, лаетъ“. На Ломоносова посыпалось столько самыхъ безсовѣстныхъ обвиненій, самыхъ наглыхъ ругательствъ, поднялось столько голосовъ, требовавшихъ наказанія этого „преступника“, что даже Сумароковъ, несмотря на свое соперничество съ нимъ, счелъ долгомъ вступиться за него.

«Пронесся слухъ, хотятъ кого-то будто сжечь;
Но время то прошло, чтобъ наше мясо печь.
Безбожника сего всемѣстно проклинаютъ,
И беззаконіе его всѣ люди знаютъ:
Неизрѣченный вредъ закону и бѣда—
Обругана совсѣмъ честная борода!...

Такъ писалъ Сумароковъ, потѣшаясь надъ ужаснымъ переполохомъ, поднятымъ Ломоносовскимъ гимномъ. Переполохъ и негодованіе на автора были дотого сильны, что синодъ взошелъ къ императрицѣ съ особымъ докладомъ по этому поводу. „Въ недавнемъ времени“ — говоритъ докладъ— „проявились въ народѣ пашквильные стихи, подписанные *гимнъ бородѣ*, въ которыхъ недовольно того, что тотъ пашквилянтъ, подъ видомъ, якобы на раскольниковъ, крайне скверныя и совѣсти и честности христіанской противныя ругательства, генерально на всѣхъ персонъ, какъ прежде имѣвшихъ, такъ и нынѣ имѣющихъ бороды, написалъ, но и тайну св. крещенія богопротивно обругалъ и чрезъ названіе бороды ложныхъ мнѣній завѣсою, всѣхъ святыхъ отецъ ученія и преданія еретически похулилъ.... Того ради, синодъ всенижайше проситъ, чтобъ В. И. В., яко Богомъ данная и истинная церкви и вѣры святой и духовному чину защитница,

всемилостивѣйше указать соизволили, таковые соблазнительные и ругательные пашквили истребить и публично сжечь и впредь то чинить запретить, а означеннаго Ломоносова, для надлежащаго увѣщанія и исправленія, въ синодъ отослать“ (Библіогр. Записки, 1859 г., 463—475; Чтенія, 1865, I, 60). Ломоносовъ, впрочемъ, избавился отъ такой бѣды... Литературныя ищейки зорко слѣдили не только за малочисленными произведеніями русской младенческой литературы, но и за всѣмъ, что печаталось о Россіи заграницей. Появится только въ Европѣ какая нибудь книжка о Россіи, чуждая раболѣпной оффиціозности,—тотчасъ нашимъ посланникамъ предписывается стараться о томъ, „чтобы оное бездѣльное изданіе, яко предосудительный пасквильный либель, нетолько опровержено и конфисковано было, но и онаго авторъ за таковую его безстыдную и злостную продерзость чувствительно и жестоко наказанъ былъ“ (Библ. Зап., 1859. 550). Въ 1757 г. синодъ доносилъ императрицѣ, что въ сочиненіяхъ, издаваемыхъ академіей „нетокмо многочестнымъ нравамъ и житію христіанскому, но и вѣрѣ святой противнаго имѣется, особенно нѣкоторые переводы и сочиненія находятся, многія, а индѣ и безчисленныя мѣры быти утверждающія, что и св. писанію и вѣрѣ христіанской крайне противно есть и многимъ неутвержденнымъ причину къ натурализму и безбожію подаетъ. Того ради, всеподданнѣйше о семъ донося, подаемъ къ стопамъ В. И. В., запретить и вездѣ въ имперіи публиковать, дабы никто отнюдь ничего писать и печатать, какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ св. противномъ и съ честными нравами несогласномъ, подъ жесточайшимъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался“ (Чтенія, 1867, I, 7). Подобные ходатайства и доносы литературныхъ сыщиковъ имѣли полный успѣхъ. Многія книги, изданныя при Петрѣ, отбирались и сожигались. При Аннѣ Ивановнѣ старались изъять изъ обращенія по всей имперіи. „Введеніе въ Исторію Европейскихъ Государствъ“ Пуффендорфа.

При той же Аннѣ Волынскому поставлено въ вину имѣніе у себя сочиненій Юста Липсія и Макіавелли. Въ 1737 г. библіотека кн. Голицына, судившагося между прочимъ за „богомерзкое“ мнѣніе, что „совѣсть надлежитъ до одного суда божія, а не до человѣческаго“, — библіотека, состоявшая изъ 6.000 иностранныхъ и русскихъ книгъ, была конфискована съ повелѣніемъ, отобрать изъ нея и истребить всѣ вредныя книги, въ особенности же „Махіавелевы и Бокалиновы„ (Б. З., 1861, 319). Въ 1742 г. вышелъ даже указъ, чтобы всѣ книги, напечатанныя въ предыдущія царствованія представлять въ синодъ и въ академію наукъ для надлежащаго исправленія, а въ 1750 г. запрещенъ ввозъ иностранныхъ книгъ въ Россію. Рядомъ указовъ была создана строгая цензурная опека; всѣ книги гражданскаго и духовнаго содержанія просматривались въ академіи наукъ, въ типографіяхъ или губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ. Въ 1751 г. введена цензура для газетъ. Въ 1759 г. по поводу самаго невиннаго стихотворенія въ честь одной танцовщицы, напечатаннаго въ миллеровскомъ журналѣ, установлена для него предварительная цензура. Программа издававшихся Миллеромъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“ была дотого ограничена, что изъ нея исключены нетолько статьи богословскія, критическія и такія, которыми могъ кто нибудь оскорбиться, но и постановлено, чтобы „изъ высокихъ наукъ, яко-то: изъ астрономическихъ наблюденій и исчисленій, изъ физики, математическими вычетами изъясняемой, изъ анатомическихъ примѣчаній, которыхъ разумѣть невозможно безъ знанія совершеннаго самой анатоміи, и ничего тому подобнаго въ книжки не вносить“. Юную русскую мысль вязали, жали и давили со всѣхъ сторонъ, направляя ее преимущественно на тонъ панегирика и другихъ подобныхъ услугъ. Достаточно припомнить, что въ это время наши писатели, профессора, академики обязаны были между прочимъ потѣшать публику во время общественныхъ и придворныхъ празденствъ, писать оды и потѣшныя

стихи, приготовлять иллюминаціи, вензеля, фейерверки. Русская литература этого времени дотого была проникнута хвалебнымъ раболѣпіемъ, что представителемъ ея въ этомъ отношеніи должно считать Тредьяковскаго въ тотъ моментъ его жизни, когда онъ, держа надъ головой свою оду, черезъ длинный дворцовый залъ ползетъ на колѣняхъ къ Аннѣ, на колѣняхъ же читаетъ ей свой панегирикъ, и въ награду, по его собственнымъ словамъ, „жалуется всемилостивѣйшей оплеушиной"...

Среди этого реакціоннаго хаоса невольно привлекаетъ на себя вниманіе замѣчательная личность Ломоносова, который въ эту эпоху реакціи и бездѣлья энергично поддерживалъ просвѣтительное дѣло Петра, блистательно защищая права науки и разума и будучи „первымъ русскимъ университетомъ". Много нравственныхъ недостатковъ было у Ломоносова, но и въ нравственномъ отношеніи не можетъ не возбуждать нашего сочувствія этотъ геніальный крестьянинъ, который среди общества, насквозь пропитаннаго раболѣпіемъ, смѣло заявляетъ о себѣ: „нетокмо у стола знатныхъ господъ или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самаго Господа Бога"! Впрочемъ, и Ломоносовъ не совсѣмъ былъ вѣренъ традиціямъ обожаемаго имъ Петра и не совсѣмъ свободенъ отъ реакціонныхъ вліяній своего времени: въ его борьбѣ съ нѣмцами, далеко не безкорыстной, довольно ясно проглядываетъ то направленіе, которое впослѣдствіи получило названіе славянофильства.

III.

1762—1796 г.

Шестимѣсячное царствованіе Петра III задѣло нѣсколько самыхъ существенныхъ вопросовъ русской жизни и въ этомъ отношеніи его можно считать прелюдіей екатерининскаго вѣка. Идеаломъ Петра былъ Фридрихъ Великій, и этимъ только можно объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ реформъ страннаго государя, старавшагося во всемъ подражать Фридриху.

Петръ даровалъ всѣмъ раскольникамъ полную амнистію и свободу вѣры, остановилъ всѣ гоненія противъ нихъ и велѣлъ назначить къ раскольничьимъ обществамъ особыхъ попечителей для защиты ихъ отъ православнаго духовенства. Хлысты и скопцы провозгласили его за это Христомъ, а православное духовенство вознегодовало.

Еще болѣе либеральною, болѣе благодѣтельною мѣрою было уничтоженіе тайной канцеляріи, бывшей втеченіи полувѣка страшилищемъ народа. Всѣ дѣла, подлежавшія вѣдѣнію этого инквизиціоннаго трибунала, велѣно разсматривать и рѣшать въ сенатѣ; „ненавистное израженіе *слово и дѣло*“ вовсе запрещено, а доносы по политическимъ дѣламъ приказано подавать въ обыкновенныя судебныя мѣста.

Духовенство, неблаговолившее къ Петру за его терпимость и убѣжденное въ его неправославіи, еще болѣе возмутилось указомъ 21 марта 1762 г., которымъ отобраны отъ церквей и монастырей всѣ крестьяне и вся земля, которую они обрабатывали, отдана имъ въ собственность.

Съ этими мѣрами мало гармонировалъ манифестъ 18 февраля 1762 г., которымъ „на вѣчныя времена и въ потомственные роды пожалована всему благородному россійскому дворянству вольность и свобода“. Дворянинъ могъ служить и

не служить, выѣзжать въ другія государства, поступать на иностранную службу.

„Вольность дворянства“ необходимо вела за собою окончательное порабощеніе крестьянъ. Прежде государство давало крестьянъ помѣщику и дозволяло ему владѣть ими только за службу; когда послѣдняя обязанность была снята, крестьяне превратились въ полную собственность своихъ владѣльцевъ. Дворянство съ восторгомъ приняло манифестъ Петра. Сенатъ въ полномъ своемъ составѣ отправился къ императору съ просьбой о разрѣшеніи соорудить ему золотую статую. Піиты воспѣвали императора за то, что онъ „Россіи вольность далъ и далъ ей благоденство“; московскіе дворяне черезъ своего депутата приносили ему „нижайшія и рабскія благодаренія“, благородныя души крѣпостниковъ были наполнены радостью...

Но дарованная дворянству вольность, освобожденіе монастырскихъ и церковныхъ крѣпостныхъ, а также запрещеніе покупать къ фабрикамъ и заводамъ деревни,—все это возбудило надежды крестьянства на свободу. Въ губерніяхъ московской, тверской, смоленской, казанской и на уральскихъ заводахъ вспыхнули крестьянскіе бунты, которые пришлось усмирять войсками и пушками. Крестьянамъ объявлено, что о свободѣ нечего и думать, а помѣщикамъ дана не только полицейская, но и судебная власть въ деревняхъ, и военныя команды обязаны наказывать крестьянъ по одному лишь требованію ихъ владѣльцевъ.

Дворянство, такимъ образомъ, получило не только полную *вольность*, но и совершенную *своевольность*.

Между тѣмъ 28 іюня 1762 г., Екатерина, скакавшая изъ Петергофа въ Петербургъ и провозглашенная здѣсь императрицею, въ мужскомъ военномъ мундирѣ, верьхомъ на лошади, съ саблею на голо повела войска на Ораніенбаумъ, гдѣ сидѣлъ тогда Петръ съ своими голштинцами. Императоръ отрекся отъ престола и черезъ семь дней умеръ въ Ропшѣ... Разсказавъ въ манифестѣ объ обстоятельствахъ своего воца-

ренія, осудивъ Петра III за пренебреженіе всѣхъ законовъ государственныхъ, за безполезныя войны, за истощеніе казны, за неправославность, Екатерина откровенно заявила, что самый способъ ея восшествія на престолъ заставляетъ ее всѣми силами стараться о поправленіи государственныхъ дѣлъ, о пріобрѣтеніи любви подданныхъ, объ искорененіи причинъ, возбуждавшихъ неудовольствія противъ ея мужа и ведшихъ за собою его устраненіе отъ престола.

Дѣйствіе указовъ о вольности дворянской и объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ было пріостановлено, чтобы успокоить волненіе низшихъ классовъ и недовольство духовенства. Но отмѣна указа о монастырскихъ крестьянахъ возбудила во многихъ мѣстахъ сильные бунты, и вслѣдствіе этого, въ маѣ 1763 г., законъ Петра III былъ возстановленъ, крестьяне освобождены, а болѣе всѣхъ протестовавшій противъ этого ростовскій митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ, по суду синода, разстриженъ, и подъ именемъ *Андрея Враля*, посланъ въ Ревель на вѣчное заточеніе.

Подтвердивъ указъ Петра объ уничтоженіи тайной канцеляріи, Екатерина не разъ торжественно заявляла, что она считаетъ своимъ первымъ долгомъ искоренить „язву неправды и лихоимства,“ ограничить произволъ правителей, поправить экономическія дѣла государства, принять всѣ мѣры для развитія торговли и „къ облегченію народному“ издать прочные и человѣколюбивые законы, поднять уровень народнаго образованія, ограничить деспотизмъ помѣщиковъ, ввести порядокъ въ администрацію и т. д. Съ свойственнымъ ей тактомъ и умомъ, Екатерина II поняла, что дѣло, начатое Петромъ I, нельзя остановить, и потому она, послѣ цѣлаго ряда реакцій и государственныхъ интригъ, явилась представительницей идей Петра Великаго. Она не мало сдѣлала для Россіи,—припомнимъ только ея заботы о народномъ образованіи, о развитіи промышленности и литературы, о законодательствѣ, о внесеніи порядка въ хаосъ администраціи; припомнимъ ея борьбу

противъ ханжества, суевѣрія, жестокостей и пытокъ, ея вѣротерпимость, дарованіе льготъ раскольникамъ и т. д. Теоритическій либерализмъ государыни шелъ еще дальше. Другъ Вольтера, Дидро и д'Аламбера, поклонница Беккаріа, Екатерина въ этомъ отношеніи стояла на ряду съ самыми передовыми людьми своего вѣка, и ея „Наказъ" былъ запрещенъ во Франціи, какъ возмутительная, подрывающая „священныя основы общества" книга... Безграничное самолюбіе было одною изъ главнѣйшихъ пружинъ дѣятельности Екатерины; она хотѣла быть не только самымъ могущественнымъ изъ государей, но и самымъ образованнымъ, самымъ передовымъ изъ коронованныхъ лицъ. Ей хотѣлось затмить славу Петра Великаго. Но, равняясь съ Петромъ страстностью своей натуры, Екатерина не обладала ни его непреклонной энергіей, ни его беззавѣтною преданностью идеѣ. На первомъ планѣ у нея всегда стояли личные интересы, а государственная дѣятельность служила ей прежде всего средствомъ для славы и для упроченія своего положенія. Люди, окружавшіе тронъ ея, были отраженіемъ ея собственныхъ качествъ и недостатковъ, и никто лучше не могъ руководить государственными дѣятелями этой эпохи.

Нужно однако замѣтить, что дѣлая и сочиняя такъ много для внѣшняго блеска, для шума и славы, Екатерина никогда не прочь осуществлять свои либеральныя идеи, если только онѣ не шли въ разрѣзъ съ интересами ея положенія. Но при этомъ, она дѣйствовала не такъ рѣшительно, какъ Петръ I, а болѣе практически, или обходила встрѣчавшіяся препятствія или, видя невозможность выполненія своей мысли, подчинялась ходу обстоятельствъ.

Первая половина царствованія Екатерины была періодомъ усиленной умственной дѣятельности. Академія наукъ, московскій университетъ, вновь открытыя учебныя заведенія, ученыя экспедиціи, поѣздки русскихъ за-границу и ихъ занятія въ иностранныхъ университетахъ, просвѣтительная дѣятельность

Новикова и его друзей, развитіе журналистики, призванной помогать правительству въ его реформахъ, оживленіе литературы, переводъ на русскій языкъ всѣхъ замѣчательнѣйшихъ произведеній европейскаго ума, — все это не могло не отозваться самымъ благотворнымъ образомъ на умственномъ развитіи общества. Реноме свободнаго мыслителя было самымъ желательнымъ титуломъ порядочнаго русскаго человѣка. Правда, весь этотъ либерализмъ былъ наружнымъ лакомъ, и М. Димитріевъ, желавшій написать екатерининскому вѣку панегирикъ, а вмѣсто того сочинившій что-то въ родѣ сатиры, справедливо, хотя и съ неумѣстнымъ восторгомъ, восклицаетъ, что—

Здѣсь пріютъ послѣдній славы
Вѣкъ минувшій находилъ,
И подъ сѣнію державы,
Философствуя, шутилъ...

Дѣйствительно, большинство *шутило* и забавлялось гуманными идеями XVIII вѣка. Но были люди, къ которымъ вполнѣ прививались научныя и гуманныя идеи Запада, у которыхъ слово не расходилось съ дѣломъ и теоретическій либерализмъ переходилъ въ практику. Таковъ былъ, напр., Радищевъ.

Переносясь на русскую практическую почву, либеральная мысль съ перваго же шага наталкивалась на одну изъ основъ тогдашняго государства, на крѣпостное право. Сама Екатерина не прочь была отдѣлаться отъ этой язвы, очень хорошо понимая не только весь вредъ ея для государственнаго организма, но и то, что въ рабствѣ крестьянъ заключается роковая причина ужасныхъ смутъ, періодически потрясавшихъ Россію, и постояннаго колебанія ея между реакціей и прогрессомъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ оберъ-прокурору кн. Вяземскому, она, вооружаясь противъ „несноснаго и жестокаго ига“ помѣщиковъ, увеличиваемаго еще нѣкоторыми распоряженіями сената, говоритъ, что при такихъ порядкахъ „бунтъ всѣхъ крѣ-

постныхъ деревень воспослѣдуетъ... Всякая малость можетъ привесть крестьянъ въ отчаніе... Прошу быть весьма осторожну, дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, ибо если мы не согласимся на уменьшеніе жестокостей и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то и противъ нашей воли сами оную (т. е. волю) возьмутъ рано или поздно“ (XVIII вѣкъ, III, 390).

Но положеніе Екатерины въ этомъ вопросѣ было самое критическое. Взошедши на тронъ при помощи дворянства, будучи окружена богатѣйшими помѣщиками государства, она опасалась приступить къ дѣлу прямо и рѣщительно, а начала постепенно приготовлять къ нему общественное мнѣніе, стараясь въ то же время измѣрить силы враговъ эманципаціи. Въ журналистикѣ была допущена нѣкоторая, весьма, впрочемъ, слабая, пропаганда противъ крѣпостничества. Въ 1766 г., по мысли и съ участіемъ Екатерины и гр. Орлова вольноэкономическое общество предложило премію за лучшее рѣшеніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Премію получилъ иностранецъ Беарде Делабей, который хотя и рѣшаетъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ и яркими красками рисуетъ ужасы рабства, но въ то же время настаиваетъ, что вдругъ освобождать „рабовъ“ нельзя, а „нужно пріуготовить ихъ къ принятію вольности прежде, нежели дана имъ будетъ какая-нибудь собственность“. Въ такомъ же умѣренномъ смыслѣ рѣшалъ вопросъ и образованный русскій законовѣдъ того времени, Полѣновъ. Доказывая, что „къ одобренію и поправленію крестьянства“ необходимо дать ему право поземельной собственности, что „конечное угнетеніе не только вредно для общества, но и опасно“, такъ какъ пораждаетъ бунты и смуты, Полѣновъ самыми мрачными чертами обрисовываетъ положеніе крестьянъ, „которые, не имѣя ни малой отъ законовъ защиты, подвержены всевозможнымъ не только въ разсужденіи имѣнія, но и самой жизни, обидамъ, и претерпѣваютъ безпрестанныя наглости, истязанія и насильства...

По истинѣ сказать, сколь много должны мы быть обязаны такимъ людямъ, которые, будучи всегда готовы на защищеніе отечества, проливаютъ за него кровь свою, которые, избавляя прочихъ отъ тяжкихъ трудовъ и безпокойствій, питаютъ ихъ изобильно, которые, не имѣя сами почти ничего, снабдѣваютъ другихъ такъ щедро, которые во все время своей жизни, не видя сами себѣ никакой отрады, единственно упражняются въ пріумноженіи посторонней пользы; однимъ словомъ, наша жизнь, наша безопасность, всѣ наши выгоды состоятъ въ ихъ власти и неразрушеннымъ союзомъ совокуплены съ ихъ состояніемъ. Но мы, позабывъ всѣ сіи великія благодѣянія, вмѣсто почтенія платимъ презрѣніемъ, вмѣсто благодаренія воздаемъ обиды, вмѣсто попеченія, ничего кромѣ раззоренія не видно". Полѣновъ предлагалъ—куплю-продажу людей „неотмѣнно уничтожить", обезпечить за крестьянами полныя права движимой и недвижимой собственности, обязательныя работы на помѣщика „учредить такъ, чтобы крестьянинъ одинъ день въ недѣлю работалъ на своего господина, а въ прочіе на себя". „Просвѣтить народъ ученіемъ, сохранить его здравіе, наставить при помощи здраваго нравоученія на путь добродѣтельной жизни—главные должны быть законовъ предметы". Для этого Полѣновъ считалъ необходимымъ завести всюду школы, лекарей, аптеки. Проектъ Полѣнова въ очень многомъ сходенъ съ положеніемъ 19 февраля (Р. Арх., 1865, стр. 510—541).

Но немного было тогда въ Россіи людей, подобныхъ Полѣнову, и вопросъ, предложенный Екатериной и экономическимъ обществомъ, возбудилъ въ большинствѣ одно только чувство негодованія и раздраженія противъ посягателей на „священное право собственности". Какъ отстаивали крѣпостники свои „священныя права", можетъ показать слѣдующая записка, присланная однимъ помѣщикомъ въ Экономическое общество по поводу вышеупомянутой преміи:

„Понеже сдѣлана въ прошломъ 1766 г. амблематъ, т. е.

ность, которая одинъ народъ дѣлаетъ счастливымъ, для другого будетъ руководствомъ къ несчастію, къ погибели. Земледѣльцы наши прусской вольности не снесутъ; германская не сдѣлаетъ ихъ состоянія лучшимъ, съ французскою помрутъ они съ голоду, а англійская низвергнетъ ихъ въ бездну... Все благоразуміе въ томъ должно состоять, чтобы не прежде имъ даровать свободу, какъ науча ихъ познать ея цѣну и какъ надлежитъ ею пользоваться". Неизвѣстный авторъ „Размышленія о неудобствахъ дать въ Россіи свободу крестьянамъ", размышленія, сдѣлавшагося чѣмъ-то въ родѣ символа для нашихъ крѣпостниковъ, напр., для Каразина, говоритъ еще рѣшительнѣе противъ эманципаціи, приводя противъ нея, между прочимъ, слѣдующіе аргументы. „Если мы возьмемъ физическое положеніе страны нашей, то увидимъ, что холодный климатъ, возбраняющій дѣйствія транспираціи, а проницательнымъ своимъ воздухомъ сжимающій наши жилы, побуждаетъ насъ къ принятію болѣе пищи, нежели въ полуденныхъ климатахъ; а сіе производитъ многокровіе и дѣлаетъ характеры наши сангвиническими; довольно же всѣмъ извѣстно, что сангвиническій характеръ есть *характеръ наглый и стремительный* въ предпріятіяхъ своихъ, которыя безъ дальняго размышленія и начинаютъ; а если по роду жизни примѣшается къ оному флегма, то сіе ничего болѣе не произведетъ, какъ должайшее состояніе суровости и злопамятства... По сему извѣстному характеру да разсудитъ каждый, легко-ли таковыхъ поселянъ, учиня ихъ свободными, общими законами задержать!.. Флегматическій характеръ производится отъ застоя движенія крови въ зимніе мѣсяцы и отъ недостатка движенія тѣла, также отъ самыхъ топленыхъ покоевъ, въ коихъ густота воздуха приводитъ въ ослабленіе наши члены, къ лѣности и къ увальчивости насъ склонными чинитъ: при свободѣ же крестьянъ не умножатся-ли сіи характеристическіе пороки?.. Россійскій народъ, по ослабленіи надъ нимъ начальства, впадаетъ въ безпрерывную лѣность, ибо точно при-

мѣчено, гдѣ менѣе съ крестьянъ берутъ оброка, т. е. менѣе побужденія имъ промышлять себѣ прибыль, тамъ они бѣднѣе становятся и болѣе впадаютъ въ лѣность“ (Чтенія, 1861 г., III).

Такимъ образомъ и дикіе, тупоумные помѣщики, и самые образованные люди сходились между собою въ томъ мнѣніи, что безъ крѣпостнаго права никакъ не можетъ существовать то, по выраженію Державина, „россю множество дворянъ“, среди котораго постоянно —

Герои славные бываютъ,
Собою царство подпираютъ.

Свои корыстные разсчеты поборники крѣпостничества прикрывали, какъ уже видѣлъ читатель, той идеей, что Россія не созрѣла еще до свободы, что къ ней не приложима свобода западная, что у насъ если и должна быть свобода, то своя, особенная. Они выѣзжали на той же псевдонаціональной идеѣ, которою впослѣдствіи пользовались Карамзинъ, Шишковъ, Булгаринъ, Гречь и которую въ наши дни съ такимъ успѣхомъ эксплуатируетъ архистратигъ „Московскихъ Вѣдомостей“ со своими усердными прихвостнями, въ родѣ „Зари“, „Голоса“ и имъ подобныхъ стражей *„порядка“* и агентовъ умопомраченія.

Одновременно съ возбужденіемъ крестьянскаго вопроса Екатерина затѣяла другое, еще болѣе либеральное предпріятіе, — законодательную комиссію изъ выборныхъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій. Все, что было въ Европѣ умнаго, либеральнаго, образованнаго, разразилось рукоплесканіями „Семирамидѣ Сѣвера“. Цѣлью этой комиссіи было то же самое составленіе законовъ, о которомъ такъ долго и такъ напрасно хлопотали во всѣ предъидущія царствованія. Депутаты должны были заявить о „нуждахъ и чувствительныхъ недостаткахъ народа“ и совершить подготовительныя работы для новаго уложенія, которое окончательно разсматриваться должно было въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Другою не ме-

нѣе важною цѣлью Екатерины было узнать духъ, направленіе и силу разныхъ сословій, отыскать въ нихъ наиболѣе прочную опору для своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, примѣрить свой чисто-теоретическій либерализмъ къ дѣйствительнымъ отношеніямъ русской жизни. Сама Екатерина говоритъ, что комиссія „подала мнѣ свѣтъ и свѣденія о всей имперіи, съ кѣмъ мы дѣло имѣемъ и о комъ пещись должны". Но эти „свѣтъ и свѣденія" шли въ разрѣзъ съ общенародною пользою и наносили роковой ударъ прогрессивному стремленію. Ея „Наказъ" пугалъ многихъ своею прогрессивностію и былъ совершенно непонятенъ для большинства. Екатерина разсказываетъ, что когда депутаты съѣхались въ Москву въ 1767 г., то она „назначила разныхъ персонъ, дабы выслушать наказъ. Тутъ, при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарывать все, чтó хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что было написано мною, помарали, и остался наказъ, яко оный напечатанъ". Но и очищенный строгою цензурой наказъ все-таки не гармонировалъ съ направленіемъ большинства депутатовъ, „умы которыхъ"—по справедливому замѣчанію Бибикова — „не были еще къ тому приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному дѣлу". Представители духовенства, напр., въ своихъ возраженіяхъ на наказъ, протестовали противъ его нападокъ на *суровыя казни*, доказывая, что даже и добрый государь обязанъ употреблять ихъ; просили объ ограниченіи свободы слова, объ уголовномъ преслѣдованіи еретичества и богохульства, замѣчали о важности преступленія оскорбленія величества (Снегиревъ, Жизнь м. Платона, I, 119—121).

Въ комиссію созывались депутаты со всей имперіи; по одному депутату отъ сената, синода и каждой коллегіи, отъ дворянства каждаго уѣзда, отъ каждаго города, отъ однодворцевъ каждой провинціи, отъ пахатныхъ солдатъ и другихъ служилыхъ людей каждой провинціи, отъ государственныхъ

крестьянъ каждой провинціи, отъ инородцевъ каждой провинціи, отъ каждаго изъ казачьихъ войскъ. Депутатъ снабжался отъ своихъ избирателей полномочіемъ и инструкціей или наказомъ. Начались выборы и составленіе наказовъ. Въ Петербургѣ городское общество выбрало все лицъ знатныхъ и сановниковъ и уже генералъ-полицiймейстеръ „не въ указъ предложилъ“ ему выбрать въ повѣренные „людей способныхъ и знающихъ городскія нужды изъ всякаго званія“. Въ Москвѣ выбирали тоже преимущественно знать, и тамошній генералъ-полицiймейстеръ также обратилъ вниманіе избирателей на эту ошибку. Впрочемъ, выборы, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціяхъ, кончались скоро и конвоя для высылки депутатовъ, какъ это было при Петрѣ II, не потребовалось. Дворянскіе выборы заканчивались обычнымъ „прошу покорно откушать“, балами, фейерверками, пушечною пальбою (Сб. Ист. О., I, 26 и др.). Гораздо больше хлопотъ доставило обывателямъ составленіе наказовъ. Во многихъ уѣздахъ изъ дворянъ не находилось никого, способнаго на такое мудреное дѣло, и потому наказы иногда буквально списывались съ наказовъ другихъ уѣздовъ, въ которыхъ грамотные люди водились (стр. XXVII, 245, 296 и др.). Нѣкоторыя дворянскія общества, напр., ярославское уѣздное, даже въ самыхъ наказахъ чистосердечно признавалось въ своей неприготовленности къ законодательному дѣлу и прямо ссылалось на „*свое скудоуміе*“ (стр. 305). Дворянство юрьево-польскаго уѣзда, списавъ введеніе въ наказъ, составленный шуйскимъ дворянствомъ, и заявивъ, что оно „неточію всѣмъ довольно, но и не по достоинству своему пожаловано“, продолжаетъ: „что же касается до представленій объ общихъ нуждахъ и недостаткахъ, и на оное всеподданнѣйше донести, что за недовольнымъ числомъ насъ, бывшихъ нынѣ въ собраніи, *а особливо по скудоумію нашему, представить не можемъ*“; затѣмъ, опять выписка изъ шуйскаго наказа: „а какъ и объ ономъ, такъ и о всемъ, и что касается до узаконенія и возстановленія госу-

дарственныхъ правъ, то все предаемъ въ высочайшее ея императ. величества матернее цѣломудренное разсмотрѣніе и соизволеніе“ (стр. 318). Изъ подписей подъ наказами видно, что очень значительная часть дворянъ состояла изъ людей совершенно безграмотныхъ; изъ 189 человѣкъ, подписавшихся подъ наказомъ михайловскаго уѣзда, за 81 безграмотнаго подписались другіе; изъ 64 судиславскихъ выборныхъ 13 оказались безграмотными; подъ наказами калужскаго и медынскаго уѣздовъ обозначено 26 дворянъ, изъ нихъ 10 безграмотныхъ (стр. 279, 281, 295). Въ отдаленныхъ провинціяхъ выборы депутатовъ и составленіе наказовъ были еще безтолковѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ центральныхъ. Когда, напр., указъ о присылкѣ депутата былъ полученъ въ Енисейскѣ, то обыватели сильно струсили, вообразивъ почему-то, что можетъ постичь опала и депутата и тѣхъ, кто подпишетъ данную ему инструкцію. И выбрали они депутатомъ дворянина Степана Самойлова, котораго терпѣть не могли. Самойловъ отказывается, пишетъ обывателямъ, что они навязываютъ ему это бремя единственно по злобѣ на него. Обыватели настаиваютъ. Самойловъ кое-какъ соглашается и проситъ составить для него инструкцію и статистическое описаніе Енисейска. Составили никуда негодное описаніе, которое Самойловъ возвратилъ имъ, прося передѣлать и добавить его. Кое-какъ, при помощи Самойлова же, передѣлали и дополнили описаніе. Готова была и инструкція, но подписывать ее *всѣ боялись*, а Самойловъ боялся ѣхать съ неподписанной инструкціей *). Онъ укорялъ членовъ магистрата за то, что, не подписывая инструкціи, они поступаютъ нечестно, желая погубить его одного, а самимъ остаться въ сторонѣ. Подписали,

*) Боязливость нѣкоторыхъ депутатовъ была просто изумительна. При общемъ представленіи государынѣ одинъ изъ нихъ перетрусилъ до того, что упалъ въ обморокъ и... у него разстроился желудокъ до такой степени, что онъ «впалъ въ дѣтскую слабость» (Р. Стар. III, 785).

наконецъ, и инструкцію. Самойловъ проситъ денегъ на дорогу, на прожитіе въ Москвѣ и на обратный путь; магистратъ отваливаетъ на все это 100 руб. Какъ ни просилъ Самойловъ о прибавкѣ, какъ убѣдительно не представлялъ онъ о недостаточности ассигнованной суммы, магистратъ не прибавилъ ни копѣйки *).

30 іюля 1767 г. открыта комиссія. „Отъ васъ"—говорилъ депутатамъ отъ лица государыни кн. Голицынъ — „отъ васъ ожидаютъ примѣра всея подсолнечныя народы; очи ихъ на васъ обращены. Слава ваша въ вашихъ рукахъ и путь къ оной вамъ открытъ" (стр. 39). Маршалъ комиссіи тоже заявлялъ, что „премудрая наша обладательница созываетъ собраніе сіе для устроенія любезному отечеству таковаго благополучія, каковое только смертнымъ вмѣстимо быть можетъ!" Но самыя розовыя надежды высказывались Екатериною въ наказѣ: „Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія сего законодательства, былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ. Намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!" Все либеральное въ Европѣ было также въ восторгѣ отъ этого „законодательнаго собранія" и отъ гуманной идеи созвавшей его царицы.

Въ наказахъ депутатамъ дворянство многихъ уѣздовъ заявляло желаніе воздвигнуть государынѣ „приличный монументъ" (стр. 17, 61, 243 и др.). Но депутаты почему-то оставили этотъ монументъ въ сторонѣ, а начали свою дѣятельность тѣмъ, что положили поднести Екатеринѣ титулъ „Великой Премудрой Матери Отечества". Екатерина отказалась принять титулъ Великой. Она даже разсердилась на такую неумѣстную услужливость и сказала кому-то о депутатахъ: „я призвала ихъ составлять законы, а они, вмѣсто того, дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ!"

---

*) Изъ документовъ, сообщенныхъ мнѣ Н. С. Самойловымъ.

обобщая ихъ; каждый городъ хотѣлъ жить и наживаться не только на счетъ крестьянъ, но и на счетъ другихъ городовъ. Вотъ, напр., содержаніе наказа енисейскаго городского общества *). Енисейцы просятъ себѣ монополію торговли въ енисейскомъ и туруханскомъ краяхъ; жалуются, что иногородніе купцы, пріѣзжая въ эти мѣстности для торговли, отбиваютъ у нихъ кусокъ хлѣба. Они просятъ воспретить имъ закономъ торговать здѣсь и съ каждаго иногородняго торговца за нарушеніе этого закона брать штрафъ въ пользу города. Просятъ предоставить имъ монополію воднаго сообщенія между Иркутскомъ и Енисейскомъ (болѣе 1,500 верстъ), запретивъ иркутскимъ купцамъ сплавлять по Ангарѣ товары въ своихъ судахъ. Буде же кто станетъ сплавлять, то съ каждаго иркутскаго судна брать штрафъ въ пользу города. Просятъ предоставить имъ монополію винокуренія и виноторговли. Просятъ о введеніи въ енисейскомъ краѣ крѣпостного права, о дозволеніи имъ пріобрѣтать земли и для заселенія ихъ покупать крестьянъ въ Россіи и въ Сибири. Просятъ объ юридическомъ признаніи кабалы дѣтей, и безъ того свирѣпствовавшей въ Сибири. Въ Енисейскѣ тогда было множество дѣтей, которыхъ родители высылали на улицу за сборомъ милостыни. Купцы просятъ отдавать имъ этихъ праздношатающихся ребятъ на воспитаніе, и въ уплату за него заставлять ихъ служить своимъ воспитателямъ. Купечество особенно вооружалось противъ крестьянской торговли сельскими продуктами, ходатайствуя о запрещеніи крестьянамъ продавать что бы то ни было не купцамъ и не оптомъ, а въ розницу и не въ купеческія руки (стр. 94, 99, 102, 110, 130 и др.). Депутатъ отъ города Тихвина предложилъ даже оградить это запрещеніе тяжкими карательными мѣрами: у крестьянина, осмѣлившагося торговать, конфисковать весь товаръ, „а съ

---

*) По рукописнымъ документамъ Н. С. Самойлова.

тѣхъ, которые у него непозволительнымъ образомъ что купятъ, брать по 1,000 рублей пени, одну половину въ казну, а другую доносителю; тѣхъ же, которые не въ состояніи будутъ заплатить сію пеню, *наказывать плетьми*". Кромѣ того, необходимо запретить крестьянамъ служить у купцовъ въ работникахъ и въ приказчикахъ, такъ какъ это пріохочиваетъ ихъ къ торговлѣ! (стр. 122). Не мало и другихъ монополій просили себѣ городскія общества, напр., купцы астраханской губерніи ходатайствовали объ утвержденіи за ними монополіи рыбныхъ промысловъ (стр. 120—121). Многія городскія общества хлопотали о запрещеніи крестьянамъ заниматься какими бы то ни было ремеслами и о предоставленіи этихъ ремеслъ въ монополію городовъ (стр. 126, 136 и др.).

Требованія дворянства были гораздо обширнѣе и настойчивѣе, чѣмъ требованія другихъ сословій и корпорацій. Со времени Петра II, когда дворянскихъ депутатовъ приходилось силою вынимать изъ ихъ помѣстій и препровождать въ законодательную комиссію подъ конвоемъ, прошло уже сорокъ лѣтъ, и въ этотъ періодъ дворянство не только постигло свои сословные интересы, не только начало стремиться къ составленію изъ себя прочной корпораціи, но и нѣсколько просвѣтилось подъ вліяніемъ литературы и своихъ столкновеній съ европейской аристократіей. Въ комиссіи почти одни только дворянскіе депутаты и ходатайствовали объ усиленіи средствъ для образованія юношества, жалуясь на недостатокъ учителей и училищъ (стр. 172, 231, 289). Впрочемъ, это стремленіе къ образованію основывалось не на какихъ нибудь высшихъ разсчетахъ, а единственно на томъ, что государство щедро награждаетъ образованнаго человѣка и даетъ ему предпочтеніе передъ необразованнымъ. Образованіе дѣлалось силою, и дворянство хотѣло монополизировать себѣ эту силу, хлопоча объ открытіи училищъ для „благороднаго юношества". Что же касается степени образованія дворянскихъ депутатовъ, бывшихъ въ комиссіи, то хотя за исключеніемъ Щербатова,

Бибикова и другихъ немногихъ, это были все люди неразвитые, невѣжественные, но изъ ихъ рѣчей все-таки замѣтно, что многіе изъ нихъ или слыхали, или читывали кое-что о разныхъ государственныхъ теоріяхъ, бывшихъ въ ходу на Западѣ. Этими-то, на лету схваченными, чужими мыслями дворяне подкрѣпляли свои крѣпостническія притязанія, свои эгоистическія требованія. Большинство депутатовъ доказывало, что дворянство есть душа народа, жизненная сила страны; что гдѣ „есть дворяне, тамъ есть и ихъ подданные; гдѣ есть дворянскіе подданные, тамъ заводятся земледѣліе, мануфактуры и, слѣдовательно, богатство; а гдѣ есть богатство, тамъ рождаются науки и художества“ (стр. 160); словомъ, крѣпостное право есть основа цивилизаціи! Далѣе, почти всѣ дворянскіе депутаты старались выяснить комиссіи заимствованную изъ Европы доктрину о благородствѣ и „добродѣтели“ дворянской породы. „Дворянство отъ чести происходитъ и честью держится“. Предки дворянъ получали это званіе за то, что были „совершенно добродѣтельны, въ воинскихъ дѣлахъ искусны, въ статскихъ—правосудны и некорыстолюбивы, показывали отмѣнную остроту и примѣрное великодушіе“ (стр. 150, 153, 171, 180 и др.) На эти разглагольствованія дворянъ одинъ изъ депутатовъ замѣтилъ, что всѣ „благородныя фамиліи, даже самыя древнія, все-таки произошли когда нибудь отъ обыкновенныхъ смертныхъ“. Это замѣчаніе подняло бурю. „Съ крайнимъ движеніемъ духа“ поднялся кн. Михайло Щербатовъ: „Весьма удивляюсь, что этотъ г. депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія россійскія фамиліи, тогда какъ не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго!... Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареканіе подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги!“ и т. д. Почти всѣ дворянскіе депутаты подали свой голосъ за мнѣніе Щербатова (стр. 193). Дворянство, отстаивая съ

такою горячностью свою сословную „добродѣтель“ и „честь“, вооружилось противъ постоянно входившаго въ его сословіе новаго, чиновнаго дворянства. Петръ I, какъ извѣстно, даровалъ дворянскія права всѣмъ лицамъ, получившимъ оберъ-офицерскій чинъ, обращалъ вниманіе на личныя заслуги и способности чиновниковъ, а не на ихъ родовую знатность, предписалъ дворянамъ, какой бы то ни было фамиліи, отдавать честь и первое мѣсто оберъ-офицеру и т. д. Почти всѣ, сколько нибудь замѣчательные люди XVIII в. происходили изъ низшаго или средняго сословій и, благодаря случаю или своимъ способностямъ, возвышались до первыхъ степеней въ государствѣ. Полудержавный властелинъ Меншиковъ былъ изъ пирожниковъ, Шафировъ—изъ бѣдныхъ евреевъ, Скавронскій—изъ крестьянъ, Завадовскій и Потемкинъ—изъ поповичей, Павелъ Ягужинскій—сынъ лютеранскаго кистера, Чоглоковъ, Черкасовъ, Шепелевъ—тоже „темнаго происхожденія“, Разумовскій—пастухъ, Турчаниновъ—еврей и т. д. Все это было обидно для „чести“ дворянства, и въ комиссіи оно единодушно настаивало на томъ, чтобы дворянское званіе не давалось каждому лицу, дослужившемуся до извѣстныхъ чиновъ. Чиновное дворянство защищало свои права на это званіе и указывало на свои заслуги (стр. 186, 200, 214), но дворянство столбовое крѣпко держалось за свои притязанія и громогласно заявляло, что оно самою „природою“ назначено для того, чтобы повелѣвать и командовать (стр. 206); что дворянинъ долженъ имѣть исключительныя преимущества на всѣ почетныя должности; многіе предлагали не только въ оберъ-офицерскій, но даже въ сержантскій чинъ производить однихъ лишь дворянъ, предоставивъ другимъ сословіямъ всѣ низшія степени государственной службы. Нѣкоторые ораторы, напр., Щербатовъ, старались при этомъ блеснуть своею начитанностью, ссылаясь и на исторію разныхъ народовъ, и на римскихъ патриціевъ, и на Варрона, и на Пуффендорфа. Но за то многіе другіе обнаруживали при этомъ не

только положительное неумѣнье говорить публично и логически развивать свою мысль, но даже не пониманіе того, что они говорили сами.

Стараясь о томъ, „дабы всѣ сословія россійской имперіи были между собою раздѣлены и чтобы каждое изъ нихъ знаніемъ своихъ правъ содѣйствовало общему благополучію“ (стр. 97), дворянство хлопотало составить изъ себя замкнутую и организованную корпорацію съ своимъ самоуправленіемъ. Оно просило дозволить дворянамъ періодически собираться въ уѣздномъ городѣ и разсуждать о своихъ нуждахъ, выбирать предводителей дворянства и депутатовъ, которые бы защищали дворянскіе интересы въ присутственныхъ мѣстахъ; на содержаніе же этого управленія взимать сборъ со всѣхъ земель уѣзда, какъ съ государственныхъ, такъ и съ помѣщичьихъ (стр. 237, 256—258, 477). Далѣе, дворянство ходатайствовало объ учрежденіи дворянскихъ опекъ (стр. 290), и о предоставленіи ему выбирать изъ своей среды всѣхъ лицъ уѣзднаго управленія,—становыхъ комиссаровъ, ландратовъ, исправниковъ (стр. 230, 239, 246). Просили также, чтобы во всякомъ уѣздѣ, „для спокойствія и распорядку земскаго“, учредить земскіе суды изъ дворянъ, опредѣляемыхъ по выбору, и съ предоставленіемъ имъ права безапелляціоннаго рѣшенія (стр. 247, 249). Въ городскіе суды, „къ воеводамъ въ товарищи, вмѣсто находящихся нынѣ при нихъ ассессоровъ, дозволить дворянамъ выбирать изъ собратій своихъ добросовѣстныхъ и безпорочныхъ людей“ (стр. 307). Нѣкоторые предлагали даже, чтобы и словесные суды, объ учрежденіи которыхъ ходатайствовали крестьяне для разбора своихъ маловажныхъ дѣлъ, также состояли изъ дворянъ (стр. 95). Дворянинъ долженъ быть неподсуднымъ ни воеводской канцеляріи, ни кому другому, кромѣ дворянъ своего уѣзда (стр. 250, 460). Напротивъ, воеводское управленіе должно зависѣть отъ дворянства, которому, во имя общаго блага, необходимо предоставить выборъ изъ своей среды воеводъ и ихъ

товарищей (стр. 266, 282, 283). При этомъ нѣкоторыя дворянскія общества ходатайствовали, чтобы въ секретари городскихъ канцелярій опредѣлять чиновныхъ людей, „того ради, когда оные, за секретаря правящіе, не будутъ имѣть оберъ-офицерскихъ чиновъ, то отъ своихъ воеводъ будутъ имѣть больше страха, ибо воевода можетъ таковаго, неимѣющаго офицерскаго ранга, за его по дѣламъ лѣность и неисправность, штрафовать палкою и сажать въ желѣза, и чрезъ то въ дѣлахъ скорѣе успѣхъ быть можетъ" (стр. 331).

Это стремленіе къ сословному преобладанію и къ упроченію своей матеріальной силы посредствомъ привиллегій и исключительныхъ правъ было господствующею чертою XVIII вѣка. Дворянство шло во главѣ кастическихъ стремленій. Оно не только хлопотало о расширеніи своей власти и значенія въ іерархическомъ государственномъ строѣ, но и о матеріальныхъ выгодахъ въ ущербъ народу. Оно добивалось ни болѣе, ни менѣе, „чтобы всякаго рода хлѣбный промыселъ и что земля ни произращаетъ, *все то привиллегировать одному только дворянству* и земледѣльцамъ, чтобы они тѣмъ торгомъ промышляли, а другіе бы никто не пользовались, а пользовались бы уже тогда, когда отъ дворянина купятъ" (стр. 465). Мало этого, дворянство просило даровать ему исключительную привиллегію *на все фабричное производство* или, по крайней мѣрѣ, на „фабрики, сочиняющіяся (sic) изо льна и изъ пеньки и изъ прочихъ земляныхъ экономическихъ произращеній!" (стр. 192, 301 и др.). Нѣкоторыя дворянскія общества ходатайствовали еще о дозволеніи помѣщикамъ торговать солью (стр. 465) и объ отдачѣ имъ на откупъ питейныхъ сельскихъ домовъ (стр. 303). Дворянство указывало также на свое исконное право „пользоваться винною сидкою" и горько жаловалось на указъ 1765 г., которымъ „дворянству въ города вино и водку съ собою брать и возить запрещено. По сему дворянство, имѣя штабъ и оберъ-офицерскіе чины, пріѣхавъ въ городъ, за неимѣніемъ при себѣ домовой

водки и вина, принуждены бываютъ покупать водку и вино многимъ съ противными и съ непристойными специями и запахомъ; почему дворянство по характерамъ ихъ принуждено видѣть въ томъ себѣ недостатокъ". Просятъ объ отмѣнѣ упомянутаго указа и о дозволеніи „сидки вина каждому помѣщику по достатку" (стр. 301, 351). Ходатайствуя о многихъ другихъ привиллегіяхъ, наприм. о свободѣ отъ постойной повинности, объ избавленіи отъ пытокъ и смертной казни (стр. 259, 289), дворяне не забывали и своихъ семейныхъ отношеній. Они представляли, что такъ какъ родители „надъ дѣтьми своими данною отъ Бога и ея императорскимъ величествомъ властью неоспоримое имѣютъ *обсемодство*" (т. е. „абсолютство"), то раздѣлъ наслѣдства должно вполнѣ предоставить родительской власти, дабы дѣти, „въ ожиданіи къ полученію себѣ достойнаго награжденія, родителямъ своимъ никакихъ противностей не оказывали" (стр. 227, 369, 370). Не забывали попросить и объ ограниченіи „непостоянныхъ" женъ (стр. 338).

Изъ 565 депутатовъ не нашлось ни одного, который бы затронулъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, и только козловскій депутатъ Григорій Коробьинъ, артиллерійскій поручикъ, попытался доказать необходимость улучшенія ихъ быта. Объясняя причины постоянныхъ крестьянскихъ побѣговъ, на которые жаловались всѣ помѣщики, Коробьинъ говоритъ, что дворяне положительно раззоряютъ своихъ крестьянъ не только чрезмѣрными налогами и работами, но и отнятіемъ у нихъ всякой собственности. Поэтому Коробьинъ признавалъ за нужное ограничить властъ помѣщиковъ надъ имуществомъ крестьянъ, а власть надъ личностью оставить попрежнему. Изъ 21 голоса, поданнаго на это мнѣніе, 18 были противъ него и только 3 за него (стр. XXII—XXIII). И нужно удивляться, что нашлись еще такіе смѣльчаки, которые рискнули подать голосъ за крѣпостныхъ рабовъ. Есть извѣстіе, что дворянскіе депутаты замышляли убить перваго,

осмѣлившагося говорить въ комиссіи объ освобожденіи крестьянъ...

Впрочемъ, назависимо отъ этого, нѣкоторые дворяне хлопотали объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей, напр. о сложеніи съ нихъ подушной подати и о замѣнѣ ея другими налогами, о нестѣсненіи крестьянской торговли сельскими продуктами (стр. 264, 309). Но при этомъ, помѣщики заботились собственно не о крестьянахъ, а о самихъ себѣ, такъ какъ каждое облегченіе со стороны государства крѣпостныхъ людей должно давать соотвѣтственную выгоду ихъ владѣльцу. Большинство помѣщиковъ не могло возвыситься даже и до этого рабовладѣльческаго разсчета. Оно хлопотало только о томъ, какъ бы побольше эксплуатировать крестьянина. Помѣщики просили затруднить крестьянамъ доступъ въ купеческое званіе (стр, 311) и воспретить имъ записываться въ цехи, „потому что люди, обученные разнымъ ремесламъ отъ помѣщиковъ, для собственной своей надобности и часто съ большими расходами, могутъ навсегда отъ нихъ отойти и тѣмъ принести помѣщикамъ немалый убытокъ“ (стр. 122, 125, 127). Затягивая свою вѣчную пѣсню о лѣности мужика, дворянство ходатайствовало, чтобы „великое число праздничныхъ дней было сколько можно сокращено, и лѣность столько безчестною сдѣлана была, сколько она дѣйствительно вредительна“ (сар. 315). Съ особенною силою напирали помѣщики на принятіе строжайшихъ мѣръ противъ бѣглыхъ, которыхъ въ то время было множество, вслѣдствіе угнетенія и и кореннаго раззоренія крестьянства. „Ежели въ деревнѣ будутъ приняты мужского и женскаго пола бѣглые люди безъ вѣдома приказчика, то прикащикамъ и старостамъ, въ силу указа 1754 г., наказаніе чинить, да кромѣ того, крестьянъ изъ каждаго двора старшаго одного наказывать, сѣчь плетьми“ (стр. 117, 335, 336, 374). Кромѣ побѣговъ, раззореніе народа вело за собой чрезвычайное усиленіе воровства, разбоевъ, убійствъ. И вотъ депутаты ходатайствуютъ объ

изданіи „строжайшихъ законовъ“, о возстановленіи смертной казни, объ усиленіи пытокъ, уже ограниченныхъ Екатериною (стр. 286, 377 и др.). Трусливая рабовладѣльческая мысль и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, хотѣла сдѣлать страхъ основаніемъ своего господства.

Изъ мѣръ, предложенныхъ дворянствомъ относительно общегосударственныхъ нуждъ, нѣтъ почти ни одной, которая бы не поражала своею дикостью. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ предложеній.

Такъ какъ бани часто причиняютъ пожары, то слѣдуетъ „вовсе запретить ихъ имѣть въ городѣ, кромѣ какъ достаточнымъ людямъ“ (стр. 125).

Такъ какъ раскольники „толкуютъ законъ нашъ по своему хотѣнію“, то депутаты „о обращеніи и соединеніи таковыхъ, яко скотовъ заблудшихъ, во едину святую соборную церковь, просятъ“. Въ случаѣ же невозможности этого, просятъ „оныхъ богопротивныхъ, св. церковью нетерпимыхъ раскольниковъ *вовсе истребить*“ (стр. 375—377).

„Если дворянинъ дворянина обезчеститъ словомъ или побьетъ, то таковому обидчику, по обличеніи при собраніи дворянъ, предъ судомъ, учинить то же черезъ профоса или канцелярскаго служителя“ (стр. 388, 468).

Но при всей дикости подобныхъ предложеній, дворянскіе депутаты въ комиссіи дѣйствовали не только настойчивѣе, но и раціональнѣе другихъ депутатовъ. Дворянство съумѣло возвыситься до общихъ нуждъ своего сословія, и, стремясь къ рѣшительному преобладанію въ государствѣ, клало въ основу его прочную сословную организацію. Оно заявило въ комиссіи свою силу и свои кастическія стремленія, и оказало сильное давленіе на правительство. Реакціонныя притязанія дворянъ и ихъ представителей въ комиссіи не остались безъ результата. Вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ отложенъ въ долгій ящикъ, а дворянству предоставлена полная возможность для развитія своихъ сословныхъ привиллегій; жалован-

ною грамотою 1785 г. узаконена за ними „вольность“, дарованная ему Петромъ III, отмѣнена обязательная служба, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поземельная собственность, имѣвшая значеніе царскаго жалованья за службу, отдана дворянству въ полную частную собственность вмѣстѣ съ крестьянами.

Державинъ совершенно справедливо замѣчаетъ объ Екатеринѣ, что „она царствовала политично, наблюдая свои выгоды или поблажая вельможамъ, дабы не раздражить ихъ и противъ себя не поставить“ (Записки, 345). Она, по своимъ разсчетамъ, поддерживала и развивала крѣпостное право даже въ либеральный періодъ своей дѣятельности, а во вторую половину царствованія, послѣ комиссіи, она рѣшительно перешла на сторону крѣпостниковъ и торжественно провозгласила себя „первою помѣщицею“ въ государствѣ.

Крѣпостники винили Екатерину за то, что она содѣйствовала поднятію и въ литературѣ и въ комиссіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ. „Въ комиссіи неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ гг. депутатовъ, а паче отъ Коробьина, всѣяли заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депутатами, и тщетно многими лучшими сынами отечества совсѣмъ испровержено было мнѣніе г. Коробьина: упившіеся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лекарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые, по разъѣздѣ своемъ, сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли“ (Чтенія, 1861, III, 98). Подъ вліяніемъ усилившейся крѣпостнической агитаціи, правительство въ своихъ узаконеніяхъ гораздо смѣлѣе, чѣмъ прежде, пошло по крѣпостной дорогѣ. Въ 1767 г. изданъ указъ: предписывавшій крестьянамъ слушаться и безпрекословно повиноваться помѣщикамъ и объявлявшій, что никакой воли имъ не будетъ; указъ этотъ

велѣно ежегодно читать по церквамъ въ хромовые праздники. Всѣ прежнія права помѣщиковъ подтверждены, и они получили еще нѣсколько новыхъ,—ссылать крѣпостныхъ „за дерзости“ въ Сибирь на поселеніе и въ каторжную работу на толикое время, насколько помѣщики похотятъ“ и т. д. Въ первое время своего царствованія Екатерина охотно принимала прошенія и жалобы какъ отъ крестьянъ, такъ и отъ частныхъ лицъ вообще. Но по настоянію своихъ вельможъ, она скоро прекратила „таковой непорядокъ“ и возобновила законъ о неподачѣ прошеній самому государю (Русскій Архивъ, 1865 г., стр. 482). Крестьянамъ были запрещены всякія жалобы на своихъ господъ. „А буде, которые люди и крестьяне“—говорилъ сенатъ въ своемъ указѣ—„на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче въ собственныя руки императрицы подавать отважатся, то какъ челобитчики, такъ и сочинители ихъ челобитень наказаны будутъ кнутомъ и сошлются въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, съ зачетомъ ихъ помѣщикамъ въ рекруты“ (Полн. Собр. Зак., № 12,966). Этотъ указъ дѣятельно приводился въ исполненіе. Между тѣмъ, Екатерина хорошо знала, какія жестокости творятся помѣщиками, и въ первые годы царствованія она показала на Салтычихѣ, какъ слѣдуетъ относиться къ самоуправству помѣщиковъ. Салтычиха, помѣщица, имѣвшая 600 душъ, впродолженіе десяти лѣтъ своими истязаніями отправила на тотъ свѣтъ 139 человѣкъ своихъ крестьянъ, преимущественно женщинъ, навлекавшихъ на себя гнѣвъ госпожи нечистымъ мытьемъ платья или половъ. Въ числѣ забитыхъ и засѣченныхъ были дѣвочки лѣтъ 11 и 12. Преданіе говоритъ даже, что Салтычиха употребляла себѣ на жаркое вмѣсто сладкаго мяса женскія груди. Екатерина велѣла посадить ее въ темную подземную тюрьму на всю жизнь (Р. Арх., 1865, 642). Но это былъ почти единственный примѣръ строгости противъ помѣщиковъ, и самый законъ, запрещая жаловаться на нихъ, гарантировалъ ихъ произволъ и самодурство. Если же какъ

нибудь злодѣяніе дворянина раскрывалось, то его наказывали слегка. Въ 1772 г. генеральша фонъ-Эттингеръ засѣкла до смерти своего крестьянина, и императрица утвердила сенатскій приговоръ,—посадить ея превосходительство въ тюрьму на 1 мѣсяцъ (П. С. З., № 13,758). И правительство, вооружаясь иногда противъ помѣщичьихъ злоупотребленій, въ большинствѣ случаевъ—скажемъ словами Бѣляева—„ограничивалось однимъ убѣжденіемъ, проповѣдью, какъ будто не имѣло права дѣйствовать въ формахъ принудительнаго закона и какъ-будто признавало за помѣщиками право такихъ поступковъ, которые само же нравственно порицало, какъ безчеловѣчные“ (Крестьяне на Руси, стр. 311). Помѣщики были совершенно испотачены и превращались въ такихъ деспотовъ, какихъ рѣдко встрѣтишь даже въ глубокой Африкѣ. Какой нибудь дикій звѣрь, въ родѣ Куролесова, сплошь и рядомъ дѣлалъ изъ своего помѣстья чистый адъ,

Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой, протяжный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой душилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ.

Крестьяне страдали невыносимо. Въ русскихъ помѣстьяхъ не стояли висѣлицы, какъ на дворянскихъ имѣніяхъ западнаго края (Р. Арх., 1869, 921), но за-то были цѣлые арсеналы кошекъ, плетей, кнутовъ, палокъ, колодокъ и другихъ орудій истязанія. Злодѣйства Салтычихи были далеко не исключеніями; помѣщики не казнили своихъ крестьянъ, за-то сплошь и рядомъ засѣкали ихъ. Тѣлесное истязаніе рабовъ было однимъ изъ главныхъ занятій и развлеченій грубаго деревенскаго дворянина. Вотъ что, напр., разсказываетъ въ своихъ запискахъ Даниловъ о своей родственницѣ-вдовѣ, у которой онъ жилъ. „Охотница великая была кушать щи съ бараниной; какъ скоро примется свои щи любимыя кушать, то кухарку притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно,

нихъ только дворянъ считалъ *честными*, а остальныхъ—*тварями*, рожденными *служить*, а *не господствовать* (Р. Славатинскій, 76; „Русск. Вѣстн.“, т. XXXV). Крѣпостное право, такимъ образомъ, заражало собою всѣ отправленія народной жизни, оно раззоряло, оно порабощало, оно убивало тѣло, убивало умъ, развращало сердце, подавляло народное развитіе въ самомъ его источникѣ.

Къ разъѣдавшей Россію язвѣ крѣпостного права присоединилось еще безчисленное множество другихъ золъ. Постоянные рекрутскіе наборы лишали страну лучшихъ производительныхъ силъ ея; по вычисленію кн. Щербатова съ 1718 по 1768 г. съ одной только Великороссіи „взято 1,132,000 рекрутъ, т. е. 6-й человѣкъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ, а конечно, не меньше третьяго изъ работниковъ“. Сборы, повинности, баснословное взяточничество, самое наглое казнокрадство, чисто азіятское неправосудіе, воровства и разбои, болѣзни и голодъ—все это, по признанію оффиціальныхъ актовъ самаго правительства—водворяло въ Россіи нищету, анархію, всеобщее недовольство. Раскольники, солдаты, крестьяне, инородцы, каторжные, семинаристы—все нищее, голодное, озлобленное составляло многочисленныя бѣглыя шайки, разносившія всюду огонь, смерть, опустошеніе, ужасъ. Противъ разбойниковъ принимались ужасныя мѣры; 12,000 шпицрутеновъ было однимъ изъ обыкновенныхъ наказаній; атамана Заметаева, дѣйствовавшаго по всему поволжью отъ Саратова до моря, велѣно бить нещадно кнутомъ во всѣхъ мѣстахъ, куда только проникла слава Заметаева и заходила его шайка (Мордовцовъ, II, 68). Но всѣ эти жестокости не вели ни къ чему, а военныя команды, посылаемыя для сыска, искорененія и наказанія воровъ и разбойниковъ дѣйствовали немногимъ лучше послѣднихъ, нападая на правыхъ и виноватыхъ. Въ тѣсной связи съ разбоями стояли крестьянскіе движенія и бунты, шедшіе черезъ все царствованіе Екатерины. Крестьяне то тамъ, то здѣсь поднимались противъ

помѣщиковъ и ждали свободы, волнуясь разными слухами и подложными манифестами. Такъ, напр., въ 1764 г. былъ распространенъ фальшивый высочайшій указъ, начинавшійся словами: „время уже настало, чтобы лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегаетъ“ и проч. (П. С. З.; № 12,313). При этомъ, по тогдашнему обыкновенію, начальство нерѣдко дѣлало *бунтомъ* самое невинное событіе крестьянской жизни. По свидѣтельству самой Екатерины были „такіе начальники, которые слово *бунтъ* употребляли тамъ, гдѣ его признаковъ нѣтъ, отчего только излишняя тревога и всякое злоупотребленіе происходили“. (Р. Арх., 1867, 512). Самазванцы росли, какъ грибы, и Петры III-и то и дѣло появлялись не только въ разныхъ концахъ Россіи, но даже заграницей, въ Черногоріи. Самозванство сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ промысла, на который человѣкъ пускался иногда „безъ дальняго замысла, въ пьянствѣ, съ дурости“ (Мордовц., II, 96). Жестоко карали самозванцевъ и ихъ послѣдователей; даже женщинъ, за одни только разговоры о самозванцахъ, „во унятіе и въ подлежащій всѣмъ страхъ, дабы перестали непристойные плодить разговоры и совсѣмъ предали оное вкоренившееся зло забвенію—учиня публичное съ барабаннымъ боемъ жестокое плетьми наказаніе и подрѣзавъ платье, яко нетерпимыхъ въ обществѣ, черезъ профосовъ выгоняли за-городъ метлами“ (id, 94).

Непрестанные крестьянскіе бунты, самозванство, разбои, казачество, расколъ—все это соединилось наконецъ въ одно и разразилось пугачовщиной, во время которой, какъ и въ Смутное время, какъ и при Стенькѣ Разинѣ, Россія снова распалась на два лагеря: въ одномъ стояла бунтующая чернь, въ другомъ дворянство и служилые люди, желавшіе сохранить крѣпостное право. Начался, по выраженію Державина, „прекровожаждущій на благородныхъ рыскъ“, началась народная революція, цѣлью которой, по понятіямъ современ-

никовъ, были истребленіе дворянства и превращеніе всей Россіи въ мужицкое царство (Зап. о жизни Бибикова).

Извѣстно, какихъ трудовъ и усилій стоило усмиреніе пугачовщины, какими звѣрствами, какимъ истребленіемъ людей и хозяйствъ сопровождались дѣйствія обѣихъ сторонъ. Всюду—казни, экзекуціи, гонка сквозь строй, висѣлицы, голодъ, пожары, тюрьмы переполненныя арестантами, умирающими отъ тѣсноты и голода; тысячи народа, идущаго по канату на каторгу и въ ссылку; если, кто изъ этихъ колодниковъ оказывалъ „хотя малѣйшее беззаконіе" то „такого, яко уже недостойнаго совсѣмъ жить, кололи" (Мордовцевъ, I, 197, 212). Помѣщики ревностно разыскивали бунтовщиковъ, жестоко наказывали ихъ сами или представляли въ канцеляріи съ просьбою „о наказаніи кнутомъ и плетьми и объ отнятіи членовъ, т. е. ушей, а если достойны будутъ, то и о лишеніи живота" (Р. Арх., 1868 г.. стр. 1864). Власти даже и безъ подобныхъ просьбъ были безчеловѣчны къ бунтовщикамъ, подвергая ихъ самымъ мучительнымъ казнямъ. „Эти казни невѣроятны", говоритъ Пушкинъ. Однихъ растыкивали по кольямъ, другихъ вѣшали ребрами на крюки, нѣкоторыхъ четвертовали, „остальныхъ *прощали*, отрѣзавъ имъ носы и уши" (Б. Зап. 1859, 179).

Пугачовщина не только раззорила Россію, подвергнувъ ее всѣмъ ужасамъ нищеты и голода, но и послужила мотивомъ для усиленія реакціи. Мало того, что всѣ рыцари крѣпостничества, обуянные страхомъ, начали кричать и проповѣдывать о необходимости для „подлаго народа" ежовыхъ рукавицъ и самой строгой опеки, пугачовщину старались приписать даже вліянію иностранныхъ происковъ! Графъ Орловъ, Вольтеръ, сама императрица были не прочь думать, что пугачовщина затѣяна французскими агентами; другіе подозрѣвали тутъ интригу какой нибудь придворной партіи (Щебальскій, Пугачовщина, 7, 92). Пугачовщина породила въ высшихъ сферахъ крайнюю подозрительность и дала матеріалъ для системы за-

пугиванья,—системы, окончательно вошедшей въ силу подъ шумъ грозныхъ событій французской революціи. Екатерина еще до революціи отвергла всѣ политическія стремленія энциклопедистовъ, какъ „разрушительныя утопіи“. Когда въ 1773 г. Дидро, посѣтившій императрицу, развивалъ ей основныя мысли свои о свободѣ и правахъ народа, то Екатерина, считавшая все это *мальчишествомъ* и *несбыточными теоріями*, отвѣчала ему: „со всѣми вашими великими правилами хорошо писать книги, но плохо дѣйствовать. Во всѣхъ своихъ планахъ преобразованій вы забываете различіе нашихъ положеній; вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ; я же, бѣдная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая чувствительнѣе и щекотливѣе бумаги“ (XVIII Вѣкъ, I, 289). Когда же „несбыточныя теоріи“ начали осуществляться на практикѣ, когда началась французская революція, то Екатерина окончательно отказалась отъ очень многихъ своихъ прежнихъ либеральныхъ увлеченій и открыто объявила себя защитницею всего стараго порядка. „Мы не должны—говорила она—предавать добродѣтельнаго короля въ жертву варваровъ. Ослабленіе монархической власти во Франціи подвергнетъ опасности всѣ другія монархіи. Безначаліе есть злѣйшій бичъ, особливо когда дѣйствуетъ подъ личиною свободы, сего обманчиваго призрака народовъ. Европа вскорѣ погрузится въ варварство, если не поспѣшатъ ее отъ онаго предохранить“. Получивъ извѣстіе о казни Людовика XVI, Екатерина даже заболѣла, слегла въ постель и два дня никого къ себѣ не принимала. Раздраженіе противъ „варварства французовъ“ доходило у нея до того, что она выражала желаніе „совершенно уничтожить даже самое названіе *французы!*“ Въ то же время она дала указъ сенату о прекращеніи сношеній съ Франціей и о высылкѣ изъ Россіи всѣхъ обоего пола французовъ, которые не принесутъ присяги по образцу, приложенному при указѣ, и не отрекутся отъ республики (Зап. Храповицкаго; Грибовск., 48). Ненависть къ

новымъ порядкамъ и боязнь якобинской интриги, ревностно поддерживаемыя французскими эмигрантами и домашними реакціонерами, быстро заражали собою все общество. Началась остервенѣлая руготня французовъ, въ родѣ того, напр., что „Мирабоа не единой, но многіе висѣльницы достоинъ“. Въ самыхъ невинныхъ вещахъ видѣли какія-то „вылазки“ и „французскій ядъ“ или „предложенія, уничтожающія законы и совершенно тѣ, отъ которыхъ Франція вверхъ дномъ поставлена“ (Храповицк., 226). Всюду грезились якобинцы, и генералъ-адъютантъ Пассекъ, услышавъ сплетню, что французскіе демагоги разослали въ разныя страны своихъ агентовъ для умерщвленія государей, удвоилъ караулы при всѣхъ входахъ во дворецъ (Грибовск., 51). Екатерина усилила дѣятельность тайнаго полицейскаго надзора, но розыски отечественныхъ якобинцевъ кончались иногда весьма комически. „Императрица—разсказываетъ кн. Голицынъ—призвала петербургскаго оберъ-полицеймейстера Рылѣева и сказала ему, что во Франціи есть партія якобинцевъ, которые ходятъ въ красныхъ шапкахъ, и чтобы онъ смотрѣлъ, нѣтъ ли въ Петербургѣ такихъ же. Рылѣевъ вышелъ изъ дворца и ѣдетъ разъ по адмиралтейской площади, на которой въ третьемъ этажѣ жилъ отставной генералъ; этотъ генералъ въ халатѣ и въ красномъ колпакѣ сидѣлъ у окна. Рылѣевъ остановился, пошелъ къ нему и велѣлъ ему ѣхать съ нимъ во дворецъ. Старикъ испугался, но поѣхалъ“. Рылѣевъ представилъ императрицѣ пойманнаго имъ *якобинца*, арестованнаго, какъ объяснялъ онъ государынѣ, за то, что онъ сидѣлъ въ красномъ колпакѣ. Императрица разбранила Рылѣева, а генералу удвоила пенсію (Р. Арх., 1869, 638).

Не менѣе страху и подозрительности нагоняло сильное распространеніе масонства и другихъ мистическихъ доктринъ и обществъ. Масонство было и прежде противно императрицѣ своими бреднями, своею оппозиціей наукѣ; теперь же она сдѣлалась его открытымъ врагомъ, тѣмъ болѣе, что оно было

сильно заподозрѣно въ Германіи, гдѣ подъ маскою преслѣдованія иллюминатства было начато самое остервенѣлое гоненіе противъ всѣхъ свѣтлыхъ взглядовъ и благородныхъ стремленій общества. Въ невѣжественной же Россіи было еще хуже; слова *фармазонъ* и *волтерьянецъ*, проникшія даже въ народную массу нагоняли несравненно болѣе ужаса и тупоумнаго негодованія, чѣмъ въ послѣднее время изобрѣтенное на смѣну имъ слово *нигилистъ*. Общество считало масоновъ „отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ и т. п.“ (Дмитріевъ. Мелочи изъ моей памяти, 49; Записки Держав., 25). Хотя масонская филантропія была совершенно безвредна, хотя масонскій мистицизмъ былъ положительною реакціей либеральнымъ доктринамъ запада, а піетизъ масоновъ боролся съ невѣріемъ и равнодушіемъ къ религіи, но люди, понимавшіе все это, не могли простить свободнымъ каменьщикамъ ихъ идеи равенства и особенно ихъ мыслей о свободѣ крестьянъ. Каждое слово, каждое дѣйствіе, мало-мальски направленныя къ общенародной пользѣ, возбуждали доносы и обвиненія въ фармазонствѣ. Даже губернаторы и намѣстники, защищавшіе иногда угнетаемыхъ крестьянъ, обвинялись въ масонствѣ (Р. Арх., 1865, 884), подобно тому, какъ въ наши дни провозглашали нигилистами нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ.

Страхъ крестьянскихъ волненій и новой пугачовщины былъ также однимъ изъ главныхъ мотивовъ реакціи. Къ этому присоединялись еще заговоры, напр., попытка офицера Мировича освободить изъ Шлиссельбурга и возвести на престолъ Ивана Антоновича, заговоръ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, притязанія неизвѣстной авантюристки, которая была похищена гр. Орловымъ изъ Ливорно и умерла въ петропавловской крѣпости, и т. д. Все это нагоняло страхъ, вселяло подозрительность, заставляло серьезно относиться даже къ бабьимъ

сплетнямъ и толкамъ черни. Въ 1763 г. изданъ указъ „о воздержаніи каждому себя отъ непристойныхъ званію его толкованій и разсужденій“ (П. С. З., № 12,003). Въ Москвѣ и въ Петербургѣ то и дѣло сожигались черезъ полачей разные „пасквили“, а державшіе ихъ у себя лица ссылались въ Нерчинскъ (П. С. З., № 12,089; 12,313, 12,890) Въ 1785 г. участницы въ распространеніи каррикатуръ и пасквилей, фрейлина Эльмитъ и мадамъ Дивова были даже высѣчены домашнимъ образомъ (Р. Арх., 1865, 442). Екатерина въ своихъ письмахъ губернаторамъ и намѣстникамъ постоянно рекомендуетъ имъ слѣдить за политическими толками и сплетнями и немедленно прекращать ихъ. „Прошу васъ“—пишетъ, напр., она въ Москву кн. Волконскому—„прошу васъ, чтобы вы держались моего правила, т. е. непропускать вракъ безъ изслѣдованія. Какъ нынѣ въ Москвѣ вранья безъ конца и безъ счету, того для, если вы усмотрите, что сіи врали не унимаются, прикажите враля-другого высѣчь плетьми публично, сказавъ въ сентенціи, что то дѣлается для воздержанія вралей отъ вранья“ (XVIII Вѣкъ, I, 63).

Всѣ упоуянутые страхи, большею частію ложные и поддерживаемые реакціонерами, заставили Екатерину возстановить тайную канцелярію, противъ которой она такъ вооружалась въ началѣ своего царствованія. На сцену выступилъ знаменитый Шишковскій, при каждой встрѣчѣ съ которымъ Потемкинъ спрашивалъ его: „каково кнутобойничаешь?“ — „Помаленьку, ваша свѣтлость, по маленьку-съ“, отвѣчалъ обыкновенно Шишковскій. Этотъ Шишковскій иногда собственноручно пыталъ и наказывалъ знатныхъ арестантовъ; въ рукахъ его бывали даже дамы (Р. Арх., 1866, 264). Случалось, что этотъ кнутобоецъ со своей командой расхаживалъ по частнымъ домамъ и сѣкъ хозяевъ, виноватыхъ въ какой-нибудь либеральной болтовнѣ. Сѣти тайнаго надзора были раскинуты всюду, и запрещенное Екатериной *слово и дѣло* воскресло, только въ новой формѣ. Еще въ началѣ сво-

его царствованія, по поводу уничтоженія тайной канцеляріи, Екатерина завѣряла „точно — своимъ императорскимъ словомъ, что за справедливый доносъ всегда учинено будетъ, смотря по важности дѣла, достойное награжденіе“ (П. С. З., № 11,687), теперь же это средство вошло въ прежнюю свою силу. Въ Петербургѣ надъ полиціей была еще полиція въ лицѣ жившей при дворѣ шутихи Матрены Даниловны, черезъ которую Екатерина знала все, что дѣлается въ городѣ (Р. Арх., 1869, 639). То и дѣло предписывала она столичной и провинціальной полиціи „наисекретнѣйшимъ и безпримѣтнымъ образомъ наблюдать“ за такими-то, выслать туда-то такого-то, „подъ видомъ контробанды“ обыскать такихъ-то, „осмотрѣть“ такія-то письма, „отобрать, подъ видомъ таможеннаго осмотра, всѣ имѣющіяся“ у такихъ-то „бумаги и письма, и по освидѣтельствованіи оныхъ извѣстнымъ способомъ въ почтамтѣ, буде въ нихъ ничего сумнительнаго не найдется, доставя намъ списки, подлинныя имъ возвратить и самихъ ихъ отпустить въ путь имъ предлежащій, а въ противномъ случаѣ всѣ бумаги намъ представить съ нарочнымъ, а путешественниковъ, подъ предлогомъ утайки или же провоза вещей законами запрещенныхъ, задержать впредь до указа“ (Р. Арх. 1864, 426, 455; XVIII Вѣкъ, I, 96, 391, 395).

Все это придало новыя силы воспитанной у насъ вѣками ябедѣ. Доносъ по-прежнему сталъ орудіемъ личныхъ или корпоративныхъ разсчетовъ, средствомъ для отличія. Все было можно возвести на степень государственнаго преступленія. „Нерѣдко правиломъ пріемлется“ — говоритъ Радищевъ — „что даже противорѣчіе власти начальника есть оскорбленіе верховной власти. Мысль несчастная, тѣснящая духъ и разумъ и на мѣсто величія водворяющая робость, рабство и замѣшательство подъ личиною устройства и покоя“ (XVIII В., II, 303). Съ какими натяжками сочинялись государственныя преступленія, показываетъ дѣло Новикова и его друзей. Они были мистики, филантропы и, по свидѣтельству митро-

полита Платона, примѣрные христiане; чтенiе публичныхъ лекцiй, изданiе книгъ по разнымъ отраслямъ знанiя, доставленiе средствъ жизни бѣднымъ университетскимъ студентамъ и отправка ихъ въ заграничные университеты, вспомоществованiе крестьянамъ, изданiе журналовъ, особенно сатирическихъ — вотъ незабвенныя заслуги Новикова, Шварца и ихъ сотрудниковъ. Но эти благородные дѣятели осмѣливались мечтать о свободѣ крестьянъ, но они толковали о какомъ-то равенствѣ, но новиковская сатира дерзостно хлестала пороки и тупоумiе общества, но масонскiя ложи вооружали противъ себя духовенство, но издаваемыя Новиковымъ книги разсѣвали измышленiя „лжеименнаго разума“, — и эти люди сдѣлались государственными измѣнниками, злодѣями, атеистами, даже мазуриками!.. Для арестованiя Новикова былъ посланъ въ его деревню цѣлый эскадронъ гусаръ. Когда его привезли въ Москву, то Прозоровскiй началъ допросы тѣмъ, что указывая на одну изъ изданныхъ Новиковымъ книгъ нравственнаго содержанiя, въ которой внизу страницъ находились обычныя краткiя ссылки на главы и мѣста библiй, сказалъ: „вотъ тутъ-то, подъ этими знаками и скрываются ваши зловредныя разсужденiя. Все это разберутъ и узнаютъ ваши умыслы!“ (Русск. Вѣстн., т. XI, 572). Понятно, что съ такими нелѣпыми вопросами Прозоровскiй немногое могъ открыть изъ „адскихъ замысловъ тонкаго плута“ Новикова, хотя есть извѣстiе, что онъ подвергалъ его пыткѣ. Новиковъ былъ отправленъ въ Петербургъ, къ Шишковскому.

Вотъ нѣкоторыя изъ вопросовъ, заданныхъ Новикову, и взведенныхъ на него обвиненiй.

„Предлагалъ ты сборищу (т. е. масонскому обществу), чтобы составить комитетъ для перевода (религiозныхъ) системъ древнихъ народовъ и богослуженiя; а какъ въ Россiи богослуженiе и обряды уже установлены, то за симъ никакое богослуженiе и обряды, а паче египетскiе и жидовскiе, кои на евангелiи не основаны, терпимы быть не могутъ“, то

слѣдовательно, переводомъ упомянутыхъ системъ масоны хотѣли развращать ученіе россійской церкви".

Масонское общество, назвавшееся *орденомъ*, подало поводъ къ разспросамъ, какой такой *орденъ носятъ масоны?* „Объ орденѣ хотя и говорятъ, что у нихъ никакого ордена не возлагаютъ, но сіе сказано неправда, потому что изъ бумагъ ихъ видно, что они называютъ его святымъ и дѣлаютъ ему присягу съ ужасною клятвою, а скрываютъ о ношеніи онаго потому, чтобъ избѣгнуть за самовольное его ношеніе законнаго осужденія!.."

Новикову поставлено въ вину, что вся его дѣятельность „клонилась *къ благополучію людей*, т. е. равенству!" Поставлено въ вину, что съ просьбою о наученіи его закону божію онъ пробѣгалъ „къ невѣдомому человѣку Рейхелю, а не къ россійскимъ пастырямъ, конечно, просвѣщеннымъ и свѣдущимъ законъ божій". Сношенія масоновъ со своими магистрами, принцами брауншвейгскимъ и кассельскимъ, было выставляемо въ такомъ видѣ, что они, „будучи подданными самодержицѣ, нарушили свои обязательства государю и государству" и вступили въ иностранное подданство!—Мало того, Новиковъ оказался „грабителемъ и мошенникомъ". Самъ онъ показалъ, что въ четыре года барыша (отъ книжной торговли) получилъ 150,000 р., „*а изъ сего довольно ясно*, какъ онъ продажею книгъ *грабилъ публику*, а потому можно ли его благонамѣреннымъ и непорочнымъ назвать!" Изъ одного того, что нѣкто Походяшинъ далъ новиковскому обществу 50,000 р., было выведено, „что Походяшинъ имъ (Новиковымъ) *коварно обольщенъ и обманутъ*, ибо 50,000 р. таковому, каковъ есть Новиковъ, повѣрить, да еще безъ всякаго обязательства, никакъ, кажется, невозможно!" Главное же обвиненіе новиковцевъ основывалось на томъ обстоятельствѣ, что великій князь Павелъ, заинтересовавшись обществомъ, познакомился съ однимъ изъ его членовъ, который и доставилъ ему нѣсколько масонскихъ книгъ. Изъ этого вывели, что они, какъ „совер-

шенные іезуиты“, всѣ положенія которыхъ о равенствѣ направлены противъ „персоны государевой“, хотѣли завлечь въ свое общество *„персону“*, т. е. Павла, „чтобы привести конецъ злому своему намѣренію и сдѣлать хуже, чѣмъ съ французскимъ кралемъ“ (Людвикомъ XVI); Екатерина же была настроена такъ, что видѣла въ этомъ умыселъ возвести Павла на престолъ (Сборн. Р. Историч. Общ., II, 99—140). Какъ обходились съ арестованными, показываетъ исторія студента Невзорова. Онъ не хотѣлъ отвѣчать Шишковскому безъ присутствія университетскаго депутата или „командира“ университета. „Наконецъ, сказано ему, Невзорову, было, что если онъ отвѣтствовать не будетъ, то яко ослушникъ власти, по повелѣнію ея императ. велич., будетъ сѣченъ...“ Невзоровъ сошелъ съ ума; всюду грезились ему „шпіоны и іезуиты, кои мучатъ его составами Каліостро, горючими матеріями“. Онъ переведенъ въ сумасшедшій домъ, изъ котораго освобожденъ уже при Павлѣ (id., 142, 144).

Въ родѣ же новиковскаго было и дѣло Радищева, напечатавшаго свою извѣстную книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, въ которой онъ болѣе всего нападалъ на крѣпостное право. Дѣло началось по доносу Державина. Екатерина увидѣла въ этой книгѣ „разсѣеваніе французской заразы“, нашла, что „авторъ мартинистъ, бунтовщикъ, хуже Пугачова; хвалитъ Франклина, какъ начинщика и себя такимъ же представляетъ“ (Зап. Храповиц.). Радищевъ отданъ Шишковскому, который довелъ его до того, что онъ въ своихъ отвѣтахъ показывалъ: писалъ книгу „по самасбродству своему“; на помѣщиковъ клеветалъ, ибо „у хорошаго помѣщика крестьяне благоденствуютъ больше, нежели гдѣ либо“; на цензуру нападалъ по глупости; „чтобы прослыть писателемъ и заслужить гораздо лучшую репутацію, нежели какъ объ немъ думали, издалъ эту книгу, относительно которой понялъ теперь самъ, какими гнусными, дерзкими и развратными выраженіями наполнена она“ (Чтенія, 1865, III).

Сенатъ приговорилъ его къ смерти; императрица помиловала десятилѣтнею ссылкою въ Илимскъ. Новикову досталось хуже: его посадили на 15 лѣтъ въ шлиссельбургскую крѣпость.

Радищевъ былъ первымъ представителемъ у насъ идей XVIII вѣка. Освобожденіе крестьянъ было его завѣтною мечтою. Набросанныя имъ возмутительныя картины крѣпостнаго права и мысли о свободѣ крестьянъ—лучшія мѣста въ его „Путешествіи". Свободу печати онъ понималъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. „Пускай печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ. Кто найдетъ себя въ печати обиженнымъ, тому да дается судъ по формѣ. Я говорю не смѣхомъ. Слова не всегда суть дѣянія, размышленія—не преступленія... Запрещая вольное книгопечатаніе, робкія правительства не богохуленія боятся, но боятся сами имѣть порицателей... Для того-то вольность мыслей имъ страшна... Но если власть не на туманѣ мнѣнія возсѣдаетъ, если престолъ ея основанъ на искренности, на истинной любви общаго блага, не утвердится-ли онъ болѣе, когда основаніе его будетъ явно? Буде власть шествуетъ стезей ей назначенною, то не возмутится она отъ пустого звука клеветы. Но горе ей, если въ несправедливости своей она гонитъ правду!.. Ни въ Греціи, ни въ Римѣ, ни гдѣ не находимъ примѣра, чтобы избранъ былъ судія мысли, чтобы кто дерзнулъ сказать: у меня просите дозволенія, если хотите отверзать уста ваши на велерѣчіе; у насъ клеймится разумъ, науки и просвѣщеніе, и все, что безъ нашего клейма явилось въ свѣтъ, объявляемъ заранѣе глупымъ, мерзкимъ, негоднымъ. Таковое постыдное изобрѣтеніе", продолжаетъ Радищевъ, было сдѣлано католическими „священнослужителями, которые были всегда изобрѣтателями оковъ, которыми въ разныя времена отягчался разумъ человѣческій; они подстригали ему крылья, да не обратитъ полетъ свой къ величію и свободѣ... Цензура была современна инквизиціи. Цензура изобрѣтена на заключеніе истины и просвѣщенія въ тѣснѣй

шіе предѣлы, изобрѣтена властію, недовѣрчивою къ своему могуществу, на продолженіе невѣжества и мрака во дни наукъ и любомудрія, когда разумъ отрясъ несродныя ему оковы суевѣрія... Постыдное монашеское изобрѣтеніе трепещущей власти принято повсемѣстно, укоренено и почитается надежною преградою заблужденія".—Преклоняясь предъ идеаломъ свободы, Радищевъ доказываетъ нищету жившихъ тогда въ русскомъ обществѣ идеаловъ *внѣшняго порядка и тишины*, *роскоши* и *военной славы*. „Устройство на счетъ свободы столь же противно блаженству нашему, какъ и самыя узы. Сто невольниковъ, пригвожденныхъ къ стѣнамъ корабля, веслами въ пути своемъ двигаемаго, живутъ въ тишинѣ и устройствѣ; но загляни въ ихъ сердце и душу. Терзаніе, скорбь, отчаяніе! Они желали бы промѣнять жизнь на кончину, но и ту имъ оспариваютъ... И такъ, да не ослѣпимся внѣшнимъ спокойствіемъ государства и его устройствомъ, и для сихъ только причинъ не почтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердце согражданъ. Если въ нихъ найдемъ спокойствіе и миръ, тогда по истинѣ можно сказать: се, блаженны!.. Общественная роскошь, напр., „огромность зданій безполезныхъ обществу, есть явное доказательство его порабощенія"... „Въ славѣ завоеваній—звукъ, гремленіе, надутость и истощеніе!.. Плодъ завоеванія—убійства и ненависть"... („Путешествіе", предисловіе Антоновича къ шлоссеровской Исторіи XVIII Вѣка, стр. XXX—XXXVII).

Въ самую либеральную пору екатерининскаго царствованія, литература далеко не пользовалась тою свободою слова, которой такъ боялась партія крѣпостниковъ и реакціонеровъ. Если можно такъ выразиться, то литература, состояла при Екатеринѣ „по особымъ порученіямъ" и императрица пользовалась ею для проведенія своихъ реформъ. Обличать, осуждать, бить можно было только то, что преслѣдовалось правительствомъ, — никакъ не болѣе. Нападать на недостатки и злоупотребленія можно было только заднимъ числомъ. „Прежде

было все худо; нынѣ, къ изумленію міра, все исправляется и идетъ къ лучшему“—вотъ общая тема и тогдашнихъ офиціальныхъ актовъ и литературныхъ произведеній. Знаменитая сатира екатерининскаго вѣка поневолѣ позолочивалась лестью и окуривалась фиміамомъ панегирика. Но и подслащенная такимъ образомъ сатира возбуждала сильное негодованіе въ обществѣ, и Новикову замѣчали, что онъ „не въ свои-де сани садится, зачиная писать сатиры на придворныхъ господъ, бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая-де смѣлость ничто иное есть, какъ дерзновеніе“. При этомъ намекали даже, что автора могутъ „послать потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русскаго владѣнія“, т. е. Сибири. Къ концу царствованія сатира совершенно замолкла, и вся почти литература превратилась въ панегирикъ, воспѣвавшій, главнымъ образомъ, какъ Екатерина, выражаясь словами Державина,—

Стамбулу бороду ерошитъ,
На Таврѣ ѣздитъ чехардой,
Задать Берлину перцу хочетъ, и т. д.

Въ началѣ екатерининскаго царствованія у насъ были переведены сочиненія почти всѣхъ замѣчательныхъ французскихъ писателей XVIII и нѣкоторыхъ англійскихъ XVII и XVIII в.в.,—Вольтера, д'Аржанса, Вольнея, Гельвеція, Гоббса, Даламбера, Дидро, Локка, Рейналя, Ж. Ж. Руссо, Гуго Гроція, Кондильяка, Мабли, Пенна, Свифта, Юма и др. Эти переводы встрѣчали многочисленныхъ противниковъ. Всѣ эти „книги суть самыя зловредныя“, писалъ императрицѣ митрополитъ Платонъ. „Сіи гнусныя и юродивыя порожденія такъ называемыхъ энциклопедистовъ слѣдуетъ исторгать, какъ пагубные плевелы между добрыми сѣменами“ (Русск. Вѣстн., XI, 567). И бывшая поклонница, покровительница и другъ энциклопедистовъ начала „исторгать“... „Слышно“,—писала Екатерина,—„что въ академіи наукъ продаютъ книги противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ, противъ націи,

которыя *во всемъ свѣтѣ запрещены* (!), какъ, напр., Эмиліи Руссовы, Меморіи Петра III, письмы жидовскія по французскому и много другихъ подобныхъ“ (XVIII В., III, 392)... Вольныя типографіи закрыты, при таможняхъ учреждены цензурныя управленія для просмотра иностранныхъ книгъ и газетъ, усилена цензура внутренняя. До чего была стѣснена печать, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ 1784 г. за напечатаніе въ „Московск. Вѣдомостяхъ“ неблагопріятной для іезуитовъ исторіи ихъ ордена, Екатерина была крайне раздражена этимъ и велѣла конфисковать листы „Вѣдомостей“. „Давъ покровительство наше сему ордену“ — писала она—„не можемъ дозволить, чтобъ отъ кого либо малѣйшее предосужденіе оному учинено было“. Капнистовская комедія „Ябеда“, дозволенная даже при Павлѣ, не могла быть издана при Екатеринѣ. Въ 1793 г. разразилась гроза надъ Княжнинымъ за его трагедію „Вадимъ“; авторъ не попалъ въ руки Шишковскому только благодаря своей смерти. Гр. Салтыковъ нашелъ въ этой трагедіи много предосудительнаго и донесъ императрицѣ. Началось слѣдствіе, которому были привлечены даже дѣти покойнаго автора. Трегедію повелѣно изъять изъ обращенія и уничтожить „съ осторожностью и безъ огласки, не вмѣшивая высочайшаго повелѣнія“ (Рус. Стар., III, 732). Между тѣмъ, вся „опасность“ этой піесы состояло въ томъ, что Вадимъ говоритъ и борется противъ самодержавныхъ замысловъ Рюрика. Къ этому нужно прибавить, что самыя рѣзкія выраженія въ трагедіи, въ родѣ, напр., — „самодержавна власть все нынѣ пожираетъ“, или—

«Какой герой въ вѣнцѣ съ пути не совратился?
Величья своего отравой упоенъ,
Кто не былъ изъ царей въ порфирѣ извращенъ?»

Были далеко не самыми рѣзкими въ тогдашней литературѣ, въ которой совершенно безнаказанно проходили и не такія фразы *).

---

*) Таковы, напр., стихи въ трагедіи Николева «Сорена и Замиръ».
Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,

Даже Державинъ чуть-чуть избавился отъ Шешковскаго, которому уже было поручено допросить его по поводу „якобинскихъ стиховъ", оказавшихся переложеніемъ 18-го псалма **).

При такомъ умонастроеніи общества мѣры императрицы относительно народнаго образованія не могли не подчиниться реакціонному духу времени. Объ образованіи народа нечего было и думать. Его старались воспитывать въ чувствахъ зависимости, и дворянство объ этомъ разсуждало такъ. „Прежде всего надлежитъ стараться, чтобы земледѣльцы и бобыли о своихъ дѣлахъ разсуждали такъ, что они трудятся не для одной только своей пользы, но обязаны быть безпрекословными данниками, не воображая никакихъ въ своемъ званіи невозможныхъ случаевъ, а притомъ представлять себѣ въ примѣръ военныхъ людей, которые за отечество предаются во всѣ опасности и жертвуютъ самою жизнію. Они исполняютъ по волѣ повелителя все, что до ихъ

Который заключенъ въ одной монаршей волѣ,
Льзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престолѣ,
Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца?
Въ монархѣ не всегда находимъ мы отца»...

(«Русск. Вѣстникъ», 1860, IV, 639).

**) Вотъ самые рѣзкіе изъ этихъ стиховъ:

Возсталъ всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ, рекъ, доколь вамъ будетъ
«Щадить неправедныхъ и злыхъ!..»
—Не внемлютъ, видятъ и не знаютъ,
Покрыты мздою очеса,
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса!..
Воскресни Боже, Боже правыхъ,
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!..

должности принадлежитъ и ни въ какихъ случаяхъ невозможностью не отрекаются, и изъ сего видно, до чего можно довести людей чрезъ порядокъ и внушеніемъ приличныхъ дозванія ихъ мыслей“. Даже одинъ изъ самыхъ образованныхъ помѣщиковъ XVIII в., Рычковъ, ставившій русское простонародье, за его невѣжество, ниже татаръ, требуетъ, чтобы „только наиболѣе понятныхъ и надежныхъ мальчиковъ обучать грамотѣ и то столько, чтобы въ деревнѣ, имѣющей 100 душъ, писать умѣющихъ крестьянъ болѣе 2 или 3 человѣкъ не было, ибо примѣчается, что изъ такихъ людей научившіеся писать знаніе свое нерѣдко во зло употребляютъ“ (Щаповъ, 86, 87). Подобныхъ же мыслей подъ конецъ своего царствованія держалась и сама Екатерина. „Черни не должно давать образованія“, писала она одному изъ дѣятелей по части народнаго просвѣщенія, „ибо, если она будетъ знать столько же, сколько я и вы, то не будетъ повиноваться намъ въ такой степени, какъ повинуется теперь“ (Scherr Blücher und Seine Zeit, I, 53). Доступъ простонародья въ высшія учебныя заведенія былъ крайне затрудненъ тѣмъ, что при поступленіи въ университетъ требовалось непремѣнно предоставленіе свидѣтельства о правѣ на законную свободу и объ исключеніи изъ подушнаго оклада. Въ среднихъ и низшихъ заведеніяхъ дворянство старалось, по крайней мѣрѣ, совершенно изолировать своихъ дѣтей отъ дѣтей разночинцевъ и крѣпостныхъ людей; въ нѣкоторыхъ губерніяхъ оно не отдавало даже своихъ дѣтей въ народныя училища. При учрежденіи казанской гимназіи было положено, что „дѣти дворянъ и разночинцевъ должны различаться по форменной одеждѣ; въ классахъ сидѣть дворянамъ за особливымъ отъ разночинцевъ столомъ, обѣдъ и ужинъ, а также и постели имѣть въ особливыхъ комнатахъ, наблюдая, сколь возможно пристойности, въ отличіе ихъ благороднаго происхожденія“ (Ж. М. Н. Пр., 1865, X, 57, 127). Самый характеръ общественнаго образованія получилъ односторонній оттѣнокъ.

Усилія тогдашней педагогіи были направлены не на развитіе разума, не на распространеніе реальныхъ знаній, какъ при Петрѣ, а на развитіе добродѣтели и „изящнаго сердца".

Изъ направляемаго такимъ образомъ просвѣщенія старались сдѣлать оплотъ противъ „французской заразы", и въ этомъ стремленіи сходились всѣ враждебныя партіи. Объ этомъ хлопотали и духовенство, и раскаявшіеся въ своемъ либерализмѣ дворяне, въ родѣ Фонъ-Визина, и масоны. „Цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было противопоставлено адской волѣ вольнодумческихъ и безбожныхъ сочиненій", восклицаетъ сотрудникъ Новикова, Невзоровъ.

Русская печать представляла революцію дѣломъ какихъ-то полудикихъ разбойниковъ, стремившихся къ грабежу, убійствамъ и анархіи, какихъ-то мазуриковъ, увлекавшихъ за собою глупую чернь на всевозможныя преступленія. Когда, напр., по предложенію Мирабо, національное собраніе назначило трауръ по смерти Франклина, „Московскія Вѣдомости" (1790 г., № 57), сообщивъ объ этомъ, продолжаютъ: „Притомъ, говорилъ графъ Мирабо, мы довольно уже переносили трауровъ по знаменитымъ особамъ, а теперь время налагать оные по кончинѣ героевъ человѣчества. Подъ сими послѣдними, безъ сомнѣнія, гр. Мирабо разумѣетъ тѣхъ *злодѣевъ рода человѣческаго*, которые, разрушая должное къ верховной власти повиновеніе, имѣютъ цѣлью не благоденствіе народовъ, но свое собственное обогащеніе и возвышеніе или перехожденіе отъ философскихъ умствованій къ набиванію кармановъ деньгами. Таковъ былъ Франклинъ, таковъ, безъ сомнѣнія, и гр. Мирабо со всѣмъ своимъ причетомъ, въ національномъ собраніи засѣдающимъ. Они оставляютъ отечество свое въ бѣдствіи, а наслѣдниковъ своихъ богатствъ, измѣною пріобрѣтенныхъ, въ благоденствіи". Мало этого,—„Московскія Вѣдомости" уличали членовъ законодательнаго собранія даже въ томъ, что они дѣлали свои безсмертныя постановленія „*въ пьяномъ видѣ*". Нѣкто изъ чле-

ко, чтобы повторять на разные лады ходячій тогда комплиментъ государынѣ —

„Петръ россамъ далъ тѣла, Екатерина—душу",—

но антипетровское направленіе все-таки въ весьма сильной степени овладѣло людьми того времени. Петръ хотѣлъ, какъ можно скорѣе, сдѣлать изъ Россіи европейскую страну и вести ее на ряду съ Европой, Екатерина же, особенно въ концѣ своего царствованія, отреклась отъ великой идеи Петра, считая опасными всѣ „поспѣшныя и преждевременныя реформы", „противныя умоначертанію націи". *„Не созрѣли"*, *„неприминимо къ Россіи"*, эти столь хорошо знакомыя намъ фразы были изобрѣтены еще въ то время. Реформа Петра, по мнѣнію Щербатова, развратила русскіе нравы, „истребила мысли благородной гордости въ дворянахъ, ибо стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги", т. е. прислуживанье; „искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести; роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста". Болтинъ шелъ еще дальше и открыто стоялъ за допетровскую Русь. „До Петра русскій народъ былъ единообразенъ въ своихъ обычаяхъ",—говоритъ онъ,—„твердъ въ правилахъ, благоразуменъ, прозорливъ и осмотрителенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ имѣлъ собственный свой характеръ, суровый, можетъ быть, для нашего вѣка, но прямой, честный, умѣвшій чувствовать свое достоинство". Этою же славянофильскою любовью къ старинѣ былъ одержимъ и Новиковъ, который, издавая свою „Вивліоѳику", надѣялся найти полное сочувствіе въ людяхъ, которые, не будучи „заражены Франціею, съ великимъ любопытствомъ будутъ читать описанія обрядовъ, въ сожитіи предковъ нашихъ употреблявшихся, съ неменьшимъ удовольствіемъ увидятъ начертаніе нравовъ ихъ и обычаевъ и съ восхищеніемъ познаютъ великость духа

ихъ, украшеннаго простотою". Это славянофильничанье заразило и такъ называемую „изящную словесность". Напр. въ драмѣ Богдановича „Славяне" Александръ Македонскій бесѣдуетъ съ русской огородницей Потапьевной, восхищается „добронравіемъ, простотою, вѣрностью славянъ и ставитъ эти добродѣтели выше „афинской премудрости", превознося славянъ насчетъ *афинянъ*, подъ которыми авторъ разумѣлъ французовъ. Изображенію древнерусскихъ доблестей и опроверженію „клеветъ" иностранцевъ на допетровскую Россію Екатерина посвятила свои „Записки касательно Россійской Исторіи" и многія мѣста въ своемъ „Антидотѣ", полемическомъ сочиненіи, написанномъ противъ извѣстнаго путешественника аббата Шаппа. Въ этомъ сочиненіи сознательная патріотическая ложь достигаетъ изумительныхъ размѣровъ. Напр.; „у насъ есть сенатъ, имѣющій тѣ же права, что и парламенты". „Въ Россіи никто не ѣстъ каши съ конопляннымъ масломъ", и утверждая это, аббатъ безсовѣстно клевещетъ, желая доказать нашу бѣдность. „Мало есть государствъ, въ которыхъ законъ уважался бы настолько, какъ у насъ". „*Въ числѣ русскихъ генераловъ до сихъ поръ никто не встрѣчалъ слабоумнаго!..*" И такимъ образомъ, каждое невыгодное свѣденіе о Россіи сообщенное аббатомъ, Екатерина опровергаетъ, нисколько не стѣсняясь ни истиною, ни своими убѣжденіями, (XVIII вѣкъ, IV, 242, 264, 290, 299, 424 и др.). Да, не въ одной Германіи „толки о національной вѣрности, благочестіи, объ естественномъ историческомъ развитіи государства начинались каждый разъ, какъ только нужно было противодѣйствовать либеральнымъ теоріямъ" (Шерръ, Ист. Цивилиз. Герм., 563)... Наше славянофильство не разъ играло ту же ретроградную роль, и еще при Екатеринѣ оно провозгласило, что Западъ гніетъ, что мы, русскіе, величайшій народъ въ подсолнечной. Фонъ-Визинъ, напр., остался недоволенъ всѣмъ, что онъ ни видѣлъ во Франціи, Германіи, Италіи. „Если кто изъ молодыхъ моихъ

согражданъ“ — писалъ онъ — „вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начинаетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его въ должную любовь къ отечеству нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его во Францію. Здѣсь, конечно, узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что въ нашемъ отечествѣ можно быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой странѣ“. „Въ Германіи во всемъ генерально хуже нашего; у насъ все лучше и мы больше люди, нежели нѣмцы. Итальянская жизнь, въ которой весьма много свинства“, хуже даже нѣмецкой, а ужъ не только нашей. Словомъ, „если здѣсь (на Западѣ) прежде насъ начали жить, то мы, начиная жить, можемъ дать себѣ такую форму, какую хотимъ, и избѣгнуть тѣхъ неудобствъ и золъ, которая здѣсь вкоренились. Nous commençons et ils finissent!“ (Галаховъ, Ист. Р. Словесн., I, 544).

Эти славянофильскія похвальбы были только отдѣломъ того панегирическаго концерта, которымъ въ вѣкъ Екатерины занималась почти вся образованная и пишущая Россія. Державинъ громогласно заявляетъ о себѣ—

Одинъ есть Богъ, одинъ Державинъ,
Одна мнѣ рифма—древній Нàвинъ,
Что солнца бѣгъ остановилъ!...

Сумароковъ находитъ въ Европѣ равнаго себѣ писателя только въ Вольтерѣ. „Что только видѣли Афины и видитъ Парижъ, то нынѣ Россія стараніемъ моимъ увидѣла. До чего въ Германіи многими стихотворцами не достигли, того я одинъ однимъ перомъ достигнуть могъ. Авторъ въ Россіи— я одинъ“. „Быть адвокатомъ Мельпомены и Таліи, нетолько въ Россіи, но и во всей Европѣ, пристойнѣе всѣхъ г. Вольтеру и мнѣ“ и т. д. Если такъ восхваляли себя, то въ похвалахъ другимъ были рѣшительно необузданны. Вся поэзія состояла изъ одъ и придворныхъ панегириковъ, и фиміамный дымъ похвалъ, наполняя атмосферу, не только скрывалъ всѣ бѣдствія, недостатки и уродливости жизни, но даже пред-

ставлялъ ихъ зрителю совершенно въ превратномъ видѣ въ обманчивыхъ размѣрахъ и краскахъ иллюзіи. Главнымъ предметомъ прославленія служила „богоподобная царица", которой льстили до того, что, по собственному ея признанію, „ей дѣлалось тошно"; Вяземскій, напр., „премудрость ея нетокмо ровнялъ, но и превозвышалъ надъ божіей". Она не могла ступить шагу, чтобы не услышать самаго раболѣпнаго панегирика. „Построитъ-ли кто домъ", говоритъ Щербатовъ, „на данныя отъ нея деньги или на ворованныя, зоветъ ее на новоселье, гдѣ на иллюминаціи пишетъ: *„твоя отъ твоихъ тебѣ приносимая"*; или подписываетъ на домѣ: *„щедротами великія Екатерины"*, забывая припомнить: *„но раззореніемъ Россіи"*; или давая праздники ей, дѣлаетъ сады, нечаянныя представленія, декораціи, вездѣ лесть и подобострастіе изъявляющіе" (Р. Стар., III, 680). До какой степени простиралась эта раболѣпная лесть, лучше всего показываютъ всѣмъ извѣстныя оды Державина. Самое ничтожное дѣйствіе императрицы выставлялось панегиристами, какъ величайшій подвигъ, возносящій Россію на вершину благополучія. Напр., указомъ 1786 г. Екатерина въ прошеніяхъ къ ней велѣла подписываться не *рабомъ*, какъ было до той поры, а *вѣрноподданнымъ*. Посмотрите-же, какую радость возбудилъ этотъ пустякъ въ казенныхъ душахъ и какія неизмѣримо благотворные результаты должны были истечь отъ него, по словамъ одописца Капниста.

«Теперь, о радость несказанна,
О день свѣтлѣе всѣхъ побѣдъ!
Царица, небомъ ниспосланна,
Неволи тяжки узы рветъ.
Россія, ты свободна нынѣ!
Ликуй во вѣкъ; въ Екатеринѣ
Ты благость Бога зрѣть должна:
Она тебѣ вновь жизнь даруетъ
И счастье съ вольностью связуетъ
На всѣ грядущи времена...
Обиліе рѣкой польется

И ризу позлатитъ полей;
Гласъ громкихъ пѣсней разнесется,
Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
Дѣвицъ и юношъ хороводы
Выводятъ ужъ во слѣдъ свободы
Забавы въ рощи за собой;
И старость, игомъ лѣтъ согбенна,
Предъ гробомъ зрится восхищенна,
Съ свободой встрѣтя вѣкъ златой!»

Льстивость этой оды такъ безгранична, что ее можно-бы принять за насмѣшку, еслибы вся литература того времени не была исполнена подобной-же, ничѣмъ не стѣсняющейся хвалебной лжи.

Къ концу XVIII вѣка тщеславіе, бывшее главною страстью эпохи, нашло себѣ достаточную пищу въ блестящихъ подвигахъ арміи, въ раздѣлѣ Польши, въ пріобрѣтеніи Крыма, въ радужныхъ мечтаніяхъ о завоеваніи Кавказа и объ изгнаніи турокъ изъ Европы. „Громъ побѣды раздавался, храбрый Россъ торжествовалъ“, панегиристы бряцали на своихъ казенныхъ лирахъ, Россія благоденствовала и даже дикари, покрытые „шерстью, рыбьей чешуей, одѣтые листьемъ и корою“.

„Сошедшися къ ея престолу
„И кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
„По желтосмуглымъ лицамъ долу
„Струили токи слезъ изъ глазъ!“ (Державинъ).

Подъ „громъ побѣдъ“ и разглагольствія о національныхъ добродѣтеляхъ система бюрократическаго хищничества развилась до ужасающихъ размѣровъ. „Непомѣрная роскошь“— говоритъ гр. Воронцовъ—„послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что люди едва ли уже не желали въ 1796 г. скорой перемѣны, которая по естественной кончинѣ сей государыни и воспослѣдовала“ (Чт. въ Общ. Ист. и Древн., 1859, I, 96). По этой части подвизался особенно всемогущій „великолѣпный

князь Тавриды", „а на него глядя"—замѣчаетъ гр. Воронцовъ—„и видя, что не только нѣтъ взысканія и отчета на обогащеніе людей, но и къ почестямъ и къ вознагражденіямъ было лучшею дорогою, рѣдкій не находилъ для себя выгоднымъ по тѣмъ же слѣдамъ идти" (id., 100). Одинъ рекрутскій наборъ съ женами рекрутскими былъ „весь, какъ Потемкинымъ, такъ креатурами и любимцами его разворованъ", и женатые рекруты поселены въ ихъ имѣніяхъ (Р. А. 1864, 692). Однажды изъ государственнаго банка было похищено 600,000 р. директорами Завадовскимъ и Зайцовымъ и кассиромъ Кельбергомъ, которые „вошли между собою въ толь короткую связь, что брали казенныя деньги на покупку бриллiантовъ, дабы, продавъ ихъ императрицѣ съ барышомъ, взнести въ казну забранныя суммы и сверхъ того имѣть себѣ прибытокъ". Докладъ объ этомъ злоупотребленіи „по самую кончину государыни пролежалъ у нея въ кабинетѣ нерѣшеннымъ, а, по воцареніи Павла, Безбородко съ Трощинскимъ такъ смастерили сіе воровское дѣло, что Зайцову и прочимъ, будто за напрасное претерпѣніе, даны въ награжденіе деревни". (Зап. Держ., 378). Въ другой разъ было расхищено до 2,000,000 р., которые банкиръ Сутерландъ получалъ изъ государственнаго казначейства для перевода заграницу и, вмѣсто того, раздавалъ вельможамъ—Потемкину, Безбородко, Остерману, Вяземскому, Маркову, Великому Князю. Одинъ Потемкинъ взялъ 800,000 р., которые Екатерина велѣла отнести на счетъ казначейства, „извинивъ, что онъ многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги" (id. 337). Тѣже послѣдствія реакціоннаго движенія обнаружились и въ провинціяхъ, особенно послѣ того, какъ съ учрежденіемъ о губерніяхъ число чиновниковъ увеличилось противъ прежняго въ нѣсколько разъ, а въ лицѣ намѣстниковъ провинціальная администрація получила такое полновластіе. Взяточничество, казнокрадство, вымогательства, притѣсненія сектантовъ были обыкновеннымъ источникомъ

обогащенія. Кстати приведемъ здѣсь одинъ примѣръ, какъ относились къ сектантамъ въ этотъ пресловутый вѣкъ вѣротерпимости, человѣчности, въ эту эпоху разглагольствій о чести, добродѣтели и „изящномъ сердцѣ". Въ 1792 г. въ южной Россіи началось судебное преслѣдованіе духоборцовъ, и екатеринославскій губернаторъ писалъ по этому случаю, что *„всѣ, зараженные иконоборствомъ, не заслуживаютъ человѣколюбія"*, какъ какъ ересь эта особенно „опасна и лакома для послѣдователей" тѣмъ, что *„образъ жизни духоборцовъ основанъ на честнѣйшихъ правилахъ и важнѣйшее ихъ попеченіе относится ко всеобщему благу, а спасеніе они чаютъ только отъ благихъ дѣлъ"*. Духоборцы приговорены къ сожженію, но помилованы ссылкою въ Сибирь (Р. Арх. 1865, 818). Это преслѣдованіе людей за то, что „образъ ихъ жизни основанъ на честнѣйшихъ правилахъ" отлично характеризуетъ тогдашнюю администрацію.

Громадные расходы на войны, на иностранныя дѣла, на затѣи роскошной жизни, на путешествія, постоянныя выдачи денежныхъ наградъ разнымъ сановникамъ—все это въ конецъ истощило государственное казначейство. Прибѣгли къ выпуску ассигнацій, курсъ которыхъ постепенно падалъ, и наконецъ ассигнаціонный рубль стоилъ только 68 коп. Въ 1788 г. разсказываетъ Щербатовъ, оказался недостатокъ даже въ мѣдной монетѣ. „Банкъ прекратилъ уплаты, заперъ ворота и поставилъ къ нимъ караулъ, чтобы никого не пускать на дворъ". Въ нѣкоторыхъ городахъ ассигнацію мѣняли на мѣдь съ уплатою 13, даже 20 коп. промѣна съ рубля (Щербатовъ, въ Отеч. Записк., т. CXXVII, 416). Такое разстройство финансовъ было тѣмъ знаменательнѣе, что государственные доходы при Екатеринѣ увеличились съ 20 до 50 милліоновъ р. въ годъ. Для увеличенія доходовъ прибѣгали нерѣдко и къ такимъ мѣрамъ, которыя были радикально противоположны духу „Наказа", и прибѣгали еще въ первый, либеральный періодъ царствованія. Въ 1764 г. раскольники,

освобожденные Петромъ III отъ двойного подушнаго оклада, были снова подвергнуты ему. Въ 1765 г. началось усиленное покровительство винному откупу. Откупщикамъ предоставлено „столько кабаковъ имѣть и въ такихъ мѣстахъ, сколько и гдѣ сами похотятъ... Такъ какъ отъ произшедшихъ злоупотребленій названіе кабака сдѣлалось подло и безчестно, то называть ихъ впредь питейными домами и поставить на нихъ гербы, яко на домахъ, подъ Нашимъ защищеніемъ находящихся. Откупщики обнадеживаются монаршимъ покровительствомъ и служба ихъ признается казенною, а они именуются коронными повѣренными служителями и носятъ шпаги“ (П. С. З. № 12,445). Въ Москвѣ и Петербургѣ сумма виннаго сбора, составлявшая при Елисаветѣ 700,000 р., въ 1785 г. простиралась уже до 10,000,000 р.! Въ лицѣ откупщиковъ въ Россіи водворилась корпорація, не только разорявшая и развращавшая страну, но сдѣлавшаяся одною изъ главныхъ силъ ретроградной интриги.

Рекрутскіе наборы, подати и повинности, всевозможныя злоупотребленія, чума и пугачевщина, усиленная раздача земель помѣщикамъ, непомышлявшимъ объ ихъ воздѣлываніи, своевольство крѣпостниковъ, разбои, неумѣренный отпускъ хлѣба заграницу и истребленіе его винокуренными заводами,— все это довело страну до положительной нищеты, до такого ужаснаго голода, при которомъ то и дѣло приходилось судить людей *„за грабежъ хлѣба“*, вырѣзывать имъ ноздри, бить кнутомъ и ссылать въ Сибирь. (Р. Арх., 881). Въ московской губерніи въ 1760 г. четверть ржи стоила 86 коп., въ 1763 г. 95 коп., 1773 г.—2 р. 19 к., въ 1787 г. 7 р.! Сообразно съ этимъ поднимались цѣны и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, такъ что въ 1785 и 1786 г. „даже сыскать хлѣба было негдѣ; люди ѣли листъ, сѣно, мохъ и съ голоду помирали, а вызябшій весь хлѣбъ въ зиму съ 1786 на 1787 г. въ плодоноснѣйшихъ губерніяхъ не оставлялъ и надежды, чѣмъ бы обсѣменить къ будущему году землю“ (Кн. Щер-

батовъ). Въ ярославскомъ генералъ-губернаторствѣ люди питались пихтовою корою и умирали съ голода. (Р. Арх., 1865, 884). Въ Литвѣ, „между тѣмъ, какъ въ городахъ царствовали безпутная роскошь и сластолюбивая праздность“, во многихъ деревняхъ невозможно было найти куска хлѣба (Зап. Мертваго, 134). „Нынѣ“—писалъ въ 1788 г. кн. Щербатовъ—„когда большая часть государства съ голоду помираетъ и когда монета, ходящая въ государствѣ, до крайности возвысилась цѣною, кажется, что на все сіе правительство наихолоднѣйшимъ духомъ смотритъ. Московская, калужская, тульская, казанская, бѣлогородская, тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непомѣрный голодъ, ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду; но и сего уже не достаетъ, ибо, къ несчастію, и лебеда не родилась, и оной четверть по 4 рубля покупаютъ. И никакого распоряженія донынѣ не сдѣлано о прокормленіи бѣднаго народа, для прокормленія того народа, который составляетъ силу имперіи, котораго въ самое сіе времи родственники и свойственники идутъ сражаться со врагами, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и въ сырыхъ землянкахъ безъ ропоту умираютъ, который даетъ доходы не токмо на нужды государственныя, но и на самую роскошь... Ниже для всего сего, а паче ради человѣколюбія, ниже малое количество курки вина уменьшено, и нетокмо, чтобы убавить какихъ съ нихъ податей, но и самые способы отнимаютъ, чтобы работою своею пріобрѣтши себѣ деньги, хотя мякиною жизнь свою продлить. Отдаленный стонъ народный не бываетъ внушаемъ среди роскошей столичныхъ городовъ. Но здѣсь и сей отговорки быть не можетъ. Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, останавливаютъ проѣзжающія кареты; содрогшіе отъ холода младенцы, среди холода и вьюги, единое чувствіе глада имѣютъ и милостыни просятъ, которой еще и не получаютъ довольно; ибо частные люди всѣхъ прокормить не могутъ, и случайная милостыня не иное что можетъ произвести, какъ умножить

число нищихъ. А правительство глухо, и слѣпо и нечувствительно на сіе является". (От. Зап., CXXVII, 415; Чтенія, 1860, I).

Въ это самое время Екатерина совершала знаменитое путешествіе въ Крымъ, изумившее своимъ блескомъ всю Европу. Начальство позаботилось удалить съ ея глазъ все нечистое, бѣдное, голодное, особенно, многочисленныя толпы нищихъ. Было предписано, чтобы, какъ всѣ другіе обыватели, такъ и крестьяне, ожидали государыню „въ лучшей ихъ одеждѣ, а особливо дѣвки въ уборѣ на головахъ, наблюдая, чтобъ отнюдь никого въ раздранной одеждѣ, а паче пьяныхъ не было". Дорогу дѣвки должны „усыпать цвѣтами, а прочіе изъявлять свои восхищенія приличными поступками и привѣтствіями". Строжайше предписывалось также наблюдать полнѣйшую чистоту и нарядность во всемъ, а особенно, чтобы „не явились таковые продерзкіе, которые прошенія свои подавати будутъ самой Ея И. В." (XVIII В., I, 306—313). Вездѣ по дорогѣ, гдѣ предположены были дневки, въ наскоро построенныхъ дворцахъ или въ старыхъ, но передѣланныхъ и роскошно украшенныхъ зданіяхъ, были торжественныя, великолѣпныя встрѣчи, праздники, балы, фейерверки и т. д. Въ Полтавѣ войско, раздѣленное на двѣ арміи, представило полтавскую битву. По берегамъ Днѣпра были выставлены въ отдаленіи *фальшивыя деревни* изъ декорацій, паслись стада, ликовалъ народъ. Въ Херсонѣ императрица въѣхала въ тріумфальные ворота съ надписью: *дорога въ Византію*. Каждый день былъ ознаменованъ раздачею бриліантовъ и другихъ наградъ. Вся дорога по ночамъ иллюминовалась верстъ на десять въ обѣ стороны. „Сначала горѣли лѣса на горахъ"— говоритъ принцъ де-Линь—„потомъ мелкіе кустарники свѣтились; по приближеніи же нашемъ все пылало" (Р. Арх. 1865, 623, и др.). Во время этого-то путешествія Георгій Конисскій и сказалъ Екатеринѣ свою знаменитую привѣтственную рѣчь: „оставимъ астрономамъ доказывать, что земля

вокругъ солнца обращается, — наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ!..“

Въ царствованіе Екатерины, такимъ образомъ, окончательно утвердились тѣ государственные порядки, которые держались вплоть до 19 февраля 1861 г. Крѣпостное право сдѣлалось одною изъ „священныхъ основъ“, а дворянство первымъ, командирскимъ сословіемъ. Олигархическіе замыслы его не удались; оно по прежнему осталось служилой корпораціей, постоянно пополняемой новыми членами, которые жаловались высочайшею милостью, возводились въ это званіе изъ низшихъ сословій и скоро дѣлались самыми богатыми, самыми сильными представителями нашей аристократіи. Въ XVIII в., какъ и въ древней Россіи, дворянство образовывалось преимущественно изъ „дворни“, изъ придворныхъ чиновъ. Пирожникъ Меньшиковъ, еврей Шафировъ, сынъ пономаря Ягужинскій, пастухъ Разумовскій, конюхъ Возжинскій, Тепловъ — сынъ архирейскаго истопника, Сиверсъ изъ лакеевъ и т. д. Елисавета пожаловала дворянство всѣмъ солдатамъ преображенской роты, возведшей ее на престолъ. Между дворянами екатерининскаго времени мы видимъ „двора Ея И. В. отставныхъ лакеевъ“, „ѣздовыхъ конюховъ“, „дворцовыхъ конюховъ“, „стремянныхъ конюховъ“, „абшитованныхъ придворныхъ пѣвчихъ“. Самая аристократическая малороссійская фамилія Закревскихъ происходитъ отъ закройщика, женатаго на второй сестрѣ Разумовскаго; а знатнѣйшая малорусская фамилія прошлаго в.. Будлянскіе,—отъ ткача, женатаго на другой сестрѣ Разумовскаго (Ром. Слават., 28, 505, 522 и др.). Кромѣ того, огромная масса дворянства, особенно въ западныхъ губерніяхъ и за Кавказомъ, составлялась, какъ въ прошломъ, такъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи, посредствомъ фальшивой приписки къ этому званію, при помощи подложныхъ документовъ, которыхъ въ Могилевѣ и Бердичевѣ фабриковалось такое множество, что они продавались по 1 р.

(id., 50—58). Сословіе, сформированное изъ такихъ элементовъ не могло сложиться въ прочную корпорацію съ политическою силою тѣмъ болѣе, что введенный петровскою табелью о рангахъ принципъ личной заслуги государю совершенно стѣснялъ развитіе аристократическаго родового принципа. Дворянство и при Екатеринѣ осталось такимъ же служилымъ сословіемъ, какимъ оно было и при Петрѣ, только служба его была чрезвычайно облегчена и изъ военнаго вѣдомства оно причислено въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Иностранныхъ наблюдателей всегда поражала эта служебная роль русскаго дворянства; „въ Россіи нѣтъ джентлменовъ", говоритъ одинъ изъ нихъ, — „а есть только майоры, капитаны, ассесоры и регистраторы". Коксъ удивляется, что у насъ „благородный ничего не значитъ безъ ранга, безъ должности; что старшіе сыновья важнѣйшихъ лицъ въ государствѣ не имѣютъ никакихъ правъ въ силу своего рожденія, какъ пэры Англіи и Франціи, гранды Испаніи; что значеніе аристократической фамиліи упадаетъ со смертью ея главы; что наслѣдственный титулъ князя, графа или барона ничего не значитъ безъ должности, безъ службы военной или гражданской". Но при всемъ томъ, это служилое сословіе было все-таки силою, въ немъ всегда бродили олигархическіе замыслы, оно было главною опорою центральной власти, съ интересами которой сходились его собственные интересы, и вслѣдствіе этого, центральная власть, ограничивая крайнія притязанія дворянства, создавала изъ него служебную аристократію, охраняя для нея крѣпостное право, безъ котораго не могла бы существовать и эта служебная аристократія. Екатерина завершила дѣло своихъ предшественниковъ и превратила Россію не въ аристократическое, а въ крѣпостническое государство; дворянинъ получилъ полновластіе надъ крестьянами, но самъ въ свою очередь долженъ былъ состоять въ абсолютной зависимости отъ верховной власти.

Если сравнить вѣкъ Екатерины съ эпохою 1726—1761 го-

довъ, то, конечно, результатъ будетъ благопріятенъ для ея времени. Ея умъ, таланты, образованность не подлежатъ сомнѣнію и имѣли свою долю вліянія на исторію русскаго прогресса. Но, независимо отъ всѣхъ личныхъ недостатковъ и условій, въ которыя она была поставлена своимъ положеніемъ, Екатерина должна была подчиниться тѣмъ ретроградныемъ вліяніямъ, которыя такъ сильно дѣйствовали въ предыдущую эпоху и казались государынѣ лучшею опорою для упроченія ея власти. Эти вліянія дѣйствовали частію въ формѣ искренне-реакціонныхъ стремленій, но преимущественно въ формѣ той системы интригъ, которая, служа личнымъ или корпоративнымъ интересамъ, водворять въ государствѣ міръ обворожительныхъ иллюзій и ужасныхъ призраковъ, режимъ напрасной боязливости, недоразумѣній, недовѣрчивости, колебаній, сбивчивости и насильственнаго застоя въ народномъ развитіи. До Екатерины ретрограды дѣйствовали гораздо болѣе въ личныхъ, чѣмъ въ корпоративныхъ интересахъ; при Екатеринѣ же ретроградно-корпоративный элементъ значительно развился и усилился введеніемъ въ составъ государства помѣщиковъ присоединенныхъ отъ Польши провинцій и чрезвычайнымъ умноженіемъ русскихъ помѣщиковъ. Впродолженіе своего царствованія Екатерина раздарила въ крѣпостную зависимость до 2,000,000 крестьянъ, а тѣмъ значительно увеличила богатство и силу дворянской корпораціи. Противостоять этой силѣ Екатерина не могла изъ одной уже своей личной безопасности. Еслибы Екатерина обладала волею и умомъ Петра, то она навѣрно освободила бы крестьянъ, а ея „Наказъ“ не остался бы мертвою буквою и чисто-литературнымъ памятникомъ. Конечно, освобожденіе крестьянъ вызвало бы также сильную реакцію, которая создала бы свои страхи, устроила бы свои призраки, чтобы замедлить ходъ дальнѣйшаго развитія народа и удержать за ретроградными корпораціями хоть какія нибудь изъ выгодъ и привиллегій, несовмѣстимыхъ съ условіями той жизни, путь къ ко-

торой проложился бы освобожденіемъ крестьянъ. Могло случиться даже, что и въ томъ пунктѣ, изъ котораго вышла бы иниціатива освобожденія и другихъ подобныхъ реформъ, произошло бы такое же попятное движеніе, и реакція была бы не менѣе сильна, чѣмъ была она при Екатеринѣ, но вслѣдъ за этою реакціей необходимо должны были слѣдовать другія реформы, не менѣе существенныя и важныя, чѣмъ крестьянская. Крѣпостное право и при Екатеринѣ и при Александрѣ I было подводнымъ камнемъ для правильнаго развитія народной жизни. Можно ли было думать о какихъ нибудь либеральныхъ учрежденіяхъ, о непрерывности интеллектуальнаго развитія страны, о развитіи общественно-утилитарной литературы, когда все это, и либеральныя учрежденія, и интеллектуальное развитіе мало-мальски независимая литература еще въ пеленкахъ начали бы выражать свою вражду къ крѣпостничеству. Пока существовало послѣднее, пока и сила привиллегій, и сила богатствъ, и сила образованія сосредоточивались въ рукахъ одного сословія, стремившагося если не къ олигархіи, то, по крайней мѣрѣ, къ сохраненію существующаго statu quo, до тѣхъ поръ общественный организмъ долженъ былъ подвергаться жесточайшимъ, непрерывнымъ страданіямъ перемежающейся лихорадки либеральныхъ увлеченій и реакціоннаго застоя.

IV.

1796 — 1801.

Жизнь высшаго общества въ царствованіе Екатерины была жизнь развеселая. Праздники, балы, маскарады, спектакли, литературные вечера, шумныя оргіи, сплошное волокитство,

азартная игра — кутежъ на пропалую, до совершеннаго раззоренія, до полнаго истощенія физическихъ силъ. Дѣла были заброшены или предоставлены секретарямъ и подьячимъ; изъ арміи исчезла всякая дисциплина; красивенькіе офицерики и молодые генералики упражнялись больше на паркетахъ и въ будуарахъ, чѣмъ на плацъ-парадѣ, а караульные офицеры въ халатахъ хаживали съ своихъ постовъ въ лѣсъ за грибами.

Между тѣмъ, какъ роль этого фривольнаго и изнѣженнаго поколѣнія вмѣстѣ съ жизнью государыни близилась къ концу, въ Гатчинѣ, при дворѣ наслѣдника, готовилось выступить на сцену совершенно другое поколѣніе, поколѣніе суровыхъ служакъ, прошедшихъ черезъ огонь и воду и мѣдныя трубы, требовательныхъ и безпощадно-строгихъ къ подчиненнымъ и въ то же время безсловесно покорныхъ и исполнительныхъ до машинообразности по отношенію къ начальству. Здѣсь рокотали барабаны, производились маневры, воспитывались артисты фронтоваго искуства; здѣсь командовали и шагали, приказывали и рапортовали, дѣлали смотры и приготовлялись къ смотрамъ, надѣялись на лучшее будущее и бранили изнѣженный Петербургъ.

Скоропостижная смерть Екатерины въ одинъ могъ произвела въ зимнемъ дворцѣ и во всей столицѣ изумительную перемѣну, такъ что можно было подумать, что это творится не въ дѣйствительной жизни, а въ какомъ нибудь фантастическомъ балетѣ. „Тотчасъ во дворцѣ все пріяло другой видъ; загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ“ (Держав., Записки, 389). Пошла переборка и уничтоженіе всего екатерининскаго; разбирали, запечатывали, сожигали ея бумаги; устраняли ея дѣятелей; искореняли утвердившіеся при ней обычаи. Это преслѣдованіе всего екатерининскаго простиралось до того, что въ Одессѣ велѣно было остановить всѣ постройки, отчего тамъ совершенно прекратилась торговля (Грибовскій, 71). Памятникъ, воздвигнутый

въ Херсонѣ Потемкину велѣно уничтожить, склепъ, въ которомъ похороненъ былъ онъ, засыпать „такъ, какъ-бы его никогда не бывало“, а самый прахъ князя, вынувъ изъ этого склепа, „безъ дальнѣйшей огласки“, закопать гдѣ нибудь въ неизвѣстномъ мѣстѣ, „въ особо вырытую яму“ (Р. Арх., 1867, 207—215).

Такова была увертюра новаго царствованія, о которомъ въ нашей публики носятся довольно подробныя понятія, хотя до самаго послѣдняго времени въ русской печати не появлялось объ этой эпохѣ никакихъ существенныхъ свѣденій. Печать молчала, а устное преданіе переходило отъ отцевъ къ дѣтямъ и Россія давнымъ давно уже знаетъ гораздо больше того, что дозволено передавать ей посредствомъ типографскаго станка только въ послѣдніе семь, восемь лѣтъ... Но при всемъ томъ, что публика знаетъ изъ преданія множество подробностей, анекдотовъ, случаевъ, курьезовъ объ этомъ мрачномъ времени, цѣлостнаго представленія о немъ все-таки нѣтъ. Въ настоящей главѣ мы хотимъ дать читателю нѣкоторое понятіе объ этой эпохѣ исключительно по тѣмъ даннымъ, какія обнародованы уже въ русской печати... Мы даже не беремъ на себя оцѣнки этого времени, а ограничиваемся только сводомъ нѣкоторыхъ дозволенныхъ у насъ извѣстій о немъ.

Натура Павла была крайне впечатлительная. Его набожность доходила до экстаза. Долго послѣ его смерти можно было видѣть мѣста, на которыхъ онъ молился на колѣняхъ, молился съ рыданіями и обливаясь слезами: паркетъ положительно протертъ въ этихъ мѣстахъ (Р. Арх., 1869, 1877). Онъ, несомнѣнно, любилъ справедливость и старался заботиться о благѣ народа; онъ желалъ быть отцомъ своихъ подданныхъ; у него былъ идеалъ, объ осуществленіи котораго онъ хлопоталъ всю свою жизнь,—идеалъ справедливаго, заботливаго, во все вникающаго правителя, въ родѣ Гарунъ-Аль-Рашида. Но при этомъ, у него не было никакихъ твер-

дыхъ раціональныхъ принциповъ, и онъ руководился въ своихъ поступкахъ не идеями, а чувствами и страстями, характеръ и направленіе которыхъ могли у него ежеминутно измѣняться. Онъ то и дѣло переходилъ отъ радости къ печали, отъ добродушія къ неистовому гнѣву, отъ тихаго спокойствія къ самому буйному раздраженію. Болѣзненность его натуры доходила до галлюцинацій. Враждебныя отношенія къ матери, тягостныя воспоминанія о судьбѣ отца, система запугиваній, водворившаяся послѣ французкой революціи, собственное его мистическое умонастроеніе—все это содѣйствовало развитію въ немъ той чрезвычайной боязливой подозрительности, которая неблагопріятно отзывалась на всемъ и на всѣхъ, даже и на всѣхъ членахъ его собственной семьи. Невыдержанности его характера вполнѣ соотвѣтствовала нецѣльность и невыдержанность его умственнаго развитія. Съ идеаломъ патріархальнаго царя въ немъ жила самая мелочная подражательность Фридриху Великому; считая себя вполнѣ православнымъ, онъ увлекался католичествомъ и іезуитами; ненавидя все французское, онъ былъ всею душою преданъ французской аристократіи и проникся совершенно ея духомъ; затѣвая громадныя войны въ одно время, въ другое онъ ненавидѣлъ ихъ и чтобы положить конецъ этой братоубійственной рѣзнѣ совершенно серьезно вызывалъ черезъ газеты Наполеона на дуэль въ Гамбургѣ (Р. Арх., 1869, 1923).

Главною заботою Павла было преобразованіе арміи по гатчинскому образцу. Никогда, нигдѣ военная дисциплина не доходила до такихъ крайностей, какъ въ павловской Россіи. Прежде всего войска были очищены отъ негоднаго екатерининскаго офицерства. При Екатеринѣ поблажка дворянамъ простиралась до того, что на службу записывали даже грудныхъ ребятъ; „отыскивались и такіе, которые записывали и совсѣмъ еще не родившихся и получали на нихъ паспорты съ оставленными для имени пустыми мѣстами“. Эти младенцы производились въ чины и спокойно жили дома. Павелъ потянулъ всѣхъ ихъ

на смотръ въ Петербургъ. „Всѣ большія дороги были усѣяны кибитками скачущихъ гвардейцевъ и матерей, везущихъ на службу и на смотръ къ государю своихъ малютокъ“ (Р. Арх., 1864, 710, 716). Мелюзга была выгнана изъ службы, а взрослые дворянчики запряжены въ гатчинское ярмо. „Перемѣна была произведена преужасная“, говоритъ Болотовъ. Почти цѣлые дни, начиная съ пяти или съ шести часовъ утра, и въ жары, и въ жестокіе морозы, и въ ненастье, всѣ, начиная съ императора и великихъ князей и оканчивая послѣднимъ солдатомъ, несли тяжкую службу. Офицерамъ запрещено было носить плащи, шинели, шубы, калоши, ходить безъ шпаги. За малѣйшее отступленіе отъ правилъ слѣдовало жестокое наказаніе. Однажды государь встрѣтилъ генерала, который шелъ куда-то въ гости, а деньщикъ несъ за нимъ его саблю. Павелъ тутъ-же, на улицѣ, приказалъ имъ переодѣться въ платье одинъ другаго, — деньщикъ попалъ въ генералы, а генералъ—въ солдаты. Одинъ гвардейскій офицеръ попался государю въ шубѣ. „Государю крайне было сіе неугодно, и онъ приказалъ бывшимъ за нимъ снять съ него шубу и отдать случившемуся тутъ въ близости будошнику. „Возьми ее себѣ“, сказалъ государь. (Р. Арх., 1864, 673). „Часто за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ, говоритъ генералъ Саблуковъ, офицеры прямо съ парада отсылались въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось дотого часто, что когда мы бывали па караулѣ, то имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей запазуху, чтобы не остаться безъ копѣйки на случай внезапной ссылки... Изъ 132 офицеровъ, состоявшихъ въ полку въ 1799 г., лишь я да еще одинъ остались въ немъ до смерти императора“ (Р. Арх., 1869, 1903)... Отъ жестокой дисциплины нетолько солдаты и офицеры, но даже кадеты страдали до такой степени, что прибѣгали къ самоубійству (ид., 165). За то дисциплина была доведена до идеальнаго совершенства. Одинъ гусарскій ротмистръ пришелъ съ своимъ эскадрономъ на днев-

ку въ деревню и пообѣдавъ у помѣщика, сѣлъ за карты. Входитъ вахмистръ и рапортуетъ, что продажное сѣно есть только у одного жида, но онъ не отдаетъ его дешевле стольких-то копѣекъ. „Ну, дѣлать нечего, не оставаться же безъ сѣна; возьми да жида повѣсь“, сказалъ шутя подкутившій ротмистръ. Вахмистръ буквально исполнилъ его приказаніе. Началось дѣло, и Павелъ рѣшилъ его такъ: „ротмистръ такой-то за глупыя и незаконныя приказанія разжалывается въ рядовые; а рядовому такому-то возвращается чинъ ротмистра, съ производствомъ въ маіоры, за введеніе такой отличной субординаціи во ввѣренной ему командѣ, что и глупыя его приказанія исполняются немедленно“ (Р. Стар., III, 788).

Такую же строгую дисциплину, такой же порядокъ государь старался ввести и въ гражданскую службу. Онъ заставилъ чиновниковъ заниматься дѣлами, отъ чего они отвыкли при Екатеринѣ, и работать въ присутственныхъ мѣстахъ цѣлые дни. Иногда запиралъ сенаторовъ въ присутствіи и не приказывалъ выпускать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не кончатъ извѣстнаго дѣла. Онъ вставалъ въ пять часовъ, и въ это время дворецъ, министры, городъ—всѣ должны быть на ногахъ и каждый дѣлать свое дѣло. Онъ ложился въ восемь, и въ это время огни во всей столицѣ должны быть потушены; ослушниковъ высылали съ фельдъегерями. Одописецъ Руссовъ (XVIII вѣкъ, IV) восторгается этими порядками, этою напряженною дѣятельностью, небывалою при Екатеринѣ —

> Ты далъ гульбѣ и дѣлу пору,
> Вельможамъ показалъ Аврору,
> Велѣлъ, чтобъ въ пять часовъ былъ день,
> Въ отставку чисту выгналъ лѣнь!...

Какія бы то ни было приказанія должны были исполняться и исполняться немедленно. Все обширное пространство имперіи оглашалось неумолкаемымъ звономъ колокольчиковъ и стукомъ колесъ кибитокъ, въ которыхъ сотни фельдъеге-

рей и курьеровъ развозили во всѣ концы приказанія и ссылаемыхъ и свозили въ столицу рапорты и арестованныхъ. Самое ничтожное событіе навлекало иногда на администрацію гнѣвъ и немилость. Въ Ярославлѣ одинъ пьяный чиновникъ шелъ по мосту, упалъ въ воду и утонулъ. „Узнавъ объ этомъ, императоръ разгнѣвался, сдѣлалъ невыгодное заключеніе объ ярославскихъ чиновникахъ и въ собственноручномъ рескриптѣ заявилъ губернатору крайнее свое неудовольствіе“ (Р. Арх., 1870, 296). Онъ ревностно старался наполнять администрацію людьми честными. На смотру во Владимірѣ ему понравился командиръ батальона Латышевъ, и онъ тутъ же назначилъ его губернаторомъ въ Вятку. Латышевъ на колѣняхъ доложилъ, что такая должность ему не подъ силу, что онъ даже плохо читаетъ печатное, а писать, кромѣ своего чина и фамиліи, ничего не умѣетъ. Императоръ отвѣчалъ: „чего не достанетъ у тебя со стороны грамотности, съ избыткомъ вознаградится твоею честностью, а для грамоты я дамъ тебѣ хорошаго прокурора“, и тутъ же назначилъ прокурора изъ грамотныхъ (XVIII вѣкъ, IV, 473). Малѣйшая несправедливость, малѣйшее притѣсненіе народа выводили Павла изъ себя. Когда онъ путешествовалъ по нижегородской губеріи, то крестьяне, согнанные для поправки дорогъ, пожаловались ему на исправника, который замучилъ ихъ этой работой. „Государь страшно вспылилъ.—„Гдѣ исправникъ? подать его сюда!“ Исправникъ явился. „Повѣсить его сейчасъ... повѣсить на первой соснѣ!..“ Только благодаря просьбамъ крестьянъ, смертная казнь была отмѣнена (Р. Арх. 1869, 168). Подобный же случай былъ съ однимъ помѣщикомъ въ западныхъ губерніяхъ. Понятно, что начальство употребляло всевозможныя усилія, чтобы не допускать до государя жалобъ на себя. Просьбы государь бралъ себѣ только самыя важныя, а остальныя поручалъ разсмотрѣть кому нибудь, и это разсматриванье кончалось тѣмъ, что помѣщичьихъ крестьянъ, жаловавшихся на господъ, наказыва-

ли въ полиціи палками и розгами, а солдатъ, просившихъ на командировъ, гоняли сквозь строй (XVIII вѣкъ, IV, 469). Наклонность къ самому нелицемѣрному правосудію довела Павла до возстановленія тѣлесныхъ наказаній для привиллегированныхъ сословій. Онъ, выражаясь словами его панегириста, —

Назначилъ вору и воришку
Одну награду и безъ лишку,
Одинъ нелицемѣрный кнутъ....

Стараясь о благѣ народа, Павелъ хотѣлъ оградить его отъ купеческой эксплуатаціи, понижалъ цѣны на хлѣбъ, запрещалъ продавать другіе товары выше извѣстной цѣны, слѣдилъ за доброкачественностью съѣстныхъ припасовъ, горько жаловался, что „купцы его не любятъ, потому что обманываютъ его подданныхъ, не имѣютъ къ нимъ нималѣйшаго человѣколюбія“ (Р. Арх., 1864, 652 — 655).

Не шло, чтобъ сѣно вмѣсто чаю
И вмѣсто кофію овесъ,
По времени, по уражаю,
Всему далъ цѣну ты и вѣсъ, —

Пѣлъ Руссовъ по поводу этихъ распоряженій.

Павелъ преслѣдовалъ роскошь, закрывалъ магазины модъ, гналъ пьянство и азартную игру, вооружился противъ трактировъ. Онъ велѣлъ брать подъ стражу всѣхъ, „кто упражняется въ игрѣ, законами воспрещенной; стараться всѣ недозволенныя карточныя игры и зерни въ самоскорѣйшемъ времени истребить и для того умножить бдѣніе по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оныя только быть могутъ“ (Р. Стар., II, 516). Заѣзжаетъ онъ, напр., въ трактиръ, наиболѣе посѣщаемый гвардейцами, распрашиваетъ въ подробности о цѣнахъ продаваемаго, и возмутившись высокостью ихъ, „въ тотъ же день черезъ квартальныхъ приказываетъ всѣ заготовленные въ семъ трактирѣ напитки обобрать и чего они стоятъ, заплатить, бутылки всѣ перебить и трактиръ сей уничтожить,

дабы и другимъ неповадно было такъ нагло молодыхъ людей ограбливать и столь безсовѣстнымъ образомъ принуждать ихъ платить себѣ за все тройную или четверную цѣну“ (Р. Арх., 1864, 777).

Ненависть къ французамъ и любовь къ фронтовому однообразію заставили Павла до мелочей регулировать платье, обувь, число запрягаемыхъ въ экипажъ лошадей, форму шляпъ и другія принадлежности всѣхъ частныхъ лицъ. Подъ страхомъ ареста и наказанія запрещалось „всѣмъ ношеніе фраковъ, а позволялось имѣть нѣмецкое платье съ одинакимъ стоячимъ воротникомъ не болѣе, какъ въ $^3/_4$ вершка; а обшлага имѣть того же цвѣту, какъ и воротники; запрещалось носить всякаго рода жилеты; не носить башмаковъ съ лентами, а имѣть оные съ пряжками; не увертывать шею безмѣрно платками, галстухами или косынками, а повязывать оные приличнымъ образомъ безъ излишней толстóты“. „Торгующіе шитыми фраками, жилетами, короткими шнурками, отворотами сапоговъ и съ ленточками башмаками чтобы отнюдь оныхъ въ продажу не употребляли, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія“. Нарушителей этихъ правилъ, осмѣливавшихся „ходить въ круглой шляпѣ, во фракѣ, и сею неблагопристойною одеждою ясно изображавшихъ развратное свое поведеніе“, исключали изъ службы, даже ссылали (Р. Стар., II, 517, 518, 522 и др.). При встрѣчѣ съ императоромъ всѣ экипажи останавливались, мужчины выходили изъ нихъ и преклоняли колѣно, дамы дѣлали реверансъ.

Императоръ часто ѣздилъ по городу, надзирая за порядкомъ и замѣчая всѣ отступленія отъ изданныхъ имъ правилъ. Встрѣчь съ нимъ по возможности избѣгали. Однажды встрѣтилась ему карета и на ступенькѣ показалась дѣлавшая реверансъ дама, горбатая спереди и сзади. Фигура ея очень не понравилась. Навели справки, кто это. Оказалась польская графиня, ожидавшая рѣшенія своего процесса въ сенатѣ. Генералъ-прокуроръ не выпустилъ сенаторовъ изъ при-

сутствія, пока они не окончили дѣла въ тотъ же день, а назавтра графиня выслана изъ столицы (Р. Арх., 1866, 1319).

Находились люди, которыхъ не стѣсняла всеобъемлющая распорядительность государя, и которые вмѣстѣ съ Болотовымъ и Руссовымъ даже восхищались ею. Послѣдній, при этомъ случаѣ восклицаетъ —

Не трудно составлять законы,
Но трудно силу онымъ дать,
И въ исполненіи препоны
На самомъ мѣстѣ прерывать!...

Однакожъ и составленіе законовъ оказалось дѣломъ не легкимъ; составленная Павломъ законодательная комиссія, которой поручено было какъ можно скорѣе составить три книги законовъ—гражданскихъ, уголовныхъ и *казенныхъ (sic!)* натворила много, но при Александрѣ всѣ ея работы брошены, какъ негодныя (Р. Арх., 1869, 1632). Случалось, что выходили законодательные акты, узаконявшіе нѣсколько совершенно противоположныхъ одно другому дѣйствій. Однажды коллегія коммерціи подала докладъ о внутреннемъ судоходствѣ, состоявшій изъ трехъ различныхъ мнѣній. Надъ всѣми тремя мнѣніями было надписано *быть по сему;* указъ такъ и напечатанъ и публикованъ (Державинъ, 411) и такъ впослѣдствіи внесенъ въ полное собраніе законовъ...

Преслѣдуя роскошь, французскія моды, гражданскіе браки, вольность нравовъ и всѣ виды разврата, государь строго слѣдилъ за исполненіемъ его подданными всѣхъ православныхъ обязанностей (Р. Арх., 1864, 748). Всѣмъ католикамъ, жившимъ въ Россіи онъ также приказалъ во всей точности исполнять обряды своей церкви; каждый изъ нихъ былъ обязанъ исповѣдываться и пріобщаться ежегодно, если не хотѣлъ показаться въ глазахъ правительства бунтовщикомъ, а патерамъ предписано причащать только достойныхъ, прочихъ же не допускать до таинства (Морошкинъ, Іезуиты, I, 392). Слово и печать были окончательно обузданы, какъ главныя орудія

безбожнаго и революціоннаго духа. „Голосъ нечестія и вольнодумства совершенно затихъ при гласѣ мудрой строгости Павла" (Р. Арх., 1868, 1338). Русскимъ запрещено ѣздить въ чужіе края; привозъ изъ-за границы нетолько книгъ, но даже нотъ вовсе запрещенъ; исключеніе было сдѣлано только для книгъ *на тунгузскомъ языкѣ!* Строжайше предписывалось всюду „сильнѣйше наблюдать, дабы отнюдь не было никакихъ сочиненій, кои могли бы или нарушать общее благосостояніе или наносить тому вредъ, стараясь, ежели бы гдѣ оказались оные, тотчасъ изслѣдуя, черезъ кого они произошли, виновныхъ взять подъ караулъ и доносить съ нарочными; а сочиненія таковыя и самыя отъ нихъ послѣдствія истреблять" (Р. Стар., III, 633). И хотя въ то время въ Россіи литература была упразднена, если можно такъ выразиться, но все-таки двумъ писателямъ досталось. Извѣстный Коцебу былъ схваченъ на границѣ, при самомъ въѣздѣ своемъ въ Россію, и сосланъ въ Сибирь, безъ всякаго объясненія причинъ, а въ сущности за то, что какая-то изъ его пьесъ не понравилась Павлу (Р. Арх., 1870, 1961). Впрочемъ, онъ вскорѣ же возвращенъ и вошелъ въ милость. Другой случай приключился съ Капнистомъ, „Ябеда" котораго, запрещенная при Екатеринѣ, была дозволена при Павлѣ и поставлена на сцену. Чиновничество взбѣсилось; на автора посыпались доносы, какъ на якобинца и порицателя „монаршей власти". Павелъ тотчасъ же велѣлъ сослать Капниста въ Сибирь. Это было утромъ. Послѣ обѣда гнѣвъ государя остылъ. Вечеромъ онъ велѣлъ поставить „Ябеду" на эрмитажномъ театрѣ, и послѣ перваго же акта послалъ въ догонку за Капнистомъ фельдъегеря и щедро наградилъ автора „Ябеды" за его непріятное путешествіе (Библ. Зап., 1859, 47). Дѣло доходило до того, что преслѣдованію подвергались не только мысли, но даже слова. Въ 1797 г. вышло знаменитое повелѣніе „объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими":

руки, приговореннаго. Старикъ былъ блѣденъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ, черты его осунулись, взоръ выражалъ невыносимую тоску. Свѣчинъ взглянулъ на него и не вспомнилъ себя. „Именемъ императора я прощаю", промолвилъ, не переводя духа, комендантъ. Узнавъ объ этомъ, Павелъ не сказалъ ни слова; тѣмъ и кончилось дѣло (Р. Арх., 1871, 1535). Легко тогда было погубить, сослать, посадить въ крѣпость, отдать въ солдаты кого угодно... Является во дворецъ іезуитъ Груберъ, и на вопросъ, „что новаго, о чемъ говорятъ въ городѣ", отвѣчаетъ: „смѣются надъ указами, которые ваше величество дали въ нашу пользу".—„Кто смѣетъ это дѣлать?" Груберъ подаетъ списокъ 27 лицъ.—„Арестовать и сослать всѣхъ ихъ!" (Морошкинъ, I, 403). Вмѣсто ссылки употреблялся иногда только страхъ ссылки: фельдъегерская тройка подъѣдетъ къ квартирѣ да и стоитъ нѣсколько дней; лошадей перемѣняютъ каждые два часа, а хозяинъ жди да трепещи; потомъ, попугавъ достаточно, тройка уѣзжаетъ, оставивъ въ покоѣ перепуганнаго хозяина (Р. Арх., 1866, 1325).

Исполненный величайшею ненавистью къ новому французскому духу, Павелъ весь былъ проникнутъ духомъ старой Франціи; онъ покровительствовалъ эмигрантамъ и іезуитамъ, онъ былъ командоромъ католическаго ордена мальтійскихъ рыцарей, онъ во время своего путешествія по Европѣ совершенно подчинился понятіямъ и традиціямъ дряхлой аристократіи. Не менѣе, чѣмъ на Павла, эта аристократія имѣла вліянія и на тогдашнее наше дворянство. „Маркизы и жентиломы доброй старой Франціи", говоритъ историкъ русскаго дворянства, которымъ не по сердцу пришлась молодая, возрожденная великими принципами 1789 года Франція, толпами нахлынули въ Россію и въ салонахъ петербургскаго барства нашли себѣ прилежнѣйшихъ адептовъ. Легитимистская эмиграція была сильна нетолько принципами, но и количественно: Павелъ въ 1797 г. принялъ въ свою службу цѣлый корпусъ принца Конде, состоявшій изъ 3 полковъ пѣхоты, 2

конницы и артиллеріи. Эти полки, изъ коихъ нѣкоторые состояли изъ однихъ жентильомовъ самыхъ аристократическихъ фамилій, ополчавшихся на защиту великихъ принциповъ ancien regime'а въ чужой странѣ, эти полки, шефами которыхъ были принцъ Конде, герцогъ Бурбонъ, Гогенло, Дюкъ де-Берри, Дюкъ д'Энгіенъ, расквартированы были во Владимірѣ, въ Луцкѣ, Ковелѣ и разносили по русской землѣ феодальныя и кастическія возрѣнія французскаго стариннаго дворянства, противъ которыхъ возстала въ 1789 г. вся французская земля" (Ром. Славатинскій, 67). Императоръ первый подчинялся этимъ чуждымъ и отжившимъ понятіямъ. Заявивъ въ своемъ манифестѣ, что крестьянамъ не будетъ никакой воли и повелѣвъ со всею строгостью преслѣдовать всякую мысль, всякое стремленіе къ свободѣ (П. С. З., № 17.730), Павелъ имѣлъ намѣреніе обратить всѣхъ крестьянъ въ крѣпостную зависимость, такъ какъ „помѣщики лучшіе полицеймейстеры въ государствѣ" (Р. Арх., 1866, 1309). Никогда раздача крестьянъ въ частную собственность не достигала такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ при Павлѣ; считаютъ не менѣе *3.000.000 душъ*, обращенныхъ имъ въ крѣпостную зависимость! Всѣхъ, даже архіереевъ жаловали крестьянами (Р. Слават., 156). О томъ, какъ производились эти пожалованія, можно судить по слѣдующему случаю. „Одинъ малороссійскій дворянинъ хорошей фамиліи имѣлъ дѣло въ герольдіи о внесеніи его въ родословную книгу и рѣшился лично подать прошеніе императору о прибавкѣ къ его гербу девиза: „помяну имя твое въ роды родовъ". Прошеніе, по тогдашнему обычаю, онъ подалъ, ставши на колѣна. Павелъ прочелъ просьбу, она ему понравилась, и онъ сказалъ: „100 душъ!" Проситель отъ страха и радости упалъ ницъ. „Мало?" сказалъ императоръ,—„такъ 200 душъ". Но тотъ, ничего не понимая, продолжалъ лежать. „Мало?" повторилъ государь,—„300 душъ"; „мало?—400"; „мало?—500"; „мало?!—ниодной!..." (Р. Арх., 1868, 1074).

отъ мразу и гладу умираемъ, а пропитаніе имѣемъ только-только, какъ маленькіе ребята наши, ходя въ міръ, напросятъ и насъ питаютъ". И поклонившись ему, прочь отъ него отошли". Явился кадниковскій исправникъ усмирять *бунтовщиковъ*, заперъ ихъ въ церкви, привелъ къ присягѣ и, окруживъ командою съ обнаженными тесаками и заряженными ружьями, перевязалъ ихъ и изъ церкви повелъ драть къ господскому дому. Они развязали другъ друга и разбѣжались. Поздѣевъ поднялъ тревогу и просилъ въ свое имѣніе цѣлый полкъ, донося, что между крестьянами бунтуетъ „иллюминантическій духъ безначальства и независимости, распространившійся по всей Европѣ; что поэтому къ нему необходимо прислать въ скорѣйшемъ времени ужь если не полкъ, „то хотя одинъ баталіонъ"; что „спокойство здѣшняго края требуетъ такого экзекутнаго духа, каковъ есть государевъ".

Для усмиренія волненій во всѣхъ губерніяхъ были приняты самыя энергическія мѣры, и главное начальство надъ войсками поручено фельдмаршалу Репнину.

Началась настоящая компанія.

Ряжскій полкъ нападаетъ на мѣстечко Радогощу, стрѣляетъ изъ пушекъ въ толпу непокорныхъ помѣщицѣ, крестьянъ, поджигаетъ село въ двухъ мѣстахъ и обращаетъ его въ пепелъ. Бунтовщики покорились и наказаны, какъ слѣдуетъ.

На село Брасово, орловской губерніи, вслѣдствіе отказа крестьянъ повиноваться помѣщику, фельдмаршалъ объявилъ формальный „походъ", давъ подробную диспозицію, составивъ планъ компаніи и велѣвъ дѣлать поджоги не иначе, какъ по „особенному и точному его на сіе повелѣнію". Одержана полная, блистательная побѣда, о которой фельдмаршалъ писалъ такъ. „Село Брасова съ деревнями крестьянъ г. генералъ-лейтенанта Апраксина, за ихъ упорное неповиновеніе правительству, высочайшею властью установленному, и помѣщику, не внемля даже высочайшему манифесту Его И. В., отъ 29 января сего 1797 г., и за ихъ упорственное со-

противленіе войскамъ Его И. В.,—наказаны силою оружія и преданы, яко изверги, злодѣи и преступники, огню и мечу; а тѣла ихъ, справедливо погибшія отъ ихъ богопротивнаго преступленія, недостойныя погребенія общаго съ вѣрными подданными, зарыты въ особую яму съ надписью, для всегдашняго омерзительнаго презрѣнія всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ, что „тутъ лежатъ преступники противъ Бога, Государя и Помѣщика, справедливо наказанные огнемъ и мечомъ, по закону божію и государеву"; наконецъ домы ихъ истреблены до основанія, такъ что и остатковъ оныхъ не видно".

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, военачальники, не найдя никого изъ бунтовщиковъ, ограничивались только тѣмъ, что „пересѣкали кнутьями ихъ женъ и средняго возраста дѣтей, и въ страхъ другихъ", поджигали строенія (Р. Арх., 1869, 525—577).

„Иллюминантическій духъ", такимъ образомъ былъ выжженъ огнемъ, выбитъ штыками, картечью, пулями и кнутами. Крестьяне перестали быть „якобинцами". Ужасъ придавилъ ихъ.

„И былъ страхъ великій по всей землѣ".

Но трепетали не одни крестьяне,—трепетало все. Настроеніе общества было самое мрачное... Императоръ, въ качествѣ мальтійскаго ордена, объявилъ войну Англіи и далъ приказъ донскому войску идти на завоеваніе Индустана... Въ столицѣ ходили самые невѣроятные слухи, въ родѣ того, напр., что государь шьетъ себѣ архіерейское облаченіе и хочетъ священнодѣйствовать (Р. Арх. 1868, стр. 1329).., Все было мрачно, но мрачнѣе всѣхъ выглядывалъ михайловскій дворецъ, эта „уродливая масса красноватыхъ камней, окруженная рвами и подъемными мостами, грозящая двадцатью новыми бронзовыми пушками двадцатифунтоваго колибра" — (Р. А. 1870 г., стр. 971)... „Дипломатическій корпусъ"— разсказываетъ генералъ Саблуковъ — „прекратилъ свои обычные пріемы; большая часть домовъ, изъ которыхъ нѣкоторые держали, что называется table ouverte, измѣнили своей образъ

жизни. Дворъ, запертый въ михайловскомъ замкѣ, охраняемомъ, какъ средневѣковая крѣпость, велъ жизнь весьма скучную и одинокую. Императоръ уже не выѣзжалъ, какъ дѣлывалъ онъ это прежде, и единственныя его прогулки ограничивались тѣмъ, что называлось „третьимъ лѣтнимъ садомъ", куда не допускался никто, кромѣ его самаго, императрицы и ихъ ближайшей свиты". (Р. А. 1869, 1932).

Утромъ 12 марта 1801 г. по Петербургу пролетѣло извѣстіе, что ночью императоръ умеръ „отъ апоплексическаго удара"...

V.

1801—1825 г.

I.

Русская прогрессивная мысль, подавленная во вторую половину екатерининскаго царствованія, ожила снова въ кратковременное царствованіе Павла. Екатериненская реакція, вызванная страхомъ освобожденія крестьянъ, страхомъ пугачевщины и сугубымъ страхомъ французской революціи, находила себѣ полное сочувствіе и сильную поддержку во всѣхъ общественныхъ сферахъ, интересамъ которыхъ она служила. Павловское же продолженіе ея отозвалось рѣшительно на всѣхъ, и реакціонеры естественно превращались въ либераловъ. „Въ сіе царствованіе ужаса"—говоритъ Карамзинъ— „по мнѣнію иностранцевъ, россіяне боялись даже и мыслить,— нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столи-

цахъ, общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервеніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности“ (Пыпинъ, Очерки Общ. движенія при Александрѣ I). Европейскія либеральныя традиціи въ самое мрачное время имѣли у насъ представителей, въ родѣ Радищева; самъ наслѣдникъ престола, юноша Александръ, былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ сторонниковъ ихъ; немало русскихъ училось тогда въ заграничныхъ университетахъ и идеи XVIII вѣка, несмотря на всѣ опасности, продолжали обращаться. При Павлѣ былъ запрещенъ ввозъ въ Россію какихъ-бы то ни было иностранныхъ книгъ, „равномѣрно и музыки“, т. е. нотъ, исключеніе было сдѣлано только для книгъ *„на тунгузскомъ языкѣ“* (!?). Но даже и эта мѣра не достигала своей цѣли. „Въ Петербургѣ и въ Москвѣ обращались иностранныя книги, вышедшія во время этого запрещенія или не задолго до него. Такъ-какъ идти на такой рискъ, какой связывался съ ввозомъ книгъ, стоило только для самыхъ пикантныхъ вещей, то самая строгость мѣръ была причиной, что изъ всѣхъ литературныхъ произведеній приходили въ имперію только такія, по поводу которыхъ запрещеніе и было главнымъ образомъ сдѣлано. Нѣкоторые букинисты, въ числѣ которыхъ были также и эмигранты, занимались этимъ опаснымъ, но прибыльнымъ промысломъ съ неслыханною смѣлостью. Ихъ склады были извѣстны почти всякому, и однако не нашлось ни одного доносчика“ (Storch).

Неожиданное извѣстіе о воцареніи Александра произвело въ обществѣ взрывъ радостнаго энтузіазма, о которомъ свидѣтельствуютъ всѣ современники *). Общество вздохнуло свободно. Тайная канцелярія уничтожена; до 12,000 человѣкъ возвращены изъ ссылки и получили прежнія права; петро-

*) Обстоятельства воцаренія Александра еще не выяснены до сихъ поръ Если справедливы свидѣтельства современниковъ, то ему былъ предложенъ конституціонный актъ, но онъ отвергъ это предложеніе (Пыпинъ)...

павлавская крѣпость освобождена отъ арестантовъ и посѣщавшій ее вмѣстѣ съ императоромъ Ермоловъ написалъ на воротахъ ея: „свободна отъ постоя"; политическія преступленія велѣно судить обыкновеннымъ судомъ; ввозъ иностранныхъ книгъ дозволенъ,—наступило время прогрессивныхъ надеждъ, увлеченій и общественнаго одушевленія. Молодой императоръ стоялъ во главѣ этого движенія. Воспитанникъ и другъ благороднаго швейцарца Лагарпа, онъ былъ проникнутъ самыми гуманными чувствами, самыми либеральными идеями и честными стремленіями. „Его мнѣнія" — говоритъ другъ его Чарторыскій—„были мнѣнія юноши 1789 г., который желалъ бы видѣть повсюду республику и считалъ эту форму правленія единственною сообразною съ желаніями и правами человѣчества... Онъ утверждалъ, что наслѣдственность престола установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи... Онъ сознавался, что ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ право всѣ люди, что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французской революціей; что всѣ его желанія за Польшу и за успѣхъ ея славной борьбы, что онъ оплакивалъ ея паденіе" и т. д., и т. д. (Р. Арх., 1871, 700, 707). Александръ искренно желалъ освободить крестьянъ и дать государству такія свободныя учрежденія, которыя гарантировали-бы его благосостояніе и развитіе. Его тяготила собственная власть, онъ не любилъ ни пышности, ни придворной обстановки; его деликатная скромность и гуманность простирались до того, что онъ просилъ прощенія у камердинера, за сдѣланный ему сгоряча жесткій выговоръ. При такихъ наклонностяхъ, онъ мечталъ, совершивъ въ Россіи радикальныя реформы, отречься отъ престола и, поселившись гдѣ-нибудь въ уединеніи на берегахъ Рейна, наслаждаться издали созерцаніемъ плодовъ своего великаго подвига. Тотъ-же либеральный энтузіазмъ, который по выраженію Фарнгагена

фонъ-Энзе, въ императорѣ Александрѣ напоминалъ „прекраснѣйшія изліянія первыхъ временъ революціи“, болѣе или менѣе проявлялся и во всѣхъ передовыхъ людяхъ того времени, особенно-же въ друзьяхъ императора Чарторыжскомъ, Строгановѣ, Парротѣ, Новосильцевѣ. Еще болѣе эти либеральныя увлеченія, эти возвышенныя чувства волновали собою сердца учащейся молодежи. Въ студенческомъ кругу, по словамъ С. Аксакова, бывшаго тогда студентомъ, „царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя-бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ и непримѣтно для него освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіе цѣлой жизни, и куда-бы его не затащили обстоятельства, какъ-бы ни втоптали въ грязь и тину,— она выводитъ его на честную, прямую дорогу“. Вѣра въ свѣтлую будущность народа, ненависть къ злу, безкорыстные и самоотверженные порывы къ гражданской дѣятельности, восторженныя пѣсни, въ родѣ извѣстнаго пушкинскаго посланія къ Чаадаеву—

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы,—

Все это живо напоминаетъ собою другое славное время,— начало нынѣшняго царствованія.

Либеральный энтузіазмъ императора и его сотрудниковъ, открыто заявившій себя съ первыхъ же дней царствованія, выразился въ учрежденіи неофиціальнаго комитета, который въ шутку называли „комитетомъ общественнаго благоденствія“, какимъ онъ, дѣйствительно, и казался реакціонерамъ, видѣвшимъ въ немъ что-то революціонное. Въ этомъ комитетѣ участвовали императоръ, Чарторижскій, Строгановъ, Мордвиновъ, Новосильцовъ, Воронцовъ, Лагарпъ. Цѣлью комитета была совершенная перестройка „безобразнаго зданія государства“ и „ограниченіе произвола нашего правленія,“

какъ выражался государь. Вопросы, поднятые въ комитетѣ, обсуждались свободно всѣми его членами, но какъ иниціатива вопросовъ, такъ и окончательное ихъ рѣшеніе почти всегда принадлежали самому императору. При своихъ либеральныхъ мнѣніяхъ, при своей любви къ свободѣ, Александръ обладалъ настойчивостью, доходившею до упрямства, и нерѣдко на практикѣ вооружался противъ тѣхъ самыхъ принциповъ, передъ которыми онъ совершенно искренно преклонялся въ теоріи. Онъ всегда желалъ освобожденія крестьянъ. Но когда въ 1803 г. лифляндскій сеймъ постановилъ освободить крестьянъ, то императоръ отвергъ это постановленіе. Въ 1816 г. богатѣйшіе помѣщики петербургской губерніи черезъ депутацію ходатайствовали о томъ же передъ Александромъ, но онъ, отклонивъ это ходатайство, съ неудовольствіемъ сказалъ депутатамъ: „предоставьте мнѣ самому издавать тѣ законы, которые я считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ“ (Богдановичъ, I, 90, 129; Gervinus, франц. переводъ, V, 269). Онъ желалъ реформъ, но хотѣлъ, чтобы онѣ истекали главнымъ образомъ отъ его воли и совершались такъ, какъ онъ считалъ разумнымъ и необходимымъ. Поэтому, всѣ реформаторскіе планы его царствованія, всѣ ихъ достоинства, недостатки, неудачи должны быть приписаны главнымъ образомъ Александру, хотя въ развитіи и выполненіи ихъ принимали самое дѣятельное участіе его друзья, составлявшіе комитетъ общественнаго благоденствія, а впослѣдствіи Сперанскій. Эти сотрудники были вполнѣ достойными помощниками государя, но въ то же время обладали и крупными недостатками. Трактуя объ искорененіи злоупотребленій, о необходимости радикальныхъ реформъ въ государственномъ строѣ, о независимости суда, составляя проектъ свободныхъ учрежденій въ родѣ англійскихъ, проектъ той „Конституціи“, которую г. Богдановичъ называетъ „Уложеніемъ“, — эти реформаторы относились болѣе или менѣе равнодушно къ основному вопросу русской жизни, къ осво-

божденію крестьянъ. Новосильцевъ былъ противъ освобожденія. Лагарпъ не только никогда не говорилъ объ его неизбѣжности, но даже не соглашался съ тѣми прогрессистами, которые настаивали на его необходимости и полной возможности. Не лучше относились къ этому вопросу Мордвиновъ и многіе другіе либералы, хотя всѣ они говорили объ „улучшеніи быта крѣпостныхъ людей“. Императоръ, Кочубей, Чарторижскій и Строгановъ были рѣшительными сторонниками освобожденія, но только двое послѣднихъ смотрѣли на это дѣло вполнѣ серьезно и готовы были дѣйствовать съ неутомимой энергіей. Чарторижскій доказывалъ, что „право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно, что не слѣдуетъ ничѣмъ удерживаться при нарушеніи его“. То же самое говорилъ и Строгановъ, убѣждая своихъ робкихъ сотрудниковъ, что освобожденіе крестьянъ не можетъ дать повода ни къ какому „опасному волненію“, что дворянство рѣшительно неспособно ни къ какой серьезной оппозиціи. „Что такое наше дворянство?“ говорилъ онъ. „Дворянство составилось у насъ изъ множества людей, сдѣлавшихся дворянами только службою, не получившихъ никакого воспитанія, которыхъ всѣ мысли направлены къ тому, чтобы не постигать ничего выше власти императора; ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ идеи о самомалѣйшемъ сопротивленіи. Это сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу,—наиболѣе тупое; вотъ приблизительная картина большей части нашего сельскаго дворянства... Большая часть дворянства, состоящаго на службѣ, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды, и очень часто служитъ, плутуя, но не сопротивляясь... Всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, исполнялась съ изумительною точностью, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія“. Строгановъ весьма основательно доказывалъ, что „если въ этомъ дѣлѣ

есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія". Императоръ же и большинство его сотрудниковъ смотрѣли на дѣло иначе. Одному вельможѣ, просившему Александра о пожалованіи имѣніемъ, онъ писалъ: „большая часть крестьянъ въ Россіи— рабы; считаю лишнимъ распространяться объ униженіи человѣчества и несчастіи подобнаго состоянія. Я далъ обѣтъ не увеличивать числа ихъ, и поэтому взялъ за правило не раздавать крестьянъ въ собственность". И хотя Александръ всегда твердо держался этого правила, но онъ далеко не былъ столь-же твердымъ въ выполненіи своей завѣтной мысли объ освобожденіи крестьянъ. Александръ и его сотрудники опасались серьезныхъ противодѣйствій со стороны помѣщиковъ, въ средѣ которыхъ слухи объ освободительныхъ намѣреніяхъ государя дѣйствительно порождали страхъ и неудовольствіе; они опасались еще и того, что „внезапное ограниченіе помѣщичьей власти можетъ подать поводъ къ неповиновенію крестьянъ и къ большимъ безпорядкамъ". Эта нерѣшительность, эта борьба между страхомъ и желаніемъ освобожденія парализировали всѣ хорошія намѣренія реформаторовъ и нерѣдко внушали имъ планы, ничтожность которыхъ можетъ быть объяснена только этимъ обстоятельствомъ. Желая, напримѣръ, хоть сколько-нибудь улучшить несчастное положеніе крестьянъ, комитетъ дошелъ до мысли дозволить покупать земли тѣмъ изъ нихъ, которые не были крѣпостными, а государь хотѣлъ дозволить имъ и мѣщанамъ вмѣстѣ землею покупать и крестьянъ, но съ тѣмъ, „чтобы крестьяне, которыми будутъ владѣть не дворяне, подчинялись условіямъ болѣе умѣреннымъ и не были рабами своихъ владѣльцевъ, какъ принадлежащіе дворянамъ, что будетъ первымъ шагомъ къ ихъ благоденствію" (Ковалевскій, 27; Богдановичъ, I, Прилож. 42, 46, 49—53). Боязливость реформаторовъ была причиною, что по крестьянскому вопросу въ царствованіе Александра сдѣлано было очень мало, хотя до самого конца

царствованія въ государѣ не умирало желаніе уничтожить крѣпостное право, а въ лучшихъ людяхъ тогдашняго общества господствовало убѣжденіе, что крестьянское дѣло имѣетъ первостепенное значеніе и что пока оно не рѣшится, до тѣхъ поръ должны отодвинуться передъ нимъ на задній планъ всѣ вопросы о внутреннихъ преобразованіяхъ. Извѣстный нѣмецкій патріотъ и прусскій министръ Штейнъ, имѣвшій большое вліяніе въ высшихъ сферахъ русскаго общества, главнымъ и необходимымъ средствомъ для развитія умственныхъ силъ и богатства русскаго народа считалъ освобожденіе крестьянъ „съ полной поземельной собственностью и личной свободой, хотя подъ полицейскимъ и судебнымъ надзоромъ дворянства“ (Пыпинъ). Въ самомъ русскомъ обществѣ, во все продолженіе александровскаго царствованія, поднималось не мало голосовъ противъ язвы крѣпостного права,—голосовъ, требованія которыхъ были до того умѣренны, что выполненіе ихъ не могло угрожать никакою опасностью государственному порядку со стороны помѣщиковъ. Такова была, напр., записка, поданная въ 1818 г. императору извѣстнымъ впослѣдствіи Канкринымъ, который, изображая экономическій и нравственный вредъ крѣпостного права, считалъ однакожъ „несправедливымъ, неосторожнымъ и невозможнымъ отпустить разомъ крестьянъ на волю“ и проектировалъ постепенное освобожденіе ихъ, окончательнымъ срокомъ котораго назначалъ 1880 годъ (Р. Арх, 1865, 542—552). Извѣстный дѣятель, Николай Тургеневъ, считалъ освобожденіе крестьянъ также главнымъ вопросомъ русской общественной жизни. Онъ освободилъ всѣхъ своихъ крестьянъ и былъ самымъ ревностнымъ защитникомъ эманципаціи. Но такія гуманныя стремленія, принадлежавшія отдѣльнымъ свѣтлымъ личностямъ, подобнымъ Тургеневу, встрѣчали противодѣйствіе со стороны огромнаго большинства... Державинъ, Лопухинъ, Карамзинъ, Каразинъ и все дворянство, за немногими исключеніями, были противъ освобожденія и употребляли всѣ усилія на

борьбу съ идеей эманципація. Вышедшая въ 1811 г. книга гр. Стройновскаго о крѣпостномъ правѣ подняла бурю, и извѣстный дѣлецъ Екатерины, В. Поповъ, писалъ государю: „Чтеніе появившейся нынѣ книги о вольности крестьянъ произвело во мнѣ ужасныя воображенія. Подобныя внушенія были всегда въ устахъ извѣстныхъ въ Россіи мятежниковъ. Въ Россіи умы не созрѣли еще къ воспріятію лестнаго, но и опаснаго дара вольности: умствованія о ней воспалительны, а слѣдствія злоупотребленія ею ужасны". Государь съ негодованіемъ отвергъ совѣты Попова (Р. Арх. 1864, 782). Однимъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ рабства былъ извѣстный гр. Ростопчинъ, который доказывалъ, что рабство существовало въ Россіи еще въ X в., что на немъ основаны и величіе и порядокъ государства, что „въ умахъ съ здравымъ разсудкомъ свобода значитъ бѣдствіе"; что это „слово *свобода* столько же опасно для человѣка и для общества, какъ прекрасные на взглядъ плоды, содержащіе въ себѣ жестокій ядъ"; что освобожденіе ввергнетъ страну въ жестокую анархію; что крестьяне благоденствуютъ подъ властью помѣщиковъ; что „ни одинъ честный и добродѣтельный человѣкъ не захочетъ *отказаться добровольно отъ драгоцѣннаго права быть благодѣтелемъ людей, подъ защитою его живущихъ*", т. е. отъ права владѣть крестьянами (Чтенія, 1860, III, 203—217). „Дѣло идетъ"—восклицалъ этотъ крѣпостной тузъ—„о цѣлости нашей и всего потомства нашего!.. о цѣлости государства!.. о бытіи или не бытіи Россіи!.." Въ толкахъ о вольности крестьянъ онъ указывалъ польскую интригу и революціонный замыселъ (Чтенія, 1859, II, 37—42). Много было подобныхъ адвокатовъ рабства, но рѣчи и памфлеты ихъ не всегда оставались безъ отвѣтовъ. Вотъ что отвѣчалъ, напр., этимъ адвокатамъ одинъ неизвѣстный „россіянинъ". „Описываемый вами дворянинъ не есть защитникъ престола; онъ рабъ, готовый ради личныхъ выгодъ исполнить все хорошее и худое; онъ не ищетъ ничего, кромѣ удовлетворенія своихъ

страстей и желаній; онъ служитъ ради единой пользы своей, въ „законномъ“ невѣжествѣ своемъ, не признавая правъ человѣческихъ...“ „Ваше „патріархальное правленіе“ никуда не годится. Хорошъ тотъ патріархъ, который покупаетъ, торгуетъ, продаетъ себѣ подобныхъ, мѣняетъ людей на собакъ, на лошадей; закладываетъ и уплачиваетъ ими свои долги; вопреки волѣ ихъ употребляетъ на свои удовольствія, прихоти, расторгаетъ браки и часто, весьма часто удовлетворяетъ ими гнуснѣйшія свои страсти! Довольно!.. Упаси, боже, отъ таковыхъ патріарховъ. Въ Африкѣ и Америкѣ начинаютъ чувствовать сіе беззаконіе и стараются прекратить оное; а мы, россіяне, христіяне именемъ, въ нѣдрахъ отечества нашего имѣемъ защитниковъ сей постыдной, сей богопротивной власти!.. Благодареніе тому, кто слѣпцамъ открываетъ глаза, кто невольникамъ оковы расторгаетъ; хвала и тому, кто добровольно слагаетъ съ себя власть незаконную!“ (id., 43—50). Такимъ образомъ, несмотря на всѣ противодѣйствія, вопли и запугиванья крѣпостниковъ, идея крестьянской эманципаціи, въ царствованіе Александра, увлекала болѣе и болѣе передовые умы и становилась общественною силою, на которую надежно могли опереться реформаторы, еслибы они были болѣе рѣшительны и менѣе робѣли передъ фантастическими призраками ожесточенной помѣщичьей реакціи. То обстоятельство, что въ проектированныхъ „комитетомъ общественнаго благоденствія“ свободныхъ учрежденіяхъ, крестьянскій вопросъ обходился молчаніемъ, какъ это можно видѣть изъ плана реформы, составленнаго Новосильцовымъ,—кажется намъ непростительной политической ошибкой. Въ планѣ государственныхъ преобразованій, который впослѣдствіи былъ составленъ Сперанскимъ и о которомъ мы будемъ говорить ниже, крестьянскій вопросъ также остался неразсмотрѣннымъ. Правда, говоритъ Тургеневъ, „цѣлый проектъ организаціи имперіи показывалъ, что крѣпостное право не могло найти въ ней мѣста; но вступая въ подроб-

ности о многихъ другихъ вопросахъ гражданскаго и политическаго устройства, Сперанскій, кажется, хотѣлъ избѣгать этого". Такая робкая осторожность только вредила дѣлу, тѣмъ болѣе, что во все продолженіе царствованія страхъ мысли о свободѣ крестьянъ не переставалъ поддерживаться отдѣльными распоряженіями правительства, выражавшими его постоянное желаніе эманципаціи. Есть извѣстіе, что ко дню коронаціи былъ уже приготовленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ,—манифестъ, обнародованіе котораго было отмѣнено. (Р. Арх. 1867 года, стр. 1675). Это было только началомъ тревожнаго страха для крѣпостниковъ, который постоянно поддерживался вѣрными и невѣрными слухами объ эманципаторскихъ стремленіяхъ государя и его сотрудниковъ. Слухи эти подтверждались тѣмъ, что государь старался ограничить жестокій произволъ помѣщиковъ, преслѣдовалъ тѣхъ изъ нихъ, о жестокостяхъ которыхъ крестьяне доводили до его свѣденія, устранялъ ихъ отъ управленія помѣстьями и ссылалъ въ монастыри на покаяніе. (Русск. Старина, 1870 г., I, 46—49). Онъ запретилъ продажу людей безъ земли, эту „постыдную торговлю, ни съ человѣчествомъ, ни съ законами несовмѣстную", хотя эта торговля и продолжала существовать во все его царствованіе. Въ 1803 г. состоялся указъ объ отпущеніи крѣпостныхъ въ свободные хлѣбопашцы по инціативѣ С. Румянцева, который представлялъ государю, что это будетъ первымъ шагомъ „къ постепенному уничтоженію и самаго рабства, которое не иное что, какъ положительное и ужаснѣйшее бѣдствіе". Впродолженіе александровскаго царствованія въ вольные хлѣбопашцы выкупились болѣе 47,000 крѣпостныхъ людей (Р. Славатинскій, Дворянство, 380, 540). Личное освобожденіе крестьянъ остзейскихъ губерній еще болѣе встревожило русскихъ помѣщиковъ. И всѣ эти одиночныя, робкія, принимаемыя въ разное время мѣры производили въ крѣпостникахъ по крайней мѣрѣ столько

же переполоха, сколько было бы его и при полномъ освобожденіи, совершенномъ разомъ.

Та же самая робость, которая такъ вредила крестьянскому дѣлу и которою ловко пользовались ретроградные агитаторы,— тормозила и всю дѣятельность реформаторовъ. Этою робостью, этою нерѣшительностью отличалось большинство членовъ комитета общественнаго благосостоянія. Они слишкомъ уже чутко прислушивались къ ретроградному общественному мнѣнію, думая, „что не слѣдуетъ слишкомъ оскорблять общепринятыя убѣжденія изъ опасенія подать поводъ къ неудовольствію и опасному волненію“. Это доводило реформаторовъ до того, что они съ непонятною для нашего времени заботливостью занимались иногда чистѣйшими пустяками. Такъ, напр., въ комитетѣ долго обсуждался вопросъ—какъ назвать вѣдомство народнаго просвѣщенія,—„министерствомъ общественнаго *образованія* или *воспитанія?* Гр. Кочубей полагалъ, что слѣдовало предпочесть слово *воспитаніе*, потому-что оно менѣе громко, и напротивъ того, слово „*образованіе*“ *поведетъ къ ложнымъ толкамъ* по господствующему у насъ предразсудку, будто бы просвѣщеніе опасно“!.. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго обсужденія, утвердили названіе: „министерство народнаго просвѣщенія“ (Богдан., I, Прил., 51, 86). Гр. Строгановъ отлично сознавалъ всю неосновательность и вредъ этой робкой нерѣшительности, когда писалъ Новосильцеву: „*мы* иногда, вслѣдствіе неумѣстныхъ сожалѣній и недостатка рѣшительности, бываемъ склонны отступать назадъ въ мѣрахъ, которыя были уже рѣшены, не имѣть смѣлости дѣлать вещи въ тотъ моментъ, когда ихъ слѣдовало бы дѣлать; изъ этого выходитъ въ дѣйствіяхъ нѣчто вялое и трусливое“ (Пыпинъ). Слово *мы* относится здѣсь къ Александру, но тою же самою вялостью и трусливостью отличались и всѣ его сотрудники по комитету.

Комитетъ окончилъ свою дѣятельность въ концѣ 1803 г., не сдѣлавъ ничего существеннаго. Съ 1806 г. либеральные

друзья императора постепенно устраняются отъ дѣлъ, но либеральные планы все-таки не покидаютъ его. Наступаетъ пора дѣятельности Сперанскаго, о которомъ въ нашемъ обществѣ ходятъ смутныя и превратныя понятія. О немъ судятъ только по тому, что онъ сдѣлалъ, и на основаніи этого считаютъ его не больше, какъ организаторомъ русской бюрократіи, между тѣмъ какъ все сдѣланное Сперанскимъ было только приготовленіемъ къ основной государственной реформѣ, планъ которой былъ составленъ имъ по иниціативѣ и при дѣятельномъ содѣйствіи самого императора. Въ концѣ 1809 г. должно было приступить къ постепенному выполненію плана, срокомъ котораго онъ полагалъ 1 сентября 1811 года, надѣясь, что тогда „Россія воспріиметъ новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразится". Хотя этотъ планъ Сперанскаго былъ мало извѣстенъ въ публикѣ, хотя въ строгомъ смыслѣ онъ былъ только развитіемъ завѣтныхъ идей императора и самого составителя, хотя онъ мало имѣлъ вліянія на развитіе общественной мысли, но все-таки его основные принципы были въ то же время и принципами всѣхъ передовыхъ людей тогдашняго общества, которые желали того же самаго, чего желали императоръ и его талантливый статсъ-секретарь.

Сперанскій доказываетъ, что въ Россіи давно уже чувствуется необходимость создать правильный порядокъ государственнаго устройства и поставить законъ выше всякой власти, которая должна быть только его исполнителемъ. Эта необходимость чувствовалась уже во времена Алексѣя Михайловича, когда „во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ считали нужнымъ совѣтоваться съ боярами, составлявшими тогда образованнѣйшую часть народа, и испрашиваетъ для принимаемыхъ мѣръ благословленіе патріарха". „Въ внѣшнихъ формахъ, данныхъ правительству во времена Петра I нисколько не думали о свободѣ политической; но Петръ, открывая дорогу наукамъ и торговлѣ, тѣмъ самымъ открывалъ

дорогу и свободѣ; не имѣя никакого яснаго намѣренія дать Россіи политическое бытіе, этотъ государь приготовилъ для него путь уже тѣмъ однимъ, что имѣлъ инстинктъ цивилизаціи“. При вступленіи на престолъ Анны оказалось, что вопросъ о „политическомъ бытіи“ живетъ и развивается въ обществѣ. При Екатеринѣ II „все, что сдѣлано было въ другихъ странахъ для устройства сословныхъ собраній, все, что политическіе писатели того времени предлагали наилучшаго для содѣйствія успѣхамъ свободы, все, что пытались сдѣлать во Франціи втеченіе двадцати пяти лѣтъ для предупрежденія того великаго переворота, настоятельность котораго предвидѣли,—все это Екатерина употребила при устройствѣ коммиссіи объ уложеніи. Созваны были депутаты націи и созваны въ строгихъ формахъ національнаго представительства; для этого собранія составленъ былъ наказъ, заключавшій въ себѣ сводъ лучшихъ политическихъ истинъ того времени; ничто не было забыто, чтобы облечь это собраніе гарантіями свободы, чтобы дать ему, чтобы дать Россіи, которую оно представляло, политическое бытіе“. Попытка оказалась преждевременной. Упомянувъ о павловскихъ законахъ о престолонаслѣдіи и объ ограниченіи обязательной работы крѣпостныхъ тремя днями въ недѣлю, — объ александровскихъ указахъ, дозволявшимъ всѣмъ свободнымъ сословіямъ владѣть землею, учреждавшихъ классъ свободныхъ хлѣбопашцевъ и министерства, съ отвѣтственностью министровъ, о „мѣрахъ, принятыхъ въ Лифляндіи, какъ опытѣ и примѣрѣ общаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ“,—Сперанскій заключаетъ, что „Россія, несмотря на свое абсолютное правленіе, очевидно идетъ къ свободѣ“. Обращаясь затѣмъ къ тогдашнему состоянію государства, Сперанскій пишетъ: „Всѣ жалуются на смѣшеніе, какое царствуетъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ; но гдѣ средство улучшить ихъ, ввести въ нихъ желаемый порядокъ, когда мы не имѣемъ законовъ политическихъ! Къ чему служатъ законы, опредѣляющіе права собственности

каждаго, когда эта собственность не имѣетъ никакого прочнаго и опредѣленнаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда ихъ таблицы могутъ каждый день разбиться о первый камень абсолютизма? Жалуются на безпорядокъ въ финансахъ, но можно-ли хорошо устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ публичнаго кредита; гдѣ не существуетъ никакого политическаго учрежденія, которое могло-бы обезпечивать его прочность! Жалуются на медленность, съ какой распространяются просвѣщеніе и промышленность, но гдѣ принципъ, который могъ бы оживотворить ихъ! Къ чему стараться просвѣщать раба, если просвѣщеніе не должно имѣть на него другого дѣйствія, кромѣ того, что оно заставитъ его еще болѣе почувствовать тягость своего положенія!.. Умы находятся въ тягостномъ безпокойствѣ, и это безпокойство можно объяснить только полнымъ измѣненіемъ, происшедшимъ въ мнѣніяхъ, только желаніемъ другого правленія, желаніемъ, пожалуй, неопредѣленнымъ, но тѣмъ не менѣе живымъ... Все это доказываетъ, что существующая система правленія не соотвѣтствуетъ болѣе состоянію общественнаго мнѣнія, и что пришло время замѣнить эту систему другою".

Сперанскій критиковалъ эту систему очень смѣло, потому что государь держался тѣхъ же самыхъ мнѣній. Указывая на хаосъ, царившій въ законахъ, Сперанскій касался и самаго существеннаго зла, крѣпостного рабства, этихъ „отношеній милліоновъ людей, составляющихъ полезнѣйшую часть населенія, къ горсти тунеядцевъ, которые присвоили, Богъ знаетъ почему и какъ, всѣ права, всѣ привиллегіи". Но „что такое само дворянство, когда личность всякаго дворянина, его собственность, его честь, все, наконецъ, зависятъ не отъ закона, а только отъ воли абсолютнаго властителя?.. Развѣ послѣдній не имѣетъ надъ дворянами той же самой власти, какъ дворяне надъ крѣпостными?.. Вмѣсто этой пышной классификаціи русскаго народа на различныя сословія, на дворянъ, купцовъ, мѣщанъ, я нахожу въ Россіи только два сословія: это—рабы

верховной власти и рабы землевладѣльцовъ. Первые свободны только относительно послѣднихъ; въ дѣйствительности, въ Россіи нѣтъ свободныхъ людей, кромѣ нищихъ и философофовъ. — Что окончательно уничтожаетъ въ русскомъ народѣ всякую энергію, — это тѣ отношенія, въ которыя поставлены между собой эти два класса рабовъ. Интересъ дворянства требуетъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены; интересъ крестьянъ требуетъ, чтобы дворяне точно также были подчинены коронѣ... Престолъ представляется всегда крестьянамъ, какъ единственный противовѣсъ власти ихъ господъ"... При разбираемой системѣ, доказываетъ реформаторъ, „правительство должно отказаться: 1) отъ всякой мысли имѣть твердые и прочные законы, потому что подъ такимъ правленіемъ они невозможны; 2) отъ всякихъ усилій въ пользу народнаго образованія, потому что, давая образованіе массѣ народа, нельзя было бы не повредить абсолютному правленію и не вызвать къ волненію и неповиновенію; 3) отъ всякихъ усовершенствованій національной промышленности...; 4) отъ всякаго возвышенія національнаго характера.., такъ какъ рабъ не можетъ имѣть національнаго характера...; 5) отъ всякаго замѣтнаго увеличенія національнаго богатства...; 6) тѣмъ болѣе еще надо отказаться отъ улучшенія положенія нисшаго класса народа: плодъ его трудовъ будетъ всегда истребленъ роскошью высшаго класса".

Послѣ разсужденія о разныхъ формахъ правленія, реформаторъ кладетъ въ основу своихъ преобразованій слѣдующіе выводы. „1) Никакое правительство не можетъ быть законно, если оно не основано на волѣ страны... 2) всякое правительство существуетъ на извѣстныхъ условіяхъ и законно до тѣхъ поръ, пока исполняетъ эти условія"... „Всякое правленіе, чтобы быть законнымъ, должно основываться на общей волѣ народа... Власть правительства можетъ быть ограничена только властью народа... Силы народа бываютъ всегда больше силъ правительства... но онѣ часто бываютъ парализованы 1) отъ незнанія народомъ его правъ; 2) отъ различія интересовъ и

недостатка связи между отдѣльными лицами. Распаденіе народа на различныя сословія можетъ считаться причиной всякаго абсолютнаго правленія. Devide, ut imperes! Первый шагъ, который нужно сдѣлать для ограниченія абсолютной власти, это положить конецъ раздорамъ, существующимъ между различными сословіями и состояніями, соединить ихъ всѣ, чтобы уравновѣсить силу правительства". Но стараясь о равенствѣ всѣхъ гражданъ, говоря объ уничтоженіи крѣпостного рабства, Сперанскій для упроченія въ Россіи конституціи предполагалъ реформировать аристократію на англійскій образецъ и учредить маіоратъ.

Высшимъ учрежденіемъ этой русской конституціи долженъ быть государственный совѣтъ, который по внѣшней своей формѣ устроенъ такъ, какъ и предполагалось въ проектѣ. Законодательная власть принадлежала государственной Думѣ, составленной изъ депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ сословій, избираемыхъ въ губернскихъ собраніяхъ. Законы вообще предлагаются правительствомъ, обсуждаются думой и утверждаются императоромъ. За государственной думой слѣдуютъ также составленныя изъ выборныхъ депутатовъ думы губернскія, уѣздныя и, наконецъ, волостныя. Принципъ самоуправленія предполагалось ввести въ государственную жизнь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Высшая судебная инстанція — сенатъ, члены котораго назначаются государственной думой и при которомъ составляются изъ членовъ государственнаго совѣта верховный судъ для дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ, по преступленіямъ министровъ, генералъ-губернаторовъ и т. д. Засѣданія сената публичны и его рѣшенія печатаются. Въ судахъ губернскомъ, уѣздномъ и волостномъ вводится институтъ присяжныхъ. Въ администраціи высшую инстанцію образуетъ министерство съ отвѣтственнымъ министромъ. Большая часть административныхъ должностей выборныя (Пыпинъ, Очерки Обществ. Движ. при Алекс. I, глава III; Tourgueneff, La Russie et les Russes).

Таковы основныя черты знаменитаго проекта, о которомъ самъ Сперанскій писалъ, что онъ въ сущности своей не представлялъ ничего новаго, а служилъ только систематическимъ развитіемъ идей, занимавшихъ императора съ 1801 года. Но когда пришлось приступить къ приведенію плана въ дѣйствіе, Сперанскій вынужденъ былъ выполнять проектъ по частямъ, постепенно. „Важнѣйшія части этого плана никогда не осуществились. Приведено было въ дѣйствіе лишь то, что Сперанскій считалъ болѣе или менѣе независимымъ отъ общаго круга задуманныхъ преобразованій; все прочее осталось только на бумагѣ и даже исчезло изъ памяти людей, какъ стертый временемъ очеркъ смѣлаго карандаша". (Корфъ, жизнь Сперанскаго). Такъ былъ основанъ государственный совѣтъ, о которомъ Сперанскій въ своемъ отчетѣ писалъ императору: „тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ нашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается только начало". Въ высочайшемъ манифестѣ объ основаніи совѣта дѣлались, впрочемъ, весьма прозрачные намеки на его предполагаемое значеніе. Въ манифестѣ этомъ, говоритъ біографъ Сперанскаго, Корфъ, „Александръ провозглашалъ передъ лицомъ Россіи, что законы гражданскіе, сколь-бы они ни были совершенны, *безъ государственныхъ установленій не могутъ быть тверды;* совѣтъ и сенатъ прямо названы были *сословіями;* впервые всенародно выражено сознаніе, что положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ неукоснительно требуетъ *разсмотрѣнія и опредѣленія;* впервые возвѣщено, что разумъ всѣхъ преобразованій государственныхъ долженъ состоять *въ утвержденіи образа управленія на твердыхъ и непремѣнныхъ основаніяхъ закона;* наконецъ, все образованіе совѣта, въ которомъ была особая глава подъ названіемъ *коренныхъ его законовъ,* носило на себѣ явный отпечатокъ понятій и формъ, совершенно новыхъ въ нашемъ общественномъ устройствѣ. „Манифестъ, кромѣ того, заявивъ о при-

готовляемомъ изданіи гражданскаго Уложенія, обѣщалъ „по примѣрамъ древняго нашего законодательства (вѣроятно, земскихъ соборовъ и екатерининской комиссіи), назначить порядокъ, коимъ уложеніе сіе *совокупнымъ разсмотрѣніемъ избраннѣйшихъ сословій имѣетъ быть уважено* и достигнетъ своего совершенства“ (Пыпинъ; Полн. Собр. Зак. № 24,064). Другою изъ выполненныхъ реформъ было преобразованіе министерствъ, цѣлью котораго Сперанскій считалъ между прочимъ устраненіе недостатка настоящей отвѣтственности министровъ. Затѣянное преобразованіе сената было отложено на неопредѣленное время, какъ и выполненіе другихъ частей плана Сперанскаго, хотя государь почти до послѣднихъ лѣтъ своей жизни думалъ осуществить свою завѣтную мысль, о чемъ и заявлялъ въ 1818 г. передъ цѣлой Европой въ своей рѣчи при открытіи польскаго сейма.

Такимъ образомъ, ни одна изъ коренныхъ реформъ, которыя были задуманы государемъ и къ которымъ вполнѣ сочувственно относилось прогрессивное меньшинство общества, не была выполнена. Но при всемъ томъ, во все почти продолженіе царствованія правительствомъ принимались многія мѣры, изъ коихъ нѣкоторыя уже указаны нами, клонившіяся къ искорененію разныхъ золъ и подерживавшія энергію прогрессивной мысли въ обществѣ. Литература получила значительное облегченіе, открыты частныя типографіи, возстановленная екатерининская грамота, данная городамъ, основаны губернскія гимназіи и пять новыхъ университетовъ, уничтожена судёбная пытка, провозглашенъ принципъ вѣротерпимости, значительно смягчена прежняя суровая военная дисциплина, введенъ кое-какой порядокъ въ управленіе финансами и т. д., и т. д. Прогрессивная часть общества относилась ко всему этому съ самымъ дѣятельнымъ сочувствіемъ, которое выразилось, напр.. въ небывалыхъ до той поры громадныхъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ на дѣло народнаго образованія. Война 1812 г. и заграничные походы слѣдующихъ годовъ

произвели небывалое возбужденіе либеральной мысли, особенно между военною молодежью. „Толчекъ, который дали умамъ только-что совершившіяся событія“—разсказываетъ Н. И. Тургеневъ—„или вѣрнѣе, волненіе, произведенное этими событіями, было очевидно. Прогрессивныя идеи начали распространяться въ Россіи съ возвращеніемъ русскихъ войскъ изъ-за границы. Кромѣ войскъ регулярныхъ, за границей были также большія массы ополченія; эти ополченцы всѣхъ ранговъ, переходя русскую границу, возвращались по домамъ и разсказывали о томъ, что видѣли въ Европѣ. Сами событія говорили громче всякаго человѣческаго голоса. Это была настоящая пропаганда“... Въ Россіи появилась рукописная литература „довольно много произведеній, замѣчательныхъ или по силѣ эпиграммы или повысокому и поэтическому вдохновенію“. Политическіе и общественные вопросы, волновавшіе тогда Европу, увлекали собою молодежь. Гвардейскіе офицеры въ особенности обращали на себя вниманіе свободой и смѣлостью, съ какой они высказывали свои мнѣнія, мало заботясь о томъ, гдѣ они говорили, въ общественномъ мѣстѣ или частномъ домѣ, были-ли тѣ, съ кѣмъ они говорили, приверженцы или противники ихъ мнѣній... Правительство нетолько не противилось направленію, какое принимало общественное мнѣніе, но своими дѣйствіями показывало, что его симпатіи согласны съ симпатіями здравой и просвѣщенной части общества“. Рабство крестьянъ возбуждало къ себѣ болѣе и болѣе отвращенія въ порядочныхъ людяхъ и лучшіе изъ нихъ начали уже сознавать необходимость освобожденія крестьянъ съ землею. Сами крестьяне ждали свободы, какъ награды за свои подвиги при изгнаніи врага. На просвѣщеніе народа было обращено особенное вниманіе и правительствомъ, и обществомъ. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Перми, Вологдѣ, Болховѣ, Тулѣ, Иркутскѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Нижнемъ, Херсонѣ, Оренбургѣ, Тифлисѣ, Астрахани, Кіевѣ, Кронштадтѣ, Вильнѣ и во множествѣ другихъ мѣстъ заводились и шли съ успѣхомъ лан-

кастерскія школы. Особенно благотворное вліяніе имѣли онѣ въ войскахъ, которыя въ это время значительно измѣнили къ лучшему свой характеръ и бытъ, постепенно гуманизируясь подъ вліяніемъ своихъ образованныхъ начальниковъ. „По возвращеніи войскъ изъ-за границы, говоритъ Тургеневъ, дисциплина стала измѣняться. Во многихъ полкахъ употребленіе палки стало рѣже, въ другихъ оно было совершенно запрещено, по крайней мѣрѣ, втеченіе нѣкотораго времени". Молодежь безкорыстно увлекалась гуманизирующею и просвѣтительною дѣятельностью, къ которой мы еще возвратимся въ концѣ своего очерка. Но эта дѣятельность наравнѣ съ реформаторскою дѣятельностью и либеральными планами правительства, во все продолженіе царствованія, встрѣчала на своемъ пути столько препятствій и тормазовъ, столько противодѣйствія со стороны ретроградной массы, столько интригъ и козней, клеветъ и инсинуацій, что подъ конецъ эпохи естественно перешла въ такую форму, въ которой только и возможно было ея существованіе подъ ожесточеннымъ напоромъ постепенно усиливавшихся враговъ.

А враговъ этихъ былъ легіонъ.

II.

Невѣжественная масса, отупѣвшая среди однообразной, неподвижной жизни, всегда походитъ на Дарью Петровну Коробочку. Всякое событіе, выходящее изъ ряда окружающихъ ее обыденныхъ явленій, непріятно волнуетъ ея апатичную натуру и пугаетъ ея слабый умъ. Въ эпоху Александра эта консервативная масса, зараженная мистицизмомъ, который такъ располагаетъ къ боязливости и отучаетъ отъ логическаго мышленія, была еще трусливѣе, чѣмъ нынѣ. Она вполнѣ вѣрила въ справедливость древне-русскаго изреченія, что „которое царство начнетъ переставливать свои обычаи, и то царство не

долго стоитъ". Этотъ староверческій консерватизмъ во многихъ личностяхъ имелъ совершенно безкорыстный характеръ; такія личности относились ко всемъ нововведеніямъ съ такою же искреннею непріязнью, какъ и раскольники къ церковнымъ „новшевствамъ". Подобно митрополиту Гавріилу, они следовали правилу, что *„перевороты никогда не нужны;* лучше жить твердо, не взирая ни на какія другія прихоти" (Р. Арх., 1864, 615). Но эти искренніе консерваторы никогда не служатъ главнымъ и передовымъ отрядомъ реакціонной толпы и терпеливо подчиняются победившей прогрессивной партіи. Во главе реакціи почти всегда стоятъ интриганы, которые борются противъ прогресса во имя своихъ личныхъ интересовъ, во имя своихъ узкихъ корыстныхъ целей. Такъ было и при Александре. Каждая либеральная мера, каждый слухъ о реформаторскихъ планахъ правительства нагоняли страхъ на известнаго сорта людей, такъ хорошо жившихъ въ омуте той соціальной анархіи, которую хотело искоренить правительство. Проекты государственныхъ реформъ, задуманныхъ императоромъ и приготовляемыхъ сначала комитетомъ общественнаго благосостоянія, а потомъ Сперанскимъ, были, конечно, не понутру всемъ, чей произволъ они угрожали уничтожить, чьи темныя дела должны были при нихъ вынырнуть на светъ божій и подвергнуться общественному контролю, чьи грешные и безгрешные доходы должны были сократиться, или даже вовсе прекратиться при выборномъ самоуправленіи, гласности, суде присяжныхъ. Поэтому-то, напр., „преобразованіе высшихъ государственныхъ учрежденій, вместе съ усиліями Сперанскаго *уменьшить расходы* по всемъ министерствамъ, поселили недоброжелательство къ нему въ высшихъ сферахъ общества" (Богдановъ, III, 16). Самъ Сперанскій въ своемъ пермскомъ письме къ императору выяснилъ это своекорыстіе мотивовъ, руководившихъ ретроградами. Для избавленія государства отъ банкротства, писалъ онъ, надлежало, между прочимъ, „сократить и привести въ порядокъ издержки; а здесь-то

неудобство и роптаніе. Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ-называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе и въ концѣ всего ожидать еще ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому же правилу. Могъ-ли кому нравиться сей порядокъ вещей!„ Точно также и всѣ другія либеральныя намѣренія и преобразованія задѣвали чьи-нибудь интересы, обижали самолюбіе, пугали, и тѣмъ плодили враговъ реформы. Государь, напр., нелюбившій роскоши и называвшій полотерами тѣхъ придворныхъ, которые служили только для внѣшняго блеска выходовъ и баловъ, постановилъ уволить изъ нихъ въ отставку всѣхъ тѣхъ, которые втеченіе двухъ мѣсяцевъ не поступятъ на какую-нибудь дѣйствительную военную или гражданскую службу. Какой ропотъ поднялся изъ-за этого! „Говорили, будто бы императоръ, возбуждая въ своихъ подданныхъ идеи о равенствѣ, уничтожаетъ сохранившійся у насъ дотолѣ призракъ аристократіи и стремится къ водворенію въ Россіи такого же порядка, какой существуетъ въ Турціи“ и т. п. (Богд. III, 18). Другой указъ о службѣ, въ составленіи котораго, кромѣ Сперанскаго участвовалъ и гр. Завадовскій, надѣлалъ еще болѣе шума. 6 августа 1809 года было постановлено, что для полученія чиновъ коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника необходимо представлять свидѣтельство объ окончаніи университетскаго курса, или выдержаніи экзамена. Вся бюрократія, вся ретроградная дворянская партія, съ Карамзинымъ во главѣ, возстали противъ этой мѣры; нѣкоторые прозрѣвали въ ней даже какую-то коварную „семинарскую интригу“, посредствомъ которой Сперанскій думалъ будто бы, оттѣснивъ отъ управленія дворянъ и чиновниковъ, отдать Россію въ руки семинаристовъ, которыхъ тогда въ университетахъ было очень много!.. За шесть лѣтъ до этого

разыгралась подобная же исторія, имѣвшая въ себѣ не мало комизма. Въ 1803 г. сенату представленъ былъ военнымъ министромъ Вязмитиновымъ указъ о томъ, чтобы, согласно постановленіямъ Петра III и Екатерины II, не увольнять въ отставку изъ военной службы раньше двѣнадцати лѣтъ тѣхъ дворянъ, которые до этого срока не получили офицерскаго чина. Въ сенатѣ и въ средѣ дворянства, особенно московскаго, указъ этотъ произвелъ страшный переполохъ. За него стояли Вязмитиновъ и Державинъ, противъ него говорилъ и дѣйствовалъ съ особенной энергіей сенаторъ гр. Потоцкій. Державинъ объяснялъ эту дворянскую оппозицію вліяніемъ польской интриги; „это поляки хотятъ раззорить нашу военную силу, дабы изнѣживъ дворянство, сдѣлать его неспособнымъ къ военной службѣ, а слѣдовательно и къ защитѣ отечества“. Оппозиція же провидѣла тутъ интригу „крапивнаго сѣмени“, которое хочетъ стать на мѣсто дворянства. „Когда, разсказываетъ Державинъ,—мнѣніе гр. Потоцкаго дошло въ Москву, то тамъ знатное и, можно сказать, глупое дворянство приняло его съ восхищеніемъ, такъ-что въ многолюдныхъ собраніяхъ клали его на голову и пили за здоровье гр. Потоцкаго, почитая его покровителемъ россійскаго дворянства и защитникомъ отъ угнетенія, а глупѣйшія или подлѣйшія души не устыдились бюсты Державина и Вязмитинова, яко злодѣевъ, выставить на перекресткахъ, замаравъ ихъ дерьмомъ для поруганія“ (Записки Держав., 466). Въ честь же гр. Потоцкаго была написана громкая ода (Р. Арх., 1869 г., стр. 1377—1380), авторъ которой говорилъ, обращаясь къ „приказному роду, гнилому въ корню“, что не онъ защищалъ, спасалъ и возвеличивалъ Россію, а дворяне. Въ этой одѣ находится и слѣдующая выходка противъ Сперанскаго, начинавшаго уже тогда обращать на себя вниманіе—

«Тебѣ-ль изъ праха извлеченну,
Тебѣ-ль, писецъ, чернильный вранъ,
Забывъ породу униженну,

Судить о жребіи дворянъ,—
Дворянъ—отечества подпоры!
Страшись теперь возвесть къ намъ взоры!
Падешь съ наружной высоты,
Презрѣньемъ общимъ наградишься,
Съ толпою подлою смѣсишься
И будешь червь ползущій ты!..»

Независимо отъ сословныхъ корпоративныхъ интересовъ, реакціонная оппозиція мотивировалась еще и чисто-личными разсчетами. Люди стараго покроя на всѣхъ ступеняхъ государственной іерархіи оттѣснялись на задній планъ людьми образованными сообразно съ духомъ времени. Какіе нибудь Балашовы и „безъ лести преданные“ Аракчеевы никогда не могли достигнуть того, чего хотѣли, если рядомъ съ ними, или даже впереди ихъ стояли Строгановы и Сперанскіе. То же самое было и въ болѣе низкихъ правительственныхъ сферахъ. Но самымъ сильнымъ мотивомъ реакціоннаго недовольства былъ, какъ и всегда, крестьянскій вопросъ, возбуждавшій негодованіе и страхъ какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ бюрократіи, для которой существованіе крѣпостного права было очень выгодно. Каждая правительственная мѣра, напоминавшая о завѣтной мечтѣ императора, производила переполохъ въ обществѣ, какъ, напр., упомянутый уже нами законъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ, который, по объясненію „великаго“ поэта и крѣпостника Державина, „выдумалъ Румянцовъ изъ подлой трусости угодить государю, стакнувшись напередъ съ якобинскою шайкою Чарторижскихъ, Новосильцовыхъ и прочихъ“ (Записки, 485). Достаточно было государю въ рѣчи при открытіи варшавскаго сейма намекнуть о своемъ желаніи ввести свободныя учрежденія во всей имперіи, чтобы взволновать все общество страхомъ предстоявшаго будто бы освобожденія крестьянъ. „Вамъ, писалъ Сперанскій Столыпину,— безъ сомнѣнія извѣстны всѣ припадки страха и унынія, коими поражены умы московскихъ жителей варшавскою рѣчью. Припадки сіи, увеличенные разстояніемъ, проникли и сюда (въ

Пензу). И хотя теперь все здѣсь спокойно, но за спокойствіе сіе ручаться невозможно... Опасность состоитъ именно въ семъ страхѣ, который теперь вездѣ разливается... Если помѣщики ничего болѣе въ сей рѣчи не видятъ, какъ свободу крестьянъ, то какъ можно требовать, чтобы народъ простой могъ что либо другое тутъ видѣть!.. Что за симъ слѣдуетъ, вообразить ужасно; но всякому понятно" (Р. Арх., 1869, 1697). Такимъ образомъ, боялись не только освобожденія крестьянъ, но и того фантастическаго возстанія ихъ, которое будто бы должна была повлечь за собою эманципація. Мистическое умонастроеніе общества было хорошею почвой для подобныхъ нелѣпыхъ страховъ. Типомъ тогдашняго крѣпостника, постоянно раздраженнаго и озлобленнаго на нарушенія его „священныхъ правъ" и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно боявшагося какъ освобожденія крестьянъ, такъ и ихъ предполагаемаго возстанія, можетъ служить извѣстный гр. Дмитріевъ-Мамоновъ, у котораго упомянутое душевное состояніе перешло въ сумасшествіе. Этотъ Мамоновъ, по поводу возникшаго дѣла объ его жестокостяхъ, писалъ московскому генералъ-губернатору: „крѣпостныхъ людей, которые у меня въ домѣ, я не перестану наказывать тѣлесно, когда, по усмотрѣнію моему, окажутся они того достойными, ибо право наказывать крѣпостныхъ людей палками неразрывно сопряжено съ политическимъ и частнымъ домостроительствомъ россійскаго государства и это право передано намъ отъ предковъ нашихъ... Что же касается до мѣщанина Афанасьева, то я скажу вамъ, м. г., что я подобныхъ ему мѣщанъ никогда иначе и не наказываю, какъ палками и плетьми и сажаніемъ въ колодки и кандалы въ страхъ и въ обузданіе наглецамъ"... Наказаніе Дмитріевъ-Мамоновъ считаетъ „политическимъ правиломъ, особливо касающимся до выгодъ и до правъ россійскихъ дворянъ и до ихъ личной безопасности въ домахъ ихъ и въ деревняхъ". Занятый постоянно мыслью объ этой „личной безопасности", онъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ въ

своемъ имѣніи совершеннымъ невидимкою, прятался отъ всѣхъ, даже отъ прислуги; кушанье и платье ему приносили и оставляли въ пустой комнатѣ. Днемъ онъ составлялъ чертежи и планы каменныхъ укрѣпленій, которыя онъ затѣялъ въ своемъ имѣніи ради той же „личной безопасности“, а ночью, когда всѣ спали, ходилъ осматривать работы (Р. Арх., 1867, 962—968).

Реакція, возбуждаемая нарушеніемъ сословныхъ и личныхъ интересовъ, находила себѣ удобную почву въ той массѣ общества, которая, обладая внѣшнимъ лоскомъ европейскаго образованія, составляла, по справедливому замѣчанію г-жи Сталь, такую сферу, въ которой „нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей и въ которой люди не пріобрѣтаютъ никакой способности ни къ умственному труду, ни къ дѣламъ... Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь серьезномъ разговорѣ и въ такомъ обществѣ образованіе ни къ чему не требуется. У націи есть энергія и величіе, но порядка и образованности часто еще не достаетъ и въ правительствѣ и въ частной жизни“. Сталь удивляется, что всѣ дворяне служатъ и ихъ образованіе кончается обыкновенно въ пятнадцать лѣтъ. Образовательныя средства были скудны, да и тѣми пользовались немногіе. „Университеты, писалъ въ 1804 г. Евгеній Болховитиновъ,—едва дышатъ, ни учить, ни учиться некому. У насъ въ модѣ записывать дѣтей въ службу съ 15 лѣтъ, а университетскій курсъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ 10 продолженія (т. е. съ приготовительнымъ ученьемъ). Кто же будетъ дожидаться конца его“ (Пып.; Р. Арх., 1870, 838). Русская литература того времени, находившаяся еще въ пеленкахъ, не могла давать обществу никакого серьезнаго образованія, да и сами представители ея мало чѣмъ возвышались надъ уровнемъ окружавшаго ихъ общества. Мы увидимъ ниже, напр., какъ низко по своему развитію стоялъ Карамзинъ. Въ массѣ тогдашнимъ писателей мы не видимъ ни солиднаго образованія, ни какой бы то ни было серьезной об-

щественной мысли. Литераторы раздѣлялись на два главныхъ лагеря. Все старое, дряхлое, консервативное группировалось около Шишкова и составляло *Бесѣду Любителей Русскаго Слова*, засѣданія которой посѣщались архиреями, министрами, генералами въ полной формѣ, дамами въ бальныхъ костюмахъ. Эти господа словянофильничали и блюли чистоту русскаго языка отъ нововведеній. Все было здѣсь чинно, парадно, солидно и чрезвычайно скучно. Писатели новой школы, боровшейся съ Шишковымъ и К°, составили шутовское общество „Арзамасъ“ и посвящали ему значительное часть своего времени, забавляясь въ немъ игрой въ остроуміе, смѣшными фарсами, безцѣльнымъ литературнымъ гаерствомъ да пожираніемъ арзамасскихъ гусей, запиваемыхъ шампанскимъ. Карамзинъ былъ полнымъ ихъ авторитетомъ. Генералъ Орловъ, вступившій въ „Арзамасъ“ членомъ, „произнесъ серьезную рѣчь, въ которой онъ указывалъ обществу, какъ недостойно умныхъ людей заниматься пустяками и литературными перебранками“, разсказываетъ Тургеневъ. „Онъ заклиналъ своихъ новыхъ собратій оставить ихъ ребяческія забавы и обратиться къ предметамъ серьезнымъ. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе“. Но „обратиться къ предметамъ серьезнымъ“ арзамасцы были не въ силахъ и, говоритъ другой ихъ современникъ, Вигель, „Арзамасъ тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ“.

III.

Масса общества была такъ пуста и безсодержательна, что г-жа Сталь, говоря о нетвердости его принциповъ, которые „не установились хорошенько въ головахъ русскихъ“, и о всегдашнемъ сильномъ вліяніи правительства на направленіе умовъ, замѣчаетъ, что „съ перемѣной царствованія могутъ перемѣниться всѣ понятія обо всѣхъ предметахъ“. Умная на-

блюдательница нисколько не ошиблась въ этомъ отношеніи, но перемѣна понятій послѣдовала въ легкомысленной массѣ общества еще до наступленія новаго царствованія. Всѣ реакціонныя европейскія движенія проникали къ намъ и находили для себя отличную почву въ русскомъ барствѣ. Іезуиты начинали хозяйничать у насъ, какъ дома, и одинъ изъ даровитѣйшихъ и самыхъ фанатическихъ апостоловъ реакціи, Жозефъ де-Местръ, былъ оракуломъ многихъ петербургскихъ салоновъ. Бары и барыни переходили въ католичество, увлекались всевозможными мистическими шарлатанствами, составляли, подобно Татариновой, даже хлыстовскія общества. Во всѣхъ этихъ проявленіяхъ вѣялъ духъ самаго закоренѣлаго обскурантизма, поддерживаемый сверхъ того сильнымъ вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ, выгнанныхъ съ родины великимъ переворотомъ и спѣшившихъ въ распростертыя объятія нашего гостепріимнаго барства. Между эмигрантами были и люди хорошо образованные, люди, дышавшіе злобой дней своихъ, но масса ихъ принадлежала къ старому порядку. Подъ вліяніемъ этой эмиграціи наша аристократія вырабатывала окончательно свой типъ (Р. Славатинскій, 67). Крѣпостное право и дворянская грамота получали новыя доказательства своей священности изъ устъ компетентныхъ софистовъ въ родѣ де-Местра, который убѣждалъ правительство поддерживать всѣми силами патріархальный строй русской жизни, ограничить образованіе и литературу, запретить преподаваніе естественныхъ наукъ и т. д. Эмигранты много содѣйствовали теоретическому выясненію и формулированію мыслей нашихъ крѣпостниковъ и другихъ ретроградовъ. Тѣ-же эмигранты главнымъ образомъ распространяли въ обществѣ самыя превратныя понятія о великихъ событіяхъ конца XVIII вѣка и пускали въ ходъ ту систему запугиванья политическими призраками, которая принесла столь горькіе плоды во всѣхъ европейскихъ странахъ послѣ 1815 года. Во всѣхъ проявленіяхъ прогрессивной мысли, во всѣхъ честныхъ стремленіяхъ,

шедшихъ въ разрѣзъ съ ихъ средневѣковыми предразсудками и кастальными интересами, эти апостолы реакціи указывали приближеніе всеобщей революціонной бури, сочиняя чудовищные мифы о проискахъ иллюминатовъ, о комплотахъ якобинцевъ, о всемірномъ революціонномъ заговорѣ, имѣющемъ цѣлью „ниспроверженіе алтарей и трововъ“. Послѣ 1815 г. эта пропаганда еще болѣе усилилась подъ вліяніемъ Меттерниха и другихъ дѣятелей всеобщей европейской реакціи.

Умственное убожество и путаница понятій въ тогдашнемъ обществѣ простирались до того, что тѣ-же самые люди, которые подчинялись вліянію іезуитовъ и легитимистскихъ реакціонеровъ, слѣдовательно вліянію европейцевъ и преимущественно французовъ, тѣ-же самые люди мирили свое умонастроеніе съ самыми нелѣпыми славянофильскими увлеченіями, съ самою слѣпою ненавистью ко всему иностранному. Славянофильство еще при Екатеринѣ выступало въ качествѣ ретроградной доктрины, которая во имя ложно понятаго принципа народности, во имя квасного патріотизма, начала противодѣйствовать вліянію „французской заразы“, какъ выражались тогда. Блестящая военная исторія екатерининскаго времени значительно усилила этотъ патріотизмъ, который такъ рельефно выразился въ напыщенныхъ одахъ Державина и К°. Неудачи нашихъ военныхъ столкновеній съ Наполеономъ и завоевательныя намѣренія послѣдняго еще задолго до 1812 г. развили въ обществѣ сильную ненависть къ Франціи. Неудачныя войны, еще болѣе неудачный тильзитскій миръ „на Петербургъ, на Москву, на всѣ тѣ мѣста, коихъ просвѣщеніе наиболѣе коснулось, произвели самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ ничто иное, какъ признаніе его надъ собой власти“ (Вигель; Богдан., II, 313). Эта патріотическая непріязнь къ французамъ поддерживалась и литературой и правительствомъ. Ив. Дмитріевъ разсказываетъ, напр., какъ въ 1806 г. губернаторамъ предписывалось подъ рукою убѣждать дворянъ въ необходимости земскаго

войска; всюду были разосланы сенаторы для возбужденія въ дворянскихъ собраніяхъ патріотическихъ чувствъ и довѣрія къ правительству, а синоду предписывалось „объ устроеніи благочестиваго негодованія противу врага“. (Взглядъ на свою жизнь, 153). Но и независимо отъ этого, патріотическій энтузіазмъ и фанатическая ненависть къ французамъ росли все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія грозы 1812 г. Ужасныя бѣдствія, предшествовавшія этой эпохѣ, — голодъ, страшные пожары, превратившіе въ пепелъ множество городовъ, появленіе кометы, преувеличенные слухи о грозящемъ нашествіи „двадцати народовъ“, слухи о намѣреніи Наполеона освободить русскихъ крестьянъ, мифъ о Наполеонѣ, какъ объ антихристѣ,—все это повергало страну въ хаосъ всевозможныхъ страховъ, всеобщей подозрительности, патріотическаго одушевленія и самой необузданной ненависти къ иностранцамъ *). Патріоты постоянно твердили вмѣстѣ съ Лопухинымъ, что „главное искуство россійской политики должно состоять въ томъ, чтобы сколь возможно не только меньше зависѣть отъ Европы, но и меньше связей съ нею имѣть, какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю я обычаи, коихъ заразительная гнилость снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ россійскихъ“ (Записки 153). Съ особенною яростью нападали на галломанію Ростопчинъ, Шишковъ и Глинка, выставляя вредъ французскаго воспитанія, издѣваясь надъ французскими модами и обычаями, доказывая нравственное и умственное превосходство русскаго

---

*) Мистицизмъ и суевѣріе овладѣвали тогда умами даже государственныхъ людей. Адмиралъ Шишковъ, напр., увидѣлъ однажды два облака, «изъ которыхъ одно имѣло точное подобіе рака, другое похоже было на дракона. Онѣ сближались одно съ другимъ» и, наконецъ, драконъ исчезъ; «казалось ракъ побѣдилъ дракона. Долго размышлялъ я, кто въ эту войну будетъ ракъ и кто драконъ? напослѣдокъ пришло мнѣ въ голову, что *ракъ* означалъ *Россію*, поелику оба сіи слова начинаются съ буквы *р*, и эта мысль утѣшала меня» (Краткія Записки Шишкова, 33).

народа надъ европейцами во всѣхъ отношеніяхъ, преклоняясь предъ нимъ, какъ передъ „избранникомъ божіимъ и сосудомъ его благодати", приравнивая мнѣнія боярина Матвѣева къ философіи Локка, а Кормчую къ Солону, Шатобріану и Монтескье. До какихъ нелѣпостей доходилъ, напр., Шишковъ, можно видѣть изъ слѣдующаго его письма, писаннаго въ 1813 г. „Вы знаете, какъ господа „Вѣстники" и „Меркуріи" противъ меня возставали... Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвѣщеніе и всѣхъ обратить въ невѣжество. Тогда они могли такъ вопіять, надѣясь на великое число зараженныхъ симъ духомъ, и тогда я долженъ былъ поневолѣ воздерживаться, но теперь *я бы ткнулъ ихъ носомъ въ пепелъ Москвы* и громко имъ сказалъ — *вотъ чего вы хотѣли!*" Такимъ образомъ, журналисты, издѣвавшіеся надъ невѣжественнымъ филологическимъ патріотизмомъ Шишкова, желавшаго сдѣлать литературнымъ и разговорнымъ языкомъ испорченное имъ церковнославянское нарѣчіе,—хотѣли сожженія Москвы!.. Этимъ патріотическимъ умонастроеніемъ пользовались для борьбы противъ всѣхъ реформъ и нововведеній. Такъ, напр., Трощинскій, разсматривавшій проектъ гражданскаго уложенія Сперанскаго и найдя сходство его съ кодексомъ Наполеона, видитъ въ этомъ величайшую опасность для Россіи, опасность „гибельныхъ переворотовъ французскаго королевства!.." „Не постигаю, какъ можно заимствоваться намъ законами *отъ ужасной революціонной пропаганды!* Какъ можетъ ревнительный россіянинъ почитать себя счастливымъ, учреждаясь въ кругу ближнихъ своихъ сообразно съ духомъ *безбожнѣйшаго властелина!* Какъ можетъ отецъ семейства, священникъ, дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ, поселянинъ, какъ онъ можетъ любить сіи законы, когда приведетъ себѣ на память неслыханное звѣрство и пренебреженіе всего святѣйшаго, которыя совершились въ его отечествѣ, въ его селеніи, въ его домѣ, въ его глазахъ, въ его церкви и самомъ алтарѣ, совершились, какъ слѣдствія лютыхъ намѣреній Бонапарта, который

стремился повсюду искоренить законную власть и древнюю вѣру!“ Нѣтъ сомнѣнія, что у многихъ эта галлофобія была совершенно искреннею, но зато у нѣкоторыхъ представителей ея она имѣла въ себѣ много напускного лицемѣрія. Растопчинъ, напр., столь извѣстный у насъ за самаго русскаго, по замѣчанію Морошкина, „будучи ярымъ ненавистникомъ всего французскаго, въ то-же время поощрялъ худшую форму галломаніи и писалъ панегирики іезуитскому пансіону аббата Николя“ (Р. Арх. 1871, 178; Пыпинъ; Морошкинъ, Іезуиты, II, 112 и др.). Даже въ патріотическихъ движеніяхъ 1812 года мы встрѣчаемъ множество самыхъ возмутительныхъ явленій, прикрывавшихся маскою патріотизма. Въ то самое время, напр., какъ Россія была повидимому на краю гибели, русскіе раззоряли и грабили Москву наравнѣ съ французами (Р. Арх. 1866, 554, 701, 705; 1869 г., 1434 и др.), а пензенскіе дворяне, командовавшіе земскимъ ополченіемъ, тратили на себя его деньги и довели ополченцевъ своими злоупотребленіями до открытаго бунта (Вигель; Ром. Славатинскій, 208). Народъ, спасая Россію, думалъ, что въ награду за это спасеніе онъ получитъ свободу отъ крѣпостнаго ига; но величіе его подвига ни на волосъ не измѣнило его судьбы... „Дворянство“—говоритъ его историкъ—„исчисляло капли своей крови, проливаемой за отечество, записывало приношенія свои отечеству. Но кто исчислялъ цѣлые потоки крови, проливаемой народомъ, кто записывалъ тѣ лепты вдовицы, которыя народъ приносилъ отечеству? Дворянство жертвовало своими крестьянами, крестьяне своею жизнью. Дворянство, для увѣковѣчія услугъ, принесенныхъ въ отечественную войну украшено бронзовою на владимірской лентѣ медалью, „крѣпости духа его сообразною“ (П. С. З., № 25. 671), ратники изъ крѣпостныхъ крестьянъ, за свою желѣзную стойкость противъ врага, возвращались въ первобытное крѣпостное состояніе, выгонялись на барщину съ крестомъ на шапкѣ“ (Р. Славатинскій, 206). Мало этаго, — патріотиче-

скимъ умонастроеніемъ народа и общества, ненавистью къ французамъ, постарались какъ увидимъ ниже, воспользоваться для сохраненія крѣпостнаго рабства и для подавленія того патріотизма, который возставая на внѣшнихъ враговъ, съ неменьшею силою вооружался противъ многочисленныхъ внутреннихъ золъ, ревностно охраняемыхъ лжепатріотами извѣстнаго сорта...

IV.

Изъ предъидущей главы мы видѣли, какова была умственная атмосфера, въ которой прогрессивнымъ дѣятелямъ предстояло выдержать натискъ консервативной партіи. Мы остановимся на двухъ представителяхъ задерживающаго направленія, на Карамзинѣ и Каразинѣ.

Во время своей либеральной молодости, Карамзинъ не имѣлъ никакихъ твердыхъ политическихъ убѣжденій, какъ это довольно обстоятельно доказываетъ г. Пыпинъ въ своей книгѣ; его либерализмъ ограничивался фразой и даже въ это время „великій" исторіографъ былъ пламеннымъ адвокатомъ крѣпостничества. Деистъ, космополитъ, поклонникъ европейской цивилизаціи, „республиканецъ по чувствамъ", глава литературной партіи, боровшейся съ славянофильской лигою Шишкова, Карамзинъ бросилъ всѣ эти завиральныя идеи, когда увидѣлъ, что играть ими не безопасно, какъ для себя, такъ и для тѣхъ традицій, на защиту которыхъ влекли его и личные разсчеты, и сословныя тенденціи. Нравственная личность этого человѣка далеко не такъ привлекательна, какъ ее до сихъ поръ рисуютъ его поклонники. Стоитъ только прочесть его переписку, и вы увидите, какъ этотъ слезоточивый авторъ „Бѣдной Лизы" съ грубымъ равнодушіемъ торгуетъ и мѣняется своими крѣпостными людьми, вы увидите, сколь-

ко угодливости и искательности въ этомъ человѣкѣ, который говорилъ: „я презираю современныхъ либераловъ; я люблю только ту свободу, которой не можетъ отнять у меня никакой тираннъ“. Стараясь поставить себя выше всѣхъ партій, Карамзинъ былъ оракуломъ самой отсталой партіи; уличая другихъ въ неискренности, онъ былъ гораздо менѣе искреннимъ, чѣмъ его противники, уже по одному тому, что однимъ изъ главныхъ мотивовъ его консервативной пропаганды было охраненіе крѣпостного права. „Аристократы, демократы, либералисты, сервилисты! воскицаетъ онъ — чего вы хотите? Кто изъ васъ можетъ похвалиться искренностью?.. Аристократы, сервилисты хотятъ стараго порядка, ибо онъ для нихъ выгоденъ, демократы, либералисты хотятъ новаго *безпорядка*, ибо надѣются имъ воспользоваться для своихъ личныхъ выгодъ“. Послѣ этого оставалось думать, что только защитники крѣпостного права совершенно безкорыстны и искренни, и не имѣютъ въ виду никакихъ личныхъ выгодъ!..

Чего желала, что думала и къ чему стремилась консервативная масса, обо всемъ этомъ можетъ дать понятіе „Записка о Старой и Новой Россіи“, которая была въ 1811 г. представлена Карамзинымъ императору и которую панегиристы исторіографа до сихъ поръ считаютъ „важнѣйшимъ государственнымъ сочиненіемъ“. Въ этой Запискѣ прежде всего поражаетъ васъ недостатокъ той правдивости и искренности, за который Карамзинъ упрекалъ всѣхъ своихъ противниковъ. Для доказательства своей мысли „великій“ исторіографъ не останавливается ни передъ чѣмъ. Онъ говоритъ, напр., что „въ концѣ X вѣка Европейская Россія была уже *не менѣе нынѣшней*“; что въ половинѣ XI столѣтія она была „не только обширнымъ, но *и самымъ образованнымъ государствомъ*“; что народъ былъ вполнѣ доволенъ московскими порядками; что „библіотеки царская и митрополитская могли быть предметомъ зависти для иныхъ европейцовъ“ и т. д. Вооружаясь противъ намѣренія составить гражданскій ко-

дексъ. Карамзинъ зарапортовывается окончательно и утверждаетъ, что „*гражданскихъ правъ не было и нѣтъ въ Россіи.* У насъ только *политическія* или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній; у насъ дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и проч., всѣ они имѣютъ свои особенныя права, общаго нѣтъ, кромѣ названія русскихъ". Подобныя нелѣпости и вопіющія противорѣчія, въ которыхъ постоянно путается Карамзинъ, человѣкъ, безъ сомнѣнія умный и образованный, можно „объяснить только однимъ движеніемъ раздраженной страсти", какъ выражается баронъ Корфъ, страсти, въ припадкѣ которой была составлена Записка.

Цѣлью Записки было доказать, что все величіе, вся судьба Россіи зависитъ отъ развитія и силы самодержавія, что, поэтому, всѣ реформы въ европейскомъ духѣ приносятъ Россіи вредъ и что для полнаго ея благоденствія ей необходимы только „патріархальная власть" да „добродѣтель". Читатель, конечно, понимаетъ, какими „гражданскими добродѣтелями" восторгается Карамзинъ въ русскомъ и особенно въ древнерусскомъ народѣ... Эта „добродѣтель" азіятской косности и патріотическаго тщеславія. „Имя *русскаго,* говоритъ Карамзинъ, — имѣетъ-ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, даже въ царствованіе Михаила и сына его, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь — первое государство. Пусть назовутъ то *заблужденіемъ,* но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и нравственной силѣ его! Теперь-же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ-ли мы похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ *невѣрными,* теперь называемъ *братьями;* спрашиваю, кому легче покорить Россію—невѣрнымъ или братьямъ, т. е. кому-бы она, по всей вѣроятности, долженствовала болѣе противиться?" Вооружаясь противъ реформы Петра,

противъ постепеннаго паденія „гражданскихъ добродѣтелей", противъ отступленія отъ древнерусскихъ идеаловъ и порядковъ, Карамзинъ вооружается противъ всѣхъ реформъ и либеральныхъ начинаній александровскаго царствованія. Въ проектахъ коренныхъ преобразованій, задуманныхъ государемъ и его сотрудниками, онъ видитъ неминуемую гибель для Россіи, которая и можетъ существовать только на московско-византійскихъ началахъ. „Оставимъ мудрствованія ученическія, восклицаетъ онъ — и скажемъ, что нашъ государь имѣетъ только одинъ вѣрный способъ обуздать злоупотребленія власти: да царствуетъ добродѣтельно, да пріучаетъ подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ въ предѣлахъ законной власти; чѣмъ? страхомъ — возбудить всеобщую ненависть въ случаѣ противной системы царствованія"... „Кто вѣритъ провидѣнію, да видитъ въ зломъ самодержцѣ бичь гнѣва небеснаго! Снесемъ его, какъ бурю, землетрясеніе, язву, — феномены страшные, но рѣдкіе, ибо мы втеченіе девяти вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ... Заговоры да устрашаютъ народъ для спокойствія государей!... Да устрашаютъ и государей для спокойствія народа!"... „Наше правленіе есть отеческое, патріархальное" и тотъ-же *страхъ*, который долженъ гарантировать страну отъ злоупотребленій власти, долженъ быть и самымъ главнымъ орудіемъ власти, такъ-какъ „страхъ гораздо дѣйствительнѣе, гораздо обыкновеннѣе всѣхъ иныхъ побужденій для смертныхъ". „Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви", и пусть каждый начальникъ отвѣчаетъ за подчиненныхъ. „Не должно позволять, чтобы кто-нибудь въ Россіи *смѣлъ торжественно представлять лицо недовольнаго*... Дайте волю людямъ, они засыплютъ васъ пылью; скажите имъ слово на ухо, они лежатъ у ногъ вашихъ!.." Главная задача власти „искать людей" на мѣста министровъ и особенно губернаторовъ, — „мужей, знаменитыхъ разумомъ и честію". Стоитъ только найти 50 хо-

рошихъ губернаторовъ да облечь ихъ такимъ-же полновластіемъ, какимъ пользовались екатерининскіе намѣстники, и все пойдетъ отлично, злоупотребленія искоренятся, промышленность зацвѣтетъ и т. д. Кромѣ губернаторовъ надо еще хорошихъ священниковъ; „безъ прочаго обойдемся и не будемъ никому завидовать въ Европѣ". Во главѣ управленія должно стоять дворянство, которое представляетъ собою „не отдѣлъ монаршей власти, но главное необходимое орудіе, двигающее составъ государственный". „Народъ работаетъ, купцы торгуютъ, дворяне служатъ, награждаемые отличіями и выгодами, уваженіемъ и достаткомъ". Духовенству также нужно предоставить побольше значенія и допустить синодъ вмѣстѣ съ сенатомъ для выслушиванья новыхъ законовъ, для принятія ихъ въ свое хранилище и обнародованія, „*разумѣется*, безъ всякаго противорѣчія"... Итакъ, „дворянство и духовенство, сенатъ и синодъ, какъ хранилище законовъ, надъ всѣми государь, единственный законодатель, единственный источникъ властей,—вотъ основаніе россійской монархіи, которое можетъ быть утверждено или ослаблено правилами царствующихъ". Все управленіе должно носить семейный, патріархальный характеръ, поэтому гласность и контроль общественнаго мнѣнія никоимъ образомъ не допускаются. Даже недостойныхъ чиновниковъ слѣдуетъ удалять „*безъ шума, тихо и скромно*. Худой министръ есть ошибка государева; должно исправлять подобныя ошибки, но *скрытно*, чтобы народъ имѣлъ довѣренность".

Нападая на александровскія реформы съ раздраженіемъ и рѣзкостью, Карамзинъ унижался до самыхъ жалкихъ выходокъ и бросалъ грязью въ самыя свѣтлыя дѣла. Такъ, напр., назвавъ составленный Сперанскимъ проектъ уложенія переводомъ наполеоновскаго кодекса, онъ намекаетъ на то, что это—предуготовительная мѣра для подчиненія Россіи „желѣзному скипетру сего завоевателя" и что Сперанскій — якобинецъ. „Для того-ли существуетъ Россія, какъ сильное госу-

дарство, около тысячи лѣтъ, для того-ли около ста лѣтъ трудятся надъ сочиненіемъ своего полнаго уложенія, чтобы торжественно предъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ шестью или семью эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами!..“ Не даромъ одинъ изъ новѣйшихъ панегиристовъ Карамзина выражаетъ мысль, что „можетъ быть и ссылка Сперанскаго, главнаго творца реформъ, имѣла нѣкоторую связь съ „Запискою“. Но если это предположеніе и несправедливо, то все-таки на памяти Карамзина навсегда осталось два не менѣе черныхъ пятна—его нападки на заботы и мѣры тогдашняго правительства относительно народнаго образованія и его защита крѣпостного права. Упрекая правительство за трату „милліоновъ для образованія университетовъ, гимназій и школъ“, Карамзинъ говоритъ, что отъ этой траты „видимъ болѣе убытковъ для казны, нежели пользы для отечества“. Онъ даже доказываетъ, что высшее образованіе намъ вовсе не ко двору, что „у насъ нѣтъ охотниковъ до высшихъ наукъ. Дворяне служатъ, а купцы желаютъ знать существенно арифметику или языки иностранные для выгоды своей торговли; наши стряпчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи римскихъ правъ, наши священники образуются кое-какъ въ семинаріяхъ и далѣе не идутъ“. Нагородивъ подобной ерунды, Карамзинъ проектируетъ образованіе „ученаго состоянія“ посредствомъ увеличенія штата казенныхъ воспитанниковъ въ гимназіяхъ изъ людей бѣдныхъ, подобно тому, какъ еще въ „Вѣстникѣ Европы“ онъ совѣтовалъ приготовлять воспитателей юношества и ученыхъ изъ „мѣщанскихъ дѣтей“, такъ-какъ у дворянъ есть болѣе почетная профессія, — „дворяне служатъ“. „Строить-же и покупать домы для университетовъ, заводить библіотеки, кабинеты, ученыя общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ астрономовъ, филологовъ—значитъ пускать пыль въ глаза“. И это говорилъ человѣкъ, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ разливался цѣлыми потоками

сладенькихъ фразъ въ честь свободы, разума и образованности!.. Не менѣе жалка и защита его крѣпостного права, начало котораго онъ относитъ къ IX вѣку, утверждая, что крестьяне никогда не владѣли землею, которая есть неотъемлемая собственность дворянства, что уничтоженіе крѣпостного права было-бы вопіющею несправедливостью, что „*для твердости бытія государственнаго безопаснѣе порабощать людей, нежели дать имъ не во время свободу*“, которая даже и самимъ-то крестьянамъ принесетъ одинъ вредъ *). Онъ отстаивалъ даже продажу и покупку рекрутъ, эту торговлю людьми, принимавшую часто характеръ самаго неблаговиднаго промысла, отстаивалъ потому, что этотъ промыселъ выгоденъ небогатымъ владѣльцамъ, которые иначе „лишились-бы средства сбывать худыхъ крестьянъ или дворовыхъ людей съ пользою для себя и для общества“. Въ заключеніе Карамзинъ говоритъ „доброму монарху“: „государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (*положимъ*, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло), но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ указовъ!“

Мнѣнія Карамзина были только отголоскомъ мнѣній ретроградной массы. Но высказываемыя и развиваемыя такимъ авторитетомъ, они получали гораздо болѣе силы и значенія, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда они выходили изъ головы какого-нибудь полудикаго степного помѣщика, хотя послѣдній относительно этого вопроса въ сущности стоялъ нисколько не ниже „великаго исторіографа“, проповѣдывавшаго полную пас-

---

*) Панегиристы «великаго исторіографа» до настоящаго времени не перестаютъ защищать даже крѣпостническія измышленія его. Вотъ что четыре года назадъ писалъ Погодинъ: «Многія замѣчанія Карамзина остаются вѣрными и требуютъ до сихъ поръ вниманія: освобожденные и надѣленные землею крестьяне *не могутъ быть предоставлены себѣ*, особенно при неограниченномъ распространеніи кабаковъ и имѣютъ *нужду въ ближайшемъ надзорѣ и руководствѣ*» (т. е. въ надзорѣ и руководствѣ помѣщиковъ).

сивность политической мысли, доказывавшаго, что *„всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло“*, защищавшаго систему владычества посредствомъ страха. И хотя записка Карамзина была вовсе неизвѣстна публикѣ, но она имѣла сильное вліяніе на государя, а изложенныя въ ней мысли Карамзинъ проводилъ въ общество посредствомъ устной и печатной пропаганды, встрѣчая полное сочувствіе со стороны всѣхъ защитниковъ старой системы рабства и застоя, со стороны всѣхъ людей, видѣвшихъ въ крѣпостной зависимости и въ общественной неподвижности „священныя основы“ государства.

Другимъ типическимъ представителемъ консервативныхъ элементовъ того времени является Каразинъ, о которомъ въ послѣднее время издано не мало очень интересныхъ матеріяловъ *), и котораго Воейковъ въ своемъ „Сумасшедшемъ Домѣ“ аттестовалъ такъ —

Вотъ въ передней рабъ — писатель,
Каразинъ — хамелеонъ,
Земледѣлъ, законодатель...
Взглянемъ, что мараетъ онъ?
Пѣснь свободѣ, деспотизму,
Лесть и брань властямъ земнымъ,
Гимнъ хвалебный атеизму!
И акафистъ всѣмъ святымъ **).

При вступленіи на престолъ Александра, Каразинъ, помѣщикъ харьковской губерніи, подалъ ему записку о необходимыхъ въ Россіи преобразованіяхъ. Александръ полюбилъ его, и три съ половиною года награждалъ его особенною милостью и довѣріемъ, пользуясь его совѣтами и употребляя его на нѣкоторыя секретныя порученія. Даже послѣ того, какъ государь отдалилъ его отъ себя, Каразинъ не переставалъ имѣть

---

*) См. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, 1861 г., кн. III, отд. V, стр. 98 — 210; Русск. Старина 1870 г., т. II, с. 307—313; 532—566; 1871 г., т. I, с. 16—38; 326—366; II, 68 и др.

**) Во многихъ спискахъ Воейковскаго «Сумасшедшаго Дома» вмѣсто *Каразинъ* ошибочно поставлено *Карамзинъ*.

вліяніе, писалъ Александру письма, составлялъ проекты, сочинилъ „Альфу и Омегу“, родъ политическаго катехизиса для русскаго царя, подавалъ свои мнѣнія министрамъ, губернаторамъ и дворянскимъ собраніямъ, и покушался было продолжать эту роль всеобщаго совѣтника даже въ царствованіе Николая. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ этотъ простой помѣщикъ стоялъ выше „великаго исторіографа“. Высказывалъ-ли когда-нибудь послѣдній такія мысли, говорилъ-ли онъ хотя когда-нибудь такимъ языкомъ, какъ Каразинъ въ первомъ своемъ письмѣ къ Александру! „Не поводы къ новымъ налогамъ велитъ (государь) изобрѣтать для умноженія мнимыхъ доходовъ, но приметъ мѣры къ уменьшенію издержекъ... Онъ ограничитъ особливо издержки, которыя не служатъ къ пользѣ имперіи: уменьшитъ дворъ свой; изженетъ изъ него толпы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достояніе имперіи имъ принадлежитъ... Онъ ограничитъ суетную любоздательность: сіе желаніе украшать улицы и площади столицъ, когда все прочее государство представляетъ еще безкровныя хижины. Не художества онъ призоветъ въ помощь для сооруженія себѣ памятниковъ, но въ премудрости своихъ учрежденій и въ любви народной найдетъ ихъ... Самыя художества не будетъ онъ покровительствовать, съ условіемъ, чтобъ они платили ему лестью, но дѣйствительно ободритъ ихъ, умноживъ общее благосостояніе и разрѣшивъ узы ума и талантовъ“. И хотя всѣ эти мысли крайне наивны, хотя въ головѣ у Каразина подобные принципы совершенно перепутывались съ другими, противоположными, и весь этотъ сумбуръ, такъ ѣдко охарактеризованный Воейковымъ, имѣлъ чисто реакціонный характеръ, но этотъ забавный доморощенный политикъ былъ все-таки выше Карамзина. Въ то время какъ послѣдній вооружался противъ „убыточныхъ“ заботъ о народномъ образованіи, Каразинъ самъ дѣятельно работалъ надъ тѣмъ, что такъ не нравилось „великому исторіографу“. Онъ участвовалъ въ учрежденіи министерства народнаго просвѣще-

нія, въ пересмотрѣ уставовъ академій и университетовъ, въ основаніи харьковскаго университета на деньги, пожертвованныя по его настоянію мѣстнымъ дворянствомъ и купечествомъ и т. д. Отъ литературы и ученыхъ обществъ Каразинъ требовалъ, чтобы они пропагандировали полезныя знанія и дѣйствовали на развитіе общественнаго мнѣнія, а не ограничивались тѣмъ, чтобы „преподавать шарады на *горахъ*, соблазнительныя элегіи и стишки въ альбомы, преподавать, не стыдясь называться *соревнователями просвѣщенія!*“ Каразинъ хотѣлъ, чтобы правительство устремило всѣ свои усилія на распространеніе народнаго образованія и воспитанія народа въ духѣ той политической системы, которую онъ отстаивалъ. „Христіанская монархическая система не должна быть тайною для кого-бы то ни было, не исключая послѣдней черни, но она должна быть велегласно проповѣдуема на улицахъ, на площадяхъ, въ церквахъ, на всѣхъ народныхъ сборищахъ“. Онъ предлагалъ составить и распространять въ народѣ политическій катехизисъ, составленный изъ правилъ въ родѣ слѣдующихъ: „На свѣтѣ невозможно всѣмъ быть равнымъ... Гдѣ двое должны жить вмѣстѣ, то уже надобно, чтобы одинъ изъ нихъ былъ старшій, а безъ того добру не бывать!.. Вотъ одинъ сумасшедшій народъ вздумалъ было погубить и царя, и вельможъ, и помѣщиковъ, своихъ благодѣтелей. Что-же вышло? Онъ отступился отъ Бога, пролилъ море крови“ и т. д. Подобно Рычкову, Мартынову и другимъ крѣпостникамъ, Каразинъ доказывалъ необходимость образованія даже помѣщичьихъ крестьянъ, но не ради ихъ умственнаго развитія, а напротивъ, для воспитанія въ нихъ чувствъ пассивности и рабской зависимости *). Образованіе собственныхъ своихъ кре-

---

*) Пнинъ въ 1804 г. писалъ, что для каждаго сословія должна быть особая программа образованія, а «земледѣльцевъ довлѣетъ обучать только чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ арифметики, сельской механики, скотоводству, обработкѣ полей». Мартыновъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» тоже доказывалъ, что

стьянъ Каразинъ устроилъ такъ. „Предметы обученія совершенно усвоены ограниченному кругу зрѣнія земледѣльца, даже преподаются они такимъ образомъ, *что представляя назначеніе учениковъ* (т. е. крѣпостную неволю) *самымъ благословеннымъ и уваженія достойнымъ, они не производятъ въ ихъ сердцахъ другихъ желаній*". Мысли Каразина о характерѣ и воспитательномъ значеніи народнаго образованія скоро получили самое широкое примѣненіе въ жизни...

Каразинъ рекомендовалъ правительству воспользоваться образованіемъ народа для борьбы съ духомъ времени, съ тѣмъ разрушительнымъ духомъ невѣрія и революціонныхъ происковъ, который, по его словамъ, потрясалъ всѣ основы русскаго государства. „Великая перемѣна произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ", писалъ онъ государю въ 1820 г. Множество причинъ на сіе дѣйствуетъ, „*и день онъ яко тать прійдетъ*"! Конечно, годъ, два, можетъ быть и болѣе еще протянется. Но для того-то я теперь и пишу, для того-то и отваживаю всего себя. Моя участь должна быть—или ссылка за Байкалъ, пока еще ссылать можно, или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ. Тогда я писать уже не стану" *)! Для того, чтобы правительство могло всегда знать „систематическимъ образомъ подлинное внутреннее положеніе государства" и держать въ своихъ рукахъ нити общественныхъ движеній,

---

крестьянину слѣдуетъ давать одни только необходимыя практическія свѣденія,—какъ, напр., поправить соху и т. п. «не всѣ состоянія народа должны получать одинаковое просвѣщеніе. Науки, свободныя художества и всѣ наставленія, которыя составляютъ воспитаніе человѣка государственнаго, совсѣмъ не приличны для черни и даже вредны въ отношеніи къ общественному благоденствію. Сохрани насъ Богъ, если весь народъ будетъ состоять изъ ученыхъ, діалектиковъ, замысловатыхъ головъ!» (Пятковскій, Журнал. при Алекс. I, «Дѣло» 1868 г.).

*) «Очень знаю и чувствую»—замѣчаетъ при этомъ подъ чертой Каразинъ—«что сіе мѣсто можно обратить на смѣхъ... Но должно смотрѣть на чувства тому, кто ихъ имѣетъ»!..

Каразинъ предлагалъ учрежденіе *статистическаго департамента*". Да не подумаетъ читатель, что онъ заботился о статистикѣ, нѣтъ, онъ хотѣлъ только *„подъ предлогомъ статистическихъ обозрѣній* открыть тысячи обстоятельствъ, происшествій и злоупотребленій важнѣйшихъ, вовсе неизвѣстныхъ правительству *). Но для предотвращенія бѣды, такой „статистики" недостаточно. „Насъ спасти можетъ единственно немедленное употребленіе въ дѣло просвѣщеннаго дворянства", „приближеніе къ нему государя, окруженіе себя болѣе и болѣе природными россіянами, имѣющими большую недвижимую собственность и отцами семействъ, составленіе постоянной системы, совершенно согласной съ нравственностью и монархическими началами". Въ сущности Каразинъ хотѣлъ такого-же преобладанія дворянства, какъ и Карамзинъ, и вмѣсто контроля общественныхъ учрежденій, подобно исторіографу, также предлагалъ контроль „государственнаго мнѣнія", представляемаго нѣсколькими дворянами изъ каждой губерніи. Въ столицѣ нужно „учредить средоточіе, которое-бы дѣйствовало на губернскія подобныя-же средоточія общественнаго мнѣнія и ими взаимно оживлялось. Нѣтъ никакой нужды въ огромныхъ залахъ, парадныхъ шествіяхъ и рѣчахъ, *ни въ извѣщеніи о всемъ этомъ газетами*. Но безстрастная воля государева будетъ освѣщаема на каждомъ его шагѣ образомъ приличнымъ *и мало извѣстнымъ народу*". Хорошо „общественное мнѣніе"!... Каразинъ доказываетъ, что въ этихъ его мнѣніяхъ нѣтъ ничего конституціоннаго. „Всякое понятіе о репрезентаціи, восходящей отъ народа, совершенно про-

*) При этомъ Каразинъ старался, чтобы государь «удостоилъ его *скромнаго* (!!) мѣста директора сего департамента». «Гнушаясь не безъ причины мерзкаго во всѣхъ народахъ и временахъ имени *доносчика*», онъ въ тоже время указывалъ на Каподистрія, какъ на «агента чужестранныхъ тайныхъ обществъ», а въ запискѣ «объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи» обращалъ вниманіе «на небывалое у насъ республиканское оныхъ направленіе» (Р. Ст., II, 535, 547).

тивно духу религіи, которая громко гласитъ—„нѣсть власть, аще не отъ Бога"... Политическія начала наши основываются не на парижской энциклопедіи, но на энциклопедіи другой, несравненно древнѣйшей: на библіи. Цари наши не суть репрезентанты народа (мечтаніе нелѣпое!), но репрезентанты того, который „владѣетъ царствами и ему-же хощетъ даетъ". Въ нашей системѣ каждый членъ великой лѣстницы существъ представляетъ для подчиненныхъ себѣ то первообразное лицо, которое его на чреду поставило... Государь,—сіе средоточіе подчиненности и порядка, приводящее собою постепенно все въ движеніе, озаряющее все,—есть уже послѣдній видимый предметъ всеобщаго почитанія; но іерархическая нить, скрываясь отъ бренныхъ нашихъ очей, идетъ далѣе; она оканчивается тамъ, у престола Монарха міровъ".

Монархическій принципъ, по мнѣнію Каразина, долженъ проникать собою всю общественную жизнь. Онъ удивляется, что есть „люди, которые признавая необходимость монархіи въ большихъ массахъ, отвергаютъ оную въ малыхъ, изъ которыхъ первыя состоятъ. Какъ будто могутъ быть, въ одномъ и томъ же отношеніи вещей между собою, начала различныя!... Въ государствѣ монархическомъ всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія. Помѣщики для благосостоянія селеній столько же нужны, *сколько монархи для подданныхъ вообще*". Придерживаясь идеи стариннаго служебнаго значенія помѣщика, Каразинъ доказываетъ, что онъ „есть природный покровитель крестьянъ, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами, словомъ, онъ есть ихъ *генералъ-губернаторъ* въ маломъ видѣ". Эта мысль о необходимости помѣщиковъ для управленія народомъ принадлежитъ не Каразину, а всѣмъ тогдашнимъ сторонникамъ крѣпостной зависимости. Павелъ I, какъ извѣстно, хотѣлъ отдать всѣхъ

крестьянъ помѣщикамъ, считая послѣднихъ „лучшими полиц-мейстерами въ государствѣ“. Безъ этихъ „генералъ-губернаторовъ“, по мнѣнію Каразина, „простолюдинъ едва можетъ и въ самыхъ счастливыхъ климатахъ пріобрѣсти самое необходимое для своего существованія и для удовлетворенія государственнымъ повинностямъ“. Разглагольствуя о невозможности и неразумности освобожденія крестьянъ, объ его несправедливости и опасности для государственнаго порядка, стараясь запугать друзей освобожденія, Каразинъ, подобно всѣмъ крѣпостникамъ, доказывалъ, что мнѣнія о жестокости и тирраніи рабовладѣльцевъ есть ничто иное, какъ вымыслы неблагонамѣренныхъ людей. Нападая въ своей запискѣ о Польшѣ на „страшный произволъ пановъ“ и требуя его прекращенія, т. е. отмѣны рабства польскихъ крестьянъ, Каразинъ говоритъ, что у насъ подобнаго произвола вовсе нѣтъ. Кромѣ рѣдкихъ случаевъ, подвергаемыхъ уголовнымъ наказаніямъ, никогда не было и не могло быть ничего подобнаго въ отношеніяхъ (русскихъ) помѣщиковъ къ крестьянамъ: и барщина и оброкъ полагаются закономъ, какъ вознагражденіе за пользованіе землею, принадлежащею помѣщикамъ. Слова *батюшка* и *братецъ* обычные съ поконъ вѣка зовы съ той и другой стороны и т. д. Относительно того псевдопатріотизма, на который такъ падки всѣ реакціонеры, Каразинъ также яръ, какъ и великій „исторіографъ“. „Имперія (твоя)“—пишетъ онъ царю—„не обыкновенное государство. Ей нѣтъ подобной нетолько въ нынѣшнемъ состояніи Европы, но, можетъ быть, и въ лѣтописяхъ вѣковъ прошедшихъ! Она заключаетъ въ себѣ десять климатовъ, обитаемыхъ народомъ большею частію единаго языка и единой вѣры. Она отъ сѣвера до юга и отъ запада къ востоку изобилуетъ въ количествѣ и родѣ безчисленными благами“. Главное достоинство ея заключается въ томъ, что она можетъ жить „совершенно независимо“, совершенно изолированно отъ другихъ странъ; „она граничитъ въ наибольшей части съ ледовитымъ океа-

номъ или странами, столько же неприступными, какъ и онъ". Она населена народомъ, который нравственно „менѣе всѣхъ прочихъ народовъ поврежденъ". Эта обѣтованная земля, въ которую „придутъ нѣкогда искать у насъ отечества" люди гніющаго запада!... Понятно, что такая первостепенная страна, населенная такимъ избраннымъ народомъ, не нуждается въ политическихъ урокахъ Европы. Все въ ней должно быть самородно и самобытно, и счастіе ея несомнѣнно, если только добродѣтельные подданные будутъ управляться добродѣтельными, патріархальными представителями власти, отцами-помѣщиками, отцами-полицеймейстерами и т. д...

Карамзинъ и Каразинъ были на столько самостоятельными оригинальными дѣятелями, сколько органами ретроградной массы, такими же представителями ея, какъ Аракчеевы, Ростопчины, Шишковы и т. д. Мы уже указывали выше на тѣ мотивы, которые руководили этою массою въ ея противодѣйствіяхъ прогрессивнымъ дѣйствіямъ. Прибавимъ къ этому, что главнѣйшимъ изъ упомянутыхъ мотивовъ реакціи, какъ и въ предыдущія эпохи исторіи, оставалось желаніе сохранить крѣпостное право, паденіе котораго было неизбѣжнымъ при тѣхъ реформахъ, которыя были совершены или задуманы Александромъ и его сотрудниками. Многіе ретрограды и консерваторы примирились бы съ реформаторами или прогрессистами, если бы они видѣли, что и при реформахъ крестьяне останутся въ такой же зависимости, а помѣщики въ такой же силѣ, какъ и прежде. Но такое предположеніе было бы нелѣпостью; равнымъ образомъ нелѣпо было бы предполагать, что масса общества отнесется сочувственно къ преобразованіямъ и прогрессивнымъ идеямъ. Борьба двухъ направленій, двухъ порядковъ жизни, стараго и новаго, изъ которыхъ послѣдній существовалъ еще только въ головахъ передовыхъ людей, а первый имѣлъ уже многовѣковую исторію,—борьба была неизбѣжна. И она началась, постепенно усиливаясь, по

мѣрѣ того, какъ обстоятельства придавали все болѣе и болѣе силы реакціонерамъ.

Главнымъ орудіемъ въ рукахъ ретроградовъ была обычная система запугиванья. Идея о крестьянской свободѣ, проекты Сперанскаго, распространеніе масонства и мистическихъ сектъ, якобинцы и вольтерьянцы, поляки и французская революція— все это сводилось къ одному, къ фантастической всеміpно-революціонной интригѣ, охватившей будто-бы уже и Россію. Карамзинъ, Каразинъ, Ростопчинъ, Шишковъ, гр. Де-Местръ, бывшій сардинскимъ посланникомъ въ Петербургѣ—всѣ били тревогу и кричали, что Россія въ опасности отъ коварныхъ замысловъ внутреннихъ враговъ, къ которымъ они причисляли всѣхъ, кто имъ не нравился. Въ первую половину этой эпохи ретрограды еще дѣйствовали осторожно; интриги ихъ были не въ силахъ подорвать дѣло реформы, хотя и въ это время ихъ реакціонныя стремленія сильно тормозили работу преобразователей, робѣвшихъ передъ ихъ массою. Жертвою ихъ угрозъ палъ Радищевъ. Возвращенный Александромъ изъ ссылки и работавшій въ комиссіи законовъ, Радищевъ представилъ дѣльную программу преобразованій, въ которой требовалось: 1) равенство всѣхъ передъ закономъ и отмѣна тѣлеснаго наказанія; 2) уничтоженіе табели о рангахъ; 3) отмѣна пристрастныхъ допросовъ и введеніе гласнаго суда съ присяжными; 4) полная вѣротерпимость и свобода совѣсти; 5) свобода прессы; 6) освобожденіе крестьянъ и 7) замѣна подушной подати поземельною. Радищеву намекнули о вторичномъ путешествіи въ Сибирь, изъ которой онъ только-что вернулся. Испуганный Радищевъ отравился...

У ретроградовъ были связаны руки, пока дѣйствовалъ Сперанскій. Одиночное положеніе этого человѣка на верху государственной лѣстницы и рядомъ съ представителемъ враждебной ему партіи, съ Аракчеевымъ, не обѣщало для него ничего хорошаго. Сперанскій и Аракчеевъ — это два противоположные полюса. „Одинъ съ обширнымъ образованіемъ,

съ умомъ, на лету схватывающимъ идеи и слова Александра и излагающимъ ихъ въ прекрасной формѣ на бумагѣ, съ манерами вкрадчивыми, льстивыми безъ униженія, съ побужденіями возвышенными, со страстями благородными, скитающійся въ отчаніи въ лѣсу по смерти своей нѣжной и милой Элизы. Другой—нрава крутого, сердца жестокаго, неумолимаго, любовникъ чудовищной Настасьи, который по смерти ея тоже приходитъ въ отчаяніе, но выражаетъ его иначе — истязаніями бѣдныхъ крестьянъ Грузина, мало образованный, неумѣющій написать дневного приказа безъ грамматическихъ ошибокъ; самая наружность его скорѣе могла отталкивать, чѣмъ привязывать къ себѣ. Одинъ въ пылкомъ воображеніи своемъ хотѣлъ создать для Россіи храмъ славы, въ который бы могъ внести свое, окруженное блескомъ имя; другой строилъ для нея казарму и ставилъ у дверей фельдфебеля, чтобы легче было наблюдать за нею" (Ковалевскій, 152). У Аракчеева была сильная партія, сильная поддержка; Сперанскій же былъ одинъ и разсчитывалъ только на расположеніе и довѣріе государя. Но изучившій послѣдняго съ дѣтства Аракчеевъ оказался сильнѣе Сперанскаго даже и въ этомъ отношеніи и своими хитростями пріобрѣлъ безграничное довѣріе государя добродушнаго, но становившагося все болѣе и болѣе подозрительнымъ въ виду тѣхъ призраковъ, которые показывались волшебнымъ фонаремъ европейской и русской реакціи. Всѣ ретроградныя силы были противъ Сперанскаго; его ненавидѣли за расположеніе къ нему Александра, за его реформы, за мысль объ освобожденіи крестьянъ, за дозволеніе къ печати книги Стройновскаго объ отмѣнѣ крѣпостного права, за законъ о чинахъ, за то презрѣніе, какое онъ питалъ къ окружающей его толпѣ и т. д. Долго велась интрига противъ Сперанскаго. Въ обществѣ и въ правительственной сферѣ, въ частныхъ бесѣдахъ, въ памфлетахъ, въ нашептываніяхъ кому слѣдуетъ его обвиняли въ преднамѣренномъ разстройствѣ финансовъ и всего государственнаго управленія,

въ намѣреніи совершить государственный переворотъ, въ измѣнѣ отечеству, въ преступномъ пристрастіи къ Франціи, въ замыслѣ предать Россію Наполеону и т. д. Каждый шагъ его возбуждалъ подозрѣніе. Сперанскій любилъ тереться между народомъ для наблюденія его нравовъ, заходилъ иногда и въ трактиры и въ кабаки. Явное дѣло, что онъ хочетъ бунтовать народъ!.. Сперанскій вымѣниваетъ ассигнаціи на золото и серебро для приданаго своей дочери, изъ опасенія, что ассигнаціи могутъ упасть въ цѣнѣ. Онъ, очевидно, хочетъ бѣжать заграницу!.. Когда насталъ канунъ двѣнадцатаго года, когда умы дошли до высшей степени болѣзненной возбужденности, когда ненависть ко всему французскому обуяла общество и подозрительная боязливость вражескихъ замысловъ ежедневно создавала новые и новые страхи, — клевета и инсинуаціи противъ Сперанскаго получили силу и увлекли Александра. Какую ненависть возбуждалъ къ себѣ этотъ реформаторъ и какъ вѣрили въ справедливость сыпавшихся на него обвиненій, можно видѣть по слѣдующему отрывку изъ дневника Булгакова. „1812 г., марта 22.—Открытъ въ Петербургѣ заговоръ, состоявшій въ томъ, чтобы предать Россію французамъ. Бездѣльникъ Сперанскій и Магницкій арестованы... Какъ не сдѣлать примѣрнаго наказанія,—Сперанскаго не повѣсить! О, извергъ! чудовище! неблагодарная, подлая тварь! Ты не былъ достоинъ званія россійскаго дворянина! Оттого-то ты и гналъ ихъ!“ Далѣе Булгаковъ перечисляетъ дѣйствія „разрушительнаго генія Сперанскаго“, несомнѣнно доказывающія его измѣну. „1) Онъ открылъ государственную тайну, объявилъ манифестомъ 650,000,000 ассигнацій. 2) Составилъ (государственный) совѣтъ изъ сорока человѣкъ: вещь безразсудная и неимѣющая примѣра. 3) Позволилъ напечатаніе Стройновскаго сочиненія. 4) Преградилъ дворянству путь къ чинамъ ассессора и статскаго совѣтника и проч., и проч.“ (Р. Арх. 1867, стр. 1367). Только вмѣшательство извѣстнаго друга Александра, дерптскаго профессора Паррота,

спасло Сперанскаго отъ смертной казни, на которую хотѣлъ осудить его государь въ сильномъ порывѣ перваго негодованія (Богдановичъ, III, 193). Даже въ народной массѣ успѣли возбудить такую сильную ненависть къ этому „измѣннику", что когда Сперанскій съ мѣста своей ссылки, изъ Нижняго Новгорода, поѣхалъ взглянуть на макарьевскую ярмарку, то здѣсь, въ гостиномъ дворѣ едва не былъ убитъ разъяренными народомъ. Французскіе плѣнные не принимали милостыни отъ этого „измѣнника", а крестьяне на родинѣ Сперанскаго хотѣли разметать домъ его зятя (Р. А., 1871, 1191). Подъ предлогомъ удаленія его отъ шедшаго въ Россію Наполеона, его перевели въ Пермь. „Вѣсть о неожиданной отставкѣ и ссылкѣ Сперанскаго, говоритъ одинъ современникъ,—громко разнеслась по всей Россіи. Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвесть такую всеобщую радость" (Воспом. Вигеля, IV, 21, 22). „Русскіе ретрограды и иностранные іезуиты, въ родѣ де-Местра, участвовавшіе вмѣстѣ съ первыми въ низверженіи Сперанскаго, торжествовали и занимали мѣста, до которыхъ прежде не допускало ихъ вліянія реформатора" (Морошкинъ, II, 505—507). Сдѣлавъ Сперанскаго „измѣнникомъ", начали преслѣдовать почему-нибудь непріятныхъ лицъ, строча на нихъ доносы въ родѣ слѣдующаго: „будучи въ тѣсной связи съ предателемъ Сперанскимъ, можетъ имѣть онъ и тайныя сношенія съ Наполеономъ" и т. д. (Вигель, IV, 85).

Паденіе Сперанскаго развязало руки врагамъ прогрессивной общественной мысли. Нашествіе французовъ, военныя неудачи, взятіе и пожаръ Москвы, — все это развило самую болѣзненную подозрительность въ народѣ, которою піонеры реакціи не замедлили воспользоваться. Всѣхъ подозрѣвали въ измѣнѣ. Въ Москвѣ—въ этомъ всегдашнемъ центрѣ политическихъ сплетенъ и ретроградныхъ интригъ—„доходили даже до того, что крѣпостники видѣли въ войнѣ 1812 г. ловушку для себя, думая, что самъ Александръ заключилъ съ Напо-

леономъ договоръ, чтобы впустить его въ Россію для низложенія дворянства и освобожденія крестьянъ“ (Морошкинъ, II, 503)!.. Всѣ противники крѣпостного права провозглашались врагами отечества по одному уже тому, что у Наполеона дѣйствительно была мысль воспользоваться для своихъ завоевательныхъ цѣлей освобожденіемъ рабовъ. Престарѣлый Новиковъ и Ключаревъ, жившіе около Москвы, навлекли на себя подозрѣніе однимъ тѣмъ, что принимали къ себѣ французскихъ раненыхъ, а въ перехваченной корреспонденціи Новикова со знакомыми возбудило подозрѣніе то обстоятельство, что „въ сихъ письмахъ *выраженія просты чрезвычайно*, такъ что *подозрѣвать можно*, что оныя должны быть тѣми особенно толкованы, кои ключъ загадки сей имѣютъ“ (Р. Арх. 1866, 693)!.. Жить было не безопасно, особенно въ Москвѣ, подъ владычествомъ страшнаго Ростопчина. Юноша Верещагинъ, имѣвшій возможность читать иностранныя газеты до ихъ просмотра цензурой, перевелъ изъ нихъ прокламацію Наполеона, изданную имъ предъ вторженіемъ въ Россію, и показалъ этотъ переводъ нѣкоторымъ изъ своихъ пріятелей. Его арестовали. Ростопчинъ вывелъ его на крыльцо своего дома, объявилъ собравшемуся народу, что онъ измѣнникъ, велѣлъ солдатамъ рубить его саблями, а затѣмъ полуживого Верещагина бросили толпѣ, которая и добила его; трепещущій трупъ привязали за ноги къ лошадиному хвосту и чернь съ дикимъ ревомъ поволокла его по улицамъ. Дѣло мертваго Верещагина поступило въ сенатъ, который присудилъ его къ 25 ударамъ кнута и къ вѣчной каторгѣ (Р. Арх. 1869 г., стр. 1445; 1870 г., стр. 519; Чтенія въ О. И. и Д., 1966, IV, 245).

Страсть къ доносамъ, поиски за измѣною, нелѣпыя обвиненія въ интригѣ доходили до послѣдней крайности. Изъ Москвы доносили даже на Карамзина, что „сочиненія его исполнены вольнодумческаго и якобиническаго яда“; что „онъ цѣлитъ не менѣе, какъ въ Сійесы или въ первые консулы,—

это здѣсь всѣ знаютъ“ (Чтенія, 1858, II, отд. V, 186). Самый умѣренный либерализмъ былъ не безопасенъ. Даже Уваровъ въ концѣ 1813 г. писалъ Штейну, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія онъ не можетъ держаться на избранномъ имъ пути, „не жертвуя честью, мнѣніями, благосостояніемъ“. „Не подумайте—говоритъ онъ, что въ моихъ словахъ есть какое нибудь преувеличеніе... Состояніе умовъ въ настоящую минуту таково, что смѣшеніе понятій достигло послѣдней крайности. Одни хотятъ просвѣщенія безъ опасностей, т. е. огня, который не жжетъ. Другіе—и это большая часть—сваливаютъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги, Моро и Розенкампфа, мечты Ш.... (Шиллера?) и открытія Лейбница. Наконецъ, это такой хаосъ воплей, страстей, ожесточенныхъ раздоровъ, увлеченія партій, что невозможно долго выдержать это зрѣлище. У всѣхъ на языкѣ слова: религія въ опасности, нарушеніе нравственности, приверженецъ иноземныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франкъ-масонъ, фанатикъ и т. д. Словомъ, совершенное безуміе. Рискуешь каждую минуту скомпрометировать себя или стать органомъ всякихъ нелѣпостей“ (Р. А. 1871, 130). Вскорѣ окончательно восторжествовала реакція: Вліяніе европейской реакціи, создавшей столько страховъ, выдумавшей столько заговоровъ, отразилось и на Россіи. Меттернихъ убѣдилъ и безъ того уже подозрительнаго Александра, что духъ всеобщей революціи проникъ всюду и что Россіи предстоитъ отъ него опасность, одинаковая со всѣми европейскими государствами. У насъ ретрограды, подобные Фотію, распускали самые нелѣпые слухи, въ родѣ того, напр., что въ 1817 г. составлено было покушеніе на жизнь Александра I, но намѣреніе сіе отложено. *О семъ публиковано* (!!) въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“ слѣдующими словами: тотъ, кого нетерпѣливость влечетъ, какъ Петра, ударить ножомъ, да молится: Господи, даруй сердцу моему терпѣніе! Будемъ, братья, ждать, пока Господь на то воззоветъ, какъ воззвалъ

Илію на избіеніе вааловыхъ жрецовъ“ (Чтенія, 1868, I, V, 263). Въ 1818 г. случилась семеновская исторія, убѣдившая Александра въ справедливости ретроградныхъ инсинуацій. Любимый полкъ государя, семеновскій, въ которомъ и солдаты и офицеры отличались развитостью и примѣрнымъ поведеніемъ, въ которомъ не было и рѣчи о тѣлесныхъ наказаніяхъ, офицеры были съ солдатами на *вы* и т. д., вдругъ, какъ будто случайно, былъ отданъ подъ команду грубому Шварцу. Онъ своими безчеловѣчными жестокостями довелъ солдатъ до того, что они потребовали смѣны его. Это было выставлено *бунтомъ*, и „взбунтовавшійся“ полкъ весь былъ арестованъ. Александръ, бывшій тогда на конгрессѣ въ Троппау, подъ вліяніемъ Меттерниха, увидѣлъ причину „бунта“ не въ жестокостяхъ Шварца, а въ проискахъ тайныхъ обществъ и во вліяніи ланкастерскихъ школъ, процвѣтавшихъ въ полку (Ковалевскій, 139; Р. Старина, 1870, I, 63). Созданные реакціей страхи, какъ нельзя болѣе гармонировали съ господствовавшимъ въ обществѣ мистическимъ умонастроеніемъ. То было время масонства и всевозможныхъ сектъ, время духовидцевъ и пророковъ, піэтистовъ и шарлатановъ, ханжей и фанатиковъ, время, которому платили дань многіе изъ лучшихъ людей общества, напр., Пушкинъ съ своею вѣрою въ ворожбу, предчувствія, примѣты, или Сперанскій съ своими мистическими бреднями. Для высшаго нравственнаго усовершенствованія Сперанскій считалъ вѣрнымъ средствомъ слѣдующій пріемъ: сѣсть въ самомъ отдаленномъ углу своей комнаты, „скрестить руки подъ грудью и устремить взоры на пупокъ“; въ этомъ положеніи человѣкъ погружается въ благочестивое самозабвеніе и видитъ какой-то „*свѣтъ Фавора*“— техническій терминъ, замѣчаетъ въ скобкахъ Сперанскій (Р. Арх. 1870, 194). Самъ Александръ во всю свою жизнь былъ мистикомъ, онъ молился съ квакерами о наитіи духа, проводилъ цѣлые вечера со Сперанскимъ въ мистическихъ бесѣдахъ, увлекался каждымъ проявленіемъ искренняго піэтиз-

ма; въ бѣдствіяхъ 1812 года, въ неимѣніи у себя дѣтей, въ петербургскомъ наводненіи,—во всемъ видѣлъ онъ таинственную десницу, каравшую Россію за его грѣхи. Но въ немъ, какъ и въ Сперанскомъ, мистическое благочестіе, чуждое всякой религіозной формальности, долго мирилось съ его политическимъ либерализмомъ; но въ концѣ концовъ мистицизмъ все таки повредилъ Александру. Онъ довелъ его до священнаго союза, довелъ до того, что онъ увлекся г-жею Крюднеръ и началъ вѣрить Фотію. Съ Александромъ случилось то же, что и съ массою тогдашняго общества, для котораго мистицизмъ замѣнилъ собою философію и въ которомъ піэтистическая филантропія нерѣдко уживалась съ стремленіями къ прогрессивной гражданской дѣятельности. Мистическимъ умонастроеніемъ общества ловко воспользовались реакціонеры и сдѣлали его своимъ орудіемъ въ борьбѣ противъ прогрессивныхъ движеній. Когда система запугиванья возымѣла дѣйствіе, когда Александръ весь отдался европейской политикѣ, когда управленіе внутренними дѣлами сосредоточилось въ рукахъ Аракчеева, когда вмѣсто Строганова, Чарторыжкаго, Новосильцова, Лагарпа, Каподистріи, Сперанскаго на сцену полѣзли Стурдза, Шишковъ, Фотій, Магницкій, Руничъ, — тогда самая мысль о реформахъ сдѣлалась опасною, тогда насталъ періодъ обскурантизма.

V.

Еще до паденія Сперанскаго и до псевдопатріотическихъ агитацій, сопровождавшихъ войну 1812 г. дѣло общественнаго развитія встрѣтило сильнаго врага въ томъ мистицизмѣ, который, какъ мы уже говорили, царилъ тогда надъ умами, и въ происках европейскихъ реакціонеровъ, имѣвшихъ громадное вліяніе у насъ. Въ Европѣ совершался тогда безо-

бразный шабашъ реакціи; всѣ честные люди, всѣ друзья народа, всѣ великія идеи, пущенныя въ ходъ XVIII вѣкомъ подвергались самымъ остервенѣлымъ гоненіямъ отъ представителей стараго порядка, возвратившихся послѣ революціоннаго погрома на свои пепелища. Клевета, инсинуація, запугиванье революціонными призраками были главными орудіями европейскихъ реакціонеровъ; тѣми же самыми орудіями они начали дѣйствовать и у насъ непосредственно и посредственно, стараясь привлечь русское правительство къ своей лигѣ. Россія, игравшая тогда первостепенную, почти диктаторскую роль, въ сущности была только служительницею меттерниховской политики. Апостолы реакціи запугивали революціей и Александра и русское общество, встрѣчая полное сочувствіе въ средѣ нашего барства, желавшаго во что бы то ни стало задушить всѣ невыгодныя для него либеральныя идеи и реформаторскія начинанія. Какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи іезуиты разнаго рода, и духовные и свѣтскіе были авангардомъ реакціоннаго легіона. Утвердившись въ Россіи при Екатеринѣ и Павлѣ, въ царствованіе Александра орденъ Іисуса еще болѣе усилился у насъ, имѣя вліяніе на первыхъ сановниковъ государства, содѣйствуя паденію Сперанскаго, совращая въ латинство пустоголовыхъ барынь, воспитывая въ своемъ духѣ аристократическое молодое поколѣніе, владѣя тысячами русскихъ крестьянъ и загребая въ свои карманы кучи русскихъ денегъ. Представителемъ этой европейской реакціи у насъ былъ графъ Жозефъ де-Местръ, посланникъ экскороля сардинскаго, фанатическій апостолъ невѣжества и деспотизма, талантливѣйшій агитаторъ реакціонной лиги, Вольтеръ наизнанку, какъ нѣкоторые называютъ его. Въ своихъ пламенныхъ памфлетахъ онъ проповѣдывалъ о возстановленіи папскаго, королевскаго и феодальнаго деспотизма, о полномъ порабощеніи народовъ и объ усиленной охранѣ этихъ священныхъ порядковъ посредствомъ палача, котораго онъ считаетъ представителемъ божественнаго правосудія на землѣ,

котораго званіе священно, потому что всякое величіе, всякая власть, всякое повиновеніе покоятся на немъ (Soirées de St.-Petersbourg, ed. 1854, 39—42). Въ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ имъ для русскихъ представителей власти, де-Местръ проводилъ тѣ же самыя идеи, приноравляя ихъ къ русскимъ отношеніямъ. „Въ Россіи крѣпостное рабство“ — говоритъ онъ—„существуетъ потому, что оно въ ней необходимо и императоръ не можетъ царствовать безъ него... Каждый помѣщикъ или, лучше сказать, каждый дворянинъ, есть настоящій представитель власти, родъ гражданскаго правителя, управляющій своими землями и снабженный всей необходимой властью, чтобы подавлять безпорядочные порывы индивидуальной воли. Если эта власть будетъ уничтожена, то какую же силу поставитъ государь на ея мѣсто для сохраненія порядка? Законы, скажутъ; но это именно самая слабая сторона въ великой имперіи... Къ довершенію несчастія, Россія одна изъ древнихъ и новыхъ націй отказываетъ общественному спокойствію въ смертной казни, и на это обстоятельство должно быть обращено большое вниманіе“... Освобожденіе неминуемо поведетъ за собой волненіе умовъ и возстаніе. Поэтому должно „стѣснять освобожденіе и вовсе неблагопріятствовать ему какимъ-нибудь закономъ, потому-что всякій законъ, сдѣланный въ этомъ смыслѣ былъ бы *смертеленъ*“. Вмѣсто пагубнаго для государства освобожденія крестьянъ, правительству слѣдуетъ усиливать и обогащать ворянство, которымъ держится всякое государство.

Вооружаясь противъ заботъ русскаго правительства объ народномъ образованіи, противъ университетовъ и лицеевъ, вообще противъ всей системы воспитанія, несостоящей подъ контролемъ духовенства, де-Местръ доказываетъ, что университеты „угрожаютъ Россіи ужаснымъ зломъ, которое приближается быстрыми шагами подъ покрываломъ науки“. Онъ совѣтывалъ бросить „пагубную идею соединенія въ одну корпорацію обученіе всѣмъ наукамъ“ и вмѣсто того занять юно-

шество усиленнымъ изученіемъ *классическихъ языковъ*... „*Наука внушаетъ самомнѣніе*. Тотъ, кто сказалъ это, сказалъ не простую церковную фразу: это весьма философскія слова, и государи должны помнить ихъ. Старшая дочь науки есть гордость. Эта гордость безгранична и нигдѣ не можетъ выносить второго мѣста. Она гнѣвается въ особенности на дворянство, которое ее заслоняетъ, и она вездѣ старается лишить дворянство его мѣста, потому что дворянство управляетъ, а она хочетъ управлять имъ сама... Наука постоянно подвергаетъ государство опасности, постоянно стремясь доставить государственныя должности людямъ ничтожнымъ, безъ имени и богатства... Государство *военное*—а Россія въ особенности такое государство—исключаетъ науку, какъ кругъ исключаетъ квадратъ... Мнѣ кажется, что одно размышленіе должно совершенно *успокоить* русское правительство по предмету науки; именно то, что при нынѣшнемъ положеніи вещей, когда всѣ націи находятся въ соприкосновеніи черезъ посредство типографій, наука можетъ считаться огнемъ, который неизбѣжно охватитъ Россію, если русскій способенъ къ возгаранію"... Особенно вооружался де-Местръ противъ естествознанія. „Библіи, писалъ онъ, совершенно достаточно, чтобы знать, какимъ образомъ произошла вселенная; подъ предлогомъ же различныхъ теорій о происхожденіи міра будутъ набивать молодыя головы космогоническими бреднями новѣйшаго издѣлія; уже и теперь ходитъ здѣсь по рукамъ печатная брошюра, въ которой говорится, что человѣкъ и обитаемая имъ планета есть продуктъ естественнаго броженія стихій; этотъ ядъ проникаетъ къ вамъ отовсюду, не открывайте же сами новыхъ путей ему"... Русское правительство, ради собственныхъ своихъ интересовъ, должно „стѣснять науку разными способами, а именно: 1) не объявляя ея необходимой вообще, ни для какихъ должностей гражданскихъ или военныхъ; 2) требуя только познаній, существенно необходимыхъ для извѣстныхъ должностей, напр.

математики для инженеровъ и т. п.; 3) *уничтожая всякое публичное преподаваніе* свѣденій, которыя могутъ быть предоставлены вкусу и средствамъ каждаго частнаго человѣка, какъ, напр., *исторія, географія, метафизика, мораль, политика, торговля и проч.*, 4) никоимъ образомъ не оказывая покровительства распространенію знаній въ нисшихъ слояхъ народа, и даже стѣсняя (не надо только, чтобы это было замѣтно) всякое предпріятіе этого рода, какое могло бы быть придумано незнающей или вредной ревностью".

„Ни одинъ государь не подвергался такой опасности, какъ императоръ Россіи: ужасная секта, проходящая теперь по Европѣ, можетъ быть сравнена съ ядовитымъ растеніемъ, которое становится еще ядовитѣе, по мѣрѣ того, какъ его пересаживаютъ"... Это иллюминаты. „Иллюминатство заключило союзъ со всѣми сектами, потому что во всѣхъ нихъ есть нѣчто для него нужное; она соединяется съ янсенистами противъ папы, съ якобинцами противъ королей и съ евреями противъ христіанства вообще". Въ Россіи оно дѣйствуетъ посредствомъ протестантскихъ проповѣдниковъ, нѣмецкихъ профессоровъ, разнихъ сектантовъ и евреевъ. Противъ послѣднихъ, т. е. противъ русскихъ жидковъ, графъ-іезуитъ проповѣдуетъ ни больше, ни меньше, какъ крестовый походъ съ содѣйствіемъ полиціи, ибо „все заставляетъ думать, что ихъ деньги, ихъ ненависть и ихъ таланты находятся въ распоряженіи великихъ заговорщиковъ". Донося на протестантскія мнѣнія нѣмецкихъ проповѣдниковъ въ Россіи, инсинуируя на русское духовенство, которое „*скоро будетъ совершенно совращено* въ протестантство, если на это не обратятъ вниманіе", де-Местеръ настаиваетъ, чтобы правительство всѣми мѣрами „замедляло царство науки и присоединило бы къ верховной власти могущественнаго союзника во власти церковной". И хотя онъ хлопоталъ главнымъ образомъ объ іезуитахъ и католичествѣ, но въ то же время, со своимъ обычнымъ тактомъ, старался и о поднятіи авторитета право-

славнаго духовенства, надѣясь встрѣтить въ немъ союзника противъ науки и свободы и притомъ такого союзника, соперничество съ которымъ было менѣе опасно для іезуитскихъ замысловъ, чѣмъ борьба съ наукой и либеральными идеями. Онъ совѣтовалъ всячески содѣйствовать сближенію православія съ католичествомъ, ибо и то и другое проповѣдуютъ одно—„вѣру и покорность“ (Quatre Chapitres sur la Russie, par le comte J. de Maistre; „Современникъ“, т. CXII; Ж. Мин. Нар. Пр., 1865, X).

Де-Местръ былъ только однимъ изъ многочисленныхъ проводниковъ къ намъ европейской реакціи, только однимъ изъ наставниковъ и руководителей нашихъ реакціонеровъ. Русскіе ретрограды обыкновенно укоряютъ нашихъ прогрессистовъ въ ребяческой подражательности Западу, но если разсмотрѣть безпристрастно исторію общественныхъ идей въ Россіи, то излишество подражательности оказывается не на сторонѣ прогрессистовъ, а на сторонѣ ихъ противниковъ, и притомъ подражательности старческой, тупой, машинообразной. Возмите хоть тѣхъ же реакціонеровъ александровской эпохи, и вы увидите въ нихъ ни болѣе, ни менѣе, какъ мало способныхъ учениковъ европейскихъ ретроградовъ, въ родѣ де-Местра, который имѣлъ вліяніе и на представителей нашего барства, и на министра Разумовскаго и на самаго Александра, который увлекался его докладными записками и говорилъ: „я знаю, что онъ мыслитъ хорошо и къ намъ привязанъ“ (Морошкинъ, II, 501). Магницкій выработалъ изъ себя такого же іезуита, какъ и де-Местръ, и его сочиненія были почти перифразомъ памфлетовъ послѣдняго. Таковъ же былъ и Стурдза. Когда министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлался Голицынъ, то министерство наполнилось подобными іезуитами и мистиками, въ родѣ Магницкаго, Рунича, Лаваля, Фитингова и Берегейма, и черезъ двухъ послѣднихъ, подчинилось даже вліянію извѣстной баронессы Крюднеръ. Началась увертюра реакціи. Добродушный Голи-

цынъ, поклонникъ всевозможныхъ мистическихъ сектъ, даже хлыстовщины, покровительствовалъ всѣмъ имъ и старался вести дѣло народнаго просвѣщенія „въ духѣ священнаго союза“. Ханжи и пустосвяты, всевозможные религіозные шарлатаны и сумасброды, іезуиты и хлысты, масоны и раскольники развернулись совершенно свободно. Литература превратилась въ „цѣлое море душеспасительныхъ книгъ“, какъ выражался Невзоровъ. Самыми либеральными дѣйствія этого министерства были допущеніе извѣстной вѣротерпимости и учрежденіе библейскихъ обществъ, которыя возникали всюду во множествѣ, распространяя библію на всевозможныхъ языкахъ и объединяя въ этомъ дѣлѣ людей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Но терпимость къ религіямъ соединялась съ крайнею нетерпимостью къ наукѣ и разуму, которые были заподозрѣны въ томъ, что ведутъ къ „разрушенію алтарей и троновъ“. Самые свободомыслящіе и самые гуманные изъ этихъ мистиковъ, масоны, даже и тѣ питали заклятую вражду къ свободной мысли, цѣль которой—„отвергать Христа, сомнѣваться въ безсмертіи души, едва вѣрить, что есть Богъ и надуваться гордостью самолюбія“; не менѣе сильную вражду питали они и къ политическимъ идеямъ XVIII вѣка, „предметъ которыхъ былъ заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству“ (Зап. Лопухина, 21), Объ остальныхъ мистикахъ и піэтистахъ и говорить нечего: всѣ они враждавали другъ съ другомъ, но въ то же время всѣхъ ихъ объединяла вражда къ наукѣ и разуму. Старовѣры, въ родѣ Шишкова, пѣли въ унисонъ съ іезуитомъ де-Местромъ, а всевозможные сектанты совершенно сходились въ этомъ отношеніи со своими ярыми гонителями, въ родѣ Фотія. „Сочувствіе къ университетамъ протестантской Германіи поколебалось. Стали являться защитники католической системы воспитанія, возвѣщавшіе приближеніе временъ Рунича и Магницкаго. Іезуиты завладѣли общественнымъ воспитаніемъ, вербуя питомцевъ пре-

имущественно въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ. Доказывали, что любовь къ наукамъ и забота о нихъ есть опасная ошибка; въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя съ такими свѣтлыми надеждами учреждаемы были во всѣхъ краяхъ Россіи, видѣли скопище полузнаекъ самоувѣренныхъ и заносчивыхъ, легкомысленныхъ поклонниковъ моды, готовыхъ разрушать то, чего они не жалуютъ, т. е. все“ (Сухомлиновъ). Въ университетахъ учреждены кафедры теологіи. Всѣ науки преподавать въ крайнемъ мистическомъ направленіи. Профессора, отличавшіеся хотя какимъ нибудь свободомысліемъ, терпѣли гоненія и высылались заграницу. Начали хлопотать о насажденіи въ Россіи классицизма, объ учрежденіи общества Латинскаго, лицея и пританея, о томъ, чтобы изученіе древностей россійскихъ соединить съ изученіемъ древностей греческихъ, римскихъ и *египетскихъ!*.. Изъ гимназическаго курса исключены технологія, коммерческія науки, политическая экономія, всеобщая и русская статистика и начальный курсъ философіи изящныхъ наукъ, а вмѣсто того усилено преподаваніе классическихъ языковъ. Изъ программы уѣздныхъ училищъ исключены начала естественной исторіи и технологіи. Ученый комитетъ, совершавшій эти реформы, руководствовался самыми обскурантными правилами, которымъ могъ позавидовать даже и де-Местръ. „Въ преподаваніи законодательства“, напр., онъ допускалъ „тѣ токмо книги, кои не отдѣляютъ нравственности отъ вѣры и не противорѣчатъ практическому христіанству“. Далѣе, онъ обязанъ былъ, „разсматривая употребительныя книги по части естественной исторіи, отстранять отъ системы преподаванія всѣ суетныя догадки о происхожденіи и превращеніяхъ земного шара“, и т. д., и т. д. Книгъ запрещено комитетомъ множество,—логика Лодія, метафизика Лубкина, естественное право Куницына, „о должностяхъ человѣка и гражданина, изданная для народныхъ училищъ въ 1783 г. и до того благонамѣренная, что запрещеніе ея считалъ безуміемъ самъ Шишковъ. Даже оффиціальный органъ главнаго прав-

ленія училищъ „Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ комитетъ предлагалъ вывести изъ употребленія, какъ „книгу опасную по нѣкоторымъ ея статьямъ“. И почеркъ и содержаніе прежнихъ прописей были отмѣнены, изъ нихъ исключены были всѣ нравственно-философскіе афоризмы, такъ какъ „комитетъ желалъ и въ прописяхъ ознакомить учащихся съ единою на потребу истинною нравственностью христіанскою“ (Сухомлиновъ; Богдановичъ, V, 450 — 454). Вмѣстѣ съ учебными заведеніями страдала и литература, цензурный надзоръ за которою былъ порученъ министерству полиціи. Говорить объ освобожденіи крестьянъ о вредѣ откуповъ и о другихъ сколько нибудь важныхъ внутреннихъ отношеніяхъ сдѣлалось почти невозможнымъ. Литературные сыщики чуть не въ каждой свѣтской книжонкѣ указывали замыселъ къ „ниспроверженію алтарей и троновъ“. Промыселъ литературныхъ доносовъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе значенія. Шишковъ, напр., ратовавшій за славянскій языкъ, инсинуировалъ на своихъ противниковъ, что они сроду не бывали ни у заутрени, ни у обѣдни, и въ ихъ защитѣ новѣйшаго литературнаго языка указывалъ злостный умыселъ „отвлечь умъ и сердце каждаго отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности“ (М. Дмитріевъ, 73, 74). Въ 1809 г. на петрозаводскомъ театрѣ поставлена была одна опера, передѣланная изъ извѣстной Энеиды Котляревскаго. Директоръ училищъ, въ припадкѣ благонамѣренности, донесъ высшему петербургскому начальству о зловредности и „подозрительности“ этого новаго сочиненія, заключавшихся, по его собственнымъ словамъ, въ томъ, что всѣмъ дѣйствующимъ въ пьесѣ лицамъ „сообщено постыдное пристрастіе къ пьянству, праздности и безпечности“, что влюбленная царица Дидона, унижая свой санъ, „чувствуетъ, какъ обыкновенная женщина, говоритъ, какъ женщина низкою страстью упоенная, на тронѣ позво-

ляетъ обувать себя и слушаетъ русскія сказки", а въ заключеніе пляшетъ на сценѣ и т. д. Все это директоръ считалъ вреднымъ „чистой нравственности, духу правленія и просвѣщенія" (Р. Арх. 1870, 954 — 959). Доносчики не щадили никого. Мало того, что доносили на Карамзина, какъ на якобинца, „метящаго въ Сійесы или въ первые консулы", *доносили даже послѣ его смерти*, — и Филарета, будущаго митрополита московскаго обвиняли въ намѣреніи подорвать православіе, въ пропогандѣ певѣрія и въ принадлежности къ зловредному тайному обществу (Чтенія, 1868, I, отд. V, 265)!.. Магницкій доносилъ даже на великаго князя Николая Павловича! Чѣмъ мотивировались эти доносы и къ какимъ послѣдствіямъ могли вести они, показываетъ слѣдующій случай съ извѣстнымъ мистикомъ и обскурантомъ Лабзинымъ. Состоя вице-президентомъ академіи художествъ, Лабзинъ не соглашался на предложеніе президента Оленина принять Гурьева въ почетные члены академіи, какъ человѣка, не имѣющаго на то никакого права. Оленинъ настаивалъ, говоря, что Гурьевъ близокъ къ государю. Разгоряченный споромъ Лабзинъ сказалъ: „если такъ, то я вмѣсто Гурьева укажу вамъ на человѣка, который къ нему еще ближе" — „Кто же это?"—„Илья кучеръ", отвѣчалъ Лабзинъ. Изъ этого состряпали надлежащій доносъ и Лабзина сослали въ Сенгилей (Р. Арх., 1866, 837). Поэтъ Мещевскій за самые невинные стихи попалъ въ Сибирь; Пушкина едва могли спасти отъ заключенія въ Соловецкій монастырь, и онъ отдѣлался только ссылкою въ южную Россію. На Воейкова за его знаменитую сатиру посыпался также цѣлый градъ доносовъ, и отъ ссылки его избавило одно только заступничество Карамзина (Колбасинъ, Литерат. Дѣятели, 257). Доносъ, отвергнутый офиціально въ началѣ царствованія, снова вошелъ въ силу, благодаря постепенно усиливавшейся подозрительности государя, прибѣгнувшаго, наконецъ, къ развитію системы тайно-полицейскаго надзора (Богдановичъ, V, 449). Дошли, наконецъ, до

того, что стали читать на почтѣ частную корреспонденцію (Записки Мертваго, 248)...

Доносяна людей, съ неменьшимъ усердіемъ и съ такою же наглостью доносили на цѣлыя учрежденія и направленія. Всякое проявленіе прогрессивной мысли возбуждало самыя нелѣпыя инсинуаціи. Ланкастерскія школы, при самомъ учрежденіи которыхъ Стурдза писалъ уже, что ихъ „можно назвать мечомъ обоюду-острымъ, спасительнымъ въ рукахъ благочестія, но опаснымъ и пагубнымъ, когда владѣетъ ими духъ киченія и безвѣрія, столь непреоборимо распространяющійся въ смутныя времена наши“, — ланкастерскія школы были заподозрѣны, какъ средство для распространенія вольнодумства и мятежа и постепенно пали (Р. Арх., 1869, 601; Пыпинъ). Въ литературѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ мистическихъ сектахъ,—всюду указывали вліяніе пагубнаго духа времени, который „вездѣ, въ сенатѣ, въ совѣтѣ, въ комитетѣ гг. министровъ, въ публикѣ и при самомъ дворѣ находитъ защиту и покровительство“ (Зап. Шишкова, 108, 109). Главнымъ сѣдалищемъ этого духа считались германскіе университеты, а за ними и русскіе. „Доколѣ по окровавленной Европѣ, писалъ Магницкій, — какъ орды дикихъ устремились народы просвѣщенные одинъ на другого; доколѣ лилась кровь рѣками и адская политика прикрывала именемъ мира только отдыхъ свой для новыхъ жесточайшихъ разрушеній,—духъ злобы оставался со всѣхъ другихъ сторонъ покойнымъ. Но когда водворился общій миръ, когда миръ сей запечатлѣнъ именемъ Іисуса, когда государи европейскіе сами поставили себя въ невозможность его нарушить, взволновались университеты, являются изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада! Самъ князв тьмы видимо подступилъ къ намъ. Рѣдѣетъ завѣса, его окружающая... Слово человѣческое есть проводникъ адской силы, книгопечатаніе— орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ юношеству тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ

ляетъ обувать себя и слушаетъ русскія сказки" ... ропѣ". По
ченіе пляшетъ на сценѣ и т. д. Все это ... и оракулъ
вреднымъ „чистой нравственности, духу ... бывшій поклон-
щенія" (Р. Арх. 1870, 954 — 959). ... Магницкій,
никого. Мало того, что доносили ... аціонной лиги, —
якобинца, „метящаго въ Сійесы ... уки, физика и мате-
доносили даже послѣ его смерти ... жденіями ада, рас-
митрополита московскаго ... ія, а науки политиче-
православіе; въ пропогандѣ ... революціи. Съ особен-
зловредному тайному общ ... на естественное право.
265)!.. Магницкій донос ... Магницкій, — безъ кото-
Павловича! Чѣмъ мог ... будучи королевствомъ, респуб-
послѣдствіямъ могли ... того, оставившій намъ об-
чай съ извѣстнымъ ... гражданскаго законоположенія, безъ
Состоя вице-прези ... Франція въ теченіи 800 лѣтъ, безъ ко-
соглашался на пр ... всѣ университеты Англіи и Италіи, —
ева въ почетные ... права, сія метафизика правъ, не сопредѣль-
щаго на то ... публичному и положительному праву,
что Гурьевъ ... народному, новѣйшихъ временъ сѣверной Гер-
Лабзинъ ск ... невѣріе опасна, но когда Кантъ посадилъ
вамъ на че ... Она всегда была называемый чистый разумъ, который вопро-
это?" — „И ... преторы такъ Божію — что есть истина? и вышелъ вонъ, тогда
пали над ... истину естественнаго сдѣлалась умозрительною и пол-
Арх., 18 ... науки права всего того, что мы видѣли въ революціи фран-
попалъ ... ною системою дѣлѣ, опаснѣйшимъ подмѣномъ евангель-
нія въ ... духъ на самомъ ... не опровергаетъ его, но проходитъ въ
кою въ ... скаго откровенія, ибо предположенія, что его никогда не
тиру ... молчанія, начинается съ руки Божіей начальное звѣно златой
его из ... было, исторгаетъ изъ бросаетъ его въ хаосъ своихъ лже-
сихъ, ... цѣпи законодательства и отвергаетъ алтарь Христовъ, на-
но вт ... мудрствованій и, наконецъ, престоламъ царей, властямъ
посте ... носитъ святотатственные удары подпиливаетъ въ основаніи
бѣгн ... и таинству супружескаго союза, сводъ общественнаго зда-
сваг ... сія три столба, на коихъ лежитъ безвредной" спрашиваетъ
нія"... „Можетъ-ли быть сія наука

вмѣсто отвѣта указываетъ на результаты ея въ
⁻VIII столѣтій, когда „сначала поколебалась
вались мнѣнія перемѣною значенія и
ъ сего непремѣннаго и какъ-бы лите-
алтарь Христовъ и тысячелѣтній тронъ
ей взорваны; кровавая шайка свободы ос-
у помазанника Божія и вскорѣ повергаетъ ее
т. д. (Чтенія, 1859. IV, 157—159). Подобныя
, въ которыхъ крайнее невѣжество соперничаетъ съ
своекорыстіемъ и которыя такъ напоминаютъ собой
леніи знаменитыхъ московскихъ публицистовъ нашего
мени,—подобныя инсинуаціи градомъ сыпались со всѣхъ сторонъ и на направленія, и на людей, почему нибудь непріятныхъ легіону Магницкихъ. Занятія философіей, напр., особенно кантовской, возбуждали самыя ярыя нападки на себя. „Кантовой философіи", доносилъ архіепископъ Феофилактъ,—„цѣль есть двоякая: испровержение христіанства и замѣщеніе онаго совершеннымъ безбожіемъ... Кантова философія въ Германіи славилась не болѣе двадцати лѣтъ. Несмотря на сію краткость времени столько вреда отъ нея послѣдовало, что и религія и политика противъ нея вооружились и заставили многихъ профессоровъ, закрывши кафедры кантова ученія, удалиться изъ Германіи въ Росссію" (Чтенія, 1859, II, 124). Благородный врагъ іезуитовъ, петербургскій профессоръ Фесслеръ подвергся гоненіямъ, будучи заподозрѣнъ въ вольнодумствѣ и иллюминатствѣ. Въ 1816 г. изгнанъ за-границу профессоръ харьковскаго университета Шадъ за то, что придерживался философіи Шеллинга. Въ 1820 г. подвергся преслѣдованію, какъ проводникъ революціонныхъ началъ и послѣдователь Марата, профессоръ Куницынъ, а его книга „Естественное Право" была запрещена. Точно такимъ-же образомъ обвинялись къ безбожіи и терпѣли гоненіе профессоръ Буле, „вытѣсненный изъ московскаго университета, Парротъ, господствующій въ Дерптѣ, Якоби, заразив-

шій харьковскій университетъ“, Срезневскій, будто-бы руководствовавшійся „духомъ, весьма удаленнымъ отъ христіанскаго ученія“, и т. д., и т. д. Въ 1821 г. разразилась гроза надъ профессорами петербургскаго университета, которыхъ попечитель Руничъ обвинялъ въ безбожіи, революціонерствѣ, государственной измѣнѣ, „маратизмѣ и робеспьеризмѣ“, и во время университетскаго суда надъ ними, осыпалъ ихъ всевозможными оскорбленіями, кричалъ, какъ на мальчишекъ, ругалъ „мошенниками“, „поджигателями“, „бунтовщиками“, „невѣжами“, „глупцами“. Основаніемъ всѣхъ этихъ наглыхъ обвиненій служили руководства, по которымъ читали профессора и которыя были изданы или одобрены главнымъ правленіемъ училищъ. Несмотря на послѣднее обстоятельство, Руничъ нисколько не стѣснялся въ своихъ обвиненіяхъ и съ яростью кричалъ: „что книга напечатана и одобрена отъ правительства, это вамъ не оправданіе; тогда было время, а теперь другое; моя ревность все преодолѣетъ. *Горе книгамъ*, а особенно одобреннымъ отъ прежняго главнаго правленія училищъ“!.. Оскорбляя и унижая профессоровъ, Руничъ внушалъ имъ, что „правительство очень милостиво, позволяя подобнымъ преступникамъ свободно являться передъ судомъ, вмѣсто того, чтобы между жандармами съ голыми палашами заставить ихъ за налоемъ писать отвѣты“. Галичъ за свою исторію философіи, невинную до того, что она считалась вполнѣ благонамѣренною даже въ духовноучебныхъ заведеніяхъ, былъ обвиненъ въ безбожіи. „Вы, говорилъ ему Руничъ,—явно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной невѣстѣ Христовой, церкви, безбожнаго Канта самому Христу, а Шеллинга св. Духу“. Угрозами, что онъ будетъ объявленъ сумасшедшимъ, Галича заставили дать письменное отреченіе отъ его „грѣховъ“ и заблужденій и потребовали отъ него обязательство „издать вновь исторію философскихъ системъ и въ оной торжественно описать свое обращеніе и отреченіе отъ мнимаго

просвѣщенія, на лжеименномъ разумѣ основаннаго". Профессоръ Германъ обвинялся въ пропагандѣ революціонныхъ идей за то, что доказывалъ вредъ чрезмѣрнаго выпуска ассигнацій и между прочимъ говорилъ въ своихъ лекціяхъ: „русскій крестьянинъ отличается нравственностью весьма хорошею и бережливостью, неизвѣстною народамъ, живущимъ подъ желѣзнымъ игомъ рабства". Подобными-же возмутительными натяжками отличались и всѣ другія обвиненія (Чтенія, 1862, III, 179—205). Профессоръ Плисовъ описалъ этотъ возмутительный судъ въ особой запискѣ, которая разошлась въ публикѣ. Его начали преслѣдовать, отобравъ ученическія записки объ естественномъ правѣ, которое онъ преподавалъ въ гимназіи. По разсмотрѣніи этихъ тетрадокъ, Руничъ донесъ о нихъ министру: „Хотя въ тетрадкахъ Плисова не найдено ничего предосудительнаго, но это самое и доказываетъ, что онъ человѣкъ вредный, ибо при устномъ преподаваніи могъ прибавлять, что ему вздумается". Плисовъ былъ уволенъ отъ должности. Другіе профессора тоже вышли изъ университета, а Руничъ получилъ за свои подвиги Владиміра 2-й степени *). Это „важнѣйшее", по выраженію Рунича, дѣло вполнѣ характеризуетъ всю его дѣятельность въ должности попечителя петербургскаго учебнаго округа. Онъ выставлялъ себя какимъ-то архистратигомъ русской благонамѣренности и хвастался своимъ безкорыстнымъ служеніемъ ей. „Злой духъ, фразерствовалъ этотъ народный просвѣтитель изъ сержантовъ лейбъ-гвардіи,—злой духъ носится надъ вселенною, силясь мрачными крылами своими заградить отъ смерт-

*) Если Руничу и не удалось погубить профессоровъ, то потому только, что онъ своимъ преслѣдованіемъ возбудилъ негодованіе даже въ такихъ сферахъ, въ какихъ навѣрное не ожидалъ. Когда послѣ своего подвига онъ явился къ великимъ князьямъ, то Николай Павловичъ благодарилъ его за изгнаніе Арсеньева, который теперь могъ посвящать все свое время инженерному училищу, и просилъ выгнать изъ университета еще нѣсколько подобныхъ человѣкъ, чтобы у себя съ пользою употребить ихъ на службѣ (Р. Арх., 1871, 1264).

ныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка. Счастливымъ почту себя, если вырву хотя одно перо изъ чернаго крыла противника Христова!..“ Этотъ шарлатанъ вскорѣ погубилъ самъ себя. При перестройкѣ университетскаго дома онъ исходатайствовалъ у министра позволеніе производить работы не съ подрядовъ, а хозяйственнымъ образомъ, и получивъ 1.300,000 руб. ассигн., отдѣлалъ свою квартиру, построилъ отхожія мѣста и прекратилъ постройку *за недостаткомъ суммъ*... Его выгнали изъ службы (Р. Арх., 1871, 1263 — 1265).

Казанскій университетъ постигла еще болѣе горькая участь, чѣмъ петербургскій. Въ 1819 г. министръ Голицынъ, получивъ свѣденія о дурномъ его состояніи, послалъ на ревизію его Магницкаго. Магницкій, бывшій сначала ярымъ поклонникомъ революціи, потомъ другомъ и помощникомъ Сперанскаго, а послѣ своей ссылки одновременно съ послѣднимъ, превратившійся въ закоренѣлаго обскуранта, прислуживавшій Голицыну и въ то-же время подкапывавшійся подъ него вмѣстѣ съ Шишковымъ, Фотіемъ и К°, — Магницкій, этотъ Булгаринъ своего времени, принялся за дѣло искорененія вреднаго духа съ такою ревностью, что привелъ въ ужасъ даже многихъ обскурантовъ. Онъ нашелъ въ университетѣ много безпорядковъ и злоупотребленій, особенно въ хозяйственномъ отношеніи и не замедлилъ все это приписать „духу вольнодумства и лжемудрія, проникшему въ его стѣны“ (Ѳеоктистовъ, 64). Нагнавъ страху на всѣхъ профессоровъ, „выбросивъ изъ библіотеки сочиненія Вольтера“, истребивъ въ ней всѣ вредныя, по его мнѣнію, книги, присудивъ къ сожженію почти всю библіотеку гимназіи, Магницкій представилъ высшему начальству о необходимости *„публичнаго разрушенія“* казанскаго университета (id., 40, 48, 86). Но смѣлый проектъ его не пошелъ въ ходъ; его назначили казанскимъ попечителемъ, и онъ вскорѣ превратилъ несчастный университетъ во что-то въ родѣ монастыря и вмѣстѣ казармы. По-

добравъ благонамѣренныхъ профессоровъ и воспитателей, Магницкій далъ имъ инструкцію, отступать отъ которой они не должны были въ своихъ лекціяхъ. Философію велѣно читать такъ, чтобы убѣдить слушателей, что „все, несогласное съ разумомъ св. писанія есть заблужденіе и ложь и безъ всякой пощады должно быть отвергаемо“. Для большаго напечатлѣнія этой истины въ умахъ студентовъ и профессоровъ, надъ кафедрой былъ написанъ текстъ о тщетѣ и вредности злохудожной философской премудрости. Студентамъ медицины предписывалось постоянно твердить, что „искуство врачеванія безъ духа христіанской любви есть ремесло само по себѣ столь-же низкое, сколь высока и почтенна медицина, на пользу человѣчества обращаемая и высшимъ свѣтомъ озаренная“. „Профессоръ физики обязанъ во все продолженіе курса своего указывать на премудрость божію и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія окружающихъ насъ чудесъ“. „Красоты языка славянскаго и критическій разборъ священныхъ писателей должны быть главными занятіями профессора россійской словесности. Величайшіе образцы всѣхъ благороднѣйшихъ родовъ истиннаго краснорѣчія покажетъ онъ въ библіи и докажетъ сравненіемъ съ нею лучшихъ авторовъ ея надъ всѣми ими превосходство“. Преподаватель всемірной исторіи долженъ доказывать, что „все то, что въ языческой исторіи называется великостью и добродѣтелью, есть только высочайшая степень гордости человѣческой и ничто передъ величіемъ христіанскимъ“. „Профессоръ исторіи россійской покажетъ, что отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства“. Преподаватель политическихъ наукъ долженъ прежде всего внушать студентамъ чувства покорности и повиновенія и „съ отвращеніемъ указывать на правила Маккіавелли и Гоббса“. „Благоразумное преподаваніе политическаго права покажетъ, что правленіе монархическое есть древнѣйшее и установлено самимъ Богомъ, что священная власть монарховъ исходитъ

отъ Бога, и законодательство, въ семъ порядкѣ установляемое, есть выраженіе воли Вышняго“ (Сборн. Постановленій по мин. нар. просвѣщ., I, 1199—1220). Магницкій долго хлопоталъ объ уничтоженіи въ университетахъ кафедры естественнаго права, которому онъ приписывалъ „всѣ революціи и противодѣйствіе Англіи священному союзу“. „Врагу Божію три года только нужно было, чтобы довести дѣло сіе отъ кафедры Куницына до потрясеній Неаполя, Мадрита, Турина, Лиссабона, отъ одной строки профессора до 200,000 штыковъ, до государствъ обливаемыхъ кровью“. Доказывая необходимость запрещенія естественнаго права, Магницкій указывалъ на примѣръ Франціи, гдѣ будто-бы правительство не допускало преподаванія этой науки и философіи, и несмотря на то, что по офиціальнымъ справкамъ это оказалось чистѣйшею ложью, онъ все-таки не переставалъ утверждать, что философія изгнана изъ французскихъ университетовъ, ссылаясь на „имѣющуюся у него газету, въ которой сіе положительно сказано“. Естественное право запрещено не было, и Магницкій реформировалъ преподаваніе его въ теолого-полемическомъ духѣ, хвастаясь въ одной изъ своихъ рѣчей, что подъ его руководствомъ студенты „твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія естественнаго права, и съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ изощряютъ природное свое остроуміе насчетъ славнѣйшихъ его апостоловъ“. Въ какомъ духѣ шло преподаваніе наукъ, можетъ показать слѣдующій отрывокъ изъ лекціи профессора Никольскаго, который доходилъ до того, что совершенно серьезно защищалъ магію и кабалистику. „Въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ, христіанскою вѣрою возвѣщаемыхъ. Напр., какъ числа безъ единицы быть не можетъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ единаго владыки существовать не можетъ. Начальная аксіома математики: всякая величина равна самой себѣ; главный пунктъ вѣры состоитъ въ томъ, что единый въ перво-

начальномъ словѣ своего всемогущества равенъ самому себѣ. Въ геометріи треугольникъ есть самый первый и простѣйшій видъ; св. церковь издревле употребляетъ треугольникъ символомъ Господа, яко верховнаго геометра, зиждителя всей твари. Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая боговъ и человѣковъ, соединившаго горнее съ дальнимъ, небесное съ земнымъ". Нужно впрочемъ замѣтить, что при Голицынѣ преподаваніе всѣхъ наукъ въ университетахъ шло въ томъ-же самомъ направленіи, которое водворялъ въ Казани Магницкій. Въ кіевскомъ университетѣ, напр., профессоръ химіи въ теоретической части излагалъ трактаты „о шестомъ невидимомъ началѣ, — душѣ, гдѣ изслѣдовалъ качества души и говорилъ объ „органическомъ духѣ" (Шульгинъ, Ист. Кіев. Ун., 141). Въ московскомъ университетѣ профессоръ анатоміи долженъ былъ„ отъ изслѣдованія чудной связи въ частяхъ препаратовъ нашего бреннаго тѣла и дивнаго ихъ отправленія въ процессѣ нашей жизни, возносить умы слушателей ко всеблагому творцу, познаваемому здѣсь во всемъ его безпредѣльномъ величіи". Хотѣли даже уничтожить анатомическіе театры и запретить скелеты, такъ-какъ „превращеніе труповъ въ скелеты есть необходимость для науки весьма жестокая въ отношеніи почтенія нашего къ умершимъ"!.. (Сухомлиновъ).

Магницкій заботился не столько объ образованіи, сколько о добродѣтельномъ поведеніи студентовъ. „Директоръ университета, говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, — обращаясь съ питомцами его, какъ отецъ съ дѣтьми, внушаетъ имъ елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна... Смиренномудріе, терпѣніе, любовь сопровождаютъ поступки студентовъ, а любезная учтивость украшаетъ ихъ наружное обращеніе". „Душа воспитанія и первая добродѣтель гражданина есть покорность... Посему необходимо, чтобы воспитанники универ-

ситета постоянно имѣли вокругъ себя примѣры строжайшаго чинопочитанія со стороны учителей и надзирателей и чтобы малѣйшее нарушеніе онаго всегда было наказываемо“. Студентовъ было велѣно даже пріучать къ дѣламъ милосердія, къ подачѣ милостыни и т. п. Университетъ превращенъ въ настоящій монастырь. Вотъ, напр., программа торжественнаго университетскаго акта. „Послѣ обѣдни и молебна пропоютъ *Днесь благодать св. Духа насъ собра;* профессоръ прочтетъ: о пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ естественныхъ и необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи; пропоютъ *Боже царя храни;* студентъ прочтетъ о золотосодержащихъ пескахъ; пропоютъ *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ;* студентъ прочтетъ о необходимомъ соединеніи со внутреннимъ богопочитаніемъ наружнаго; пропоютъ *Слава въ вышнихъ Богу;* ректоръ произнесетъ слово о достойности и важности воспитанія и просвѣщенія, основанныхъ на христіанской вѣрѣ; пропоютъ *Господи, силою твоею возвеселится царь*“. Чтеніе библіи, молитвы, благочестивыя бесѣды занимали большую часть времени студентовъ, находившихся подъ надзоромъ многочисленныхъ надзирателей. Не только посѣщать знакомыхъ въ городѣ, но даже переходить изъ одного этажа университета въ другой не дозволялось безъ билета отъ инспектора. Ночью спальни охранялись часовыми, которые вплоть до утра расхаживали по корридорамъ. Строгости простирались до того, что даже профессора въ своихъ квартирахъ держали водку въ какомъ-нибудь секретномъ мѣстѣ и прежде, чѣмъ выпить рюмку, ставили къ дверямъ караульнаго, который могъ бы предупредить ихъ о внезапномъ приходѣ начальства. „Прислушиваясь къ малѣйшему стуку и безпрестанно оглядываясь, преступникъ дерзалъ ключомъ, привѣшаннымъ у пояса, отворять шкафъ, гдѣ въ секретной глубинѣ хранилось ужасное зелье. У одного изъ ученыхъ мужей, которому прописали вино въ микстурѣ, былъ директоромъ, внезапно посѣтившимъ его, запечатанъ сосудъ, вмѣ-

щавшій въ себѣ запретное питье. Медикъ, осмѣлившійся прописать такое лекарство, равно какъ и паціентъ его остались на замѣчаніи. На торжественныхъ университетскихъ обѣдахъ и въ иное время пили тосты не шампанскимъ, а медомъ". Проступки студентовъ карались жестоко: доходило до того, что Магницкій безъ суда и приговора отдавалъ ихъ въ солдаты. Тягчайшимъ изъ домашнихъ наказаній былъ арестъ въ *комнатѣ уединенія*, дверь и окно которой имѣли желѣзныя рѣшетки, надъ входомъ—надпись изъ св. писанія, на одной стѣнѣ—распятіе, а на другой—изображеніе страшнаго суда. Заключенные назывались грѣшниками, и во все продолженіе ихъ ареста о нихъ приносились общія молитвы. Арестанта одѣвали иногда въ „рубашку, порты, лапти и кафтанъ мужичьи"; его ежедневно посѣщалъ и усовѣщевалъ, какъ преступника, духовникъ, и только послѣ того, какъ послѣдній доносилъ, что виновный раскаялся и „по исповѣди удостоенъ св. причащенія", онъ освобождался и присоединялся къ обществу вѣрныхъ (Феоктистовъ, 94—100; Лажечниковъ, въ „Русск. Вѣстн.", 1866, I).

Дерптскій профессоръ Парротъ, по поводу реформъ Магницкаго, предсказывалъ Александру, что „по внѣшности университетъ сохранитъ порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой безнравственности". Оно такъ и вышло; но только въ началѣ николаевскаго царствованія было обращено вниманіе на печальные результаты дѣятельности Магницкаго, который, вмѣстѣ съ другими членами управленія, по ревизіи 1826 года, оказался между прочимъ виновнымъ въ незаконномъ присвоеніи казенныхъ суммъ (Феоктистовъ, 214—217), подобно другому архистратигу русской благонамѣренности, петербургскому попечителю Руничу, который тоже оказался казнокрадомъ *).

*) Выгнанный изъ службы Магницкій жилъ сначала въ Одессѣ, потомъ былъ высланъ отсюда въ Херсонъ за доносъ на генералъ-губернатора кн. Воронцова.

Принципы Магницкаго распространялись болѣе или менѣе на всѣ учебныя заведенія. Въ 1822 г. запрещено принимать въ дерптскій университетъ студентовъ иностранныхъ университетовъ (Сборн. Пост., I, 1521). Въ слѣдующемъ году запрещено отправлять юношество въ иностранные университеты, „содѣлавшіеся театромъ разнаго рода неустройствъ, и гдѣ молодые люди получаютъ понятія, самыя противныя религіи и нравственности“ (id., стр. 1541). Харьковскимъ студентамъ запрещено ходить въ театръ, ибо „молодые люди, оставаясь въ университетахъ не болѣе трехъ лѣтъ, не имѣютъ времени заниматься театрами“ (id., стр. 1600). Петербургскій университетъ въ 1821 г. былъ вполнѣ подчиненъ правиламъ, составленнымъ Магницкимъ для казанскаго университета (id., 1474). Ректоръ и профессора послѣдняго по этому случаю поздравляли петербургскій университетъ торжественнымъ посланіемъ, отлично характеризующимъ умонастроеніе жалкихъ пособниковъ Магницкаго. „Совѣтъ казанскаго университета имѣетъ честь привѣтствовать симъ императорскій с.-петербургскій университетъ, въ духѣ братской любви, съ распространеніемъ на него инструкціи директору и ректору казанскаго университета тою же высочайшею самодержавною властью христолюбивѣйшаго государя, побѣдителя, просвѣтителя и нѣжнаго отца своихъ вѣрноподданныхъ, растворяющаго судъ съ милосердіемъ, который для блага истиннаго просвѣщенія, на христіанскомъ благочестіи основаннаго, даровалъ ихъ 17 ян-

---

Потомъ, въ Ревелѣ, онъ писалъ статьи въ журналъ «Радугу», «наблюдая просвѣщеніе, т. е. направленіе наукъ и литературы по духу времени»; инсинуируя на всякое проявленіе независимой мысли; доказывая, что «духъ невѣрія распространяетъ владычество свое на всѣ науки и литературу». Философія по прежнему навлекала на себя его самыя злостныя нападки. *Холодно-богохульная* въ Англіи, *затѣйливо-ругательная* во Франціи, *грубо-чувственная* въ Испаніи, *теософо-иллюминатская* въ Германіи, «философія» всегда и вездѣ «разрушительна»; она доводитъ человѣка до того, что онъ дѣлается «*бунтовщикомъ противъ всякой власти отъ Бога установленной*» (Р. Арх., 1867, 1692, 1699). Страсть къ доносу вошла у этого человѣка въ плоть и кровь...

варя 1820 г. казанскому университету, познающему на самомъ дѣлѣ спасительное ихъ вліяніе въ просвѣщеніи къ ученію и житію древнихъ св. отецъ и апостоловъ, у которыхъ сердца и души согрѣваются и оживотворяются Духомъ Святымъ быть едино, всероссійскихъ благочестивыхъ князей и государей великихъ, іерарховъ и святителей, которые при всемъ своемъ просвѣщеніи, смиренно полагали вѣнцы и митры свои и съ благоговѣйнымъ страхомъ и любовію преклоняли колѣни, умъ и сердце предъ престоломъ Сущаго, Иже бѣ, и Грядущаго, Отца свѣтовъ, Агнца, заколеннаго отъ сложенія міра, искупившаго ихъ честною кровію своею, сотворившаго цари и іереи, и воздавали Ему Единому всю честь, славу, хвалу и благодареніе“ (Р. Арх., 1871, 1729).

Дьячки Магницкаго дѣйствовали не въ однихъ учебныхъ заведеніяхъ; посредствомъ цензурнаго карандаша они оказывали невыносимое давленіе и на литературу, въ которой запрещалось разсуждать нетолько о крѣпостномъ правѣ, откупахъ, важныхъ внутреннихъ событіяхъ, нетолько устранялась перепечатка рѣчей и дебатовъ въ европейскихъ парламентахъ, но не допускались даже сужденія о театрахъ,—сужденія, „которыя позволительны только тогда, когда бы театры и актеры зависѣли отъ частнаго содержателя, а не находились въ службѣ его величества“. Прогрессивная литература подвергалась до того нелѣпымъ доносамъ, что даже возмущеніе крестьянъ херсонскаго помѣщика Кочубея было приписано вліянію одной, помѣщенной въ „Историческомъ Журналѣ“ статьи, въ которой самымъ умѣреннымъ тономъ говорилось о крѣпостномъ правѣ. (Пятковскій, Журналистика при Алекс. I). Даже адмиралъ Шишковъ возмущался иногда гасильническою ревностью цензуры, доходившею до глупости. Онъ разсказываетъ, напр., слѣдующій анекдотъ. Въ стихахъ:

Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ,
Что въ мірѣ, гдѣ смерть и *рокъ*—цари!

Цензору показалось возмутительнымъ слово *рокъ*, онъ вы

черкнулъ его, и послѣдній стихъ, вслѣдствіе этого, получилъ дѣйствительно возмутительный смыслъ:

Что въ мірѣ, гдѣ смерть и цари! (Р. А., 1865, стр. 1114).

Цензурныя неистовства того времени до того интересны и поучительны, что мы остановимся на нихъ подольше, пользуясь превосходными „Матеріалами для исторіи русской цензуры“, помѣщенными въ Бесѣдахъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности (1871 г., выпускъ III).

Въ 1819 г. Гречъ помѣстилъ въ своемъ „Сынѣ Отечества“ разборъ академической грамматики, указавъ въ ней многіе недостатки и ошибки, доходившіе до полнѣйшей безсмыслицы; напр., во всѣхъ трехъ изданіяхъ этой грамматики былъ напечатанъ слѣдующій афоризмъ: *„безрасудная расточительность бываетъ слѣдствіемъ нищеты“*. Академія возмутилась такою продерзостью журналиста и „въ собраніи своемъ сдѣлала себѣ три вопроса. *1-й вопросъ:* должна ли академія на сію брань дѣлать свои возраженія?“ Общимъ мнѣніемъ членовъ рѣшено: „россійская императорская академія, учрежденная для наблюденія пользъ языка и словесности, не можетъ, безъ униженія достоинства своего, входить въ состязаніе съ издателемъ журнала, а особливо, когда видитъ въ немъ дерзновеніе судить академію и говорить о ней презрительно“. На *„2-й вопросъ:* должна ли академія промолчать? общее мнѣніе было слѣдующее: академіи не остается, конечно, ничего, какъ молчаніе“. На *„3-й вопросъ:* имѣютъ ли журналисты право объ издаваемыхъ академіей книгахъ извѣщать публику со своими объ нихъ сужденіями и оцѣнкою?“ академія единогласно отвѣчала, что такого права они не имѣютъ, что „издатель Сына Отечества присвоилъ самъ себѣ это право, и подлежитъ (за это) суду правительства“. Президентъ академіи Шишковъ отнесся къ министру Голицыну съ подробнымъ описаніемъ обстоятельствъ дѣла объ оскорбленіи Гречемъ академіи, оскорбленіи, состоявшемъ въ „хулахъ, браняхъ, укоризнахъ, насмѣшкахъ и *восклица-*

ніяхъ..." Всѣ эти „хулы и брани" состояли только въ томъ, что рецензентъ называлъ правила и ошибки академической грамматики „*неосновательными, сбивчивыми, несообразными, забавными* и пр.". „Если и впредь журналисты", писалъ Шишковъ, „будутъ въ правѣ объ издаваемыхъ академіей книгахъ возвѣщать публикѣ со своими необузданными толками, то ей не останется ничего другого, какъ не издавать ничего, дабы не подвергать себя стыду быть предъ цѣлымъ свѣтомъ отъ всякаго браненой и молчать". Голицынъ сдѣлалъ цензурѣ строгій выговоръ, сообщивъ, что впредь за помѣщеніе подобныхъ отзывовъ объ академическихъ изданіяхъ, издатель подвергнетъ себя отвѣтственности, а журналъ его будетъ запрещенъ.

Въ 1822 г. цензоръ не пропустилъ балладу Жуковскаго „Ивановъ Вечеръ", напечатанную потомъ подъ заглавіемъ „Смальгольмскій Замокъ". Жуковскій жаловался министру. Голицынъ отдалъ это дѣло на разсмотрѣніе цензурнаго комитета, который нашелъ поступокъ цензора совершенно справедливымъ и не пропустилъ баллады по слѣдующимъ соображеніямъ.

„*Вопервыхъ*, удержанное въ русскомъ переводѣ самое названіе сего стихотворенія, *Ивановъ вечеръ*, можетъ показаться страннымъ по содержанію шотландской баллады, совершенно противоположному тому почтенію, какое сыны господствующей здѣсь грекороссійской церкви обыкли хранить ко дню сего праздника, и г. переводчикомъ называемаго „великимъ днемъ",—между тѣмъ какъ читателямъ предлагается чтеніе о соблазнительныхъ дѣлахъ, которыя они должны воображать себѣ происходившими передъ святымъ симъ праздникомъ и въ самую его ночь. Противоположность между названіемъ баллады и самымъ ея содержаніемъ тѣмъ чувствительнѣе для русскаго читателя, что въ Ивановъ день (въ іюнѣ и августѣ) обыкновенно бываетъ постъ по уставу грекороссійской церкви".

„*Вовторыхъ*, описаніе соблазнительныхъ дѣйствій, особливо явленій убитаго рыцаря... можетъ болѣе разгорячать и пугать воображеніе, нежели наставлять простыхъ и малопросвѣщенныхъ читателей, особливо молодыхъ людей и женщинъ“.

Втретьихъ, баллада эта безъ историческихъ примѣчаній темна.

Вчетвертыхъ, для многихъ читателей покажется удивительнымъ и даже неприличнымъ то, что въ шотландской простонародной пѣснѣ, въ суевѣрномъ разсказѣ о явленіяхъ мертвеца, въ соблазнительномъ съ нимъ разговорѣ невѣрной жены дѣлаются весьма некстати обращенія къ творцу, кресту, великому иванову дню, представляются священникъ, монахи, панихида, поминки, часовня съ такою малою разборчивостью, что русскій читатель невольно подумаетъ, что ему хотятъ представить разсказываемое происшествіе случившимся, или по крайней мѣрѣ могущимъ случиться въ Россіи.... Наконецъ,—

„*Впятыхъ*, развязка всей піэсы не имѣетъ той силы, какую хотѣлъ бы найти въ ней читатель и какой дѣйствительно требуетъ великость пороковъ и преступленій, описываемыхъ здѣсь съ такой подробностью. Послѣ впечатлѣній, сдѣланныхъ надъ читателемъ представленною ему картиною соблазнительной жизни трехъ лицъ (выбранныхъ изъ людей высшаго состоянія), читатель не видитъ сокрушеній преступной жены, сдѣлавшей несчастнымъ вмѣстѣ и своего мужа и любовника и себя; не находитъ сильнаго раскаянія въ мужѣ, который отъ ревности и свирѣпства сдѣлался убійцею одного своего врага и желалъ открыть другихъ подобныхъ враговъ... О состояніи ихъ въ монастырскихъ стѣнахъ упомянуто холодно, съ равнодушіемъ“ и т. д.

Вообще тогда цензура требовала, чтобы авторы не оставляли порока безъ наказанія. Драма Автушкевича „Увѣнчанная Добродѣтель была запрещена главнымъ образомъ за „не-

сообразность съ отечественными постановленіями окончанія піэсы, гдѣ самыя узнанныя и доказанныя злодѣйства остаются безъ должнаго наказанія...“.

Въ 1823 г. были запрещены „Стансы къ Элизѣ“ Олина, переведенные изъ Вальтеръ-Скотта. Мы приведемъ здѣсь изъ нихъ нѣсколько особенно „возмутительныхъ“ стиховъ вмѣстѣ съ замѣчаніями на нихъ цензурнаго комитета.

«Улыбку устъ твоихъ *небесную* ловить...»

Замѣчаніе. „Слишкомъ сильно сказано; женщина недостойна того, чтобы улыбку ея называть *небесною*“.

«Что въ мнѣньи мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный взглядъ
Дороже для меня *вниманья всей вселенной!*»

Замѣч. „Сильно сказано; къ томужъ во вселенной есть и цари и законныя власти, вниманіемъ которыхъ дорожить должно“.

«О, какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тишѣ,
Безвѣстный близь тебя къ блаженству пріучаться!»

Замѣч. „Такихъ мыслей никогда разсѣвать не должно; это значитъ, что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю для того только, чтобъ быть всегда со своей любовницей; сверхъ сего, къ блаженству можно пріучаться только близь евангелія, а не близь женщины“.

«У ногъ твоихъ для пѣсней лиру строить...»

Замѣч. Слишкомъ грѣшно и унизительно для христіанина сидѣть у ногъ женщины“.

Цензурный комитетъ, разсматривавшій это дѣло по жалобѣ Олина и „узнавъ изъ собственнаго его объясненія, что подразумѣваемая имъ въ заглавіи піэсы Элиза была *ни жена, ни невѣста, ни родственница автора*, а идеалъ любовницы, долженъ былъ таковое стихотвореніе по самому предмету его признать эротическимъ или сладострастнымъ. Содержаніе піэсы отвѣчаетъ надписанію ея: она дышитъ одною нѣгою

чувственности и страстію любви, сверхъ того заключаетъ двусмысленныя и непристойныя обращенія молодого автора къ своей любовницѣ". „Чтеніе *Стансовъ* г. Олина"—писалъ комитетъ—„могло возбудить въ читателяхъ, особливо молодыхъ, нечистыя чувствованія, которыя запрещаются 7-ю заповѣдью и осуждаются Спасителемъ въ евангеліи св. Матѳея, гл. 5, ст. 28. Такое чтеніе должно было произвесть большой соблазнъ особенно въ страстную недѣлю, въ которую авторъ могъ уже сіи коротенькіе стихи распустить по полученіи позволенія цензуры на напечатаніе ихъ; а извѣстно, какъ строго запрещены въ словѣ божіемъ соблазны... Между тѣмъ, г. Олинъ распространилъ въ публикѣ слѣдующія примѣчанія: „Гг. цензоры, сказавъ, что вся эта піэса и грѣшна и соблазнительна, спросили меня, къ кому она писана: къ женщинѣ, или къ дѣвицѣ, къ ближайшей родственницѣ или къ посторонней, говоря, что это имъ необходимо нужно знать, потому что по многимъ стихамъ видно, что будто бы съ этой особой я имѣлъ тѣсную связь; я отвѣчалъ имъ, что на будущей недѣлѣ стану говѣть и исповѣдываться и тогда покаюсь священнику въ грѣхахъ моихъ; но какъ цензура не есть исповѣдная, а цензоры не попы, то и не нахожу никакой нужды объясняться съ ними по сему предмету". Изъ сего любопытнаго примѣчанія г. Олина довольно видно, что Стансы къ Элизѣ онъ самъ признавалъ нескромнымъ чтеніемъ и что онъ представлялъ ихъ въ цензуру точно въ великій постъ". (Бесѣды, III, 6—47).

По этимъ примѣрамъ читатель можетъ судить, подъ какимъ давленіемъ находилась тогда несчастная русская мысль. Даже отступленія отъ принятыхъ правилъ правописанія считались недозволительною вольностью. Въ 1821 г. по случаю вышедшей вновь изъ печати книги безъ употребленія въ ней буквы ъ, „во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ей слѣдовало быть по общимъ правиламъ россійскаго языка", высочайше повелѣно наблюдать цензорамъ, чтобы впредь отнюдь не было допу-

скаемо подобныхъ отступленій отъ общихъ правилъ отечественнаго языка!..

Не легко было мысли, и въ то же время не безопасно было высказывать свои мысли. Преслѣдованія начинались даже по поводу одного представленія въ цензуру сочиненій, которые признавались цензоромъ возмутительными. Цензоръ представилъ однажды Шишкову на разсмотрѣніе стихи Мещевскаго: „Посланіе къ Артельнымъ Друзьямъ“. Въ нихъ говорилось между прочимъ:

....часъ пробьетъ; услышимъ мы
Отечества призванье,—
Тогда появится изъ тьмы
Душъ пламенныхъ желанье.
Сплетенные рука съ рукой
На путь мы ступимъ жизни,
И пылкой полетимъ душой
Ко счастію отчизны.

Шишковъ нашелъ, что эти стихи „возмутительны противъ вѣры и правительства“. „Слово: *артельные друзья* само собою показываетъ, что посланіе сіе относится не ко всѣмъ вообще читателямъ, но къ какой-то артели, т. е. къ неизвѣстному, или тайному обществу... Стихи сіи заключаютъ въ себѣ воззваніе къ возмущенію. Ибо что можетъ быть яснѣе сихъ словъ: „*друзья артельщики*“ (можетъ быть, нарочно не сказано: „товарищи“, дабы подъ словомъ „артельщики“ разумѣть и *солдатъ*)... А что между тѣмъ затѣваетъ артель сія?... Разрушить всякое общество, истребить всякую вѣру и правительство!“ Давши такую волю своей фантазіи, находившейся въ болѣзненномъ состояніи политической бѣлой горячки, адмиралъ призвалъ къ себѣ журналиста Воейкова и приструнилъ его. „Какъ ты смѣлъ такіе стихи принять съ намѣреніемъ издать въ своемъ журналѣ?“ Воейковъ перетрусилъ и отвѣчалъ глупостью, что „не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ“.—„Кто такой Мещевскій и гдѣ онъ

живетъ?“ Къ счастію для автора, онъ въ это время лежалъ уже въ могилѣ (Зап. Шишкова, 101—103) *).

Положеніе литературы было ужасное. Пушкинъ въ своихъ посланіяхъ къ цензору справедливо замѣчаетъ, что подобныхъ стѣсненій никогда не бывало при Екатеринѣ, что такъ дѣла шли только въ слѣдовавшую за смертью эпоху,—

Когда никто не смѣлъ отечества назвать
И въ рабствѣ ползали и люди и печать.

Этихъ реакціонныхъ неистовствъ, какъ цензурныхъ, такъ и другихъ отнюдь нельзя считать самодурствомъ заблуждавшихся и невѣжественныхъ людей. Въ нихъ слишкомъ замѣтны нити интриги, устремленной къ поддержанію отжившихъ порядковъ и къ захвату власти ретроградной партіей. Это хорошо понимали и нѣкоторые современники, и Уваровъ писалъ, что „друзья мрака присвоиваютъ себѣ самыя священныя имена, чтобы *захватить власть и подкопать порядокъ* въ самомъ основаніи, они утверждаютъ, что защищаютъ троны и алтари противъ нападеній несуществующихъ и въ тоже время набрасываютъ подозрѣніе на истинныя опоры алтаря и трона... Они—искусные актеры, надѣвающіе всевозможныя маски, чтобы смутить всѣ совѣсти и встревожить всѣ умы“. Эта интрига яснѣе всего обнаружилась въ исторіи паденія голицынскаго министерства. Другъ Александра, Голицынъ былъ неудобенъ для Аракчеева, и противъ него устремились соединенныя усилія самого Аракчеева, сдѣланнаго по его настоянію петербургскимъ митрополитомъ Серафима, адмирала Шишкова, извѣстнаго архимандрита Фотія, его другини, графини Орловой-Чесменской и т. д. Всѣ дѣйствія и учрежденія Голицына, даже библейское общество, состоявшее подъ особеннымъ покровительствомъ государя, обвинялись въ иллюминатствѣ, невѣріи, пропагандѣ разру-

*) Мещевскій еще до этой исторіи за подобные же «возмутительные» стихи былъ сосланъ въ Сибирь.

шительныхъ идей. Эти обвиненія подробно развиты въ обширной „Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи“ (Р. Арх., 1868, стр. 1329—1391),—запискѣ, служащей прототипомъ передовыхъ статей современныхъ намъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Начиная со времени Петра Великаго и причисляя къ врагамъ, ищущимъ погубить Россію, всѣхъ иновѣрцевъ, масоновъ, вольтерьянцевъ, русскихъ раскольниковъ, членовъ библейскаго общества и т. д., авторъ говоритъ, что „самыя ужасныя ковы къ погубленію Россіи враги ея устроили въ царствованіе Александра I, — ковы, въ устроеніи которыхъ они истощили всю свою хитрость, на удивленіе самому аду... Да, самимъ адомъ придуманы и всѣ мѣры, которыя устроены къ тому, чтобы погубить могущественную Россію“. Совѣтъ иллюминатовъ, „содѣйствуя дозволенію свободы всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, распространенію книгъ, направленныхъ противъ церкви, вѣры, нравственности и правительства, преподаванію зловреднаго ученія въ университетахъ и умноженію библейскихъ обществъ, ископалъ глубокій ровъ между алтаремъ и трономъ Россіи, чтобы вдругъ повергнуть въ оный и алтарь православія, и тронъ самодержавія“. Доказывая безнравственность, безбожность, революціонность разныхъ мистическихъ книгъ, изданныхъ при Голицынѣ, авторъ объясняетъ зловредность библейскихъ обществъ тѣмъ, что „враги церкви и отечества, въ намѣреніи уронить достоинство священныхъ книгъ, *продавали ихъ по самой низкой цѣнѣ*“; что „библію можно видѣть и въ лавкахъ книгопродавцевъ, и на толкучемъ рынкѣ, и на ларяхъ, и въ переднихъ, и въ кухняхъ, и подъ банками ваксы; божественная книга уничижена до послѣдней степени!..“ Главнымъ орудіемъ этой адской интриги „совѣтъ иллюминатовъ“ избралъ князя Голицына, доставивъ ему должности оберъ-прокурора синода, министра просвѣщенія и президента библейскихъ обществъ; а „дабы онъ имѣлъ возможность содѣйствовать всѣмъ тайнымъ сношеніямъ иностранныхъ враговъ Россіи и рус-

скихъ съ иностранными и свободно разсылать переписки враговъ Россіи во всѣ мѣста Россіи, ему-же поручено главное начальство надъ почтовымъ департаментомъ". Всѣ измышленія и инсинуаціи автора „Записки" выдуманы были не имъ, а принадлежали всѣмъ членамъ той партіи, одинъ изъ органовъ которой онъ былъ. Успѣхамъ этой партіи много содѣйствовалъ выставленный ею кандидатъ на мѣсто Голицына, благочестивый адмиралъ Шишковъ. Плохой морякъ, плохой государственный человѣкъ, закоренѣлый старовѣръ, считавшій опаснымъ человѣкомъ даже Карамзина и прозрѣвавшій революціонный духъ даже въ попыткахъ обновить литературный языкъ, Шишковъ былъ крайнимъ славянофиломъ и самымъ яростнымъ ненавистникомъ западной цивилизаціи. Онъ былъ убѣжденъ, что все св. писаніе, вся литургія и церковный уставъ были написаны первоначально на языкѣ славянскомъ; „отъ вѣрованій въ боговдохновенность писаніи перешелъ онъ къ увѣренности въ боговдохновенности самаго церковно-славянскаго языка". Народъ русскій былъ для него „избранникомъ Бога, сосудомъ его благодати", а самодержавіе — божественнымъ правомъ. Для счастія Россіи онъ считалъ совершенно достаточнымъ, если она останется всецѣло вѣрною церковному языку, самодержавію и древнимъ народнымъ обычаямъ, замаливая усердно продолженіе особой милости божіей, избравшей ее предпочтительно передъ всѣми націями (Р. Арх., 1871, 175—178). Шишковъ былъ довольно близокъ къ государю и не упускалъ случая повліять какъ на него, такъ и на другихъ представителей власти. Онъ постоянно и говорилъ и писалъ противъ свободы слова и мысли даже въ тѣхъ ничтожныхъ размѣрахъ, въ какихъ эта свобода допускалась у насъ. „Слово, хитростью ума испещренное, ядовитѣе и опаснѣе змѣи, прельстившей прародителей нашихъ... При малѣйшемъ нерадѣніи блюстителей нравовъ, оно обезоруживаетъ ихъ строгость, смягчаетъ суровость, исторгаетъ ласки у гнѣва, похвалы у ненависти и безбоязнен-

но, тысячами путей течетъ распространять языкъ страстей и лжи, который чѣмъ больше заразитъ умовъ, тѣмъ громче, дерзостнѣе и безстыднѣе становится. Прошедшій вѣкъ, названный просвѣщеннымъ и философскимъ, усыпя бдѣніе правительствъ, породилъ и возлелѣялъ сей духъ безбожія и злонравія, сей духъ, истребленіемъ и убійствами дышущій, отъ котораго потрясаются правительства, потухаетъ свѣтъ вѣры, умолкаетъ законъ, гибнетъ власть, водворяется, свирѣпствуетъ шумное буйство, а добродѣтель, труды, науки, художества утопаютъ въ потокахъ крови... Поборники по злочестіи, служившіе подъ знаменами его, основавъ тайное ученіе свое на безбожіи, на разрушеніи вѣры, престоловъ, чести, вѣрности, знали какимъ средствомъ успѣшнѣе дойти до сего могутъ, и потому съ великимъ жаромъ защищали (и нынѣ защищаютъ) вольность книгопечатанія подъ предлогомъ, такъ называемой ими свободы ума, но въ самомъ дѣлѣ свободы страстей и безумія“. Нападая на вредное направленіе тогдашней литературы, Шишковъ приводилъ въ примѣръ цензурнаго послабленія выдержки изъ печатныхъ книгъ, въ родѣ слѣдующей: „щекотаніе есть тѣлесное ощущеніе, подобное ощущенію тренія или зуда. Онѣ могутъ быть пріятными или непріятными. Дѣйствіе щекотанія есть смѣхъ, который можетъ быть соединенъ также съ пріятнымъ или непріятнымъ ощущеніемъ, смотря по тому, полезно-ли жизни соединенное съ тѣмъ движеніе или нѣтъ“. Сдѣлавъ нѣсколько подобныхъ выдержекъ и „обращая на нихъ вниманіе государственнаго совѣта“, Шишковъ убѣждаетъ его въ зловредности всѣхъ подобныхъ сочиненій, которыя не научая никакой добродѣтели, только затупляютъ умъ юношей и тѣмъ приготовляютъ его къ уловленію въ сѣти той ложной мудрости, цѣль которой—разрушеніе алтарей и троновъ!.. Такъ писалъ Шишковъ въ 1815 г., доказывая государственному совѣту необходимость обуздать профессоровъ и писателей. Въ 1822 г., при разсмотрѣніи въ совѣтѣ возбужденнаго Руничемъ дѣла

и 1,000 рублей, но который тотчасъ по возвращеніи на Донъ, сочинилъ, по выраженію Шишкова, „злѣйшую книгу, въ которой насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили его обращенію“ (Чтенія, 1869, III, 189; Зап. Шишкова, 77). Этотъ самозванный чудотворецъ, льстившій Аракчееву, величавшій его „защитникомъ вѣры и отечества“, а Филарета врагомъ православія и членомъ тайнаго общества, дѣлавшій видъ, что увѣщеваетъ Голицына отрѣчься отъ заблужденій и положить конецъ посѣянному имъ злу, предававшій его публично анафемѣ и всюду разглашавшій, что „черезъ троякое министерство въ однихъ рукахъ всѣ ереси и духъ реформы и революціонный такъ сильно и быстро расплываются, что въ ужасъ многихъ приводятъ“,—этотъ самозванный чудотворецъ, интригуя противъ добродушнаго и суевѣрнаго Голицына, въ то же время увѣрялъ его въ своей дружбѣ и старался обезоружить страхомъ своей чудодѣйственной силы. „Знай, что я по власти мнѣ данной, писалъ онъ министру,—твой наставникъ и отецъ, а ты мнѣ сынъ; я божій слуга: подъими же ты руку на меня, и узришь, что или *земля васъ пожретъ вскорѣ или гнѣвъ божій вѣчно постигнетъ васъ всѣхъ!*“. (Р. Арх., 1870, 1160). Въ союзѣ съ Аракчеевымъ, Шишковымъ, Магницкимъ и другими ретроградами, со своимъ реноме святости, Фотій былъ силенъ, но все-таки нуждался въ помощи какого нибудь духовнаго сановника, а первенствующій членъ синода, митрополитъ Амвросій, былъ лицомъ не подходящимъ. Его постарались удалить. Амвросій сшилъ себѣ для водосвятія въ крещенье саккосъ, подолъ и рукава котораго были опушены горностаемъ съ мантій, покрывавшихъ при похоронахъ тѣла великихъ княженъ Маріи и Елисаветы. На Амвросія донесли государю, что онъ служилъ „въ царскомъ платьѣ“, и его уволили. Опредѣленнаго на его мѣсто Михаила заставили разными средствами хлопотать объ отставкѣ; а затѣмъ митрополитомъ былъ назначенъ Серафимъ,

„мужъ простъ, словомъ не силенъ, но ревностенъ къ дѣлу божiю“ (Богданов., VI, 389—391). Съ его помощью Фотiй могъ дѣйствовать вполнѣ успѣшно. Еще раньше онъ сдѣлался уже извѣстнымъ государю, и въ 1822—1825 гг. пять разъ бесѣдовалъ съ нимъ въ зимнемъ дворцѣ (Чтенiя, 1868, I, 265, 267, 273; Ковалевскiй, 148). Вотъ какъ описываетъ самъ Фотiй первое изъ этихъ посѣщенiй. Серафимъ посовѣтовался съ епископомъ Владимiромъ о томъ, вызывать-ли Фотiя въ Петербургъ на ратоборство противъ „столповъ вражiихъ“. Владимiръ отвѣчалъ утвердительно, предсказывая, что „потрясется весь градъ св. Петра отъ него“, о. Фотiя. Прiѣхалъ Фотiй и началъ сговариваться о своемъ „подвигѣ“ съ кѣмъ слѣдуетъ, и въ то же время „каждодневно бывалъ званъ на бесѣду о Господѣ то къ тѣмъ, то къ другимъ боярамъ и боярынямъ; все слово и дѣло было направляемо къ настоящей цѣли, како враговъ одолѣть и церкви святой сдѣлать пособiе“. Сговорившись и получивъ нѣсколько указанiй свыше, „да течетъ на предлежащiй подвигъ“, Фотiй потекъ и „на коняхъ дщери духовныя дѣвицы Анны (Орловой-Чесменской) прiѣхалъ ко дворцу цареву. Исшедъ изъ колесницы, шелъ по лѣстницамъ общимъ, знаменалъ какъ себя, такъ во всѣ стороны дворецъ, проходы, помышляя, что тьмы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражiихъ; но ежели оныя, видя крестное знаменiе, избѣгутъ изъ дворца на сей часъ прихода, то Господь предъ лицомъ царя дастъ ему благодать“. Вышелъ государь. „Я же, не обращая на него вниманiя, смотрю, гдѣ святый образъ въ комнатѣ на стѣнѣ есть, дабы сотворить молитву. Не видя противу себя, очами обыскавъ въ двухъ залахъ и трехъ стѣнахъ и близъ себя, усмотрѣлъ назади у прага образъ въ углу, обратился и трижды знаменался, поклонясь и предсталъ передъ царемъ“. Александръ „цѣловалъ усердно десницу мою“ и пригласилъ садиться. „Я же, желая сѣсть на мѣсто, знаменiемъ креста знаменалъ десницею моею мѣсто, возсѣлъ и царя перекрес-

тилъ“. Началась бесѣда. „Часто я себя знаменалъ, глаголя слово; царь же, смотря на меня, себя крестилъ“. Фотій хвалилъ Серафима и убѣждалъ государя въ томъ, что „враги церкви святой и царства весьма усиливаются, зловѣріе и соблазны явно и съ дерзостью себя открываютъ, хотятъ сотворить тайныя злыя общества, вредъ великъ св. вѣрѣ Христовой и царству всему. Противу тайныхъ враговъ тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно запретить и поступить“. Государь былъ убѣжденъ и тронутъ святою ревностью Фотія (Р. Арх., 1869, 937—942). Кромѣ личныхъ бесѣдъ, вліяніе Фотія еще болѣе поддерживалось посредствомъ писемъ, въ которыхъ онъ прямо указывалъ на голицынское министерство, какъ на средоточіе всевозможныхъ золъ и опасностей. „На вопросъ твой, писалъ Фотій государю,—*какъ пособить, чтобы остановить революцію?* — молился я Господу Богу, *и вотъ что открыто,* только дѣлать немедленно: способъ весь планъ уничтожить вдругъ, тихо и счастливо, есть таковъ: 1) министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другіе два отнять отъ извѣстной особы; 2) библейское общество уничтожить; 3) синоду быть по прежнему и духовенству надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ-ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ; 4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Фесслера выгнать и методистовъ выгнать. Провидѣніе Божіе теперь ничего болѣе дѣлать не открыло. Повелѣніе Божіе я тебѣ возвѣстилъ, исполнить-же въ тебѣ состоитъ“ (Чтенія, 1868, I, 271). Подобныхъ увѣщаній, внушеній и откровеній для сверженія добродушнаго и искренняго мистика Голицына оказалось недостаточно. Устроена была слѣдующая штука. Въ типографіи Греча и Края печаталась мистическая книга пастора Госнера объ евангеліи отъ Матвѣя. Въ этой книгѣ ретрограды нашли много возмутительнаго; посредствомъ обмана завладѣли корректурными листами книги, успѣли убѣдить кого слѣдуетъ въ зловредности какъ этой невинной книжонки, такъ и министерства,

дозволяющаго подобныя изданія. Магницкій, Фотій, Аракчеевъ, Орлова-Чесменская, настояли, чтобы митрополитъ Серафимъ лично представилъ госнеровскую книгу государю и убѣдилъ-бы его въ крайней неблагонамѣренности голицынскаго министерства. Митрополитъ долго не соглашался; „три раза садился въ карету, чтобы ѣхать во дворецъ, и три раза выходилъ изъ нея, оставляя свое намѣреніе. Наконецъ, до кареты проводили его Павловъ, Фотій и Орлова и своими руками усадили его въ нее; Павловъ, захлопнувъ дверцы кареты, сказалъ кучеру, чтобъ онъ не останавливался до Зимняго дворца и крикнулъ—„пошелъ!“ Прибавляютъ, что Магницкій ѣхалъ на дрожкахъ вслѣдъ за каретою, и когда замѣчалъ, что кучеръ, по приказанію изъ кареты, заворачиваетъ въ сторону, приказывалъ отъ себя ѣхать прямо ко дворцу“. Митрополитъ, явившись къ императору, „снялъ съ головы своей бѣлый клобукъ, положилъ его къ ногамъ императора и сказалъ: „не приму его, доколѣ не услышу изъ устъ в. в. царскаго слова, что министерство духовныхъ дѣлъ уничтожится и св. синоду возвратятся прежнія права его, что министромъ народнаго просвѣщенія поставленъ будетъ другой, а вредныя книги истребятся“. Убѣдивъ императора въ зловредности госнеровской книги, Серафимъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Поднявъ и подавая ему клобукъ, государь сказалъ: примите вашъ клобукъ, который вы достойно носите; а ваши святыя и патріотическія представленія будутъ исполнены“. Госнеръ высланъ за границу, книга его конфискована и сожжена въ александро-невской лаврѣ, а цензоръ, переводчикъ и содержатель типографіи преданы суду (Р. Арх., 1868 г., стр. 1368, 1387, 1390, 1405).

Въ маѣ 1824 г. Голицынъ смѣненъ, а Шишковъ, сдѣлавшись, по выраженію Карамзина, „министромъ народнаго затмѣнія“, тотчасъ принялъ всѣ мѣры „къ тихому и скорому потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно иное“ (Записки, стр. 1). Нача-

лось усиленное запугиванье революціей, началось явное и тайное „строгое наблюденіе: не преподаются ли гдѣ въ университетахъ, гимназіяхъ, народныхъ училищахъ и пансіонахъ, подъ видомъ наукъ какія либо вредныя ученія, не разсѣваются ли гдѣ въ свѣтской словесности подобныя же мысли и сужденія; не выдаетъ ли кто себя за проповѣдника и учителя таковыхъ новизнъ?“ Литература была окончательно придавлена, почти въ каждомъ учебномъ заведеніи появился свой Магницкій, а Шишковъ все былъ недоволенъ, все жаловался на Александра, что онъ не облекаетъ его неограниченнымъ полновластіемъ для искорененія зла, разочаровывался въ своихъ силахъ, видя на каждомъ шагу препятствія со стороны разрушительнаго духа времени, представителей котораго онъ указывалъ всюду — въ синодѣ, въ сенатѣ, въ государственномъ совѣтѣ, при дворѣ. „Часъ отъ часу болѣе усматривалъ я“—пишетъ онъ—„что не имѣю ни средствъ, ни возможности поставить преграды сему, широко развившемуся и безпрепятственно текущему злу“ (id., 66, 87, 104). Ревность Шишкова была безпредѣльна, но его тенденціи отличались такою крайностью, что встрѣчали противодѣйствіе даже въ реакціонныхъ слояхъ общества, и адмиралъ россійскаго просвѣщенія горько плакалъ о томъ, что не можетъ командовать своимъ министерскимъ кораблемъ какъ слѣдуетъ подъ дуновеніями противнаго и тлетворнаго духа времени.

Еще задолго до вступленія въ министерство Шишкова, во главѣ управленія сталъ Аракчеевъ. Гатчинскій служака, грубый, невѣжественный, крайне жестокій, Аракчеевъ началъ свою карьеру при Павлѣ. Александръ, будучи наслѣдникомъ выказывалъ положительное отвращеніе къ этому „гатчинскому капралу“; но когда онъ сдѣлался императоромъ, то капралъ съумѣлъ влезть къ нему нетолько въ милость, но даже въ дружбу. Нѣкоторыми своими заслугами по преобразованію арміи и артиллеріи, своимъ мнимымъ безкорыстіемъ, а главное, своею хитрою угодливостью царю и постоянною лестью,

искусно скрытыми подъ маской искренней привязанности друга, „безъ лести преданнаго“, Аракчеевъ совершенно околдовалъ Александра, довѣрявшагося ему во всемъ. Онъ не стѣсняясь говорилъ въ минуты неудовольствій на императора, сдѣлавшаго что нибудь не по его желанію: „я скажу государю—или отпустите меня отъ должности, или извольте подписывать, а я буду править“ (Мертваго). „У Аракчеева всегда былъ запасъ бѣлыхъ листовъ, подписанныхъ уже государемъ, на которыхъ всемогущій временщикъ и давалъ свои „высочайшіе“ указы“ (Богдановичъ). Аракчеевъ, не занимая никакого важнаго поста, сдѣлался въ сущности первымъ министромъ и одинъ докладывалъ дѣла по всѣмъ министерствамъ. Съ четырехъ часовъ ночи начинали къ нему съѣзжаться министры и другіе сановники, и должны были терпѣливо ждать въ передней, пока онъ не потребуетъ ихъ поочередно въ свой кабинетъ (Богдан., V, 121). И въ средѣ простаго народа и во всѣхъ классахъ общества онъ возбуждалъ сильную, единодушную ненависть къ себѣ. Онъ зналъ это и боялся. „Онъ всегда былъ окруженъ стражею, рѣдко спалъ двѣ ночи сряду на одной кровати, обѣдъ его готовился въ особой кухнѣ довѣренною кухаркою, которая была его любовницею, и когда онъ обѣдалъ дома, его докторъ обязанъ былъ пробовать всякое кушанье, прежде, чѣмъ онъ его касался“ (Р. Арх., 1869, 1899).

Имя Аракчеева тѣсно связано съ военными поселеніями, о которыхъ въ послѣднее время изданы довольно интересные матеріалы (у Богдановича въ V и VI т.; Бунтъ Военныхъ Поселянъ, 1870; Гр. Аракчеевъ и Военныя Поселенія, 1871).

VI.

Китайскій императоръ и знаменитый полководецъ Юй, жившій въ III в. до Р. Х., издалъ слѣдующее повелѣніе: „Что-

бы истребить въ войскѣ духъ насилія, вредный для службы, пагубный для нравственности и постыдный для правительства, а съ тѣмъ вмѣстѣ, прекратить и наборы рекрутъ, отягощающіе подданныхъ, повелѣваю—поженить всѣхъ солдатъ и слить ихъ состояніе съ состояніемъ гражданскимъ и сельскимъ; водворить ихъ съ семействами на особыхъ земляхъ и устроить въ нихъ въ полной силѣ хозяйственную и нравственную жизнь, чтобы каждый изъ нихъ, защищая отечество, защищалъ тѣмъ самымъ и свою собственность, а умирая съ оружіемъ въ рукахъ, помнилъ, что онъ оставляетъ отца, мать, жену и дѣтей своихъ въ совершенномъ спокойствіи". Мы не знаемъ, что вышло изъ этого учрежденія, но надо предполагать, что полководцу Юю не удалось превратить мирныхъ китайцевъ въ хорошихъ воиновъ тѣмъ болѣе, что для воспитанія въ военныхъ поселянахъ воинственности не было принято никакихъ надлежащихъ мѣръ.

Самый удачный опытъ такого воспитанія былъ сдѣланъ въ Спартѣ, окончательная организація которой приписывается Ликургу. Общество, жившее трудами рабовъ своихъ, было устроено такъ, чтобы каждый гражданинъ развивался въ сильнаго, отважнаго, искуснаго воина, слѣпо покорнаго дисциплинѣ, не подчиненнаго никакимъ человѣческимъ страстямъ и чувствованіямъ, кромѣ искуственно развитаго сознанія своего долга.

Давно уже доказано, что россійская земля можетъ рождать „собственныхъ Невтоновъ и гордыхъ разумомъ Платоновъ". У насъ были нетолько свои Колумбы—Шелеховы, свои Вольтеры—Сумароковы, свои Фридрихи Великіе—Петры III, но былъ также и свой Юй, свой Ликургъ,—графъ Аракчеевъ, этотъ отецъ россійской барабанной цивилизаціи, возымѣвшій геніальную мысль превратить отечество въ казарму, а россіянъ въ спартанцевъ. Мысль геніальная тѣмъ болѣе, что невѣжественный графъ, не умѣвшій написать безъ грамматическихъ ошибокъ даже дневного приказа, не зналъ, конечно, ничего о

китайскомъ императорѣ Юѣ и не имѣлъ понятія о спартанской конституціи. До всего дошелъ онъ собственнымъ умомъ, хотя нужно замѣтить, что идея военныхъ поселеній и планъ спартанизаціи россіянъ существовали еще до Аракчеева. Еще въ царствованіе Екатерины, въ Гатчинѣ, при дворѣ наслѣдника думали о томъ, чтобы опоясать Россію цѣпью военныхъ колоній, и хотя Павелъ не приступалъ къ выполненію этой мысли, но за то при немъ всѣ войска были поставлены начисто спартанскую ногу и великое искуство фронта доведено до идеальнаго совершенства. Въ этой-то школѣ воспитался и выслужился генералъ Аракчеевъ, жестокій педантъ, величайшій интриганъ и самолюбецъ, прикидывавшійся честнымъ и прямодушнымъ простякомъ, деспотъ въ душѣ, человѣкъ безъ сердца и безъ всякихъ дарованій, вылѣзшій въ люди благодаря одной только своей изворотливости. При Павлѣ, какъ сказано выше, Александръ питалъ къ этому „гатчинскому капралу" сильное отвращеніе естественное отвращеніе добродушнаго юноши и пламеннаго, друга человѣчества къ невѣжественному, грубому солдату. Но впослѣдствіи своимъ безкорыстіемъ, нѣкоторыми своими заслугами по преобразованію арміи, а главное—своимъ самоуниженнымъ преклоненіемъ передъ личностью государя, своею притворною привязанностью къ нему, своею постоянною лестью, искусно прикрытою любовью вѣрноподданнаго друга, „безъ лести преданнаго",—Аракчеевъ положительно околдовалъ государя и не занимая никакой особенно важной должности, сдѣлался фактически правителемъ государства. Министры униженно толпились съ докладами въ его пріемной, терпѣливо ожидая дозволенія предстать передъ грубаго временщика, у котораго всегда были бѣлыя листы, подписанные императоромъ (Богд., V, 120, 361). Послѣ паденія Сперанскаго, послѣ того, какъ въ государственныхъ дѣлахъ насталъ рѣшительный реакціонный переломъ, Аракчеевъ сдѣлался всемогущимъ и возбуждалъ къ себѣ ненависть во всѣхъ классахъ общества, трепетавшаго подъ его желѣзною рукою. Эта нена-

вистъ, прикрытая наружнымъ раболѣпствомъ, была такъ сильна, что иногда прорывалась наружу въ самой рѣзкой формѣ, какъ, напр., въ стихотвореніи „Къ Временщику", переведенному изъ Персія и напечатанному въ „Невскомъ Зрителѣ" 1820 года.

Надменный временщикъ и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Вознесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй! и т. д.

Реакціонная партія, во главѣ которой стоялъ Аракчеевъ, стѣснивъ литературу и науку, охранивъ на время крѣпостное право отъ замысловъ эманципаторовъ, задавивъ идею коренныхъ государственныхъ реформъ, сознавала необходимость сильной арміи, какъ для внѣшняго величія Россіи такъ и для охраненія „законнаго порядка" внутри государства. Разстройство государственныхъ финансовъ заставляло по возможности экономничать при производствѣ предположенной военной реформы, а примѣръ прусскаго ландвера и русскихъ казачьихъ войскъ указывалъ на возможность созданія дешевой арміи, въ которой обязанности солдата соединялись бы съ дѣятельностью земледѣльца и посредствомъ которой можно было бы, водворивъ въ народѣ военную дисциплину, воспитать въ немъ чувства преданности и безпрекословнаго повиновенія. Самъ Александръ сдѣлался горячимъ сторонникомъ нововведенія; онъ видѣлъ въ немъ отличное средство для улучшенія солдатскаго и крестьянскаго быта, для поднятія уровня нетолько матеріальнаго благосостоянія, но даже и умственнаго развитія народа. Аракчеевъ отлично умѣлъ играть на этой струнѣ александровскаго сердца и рисовалъ императору утопическую картину благосостоянія Россіи, преобразованной по гатчинскому образцу. Вмѣсто армяковъ—мундиры, вмѣсто избъ—форменные домики, вытянутые въ линію, вмѣсто волостныхъ правленій—штабы, вмѣсто бѣдности— всеобщее довольство, вмѣсто безпорядковъ — строгая дисциплина; граждане по командѣ

встають, по командѣ ложатся спать, по командѣ ѣдятъ, по командѣ работаютъ; фельдфебели и унтеръ-офицеры ведутъ народъ по пути усовершенствованій, и всероссійская жизнь течетъ ровно и спокойно подъ неумолкаемый звукъ барабановъ. Въ проектированной имъ системѣ, россійскій Ликургъ видѣлъ, кромѣ того, надежное орудіе для борьбы съ идеями и замыслами либераловъ, которымъ онъ имѣлъ полное основаніе говорить словами Скалозуба:

Я вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ,
Онъ въ двѣ шеренги васъ построитъ,
А пикнете,—такъ мигомъ успокоитъ!...

Посредствомъ военныхъ поселеній въ государствѣ вводилось что-то въ родѣ постояннаго осаднаго положенія. Владычество крѣпостниковъ и бюрократовъ получало сильную и дешевую защиту.

Аракчеевская утопія, положительно невыполнимая въ государствѣ цивилизованныхъ, могло казаться выполнимою въ тогдашней Россіи, которая не разъ уже подвергалась подобнымъ экспериментамъ. При Павлѣ, напр., въ духѣ котораго былъ воспитанъ Аракчеевъ, система опеки и военной дисциплины была доведена до крайности. Россіяне обязаны были въ опредѣленные часы вставать, въ опредѣленные часы гасить огни и ложиться спать; платье, обувь, экипажи, упряжь—все было до мелочей регламентировано указами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ русскую жизнь старались ввести суровые и простые спартанскіе нравы. Магазины модъ и трактиры преслѣдовались и закрывались; служилымъ людямъ запрещено носить калоши, теплыя пальто и шинели; тѣлесныя наказанія возстановлены для привиллегированныхъ сословій и, по выраженію тогдашняго одописца, всѣмъ россіянамъ сталъ угрожать одинъ символъ правосудія,—

Одинъ нелицемѣрный кнутъ....

Дисциплина и слѣпое повиновеніе доведены до идеальнаго совершенства *).

Ликургъ, при введеніи въ Спартѣ своей конституціи встрѣтилъ довольно сильное сопротивленіе и ему даже выкололи одинъ глазъ. Въ россійскомъ же государствѣ, привыкшемъ уже втеченіе своей тысячелѣтней жизни подвергаться всевозможнымъ государственнымъ экспериментамъ, новѣйшій Ликургъ, Аракчеевъ, нетолько сохранилъ невредимыми оба глаза, но даже не встрѣтилъ никакой серьезной оппозиціи своему утопическому плану. „Государство, это—казарма“, сказалъ онъ, и властною рукою началъ строить казармы для мирныхъ обывателей.

Центромъ военныхъ поселеній была избрана новгородская губернія, населенная раскольниками и отличавшаяся безпокойнымъ духомъ до такой степени, что даже монахи Рдѣйскаго монастыря выходили на дорогу для ночного промысла. Затѣмъ поселенія быстро начали возникать въ губерніяхъ петербургской, могилевской, слабодско-украинской, и къ концу александровскаго царствованія корпусъ военныхъ поселеній состоялъ изъ 138 баталіоновъ, 240 эскадроновъ, 32 фурштатскихъ ротъ, 2 саперныхъ ротъ и 2 ротъ охтенскаго пороховаго завода. Поселенные солдаты получали осѣдлость, надѣлялись отъ казны землею, домами, земледѣльческими орудіями, скотомъ, упряжью. Они должны были быть проникнуты мыслію, „что земледѣльскія и всѣ прочія по хозяйству занятія, по важности и отвѣтственности, равны, какъ-бы службѣ во фронтѣ; а добронравное обхожденіе въ кругу своего семейства, служили какъ-бы порукою передъ начальствомъ въ хорошихъ качествахъ. Посему солдатъ долженъ быть попечительный отецъ дѣтей и родственниковъ, добрый мужъ и надежный другъ и сотоварищъ“ и т. д. Солдаты назначались въ поселенія преимущественно женатые, и Аракчеевъ старательно со-

*) См. стр. 127, 128.

биралъ и свозилъ къ мужьямъ солдатокъ, разсѣянныхъ по всей Россіи. Крестьяне или „коренные жители" также обращались въ военныхъ поселянъ, подчинялись военному начальству, служили во фронтѣ дѣйствующихъ войскъ или резервовъ. Всѣ дѣти ихъ считались военными кантонистами, учились въ школахъ и съ 12-лѣтняго возраста поступали на службу. При общемъ ужасѣ жителей, поселяемая команда входила въ селеніе и начинала водворять въ немъ унтеръофицерскую цивилизацію, которая во многихъ мѣстахъ встрѣчала энергическое сопротивленіе со стороны крестьянъ, особенно въ новгородской губерніи. Деревню Ясеневу семеновскій полкъ блокировалъ мирнымъ способомъ цѣлые шесть недѣль. Крестьяне, оттѣсненные къ послѣдней избѣ, измученные холодомъ и голодомъ, вынуждены были, наконецъ, покориться. Цирюльники тотчасъ же начали брить и стричь ихъ, подъ жалобный вой крестьянокъ. Въ другихъ селеніяхъ крестьяне упорствовали гораздо сильнѣе; одни умирали подъ палками и розгами, не желая разставаться съ своими бородами, другіе же, наказанные и закованные въ цѣпи, отправлялись въ оренбургскій край, какъ преступники. Послѣ того, какъ волосы были острижены, а бороды обриты, поселянъ начали одѣвать въ форменные сюртуки и камзолы, въ шапки и рейтузы; мундиры же надѣвались ими только на смотрахъ и „общественныхъ работахъ!.." Вмѣстѣ съ этими внѣшними перемѣнами производились радикальныя реформы и всего внутренняго быта. Военныя поселенія формировались изъ казенныхъ деревень и имѣній, насильно отнимаемыхъ у помѣщиковъ. Съ поступленіемъ города Чугуева въ округъ военнаго поселенія, 135 человѣкъ харьковскихъ и зміевскихъ купцовъ и мѣщанъ, жившихъ постоянно въ Чугуевѣ, имѣвшихъ здѣсь торговлю, лавки, сады, дома, были изгнаны изъ города и принуждены распродать за безцѣнокъ все свое имущество. За дома имъ выплачивалось $^4/_5$ оцѣночной суммы, а земли и сады присоединялись къ военнымъ поселеніямъ

безмездно. „Задача привести военныя поселенія въ образцовое состояніе по внѣшнему виду была нелегка и тяжелымъ гнетомъ падала на многихъ. Не щадились для этого ни труды, ни привычки, ни даже собственность. Не понравился крестьянскій домъ — ломаютъ его; стоитъ онъ не въ линію съ другими—сносятъ его на другое мѣсто. Въ особенности частная собственность страдала въ видахъ уничтоженія черезполосности земель, занимаемыхъ военными поселеніями“ (гр. Аракчеевъ, 138). Еще безцеремоннѣе, чѣмъ съ помѣщиками, поступали съ крестьянами, отнимая у нихъ для поселеній луга, пашни, лѣса и воды. Завладѣвъ такимъ образомъ землями и одѣвъ всѣхъ крестьянъ въ форменный костюмъ, россійскій Ликургъ началъ строить форменныя избы, форменные этапы и станціонные дома, форменныя церкви, трехэтажные штабы, казармы, магазины, гауптвахты, пороховые погреба, лѣсопильные заводы, мельницы, оружейныя мастерскія, мосты и т. д. Онъ устроилъ пароходство по Волхову; онъ осушалъ болота и пролагалъ дороги по мѣстамъ, которыя до тѣхъ поръ считались недоступными. Крестьяне и поселяне были обременены работами, изъ которыхъ одни производились совершенно безплатно, а другія за самое ничтожное, да и къ тому же и дурно выплачиваемое вознагражденіе. Потомъ и слезами была полита обстройка военныхъ поселеній, за то по внѣшности они получили образцовый, одноформенный видъ: чистыя улицы, освѣщаемыя ночью фонарями, опрятные домики, выстроенные во фронтъ и по одинаковому плану, просторные дворы, подстриженные деревья въ садахъ, форменная мебель, обязательная для всѣхъ, окрашенные дикою краскою шкафы, двуспальныя кровати, большіе и малые лари, рукомойники, крынки съ молокомъ и сметаною, содержимыя по инструкціи — все отличалось по наружности чистотой и дисциплиной.

Внутренній бытъ поселянъ былъ подвергнутъ точно такой же регламентаціи, какъ и ихъ внѣшняя житейская обстанов-

ка. Аракчеёвъ хотѣлъ уровнять всѣхъ военныхъ поселянъ въ матеріальномъ отношеніи, не только по ихъ земельнымъ участкамъ, но и по всѣмъ другимъ хозяйственнымъ условіямъ. Бѣднѣйшіе получали на первый разъ отъ казны все, чего имъ недоставало по табели имуществъ, утвержденной 2 февраля 1819 г., „дабы и самый бѣдный изъ коренныхъ жителей имѣлъ одинаковую возможность улучшать свое состояніе и благоденствовать въ званіи военнаго поселянина-хозяина". Коренные жители раздѣлялись на роты, капральства и десятки; дома ихъ и они сами имѣли нумера, подъ которыми значились въ спискахъ. „Люди, отданные на службу въ округа военнаго поселенія, говорятъ *Правила*,—прежде поступленія коренныхъ жителей въ военные поселяне и по переводѣ въ поселенный полкъ помѣщенные въ составъ поселеннаго батальона, найдя свое хозяйство сбереженнымъ женою или родственниками, вступаютъ въ права свои и живутъ въ домахъ собственныхъ. Вновь водворенные хозяева изъ старыхъ солдатъ, между выстройкою казенныхъ домовъ, размѣщаются въ старые дома тѣхъ изъ коренныхъ жителей, имѣютъ малыя семейства или у коихъ есть двѣ избы. Одинокіе хозяева, составляющіе сводное семейство, помѣщаются преимущественно съ тѣми хозяевами, кои имѣютъ малое семейство. Въ домахъ, казною построенныхъ, размѣщеніе производится такимъ образомъ, чтобы люди одного семейства или одного содружества, имѣющіе или желающіе имѣть совокупное жительство, непремѣнно были вмѣстѣ въ одномъ домѣ, а не въ разныхъ домахъ, развѣ семейство будетъ превосходить мѣру опредѣленнаго въ домѣ помѣщенія. Ежели семейство состоитъ изъ четырехъ обмундированныхъ хозяевъ, напримѣръ, изъ отца, двухъ его сыновей и зятя, то одно оно можетъ занять цѣлый домъ для своего помѣщенія. Ежели семейство будетъ состоять изъ трехъ обмундированныхъ хозяевъ, напр., изъ отца и двухъ его сыновей, или изъ двухъ братьевъ и шурина, то ежели къ сему семейству принадле-

жить поселенный унтеръ-офицеръ, оно равнымъ образомъ можетъ занять цѣлый домъ для своего помѣщенія, но ежели унтеръ-офицера въ семействѣ не будетъ, то четвертый хозяинъ помѣщается съ ними, хотя изъ постороннихъ. Ежели семейство состоитъ изъ двухъ только обмундированныхъ хозяевъ, то таковое помѣщается въ одной половинѣ дома, а другое занимаетъ другую". Каждый изъ неспособныхъ къ службѣ коренныхъ жителей можетъ назначить вмѣсто себя хозяиномъ своего сына, послѣ чего, однокожь, онъ „не перемѣняетъ ни своего вида, ни своихъ упражненій. Онъ остается необмундированнымъ въ своей одеждѣ, живетъ спокойно, и бывъ свободенъ отъ всѣхъ обязанностей и общественныхъ работъ, занимается единственно управленіемъ хозяйства". Сироты, вдовы, увѣчные, больные пристраивались или къ своимъ родственникамъ, или въ услуженіе къ поселянамъ, или же въ казенныя богодѣльни. Домашняя и семейная жизнь была регулирована до мелочей, — мытье половъ и молитвы, уходъ за коровой и время обѣда,—все должно было дѣлаться извѣстнымъ образомъ и въ извѣстное время. Даже браки устроивались по военному артикулу. Составляли списки всѣмъ, кому пришла пора жениться и выходить замужъ. Въ назначенный день собирали тѣхъ и другихъ, опускали въ одну шапку билетики съ именами жениховъ, а въ другую — съ именами невѣстъ, и по жребію женили молодежь. Беременныя бабы не смѣли разрѣшаться дома, а должны были являться для этого въ штабъ, къ повивальной бабкѣ! Жизнь текла ровно, машинообразно; пьянство строго преслѣдовалось, какъ преслѣдовалось всякое малѣйшее отступленіе отъ правилъ. Офицеры обязаны были собираться на общій обѣдъ въ полковые и батальонные штабы; неявлявшихся подвергали штрафу; казенные дилижансы привозили и отвозили офицеровъ; на этихъ обѣдахъ предписывалось соблюдать строгую умѣренность; дозволялось покупать вино, но „шампанскаго— ни въ какомъ случаѣ". Иногда къ этимъ спартанскимъ обѣ-

дамъ являлся самъ графъ, но садился всегда за особымъ столомъ; тарелка съ кушаньемъ, назначаемая имъ кому нибудь изъ присутствующихъ, считалась знакомъ особой милости грознаго повелителя военныхъ поселеній.

Фронтовая служба, обязательныя работы и хозяйственныя занятія отнимали все время поселянъ. Сегодня цѣлый день ученье, завтра смотръ, на третій день поселянинъ работаетъ цѣлый день въ полѣ, къ вечеру его выгоняютъ чистить улицу, а ночью онъ долженъ бѣлить избу или подновлять перегородку и т. д. Работа страдная, поощряемая крѣпкою бранью, розгами и палками. И пусть бы эта работа улучшала хоть сколько нибудь матеріальное положеніе поселянъ, а то весь ихъ трудъ пропадалъ совершенно даромъ и сотни тысячъ людей работали безсознательно, въ пользу какой-то утопической идеи, попавшей въ голову Аракчеева. Онъ хвастался, что, благодаря его спартанской системѣ, бытъ народа значительно улучшился; что крестьяне освободились отъ грабежей земской полиціи, что для нихъ исправлены дороги, куплены заводскіе жеребцы, наняты повивальныя бабки и т. д. Въ дѣйствительности же всѣ эти улучшенія существовали только на бумагѣ; какъ матеріальное, такъ и нравственное положеніе поселянъ значительно ухудшилось. Ихъ земли, лѣса и воды были обрѣзаны; значительная часть ихъ времени отнята на казенныя работы или на безполезныя занятія, въ родѣ фронтовой шагистики; поселяемые солдаты размѣщались по домамъ поселянъ, которые обязаны были доставлять имъ приварокъ, овесъ, сѣно, солому. Содержаніе этихъ обязательныхъ нахлѣбниковъ было крайне разорительно для поселянъ и очень выгодно для казны. Еще болѣе разорительны и отяготительны были казенныя работы, на которыя часто выгонялись не только мужчины, но и женщины и которыя производились, несмотря ни на какую погоду: канавы рылись въ трескучіе морозы, полотна дорогъ усыпались пескомъ подъ проливными дождями, чтобы скорѣе выровнять мѣстность, выжигали строевые лѣса. Часть

ные наниматели платили тогда за рабочій день до 1 рубля, а военнымъ поселянамъ казна назначала только 25 коп., да и тѣ обращались частію на улучшеніе пищи работниковъ, частію въ артельную кассу. Иногда казна отдавала своихъ поселянъ для работы помѣщикамъ, и послѣдніе платили имъ до 1 р. въ день, но изъ этихъ денегъ работники получали только 25 к., а остальныя 75 к. поступали въ общія суммы военныхъ поселеній, ибо, по мнѣнію Аракчеева, „несправедливо было бы людямъ однихъ батальоновъ предоставить выгоду большую, нежели другихъ, когда тѣми и другими отправляются работы въ равной мѣрѣ“. За 1,000 кирпичей вольнымъ работникамъ платилось 8 р., а солдатамъ и поселянамъ 2 р.; за теску камня первымъ отъ 50 до 80 р., а послѣднимъ только 5 р. 90 к. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, какъ мы уже говорили, многія работы исполнялись безплатно крестьянами и поселянами, „взамѣнъ выгодъ, кои имъ предоставлены“, т. е. въ уплату за заводскаго жеребца, приходившагося на 2,000 хозяйствъ, за повивальную бабку, за наслажденіе видомъ подстриженныхъ деревьевъ въ садахъ и за всю шпицрутенную опеку начальства...

Жизнь въ военныхъ поселеніяхъ была крѣпостнымъ рабствомъ. Даже офицерамъ приходилось не въ терпѣжъ. Ихъ силою удерживали на службѣ, не выпуская въ отставку, ихъ жестоко преслѣдовали за каждый самовольный или непонравившейся начальству шагъ; ихъ морили на гауптвахтахъ, ни за-что, ни про-что предавали военному суду, приговаривали каторгѣ и „къ лишенію живота“, а потомъ миловали заключеніемъ въ крѣпости или отдачею въ солдаты. Слѣдователи и судьи дѣлали все, что было имъ приказано. Офицеровъ нетолько ругали, но и били по щекамъ, стригли и брили на барабанѣ передъ полкомъ; вообще съ ними обращались такъ грубо и жестоко, что они, подобно простымъ солдатамъ, даже бѣгали изъ полковъ. Жизнь солдатъ, крестьянъ и кантонистовъ, стариковъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ была также невыно-

сима; каждый день предвидѣлись экзекуціи и многихъ засѣкали, гоняя сквозь строй. Самоубійства страшно усилились и въ оффиціальныхъ рапортахъ ихъ значилось больше всего въ числѣ „происшествій". Начальство почти всегда приписывало ихъ „неизвѣстной причинѣ". Большое число самоубійствъ посредствомъ утопленія объяснялось обыкновенно „неосторожностью"; причину смерти застрѣлившихся относили къ умопомѣшательству, вынутыхъ изъ петли обвиняли въ пьянствѣ и жестоко наказывали за него. Иногда самоубійцы оставляли записки, изъ которыхъ въ одной, напр., говорилось, что побужденіемъ къ самоубійству служила „невыносимость здѣшней жизни", т. е. жизни въ военныхъ поселеніяхъ. Кромѣ самоубійствъ, въ вѣдомостяхъ показывалось множество случаевъ внезапной смерти „отъ апоплексическаго удара" т. е. отъ палокъ, плетей и розогъ. Еще хуже дѣйствовали изнурительныя работы, на которыхъ умирало до $^1/_{10}$ работавшихъ.

Жестокость эта порождала отчаяніе и уныніе; произволъ велъ къ интригамъ шпіонству и лицемѣрію. „Баталіонные командиры"—говоритъ Панаевъ—„старались вытѣснить всѣми способами образованныхъ офицеровъ и поручить командованіе ротами произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ или такимъ, кои по неимѣнію средствъ къ существованію, не разбирали средствъ и были покорны даже противу присяги и совѣсти. Шпіонство съ одной стороны и побужденіе нижнихъ чиновъ къ доносамъ на ихъ начальниковъ, когда желали ихъ перемѣнить другими, съ другой — совершенно ослабляли всю дисциплину и связь между начальниками и подчиненными. Инспектирующіе всегда спрашивали солдатъ о претензіяхъ: не употребляютъ ли ихъ въ праздники и не изнурительны ли для нихъ работы? Ежели начальника хотѣли удержать, то и по справедливой жалобѣ отдавали подъ военный судъ; а ежели хотѣли отстранить кого, то жалоба принималась и начальникъ отдавался подъ судъ. Жестокости и строгости было много, но дисциплины не было; войска были деморализованы началь-

ствомъ, а начальники, съ своей стороны, получая свыше приказанія, кои могли возбудить ропотъ между нижними чинами, исполняли эти приказанія не прямо отъ себя, а старались внушить солдатамъ, что еслибы не было приказано, то они не стали бы мучить людей. Военное начальство всегда старалось выставлять себя защитниками солдатъ, приказывая секретно не баловать ихъ, задавать уроки больше, высылать на работу и по праздникамъ" и т. д. Большинство офицеровъ было изъ бурбоновъ, грубые, невѣжественные, жестокіе, не стѣснявшіеся никакими нравственными принципами, пользовались ради личной наживы всѣмъ, что попадалось подъ руку. Аракчеевъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ не былъ ни взяточникомъ, ни казнокрадомъ. Большинство же его подчиненныхъ грабило и казну, и поселянъ. Поживиться было изъ чего. Съ 1818 по 1823 г. военныя поселенія изъ разныхъ источниковъ поступило 28.940,000 р., изъ которыхъ на устройство поселеній издержано 13.798,000 р. Личный трудъ поселянъ, стоившій гораздо болѣе этихъ милліоновъ и безконтрольно заправляемый командирами, давалъ послѣднимъ несравненно больше доходовъ, чѣмъ казенные сундуки. Поселянамъ давали несравненно меньше, а работать заставляли ихъ несравненно больше, чѣмъ слѣдовало по положенію; излишекъ поступалъ въ карманы отцовъ-командировъ. Отъ фельдфебеля до генерала всѣ считали имущество поселянъ своею собственностью. Даже самъ Аракчеевъ въ оффиціальныхъ бумагахъ признавался, что онъ находилъ въ поселеніяхъ дурную пищу, скверную одежду, поселянъ, совершенно истощенныхъ излишнимъ трудомъ, громадныя растраты казенныхъ суммъ и т. д. Но Аракчеевъ выставлялъ это частными, случайными злоупотребленіями, и употреблялъ всѣ средства, чтобы доказать процвѣтаніе военныхъ поселеній.

Онъ постоянно доносилъ государю, что въ поселеніяхъ „все благополучно, тихо и спокойно", что поселяне благославляютъ свою участь, что даже по ихъ наружности можно

убѣдиться въ степени ихъ благосостоянія, — все это „люди прекрасные, здоровые, веселые и съ самымъ яснымъ на лицахъ душевнымъ усердіемъ“. Для прославленія своихъ дѣлъ и для доказательства, что въ поселеніяхъ процвѣтаютъ не только матеріально благосостояніе, но даже и науки, Аракчеевъ основалъ журналъ — „Семидневный листокъ военнаго поселенія, учебнаго батальона поселеннаго гренадерскаго графа Аракчеева полка“. Полуграмотные кантонисты, безграмотные писаря, невѣжественные офицеры въ прозѣ и стихахъ начали прославлять въ этомъ изданіи геній и подвиги графа, старавшагося, будто бы, о „распространеніи въ любезномъ отечествѣ нашемъ корня наукъ и познаній, столь необходимыхъ для благоустроеннаго государства, которому оружіе доставляетъ свободу и независимость, науки же — улучшеніе и возвышенность чувствъ“. Цѣль журнала, по объясненію одного изъ его сотрудниковъ, состояла въ томъ, чтобы цивилизовать поселянъ —

«Во тьмѣ чтобъ видѣть ясно свѣтъ,
Чтобъ въ немъ науки, чести, славы,
Чтобъ благочестье, кротки нравы
Цвѣли, какъ розы-кринъ весной».

Въ „Пѣснѣ русскаго солдата при начатіи селенія войскъ“ солдатъ восторгается своимъ блаженнымъ состояніемъ и поетъ —

«Государь, всѣмъ землю давши,
Намъ построилъ и домы;
Ружья въ руки только взявши,
Въ дворъ ступай да и живи.
Лошадей, коровъ тамъ сыщешь,
Какъ пришелъ, даютъ тебѣ.
И все нужное увидишь,
Все найдешь ты тамъ себѣ.
Ты хозяинъ тогда воленъ,
Не въ курной стоишь избѣ,
Право, будешь всѣмъ доволенъ,
Что тутъ думать, братъ, тебѣ?
Мы хозяюшекъ найдемъ тамъ,
Коль захочешь для себя,

Такъ объ чемъ, друзья, тужить намъ,
Живъ, сударушекъ любя!..»

Не одни только подчиненные сочинители прославляли графа. Все трепетало передъ грознымъ Аракчеевымъ, и хвалы ему расточались даже съ церковныхъ кафедръ. Угодничество простиралось до того, что когда была убита его любовница, то въ надгробномъ словѣ архимандритъ Фотій утѣшалъ безутѣшно скорбѣвшаго Аракчеева тѣмъ, что покойница будетъ причтена на небесахъ „къ сонму великомучецицъ“ *). Протоіерей Малиновскій, при встрѣчѣ въ Грузинѣ царя, уподоблялъ военныя поселенія водворенію евреевъ Іисусомъ Навиномъ „на обѣтованной землѣ“. Но нечего удивляться льстивости какого нибудь попа, когда даже первые сановники государства, вопреки собственному убѣжденію, превозносили до небесъ ненавистное учрежденіе и презираемаго ими гатчинскаго капрала. Въ отчетѣ за 1824 г. графъ выставлялся „великимъ геніемъ, который въ три мѣсяца измѣнилъ въ крестьянскомъ населеніи прежнія буйныя нравы, пороки и самые даже порывы къ дурнымъ и вреднымъ наклонностямъ“.

*) Настасья убита дворовыми людьми, выведенными изъ терпѣнія ея неимовѣрными жестокостями. Аракчеевъ приписывалъ это интригѣ враговъ общественнаго порядка! «Легко можетъ быть, писалъ онъ Александру,—сдѣлано сіе происшествіе и отъ посторонняго вліянія, дабы сдѣлать меня неспособнымъ служить вамъ и исполнять свято вашу, батюшка, волю». Александръ также предписывалъ новгородскому губернатору, «чтобы старался дойти всѣми мѣрами: не было ли какихъ тайныхъ направленій и подущеній». Такимъ образомъ, изъ самаго обыкновеннаго случая было сдѣлано государственное происшествіе! Губернаторъ, слѣдователи и судьи повели дѣло возмутительнымъ образомъ, захватывали невинныхъ, пытали ихъ, прописывали имъ по 175, 125, 90 кнутовъ, ссылали въ Сибирь безъ разбору! Исправникъ Лялинъ и засѣдатель Мусинъ-Пушкинъ подверглись строгому преслѣдованію и преданы суду «за умышленное ходатайство за преступницу Константинову», за то, что видя ее беременною, они требовали отсрочки ея наказанія кнутомъ. При Николаѣ это дѣло было пересмотрѣно, большинство осужденныхъ и наказанныхъ найдено невинными, а губернаторъ и другіе раболѣпные исполнители жестокой мести Аракчеева отданы подъ судъ. (Русск. Стар., 1871, IX).

Генералъ-адъютантъ Чернышевъ писалъ Аракчееву, что „всѣ вообще въ полномъ восхищеніи отъ устройства, порядка, благосостоянія и обученія поселенныхъ войскъ. Всѣ торжественно говорятъ, что совершенство въ нихъ, какъ по части фронтовой, такъ и экономической, превосходитъ всякое воображеніе. Иностранцы не опомнятся еще отъ зрѣлища для нихъ неожиданнаго“. Графъ Кочубей признавался Аракчееву и докладывалъ государю, что въ сравненіи съ военными поселеніями, не принадлежащія къ нимъ земли представляются „какою-то варварскою страной“. Даже самъ Сперанскій, возвратившись изъ своей почетной сибирской ссылки, унизился до того, что написалъ хвалебную брошюру „О Военныхъ Поселеніяхъ“. При такихъ обстоятельствахъ и при полной довѣренности государя, Аракчееву нетрудно было убѣдить послѣдняго въ процвѣтаніи своей каторжной Спарты. Когда Александръ ѣздилъ по поселеніямъ, то были приняты всѣ мѣры, чтобы обворожить его. На столахъ въ обѣденное время онъ находилъ хорошіе щи, квасъ и жареныхъ поросятъ; полы въ домахъ были будто новые, потому что крестьянъ обязывали застилать ихъ въ будни рогожами. Все это было самымъ наглымъ обманомъ. Жареный поросенокъ былъ одинъ на все поселеніе, пока императоръ улицею переходилъ изъ избы въ избу, поросенокъ въ то же время задворками переносился со стола на столъ въ другіе дома...

Но народъ смотрѣлъ на военныя поселенія иначе; онѣ возбуждали въ немъ ужасъ; отправлялись депутаціи и составлялись прошенія „о защитѣ крещенаго народа отъ Аракчеева“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители силою противились введенію у себя аракчеевщины; для обращенія въ поселянъ бугскихъ казаковъ, напр., потребовались одинъ пѣхотный и два кавалерійскихъ полка съ четырьмя пушками. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было поселеній, крестьяне боялись подвергнуться участи военныхъ поселянъ. Посѣщеніе государемъ дальнихъ губерній внушало сомнѣнія и страхъ вслѣдствіе разнесшихся

слуховъ, будто бы „онъ осматриваетъ мѣста, предназначенныя для военныхъ поселеній“. Отвращеніе народа къ военнымъ поселеніямъ Аракчеевъ объяснялъ государю глупостью крестьянъ и интригою враговъ общественнаго порядка, которые снились ему повсюду. Фотій называлъ графа „защитникомъ вѣры и отечества“, и его сіятельство самъ выставлялъ себя архистратигомъ земли русской, а свои поселенія—надежнѣйшею опорою алтаря и трона и вмѣстѣ съ тѣмъ залогомъ будущаго благоденствія россіянъ. Онъ зналъ, что солдаты и поселяне ненавидятъ его, онъ зналъ, что въ поселеніяхъ то и дѣло вспыхиваютъ бунты, что его спартанцы доходятъ до отчаянія, что крестьяне готовы сдѣлать все, чтобы только избавиться отъ его власти. Но, къ несчастію, онъ обладалъ двумя свойствами, которые будучи соединены въ одной и той же личности, всегда дѣлаютъ ее вредной для общества,—онъ обладалъ скорбной головой и желѣзной энергіей.

Порядокъ, благонамѣренность и безопасность государства отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ были, по мнѣнію ретроградовъ, водворены, но подъ наружнымъ покровомъ ихъ совершались ужасныя вещи, о которыхъ частію зналъ, частію не зналъ императоръ. Крѣпостное право свирѣпствовало по прежнему и, по заявленію самаго Александра, помѣщичьи крестьяне были раззоряемы до того, что не имѣли никакой собственности. Торговля людьми безъ земли шла своимъ чередомъ, несмотря на запрещеніе государя, который воображалъ, что ея нѣтъ. „Между тѣмъ“, пишетъ Тургеневъ, „противъ оконъ императора, въ петербургской гражданской палатѣ, человѣческая плоть продавалась по рѣшеніямъ властей, и это было въ двухъ шагахъ отъ жилища самодержца, который думалъ, что продажа людей по одиночкѣ давно запрещена“. Безпорядки и злоупотребленія, взяточничество и казнокрадство, жестокости и насилія были всеобщими, и Александръ не находилъ средствъ для ихъ уменьшенія. Онъ говоритъ однажды королю прусскому, что король и онъ самъ

„окружены негодяями", что онъ „многихъ прогонялъ, но на ихъ мѣсто являлись такіе же", что измѣнить этого невозможно. Милорадовичъ доказалъ даже продажность сената, а государь говаривалъ, что чиновники украли бы у него флотъ, еслибы только знали, куда его дѣвать (Ром. Слават., 329; Богдан., IV, 565—586; Varnhagen; Gervinus). Что дѣлалось въ провинціяхъ, показываетъ извѣстное тринадцатилѣтнее управленіе Сибирью генералъ-губернатора Пестеля и его друга Трескина, ознаменованное административными злодѣяніями, рѣдкими даже въ сибирской исторіи. Во внѣшней политикѣ подчиненіе планамъ Меттерниха, ретроградное вліяніе на дѣла Европы и въ особенности, противодѣйствіе освобожденію Греціи, вмѣстѣ съ печальнымъ ходомъ внутреннихъ дѣлъ, безпокоили и смущали всѣхъ людей, искренно преданныхъ общественному благу.

Но оффиціальные и оффиціозные представители времени, хотя и били тревогу по поводу самыхъ ничтожныхъ прогрессивныхъ движеній, коль скоро заходилъ вопросъ о созданномъ ими порядкѣ, противорѣча себѣ, думали и говорили, что все обстоитъ благополучно. „Въ то время", писалъ Шишковъ, „когда мы слышимъ и видимъ, что почти всѣ европейскія державы вокругъ насъ мятутся и волнуются, наше благословенное отечество пребывало и всегда пребудетъ спокойно. Единодушный громъ на возставшаго врага, далеко простертыя побѣды и внутренняя среди неустройствъ Европы тишина не показываютъ ли, что оно больше благополучно, больше благоденствуетъ, чѣмъ всѣ другіе народы?... Мы явно видимъ надъ собою благодать божію. Десница вышняго хранитъ насъ. Чего намъ лучшаго желать?..."

V.

Выше мы уже говорили о томъ, какъ въ первую половину царствованія и особенно послѣ войнъ 1812—1815 гг. либе-

ральныя идеи овладѣли умами образованныхъ людей. Реакціонное движеніе, боровшееся съ этими идеями, хотя значительно стѣсняло и ихъ развитіе и ихъ распространеніе, но было не въ силахъ остановить ни того, ни другого. Въ литературѣ, даже въ періодъ самаго ожесточеннаго цензурнаго давленія, все-таки работала самостоятельная мысль, хлопотавшая объ общественномъ развитіи. Въ 1818 г., напр., вышелъ „Опытъ теоріи налоговъ“ Тургенева, въ которомъ авторъ критически разбиралъ финансовые порядки въ Россіи и въ другихъ странахъ, указывалъ на необходимость реформъ и гласности, на вредъ крѣпостного рабства. „Благоустроенное государство“, писалъ онъ, „не должно созидать своего благоденствія на несправедливости; угнетеніе одного класса гражданъ другимъ не можетъ быть залогомъ благосостоянія великаго и нравственно-добраго народа.—Роскошь дворянъ въ Россіи доказываетъ только то, что они имѣютъ крѣпостныхъ крестьянъ, коихъ силами и способностями, а равно и капиталами, они по своему произволенію располагать могутъ. И потому роскошь въ Россіи болѣе печалитъ внимательнаго наблюдателя, нежели въ иностранныхъ государствахъ“.—Тургеневъ доказываетъ нелѣпость крѣпостническихъ опасеній, представлявшихъ неизбѣжность народныхъ смутъ послѣ дарованія крестьянамъ свободы. „Пусть сіи люди (т. е. крѣпостники) заглянутъ въ исторію“, говоритъ онъ. „Гдѣ найдутъ они, чтобы народъ, которому правительство даровало священныя права человѣчества и гражданства, возставалъ противъ виновниковъ своего благополучія?..“ (Пыпинъ; Опытъ Тургенева, 134 и др.). Книга Тургенева была не единственнымъ трудомъ по части общественныхъ наукъ. Профессоръ Куницынъ въ своихъ лекціяхъ и въ своемъ сочиненіи объ „Естественномъ правѣ“ проводилъ въ общество новыя для него политическія понятія о свободѣ, равенствѣ, о представительномъ правленіи и т. д. Арсеньевъ и нѣкоторые другіе профессора дѣйствовали въ томъ же направленіи. Въ

учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ муравьевскомъ училищѣ колоновожатыхъ и въ царскосельскомъ лицеѣ, молодежь съ солиднымъ образованіемъ получала превосходное нравственное развитіе, котораго не могли остановить никакія репрессивныя мѣры. Когда въ 1818 г. вышла Исторія Карамзина, то среди всеобщихъ восторговъ, возбужденныхъ громадностью труда и талантомъ автора, раздалось множество голосовъ недовольнаго ею молодого поколѣнія, которое уже не могло удовлетвориться исключительною и натянутою тенденціей историка. „Даже молодой Пушкинъ, при всемъ своемъ благоговѣніи къ Карамзину, выразилъ общее настроеніе, окружавшей его молодежи въ двухъ эпиграммахъ, одна другой злѣе", назвавъ трудъ исторіографа апологіей кнута (Карамзинъ, Погодина, II, 204). Н. Муравьевъ, въ своемъ разборѣ Исторіи, доказывалъ, что она проповѣдуетъ *„нравственный сонъ квіэтизма*. Въ томъ ли состоитъ гражданская добродѣтель, которую народное бытописаніе воспламенять обязано? Не миръ, но брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ; добродѣтельные граждане должны быть въ вѣчномъ союзѣ противу заблужденій и пороковъ. Не примиреніе наше съ несовершенствами, не удовлетвореніе суетнаго любопытства, не пища чувствительности, не забавы праздности составляютъ предметъ исторіи. Она возжигаетъ соревнованіе вѣковъ, пробуждаетъ душевныя силы наши и устремляетъ къ тому совершенству, которое суждено на землѣ" (Пыпинъ; Погодинъ 198—203). Въ поэзіи въ это время также проявилось гражданское направленіе, представителемъ котораго былъ Рылѣевъ. Его „Думы" и пѣсни имѣли большой успѣхъ. Первымъ изъ его напечатанныхъ стихотвореній была сатира „Къ Временщику", помѣщенная въ „Невскомъ Зрителѣ" 1820 г. и начинавшаяся стихами:

«Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,

Неистовый тиранъ родной страны своей,
Вознесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ гордомъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу подлецъ,
Изъ устъ твоихъ хула достойныхъ хвалъ вѣнецъ! и т. д.

Всѣ узнали во „Временщикѣ“ Аракчеева. „Нельзя представить—расказываетъ современникъ—изумленія, ужаса, даже можно сказать оцѣпенѣнія, какими поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему, но туча пронеслась мимо“. Пушкинъ въ это время еще либеральничалъ и его стихотворенія, писанныя не для печати, расходились и заучивались наизустъ съ невообразимою быстротою, и имѣли большое вліяніе на развитіе у насъ гражданскаго чувства. Таково, напр., его стихотвореніе „Уединеніе“, окончаніе котораго впервые напечатано въ Россіи только въ 1870 г. (Изд. Исакова, т. I, стр. 205—207);

«На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя.
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя.
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ...
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной,
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря!..

Особенный успѣхъ имѣли эпиграммы Пушкина на Голицына, Аракчеева, Фотія и т. д. Съ благороднымъ негодованіемъ онъ клеймилъ эту эпоху,—

Когда святой отецъ,
Омара да Али принявъ за образецъ,
Въ угоду Господу, себѣ во утѣшенье
Усердно заглушать старался просвѣщенье,
И помогалъ ему Магницкій благородный,
Мужъ чистый въ правилахъ, съ душою превосходной,
И даже бѣдный мой Кавелинъ дурачекъ,
Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи тягостныя руки
Вы были ввергнуты несчастныя науки...

(т. I, стр. 318).

Эпиграммами занимался, впрочемъ, не одинъ Пушкинъ, а всѣ кто могъ; въ нихъ высказывалось, общественное мнѣніе и негодованіе на реакціонеровъ; посредствомъ писемъ они распространялись по всей Россіи. Всѣ мракоборцы и гасильники, всѣ доморощенные философы-реакціонеры, всѣ невѣжественные ученые, всѣ руководители реакціонной лиги казнились общественнымъ мнѣніемъ при помощи этихъ эпиграммъ. По настоящему, всѣ эти господа должны были бы найти себѣ приличное помѣщеніе въ „Домѣ Сумасшедшихъ“ Воейкова, но авторъ не рѣшился на это и въ своей знаменитой, имѣвшей необыкновенный успѣхъ сатирѣ, занялся только представителями ученагѣ и литературнаго міра. Тутъ и Кавелинъ, пособникъ Рунича, публично сожигавшій вольнодумныя книги, тутъ и Руничь, попечитель петербургскаго университета, объятый сумасшедшимъ страхомъ отъ того, что—

Локкъ запуталъ умъ нашъ въ сѣти,
Галлеръ сердце обольстилъ,
Кантомъ бредятъ даже дѣти,
Деннеръ нравы развратилъ...

Вмѣстѣ съ ними и ихъ достойный сотоварищъ, Соколовъ—

Вотъ онъ, съ харей фарисейской,
Петръ Иванычъ *осударь*,

Академіи *россійской*
Непремѣнный секретарь.
Ничего не сочиняетъ,
Ничего не издаетъ;
Три оклада получаетъ
И столовыя беретъ. (Колбасинъ, 256—258).

Сатирическое направленіе литературы, хотя и сдавленное цензурною опекою, было очень полезно для поддержки оппозиціоннаго духа, не мирившагося съ крѣпостническо-барабанной цивилизаціей Аракчеевыхъ и со старовѣрческой системой Шишковыхъ. Но отрицательнымъ либерализмомъ, распространеннымъ во всѣхъ образованныхъ слояхъ общества, дѣло не ограничивалось. Мы уже видѣли, что дѣятели первой половины царствованія, Строгановъ, Чарторижскій, Сперанскій и др. сознательно стремились къ новымъ порядкамъ, къ перестройкѣ „безобразнаго зданія имперіи", къ „ограниченію произвола нашего правленія", какъ выражался государь, стоявшій во главѣ этой партіи. Мысль объ освобожденіи крестьянъ и о конституціи не умирала въ душѣ Александра почти вплоть до его смерти. Когда г-жа Сталь сказала ему комплиментъ: „вашъ характеръ есть уже конституція для вашей имперіи, а ваша совѣсть — ея гарантія", то государь отвѣчалъ ей: „еслибы это было и такъ, я все-таки былъ бы только счастливою случайностью". Въ періодъ войнъ противъ Наполеона и на вѣнскомъ конгрессѣ Александръ былъ рѣшительнымъ адвокатомъ конституціоннаго правленія, которое онъ ввелъ въ царствѣ польскомъ. Явившись впервые на варшавскомъ сеймѣ въ качествѣ конституціоннаго короля, онъ въ своей рѣчи торжественно заявилъ, что „спасительное вліяніе (конституціонной) организаціи онъ надѣется распространить на всѣ страны, которыя провидѣніе ввѣрило его заботамъ" (Богдановичъ, V, Прилож., 78). Онъ далъ конституцію Финляндіи. Проектъ общерусской конституціи также составлялся въ это время (Пыпинъ). Польская конституція и варшавская рѣчь сильно подѣйствовали на образованную часть общества.

„Варшавскія новости",—пишетъ въ 1818 г. Карамзинъ къ Дмитріеву—„сильно дѣйствуютъ на умы молодые. Спятъ и видятъ конституцію; судятъ, рядятъ, начинаютъ и писать". Конституціонныя идеи были очень распространены въ обществѣ. Въ 1818 г., одновременно съ варшавской рѣчью, малороссійскій генералъ-губернаторъ Репнинъ, при открытіи дворянскихъ выборовъ въ Полтавѣ и Черниговѣ, также говорилъ рѣчь, впослѣдствіи очень распространенную въ публикѣ, въ которой, ссылаясь на торжественно высказанную волю государя, онъ предлагалъ дворянству цѣлую конституціонную программу (Бесѣды въ О. Л. Р. Сл.. III, 22). Въ дворянскихъ собраніяхъ также проявлялись конституціонныя наклонности (Чтенія 1859, III, 47).

Но при всей распространенности и даже оффиціальной поддержкѣ упомянутыхъ идей, онѣ расплывались въ хаосѣ спутанныхъ понятій, царившихъ въ обществѣ и мало мирились съ той дѣйствительной системой, которую поддерживали ихъ сторонники. Для насъ едва понятно, какъ одно и то же лицо могло мечтать о введеніи конституціи и въ то же время облекать безграничною властью какого нибудь Аракчеева; какъ люди могли соединять съ защитой крѣпостного рабства стремленіе къ конституціонной свободѣ; какъ Растопчинъ, заклятый врагъ представительнаго правленія, доказывавшій спасительность власти не только монарха, но даже монаршей метрессы, по поводу дарованія конституціи полякамъ, кричалъ и вопилъ, что въ высшей степени несправедливо давать свободныя учрежденія побѣжденнымъ и обходить своихъ природныхъ подданныхъ. Изъ этой путаницы не могло, конечно, выйти существеннаго толка. Прогрессивныя понятія волновали общество, умы возбуждались, а дѣйствительная жизнь между тѣмъ была въ рукахъ Аракчеевыхъ. Каждый оффиціальный прогрессивный шагъ отличался нерѣшительностью и дѣлался съ заднею мыслью объ отступленіи. Опытъ съ польской конституціей, напр., рѣшительно не удался. Давали

конституцію, а не могли примириться съ существованіемъ оппозиціи. Съ самаго же начала возникли недоразумѣнія и неудовольствія, а въ 1821 г. намѣстникъ царства, Константинъ, уже писалъ: „Слава богу, въ этой странѣ все можетъ идти безъ согласія камеръ; они дѣлали лишь глупости, и ихъ притомъ и оставили; а так какъ созываютъ лишь черезъ два года и то лишь на мѣсяцъ, изъ котораго нужно вычесть дни открытія и закрытія, дни выбора комитетовъ и чтенія отчета, и затѣмъ четыре или пять воскресеній, два, три праздника, то всего останется 15 или 18 дней для того, чтобы шумѣть, и можно оставить имъ это маленькое удовольствіе, ибо какъ только оканчивается сеймъ, всѣ мои милые соправители возвращаются къ тому опредѣленному положенію, въ которомъ не шутятъ съ бунтовщиками и съ людьми, производящими безпорядки“ (Р. Арх. 1870, 418). Путаница въ принципахъ была страшная. Либеральныя идеи съ одной стороны возбуждались и поддерживались, а съ другой — преслѣдовались. Рядомъ съ либеральными дѣйствіями совершались радикально-противоположныя имъ. Своими конституціонными стремленіями государь возбуждалъ надежды молодежи и тревожилъ реакціонеровъ, и въ то же время своимъ противодѣйствіемъ освобожденію Греціи, порождалъ крайнее недовольство и въ прогрессистахъ и реакціонерахъ, и въ духовенствѣ, и во всемъ обществѣ. Нерѣшительность его характера, мистицизмъ, подозрительность постепенно усиливались. До какой степени онъ сдѣлался неискреннимъ можно видѣть изъ разсказа Шишкова. Въ сенатѣ судился цензоръ Поповъ за пропускъ книги пастора Госнера. Въ глазахъ Шишкова и нѣкоторыхъ сенаторовъ Поповъ былъ человѣкъ вредный и государственный преступникъ, равно какъ и защищавшій его сенаторъ Муравьевъ. Въ мнѣніи Муравьева Шишковъ видѣлъ что-то бунтовское, и государь вполнѣ соглашается съ нимъ, но въ то же время „тихимъ образомъ призывалъ онъ къ себѣ Муравьева и благодарилъ

за поданный имъ въ сенатѣ голосъ“ (Зап. Шишкова, 107)!.. И онъ поступалъ такъ очень часто. Въ войнѣ 1812 года, въ неимѣніи у себя дѣтей, въ петербургскомъ наводненіи, — во всемъ видѣлъ онъ божіе наказаніе за свои грѣхи, воспоминаніе о событіи, непосредственно предшествовавшемъ его воцаренію, отравляло всю его жизнь (Varnhagen, Blätter). Онъ каялся и молился; страшась общественныхъ движеній, совершавшихся тогда въ Россіи, онъ вполнѣ сознавалъ, что онѣ въ значительной степени вызваны имъ же самимъ. Всѣ его идеалы были разбиты и отправляясь въ Таганрогъ, онъ уже умеръ нравственно. Онъ мечталъ раньше облагодѣтельствовать Россію коренными реформами и отказавшись отъ престола, наслаждаться издали созерцаніемъ счастія своего свободнаго и просвѣщеннаго отечества; а на дѣлѣ вышло, что не совершивъ и сотой доли задуманнаго, оставивъ Россію въ рукахъ Аракчеева, онъ уѣзжаетъ умирать въ Таганрогъ и здѣсь, на смертномъ одрѣ, получаетъ окончательный ударъ въ извѣстіи о томъ, что, опираясь на его имя, его любимый другъ, по случаю убійства своей любовницы, засѣкаетъ до смерти совершенно невинныхъ людей... Его гуманное сердце было совсѣмъ разбито этимъ извѣстіемъ. Менѣе горькую, но подобную же судьбу испытали и всѣ его прежніе сотрудники. Строгановъ, Чарторижскій, Новосильцевъ были не у дѣлъ; Сперанскій совершенно „исправился“ въ своей ссылкѣ, палъ нравственно и угодничалъ передъ Аракчеевымъ. Объ общественномъ развитіи оффиціальнымъ путемъ пока нечего было и думать.

Но заглушался только его шумъ, а само оно не останавливалось.

Литература была поставлена въ такое положеніе, что гласное печатное обсужденіе вопросовъ, волновавшихъ умы, было невозможно въ требуемой степени, и эти вопросы разрѣшались помимо литературы, въ тѣхъ прогрессивныхъ кружкахъ, которые начали повсюду возникать послѣ 1815 г.

Недовольствуясь піэтистической филантропіей масонства и библейскихъ обществъ, эти кружки съ перваго же раза приняли практическое направленіе. Ихъ члены заботились о грамотности, заводили ланкастерскія школы, хлопотали о смягченіи жестокой военной дисциплины, развивали солдатъ. „Эти благородныя души, говоритъ Тургеневъ, — которыя впослѣдствіи хотѣли цѣною всѣхъ жертвъ пробудить свое несчастное отечество отъ закоснѣнія, въ какомъ оно было погружено... Ревностно заботились о томъ, чтобы найти средства стереть весь позоръ, прекратить всѣ бѣдствія своего отечества; ихъ первыя размышленія кончились проклятіями и противъ рабства крестьянъ и противъ жестокостей военной дисциплины. Я видѣлъ, какъ эти молодые люди, презирая всѣ выгоды своего общественнаго положенія, богатства, предпочитали тяжкую казарменную жизнь милостямъ и удовольствіямъ двора или развлеченіямъ и пріятностямъ путешествія... Что сталось съ ними, праведное небо!.. Надо имѣть вѣру во что нибудь, чтобы не быть уничтожену, когда видишь, что такая преданность и такое самоотверженіе кончаются такимъ несчастьемъ и такими бѣдствіями“ (Пыпинъ; Tourgueneff, II, 511 — 514). Нѣкоторые поступали на незначительныя гражданскія должности, съ цѣлью служить примѣромъ безкорыстія и справедливости. Таковы были Пущинъ и Рылѣевъ. Даже Гречь говоритъ о послѣднемъ: „онъ служилъ усердно и честно, всячески старался о смягченіи судьбы подсудимыхъ, особенно простыхъ, беззащитныхъ людей“ (Р. Вѣстн., 1868, VI, 377). Нѣкоторые посвящали всѣ свои заботы, все свое время улучшенію крестьянскаго быта, освобождали своихъ крѣпостныхъ, какъ, напр., Якушкинъ (Р. Арх. 1870, 1658), На направленіе этихъ людей имѣлъ сильное вліяніе „Союзъ Добродѣтели“,—нѣмецкое патріотическое общество, существовавшее съ вѣдома правительства. Прогрессисты начали организоваться въ такія же общества и то же съ вѣдома, хотя и безъ оффиціальнаго дозволенія правительства, которое—го-

ворить Тургеневъ—„въ это время внушало вообще такъ мало недовѣрія и, повидимому, такъ было расположено поощрять спасительныя преобразованія, что основатели общества разсуждали о томъ, не слѣдуетъ ли имъ просить о содѣйствіи правительства. Только опасеніе, что ихъ намѣренія будутъ истолкованы неправильно, побудило ихъ дѣйствовать безъ помощи и безъ вѣдома императора". Александръ, однакожъ, зналъ обо всемъ и вплоть до смерти не трогалъ обществъ, которыя долго руководились вполнѣ легальными стремленіями и имѣли совершенно мирный характеръ. Между кружками сначала не было никакой связи, кромѣ нравственной, состоявшей въ желаніи дѣйствовать въ пользу общественнаго развитія. До какой степени были невинны въ политическомъ отношеніи эти кружки, можно видѣть изъ разсказа Якушкина объ офицерской артели въ семеновскомъ полку. „Человѣкъ 15 или 20 офицеровъ сложились, чтобы имѣть возможность обѣдать каждый день вмѣстѣ; обѣдали же не одни вкладчики въ артель, но и всѣ тѣ, кому по обязанности службы приходилось проводить цѣлый день въ полку. Послѣ обѣда одни играли въ шахматы, другіе читали вслухъ иностранныя газеты и слѣдили за происшествіями въ Европѣ". Первою попыткою дать этимъ кружкамъ какую нибудь правильную организацію было основаніе „Союза Благоденствія„, по образцу нѣмецкаго Tugendbund'а. У либераловъ, входившихъ въ этотъ союзъ, политическія цѣли стояли на второмъ планѣ, они не желали производить никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ государственномъ порядкѣ, и надѣясь, что всѣ реформы будутъ произведены правительствомъ, хотѣли только помогать его либеральнымъ планамъ и содѣйствовать осуществленію либеральныхъ идей, такъ явно покровительствуемыхъ правительствомъ въ первую половину царствованія. Цѣль Союза была выражена въ уставѣ его слѣдующимъ образомъ: „способствовать правительству къ приведенію въ исполненіе всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ въ пользу государства, ибо правительство,

безъ добровольнаго содѣйствія гражданъ, не можетъ довольно успѣшно приводить въ дѣйствіе мѣры, имъ принимаемыя". Желаніе ввести и утвердить въ Россіи представительное правленіе также не имѣло въ себѣ ничего противузаконнаго, и одновременно съ членами Союза къ тому же стремился самъ императоръ (Богдан., VI, 419). По словамъ извѣстнаго оффиціальнаго „Донесенія" по дѣлу декабристовъ, уставъ Союза заключался въ слѣдующихъ правилахъ: „Авторы устава объявляли именемъ основателей Союза, что цѣль ихъ есть одно благо отечества, что эта цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, которое, несмотря на свое могущество, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей; что учреждаемое общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, будетъ трудиться въ тайнѣ только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти. Члены общества дѣлились на четыре разряда или отрасли. Въ *первой* отрасли предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе; она должна была имѣть надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство ихъ и самое правительство о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, какіе могли въ нихъ оказываться, а также о средствахъ ихъ исправленія и усовершенствованія. Во *второй* умственное и нравственное образованіе, для котораго должно было дѣйствовать распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, а также дѣйствовать примѣрами доброй нравственности, разговорами и сочиненіями. Члены этой отрасли должны были наблюдать за школами, питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію заграницей и всякому иностранному вліянію. Въ *третьей* отрасли обращалось вниманіе на дѣйствія судовъ: члены общества обязывались не уклоняться отъ должностей по судебной части и по выборамъ дворянства, исправлять ихъ съ усердіемъ и точ-

ностью, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ этого рода, ободряя чиновниковъ безкорыстиыхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣденія правительства. Наконецъ, члены *четвертой* отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ". Къ Союзу и образовавшимся изъ него впослѣдствіи обществамъ принадлежало большинство образованныхъ людей. „Члены тайнаго общества, говоритъ одинъ современникъ, — ничѣмъ не отличались отъ другихъ; въ это время свободное выраженіе мыслей было принадлежностью нетолько всякаго порядочнаго человѣка, но и всякаго, кто хотѣлъ казаться порядочнымъ человѣкомъ". „Большинство либеральныхъ умовъ было такъ велико, что его рѣшенія считались *мнѣніемъ общимъ*", пишетъ Гречь (Пыпинъ, Зап. Якушкина, Гречь въ Русск. Вѣстн. 1868 г.). По словамъ самаго „Донесенія", послѣ 14 декабря привлечено къ отвѣтственности только наиболѣе виновное меньшинство лицъ, причастныхъ къ дѣлу, „и если-бы сослать *всѣхъ*, которые желали перемѣнъ и предавались всякимъ мечтаніямъ и предположеніямъ",—говоритъ Гречь—„то не нашлось бы мѣста въ Сибири". Къ обществу такъ или иначе принадлежали всѣ образованные люди и всѣ необразованные, состоявшіе подъ ихъ вліяніемъ. На адмиралтейской площади 14 декабря была только ничтожная часть либераловъ. Арестованы были тысячи, но слѣдственная комиссія вынуждена была прекратить аресты, потому что имъ конца не предвидѣлось, потому что приходилось арестовать всѣхъ (Varnhagen's Blätter, IV, 12, 13, 16, 25, 27). Множество людей, не принадлежавшихъ къ обществу, держалось того же самаго направленія, напр., Грибоѣдовъ и Пушкинъ, который вполнѣ

откровенно признался Николаю I, что непремѣнно вышелъ бы 14 декабря на площадь, еслибы только въ это время былъ въ Петербургѣ (Р. Архивъ). Пробудившаяся общественная мысль увлекала всѣхъ. Общество не имѣло пока въ себѣ ничего противоправительственнаго, не было даже тайнымъ въ строгомъ значеніи этого слова; оно было создано однимъ патріотизмомъ, просвѣтленнымъ европейскою мыслью. „Безусловные приверженцы всякаго существующаго порядка“—говоритъ одинъ современникъ — „отнеслись, какъ и слѣдовало ожидать, враждебно и неумолимо насчетъ нарушителей общественнаго спокойствія, приписавъ имъ преступныя и даже постыдныя побужденія; но приговоръ ихъ не удовлетворитъ будущаго историка“ (Р. Арх. 1870, 1634). Однакожъ „будущій историкъ“, въ лицѣ генерала Богдановича, вполнѣ удовлетворился этимъ приговоромъ и объясняетъ дѣятельность Пестеля, Бестужева и другихъ ихъ товарищей властолюбіемъ, неудовольствіемъ на невозможность составить карьеру, даже злостью на правительство за то, напр., что человѣка переводили изъ одного полка въ другой, и недовольный этимъ, онъ становился революціонеромъ (Богдановичъ, VI, 424, 444, 451). Но, говоритъ г. Свистуновъ, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что эти люди подвергались неминуемой потерѣ всѣхъ преимуществъ, какими пользовались вслѣдствіе положенія своего въ обществѣ; поэтому ни въ корысти, ни въ честолюбіи они оподозрѣны быть не могутъ. Лишь пламенная любовь къ отечеству и желаніе возвеличить его, доставивъ ему всѣ блага свободы, могутъ объяснить готовность пожертвовать собою и своей будущностью. При несоразмѣрности способовъ съ предназначаемою цѣлью, люди практическіе вправѣ назвать такое громадное предпріятіе безразсудной мечтой, но чистоту намѣреній не имѣютъ основанія оспаривать“ (Р. Арх. 1870, 1643). Достаточно припомнить, что большинство членовъ общества, — Трубецкіе, Волконскіе, Муравьевы и др. по своему общественному по-

ложенію, богатству, способностямъ, чинамъ, молодости могли навѣрняка разсчитывать на самую блестящую карьеру при существующемъ порядкѣ и поэтому не могли рисковать собой изъ разсчетовъ честолюбія. Полковникъ Пестель болѣе всѣхъ другихъ подвергается упрекамъ въ честолюбивыхъ замыслахъ; но передъ нимъ лежала такая свѣтлая будущность, его карьера была до того обезпечена, что въ оффиціальномъ мірѣ его считали способнымъ быть и хорошимъ министромъ и отличнымъ главнокомандующимъ (idem, 1644). Даже враги этой партіи признаютъ за ней чистоту побужденій. Даже Гречь, писавшій свои записки съ единственною цѣлью втоптать въ грязь и опозорить память этихъ людей, такъ отзывается о нихъ: „пламенные молодые люди возымѣли ревностное желаніе доставить торжество либеральнымъ идеямъ, подъ которыми они разумѣли *владычество законовъ*, *водвореніе правды*, *безкорыстіе и честность въ судахъ и въ управленіи*, *искорененіе вѣковыхъ злоупотребленій*, подтачивающихъ древо русскаго величія. Составилось общество, основанное, казалось, на самыхъ чистыхъ и благородныхъ началахъ, имѣвшихъ цѣлью: распространеніе просвѣщенія, поддержаніе правосудія, поощреніе промышленности и усиленіе народнаго богатства". Въ другомъ мѣстѣ, ругая эту *„сволочь"*, эту *„шайку безтолковыхъ людей"*, Гречь желаетъ уколоть ихъ тѣмъ, что „возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій именно тѣ, которые менѣе всѣхъ отъ нихъ терпѣли" (Пыпинъ; Р. Вѣстн. 1868, VI, 372). Укоризна, достойная всякой похвалы!..

Союзъ Благоденствія оказался вскорѣ недостигающимъ своихъ цѣлей и закрылся самъ собою въ 1821 году; но большинство входившихъ въ него членомъ не оставило своихъ плановъ, только въ ихъ дѣятельности произошелъ переломъ. Безотрадная дѣйствительность разочаровала ихъ; они ясно видѣли, что дѣйствовать открыто въ пользу своихъ идей нѣтъ никакой возможности; они были лишены даже послѣдняго утѣшенія — возможности высказываться печатно. Имъ пред-

стояло, или отказаться навсегда отъ своихъ убѣжденій, чувствованій, привычекъ, надеждъ, отъ самихъ себя, переломить свою нравственную природу, перевоспитать ее совершенно въ другомъ духѣ; или же обособиться отъ общества и жить своею жизнью. Первое было невозможно, и вышло послѣднее. Они болѣе и болѣе замыкались въ своихъ кружкахъ, превращавшихся изъ явныхъ въ тайныя общества. Запрещеніе масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ указомъ 1822 г. еще болѣе усилило изолированность этихъ обществъ, для преслѣдованія которыхъ не предпринималось, однакожъ, никакихъ мѣръ, и архистратиги легальной безопасности, въ родѣ Шишкова, какъ будто даже игнорировали эти кружки, ожесточенно преслѣдуя въ то же время разныя вздорныя секты, библейскія общества и людей, вовсе безопасныхъ для того дѣла, которому служили эти стражи стараго порядка. Дѣйствительность болѣе и болѣе раздражала ихъ, болѣе и болѣе волновала ихъ чувство, возбуждала непріязнь, отнимала всякую надежду на улучшеніе обыкновенными способами. Въ слѣдственныхъ показаніяхъ декабристовъ довольно хорошо выясняется тотъ путь, какимъ они, превратившись изъ мирныхъ патріотовъ въ революціонеровъ, дошли до рѣшеній, которыя окончательно погубили ихъ.

Вотъ, напр,, основатель общества Соединенныхъ Славянъ, подпоручикъ Борисовъ. Чтеніе греческой и римской исторіи и біографій великихъ мужей развило въ немъ любовь къ свободѣ. Дѣйствительныя отношенія русской жизни, особенно же несчастное положеніе солдатъ еще болѣе развили въ немъ это стремленіе къ свободѣ и недовольство настоящими порядками. Въ 1819 г. командиръ той роты, въ которой служилъ Борисовъ, наказалъ при всей командѣ палками трехъ солдатъ. „Я былъ до того пораженъ этой экзекуціей—говоритъ Борисовъ — что тогда же далъ себѣ слово уничтожить такія наказанія, хотя бы это стоило мнѣ жизни. Желаніе быть полезнымъ человѣчеству занимало меня всегда, и я положивъ

себѣ за правило искать истину, думалъ найти ее въ мнѣніяхъ, меня погубившихъ" (Богданов., VI, 479).

Вотъ Батенковъ. „Зрѣлище военныхъ поселеній и западной Сибири, угнетаемой самовольнымъ и губительнымъ управленіемъ, общее неустройство, общія жалобы, бѣдность, упадокъ и стѣсненіе торговли, ученія и самыхъ чувствъ возвышенныхъ, неосновательность и бездѣйствіе законовъ,—все располагало (его) съ одной стороны не любить существующій порядокъ, а съ другой думать, что революція близка и неизбѣжна" (id., 436).

В. Кюхельбеккеръ говоритъ, что главною причиною его недовольства и революціоннаго направленія была страшная деморализація народа, которую онъ считалъ результатомъ его рабства. „Эта причина была для меня одна изъ самыхъ главныхъ, ибо взирая на блистательныя качества, которыми Богъ одарилъ народъ русскій, народъ первый въ свѣтѣ по славѣ и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, по радушію, мягкосердію, остроумію, непамятозлобію, ему предъ всѣми свойственными, я душою скорбѣлъ, что все это подавляется, вянетъ и, быть можетъ, опадетъ, не принесши никакого плода въ нравственномъ мірѣ. Да отпуститъ мнѣ Богъ за скорбь сію часть прегрѣшеній моихъ, а милосердый царь—часть заблужденій моихъ, въ которыя вовлекла меня слѣпая, можетъ быть, но безпредѣльная любовь къ отечеству! Другою причиною моего неудовольствія настоящимъ положеніемъ дѣлъ было крайнее стѣсненіе, которое россійская словесность претерпѣвала, ...сіе до невѣроятія тягостное стѣсненіе" (id., 412).

Одинъ изъ главныхъ вождей декабристовъ, Пестель разсказываетъ о себѣ, что онъ серьезно занимался исторіей и политическими науками. „Сначала я занимался ими безъ всякаго вольнодумства, съ однимъ лишь желаніемъ быть когда нибудь полезнымъ слугою государю и отечеству. Потомъ началъ разсуждать: соблюдены ли въ устройствѣ нашего управленія на-

чала политическихъ наукъ, при чемъ, не касаясь верховной власти размышлялъ о министерствахъ, мѣстныхъ начальствахъ и прочихъ учрежденіяхъ. Находя въ нихъ много несообразнаго съ правилами политическихъ наукъ, я сталъ обдумывать, какими учрежденіями они могли бы быть замѣнены, пополнены или улучшены; обращалъ я также мысли на положеніе народа, при чемъ всегда сильно поражало меня рабство помѣщичьихъ крестьянъ, а равно дѣйствовали на меня преимущества аристократіи, которую я считалъ, такъ сказать, стѣною, между монархомъ и народомъ, стоящею и отъ монарха, ради собственныхъ выгодъ, истинное положеніе народа укрывающею. Къ этому стали присоединяться другія мысли и разные слышанные мною толки, какъ-то: о преимуществахъ присоединенныхъ областей надъ коренными русскими, о военныхъ поселеніяхъ, объ упадкѣ торговли, промышленности и общественнаго богатства въ Россіи, о несправедливости и подкупности нашихъ судовъ и нѣкоторыхъ другихъ властей, о тягости военной службы для солдатъ, и многихъ подобныхъ предметахъ, составлявшихъ общую картину народнаго неблагоденствія. Тогда сталъ возникать во мнѣ внутренній ропотъ противъ правительства... Тогда начали во мнѣ рождаться конституціонныя монархическія и революціонныя идеи: послѣднія были очень слабы и темны, но мало по малу сдѣлались опредѣлительнѣе и сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ развивало во мнѣ эти понятія. Ужасныя событія французской революціи заставляли меня искать средствъ къ избѣжанію подобныхъ бѣдствій, что впослѣдствіи внушило мнѣ мысль о необходимости временного правленія и дало поводъ ко всегдашнимъ моимъ толкамъ о предупрежденіи всякаго междоусобія. Отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей перешелъ я къ республиканскому, преимущественно по слѣдующимъ убѣжденіямъ: французское сочиненіе де-Траси подѣйствовало на меня очень сильно: оно убѣдило меня въ томъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно

лицо, ежели его санъ наслѣдственъ, непремѣнно ведетъ къ деспотизму. Съ другой стороны, всѣ газеты и политическія сочиненія такъ заманчиво представляли возрастаніе благоденствія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, приписывая сіе ихъ государственному устройству, что тамъ думалъ я видѣть явное доказательство превосходства республиканскихъ учрежденій... Я вспоминалъ блаженныя времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и послѣдующее жалкое ея существованіе; я сравнивалъ славу Рима во дни республики съ его плачевною долею при императорахъ. Исторія Великаго Новгорода также утверждала меня въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и въ Англіи конституціи суть одни лишь покрывала, никакъ не воспрещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что пожелаетъ, и въ семъ отношеніи я предпочитаю самодержавіе такимъ конституціямъ, ибо въ самодержавномъ правительствѣ неограниченность власти всѣмъ видна, между тѣмъ, какъ въ конституціонныхъ монархіяхъ существуетъ та-же неограниченность, и хотя тамъ медленнѣе дѣйствуетъ, однако за то и худое не можетъ скоро исправить... Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на происхожденіи основанными. Я судилъ, что сіи аристократіи сдѣлаются, наконецъ, сильнѣе самаго монарха, какъ въ Англіи, что онѣ составляютъ главное препятствіе государственному благоденствію и могутъ быть устранены однимъ лишь республиканскимъ строемъ правленія. Происшествія въ Неаполѣ, Испаніи и Португаліи также оказали на меня большое вліяніе. Я находилъ въ нихъ неоспоримыя доказательства непрочности конституціонныхъ монархій и достаточныя причины недовѣрчивости народовъ къ истинному согласію монарховъ на принимаемыя ими конституціи... Все это сдѣлало меня республиканцемъ" (id., 446—449).

Такимъ образомъ, вліяніе европейской политической мысли давало либеральное направленіе нашей молодежи, а безотрадная дѣйствительность и вліяніе революціонныхъ движеній, вызванныхъ въ Европѣ неистовствами реакціи, направляло это движеніе на путь, враждебный существующимъ порядкамъ. Со своими идеями, чувствами, надеждами, со своими независимыми характерами, со всѣмъ своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, шедщимъ рѣшительно въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, люди, входившіе въ составъ упомянутыхъ обществъ мало по малу вырабатывали въ себѣ болѣе или менѣе революціонный характеръ. Необходимо однако, замѣтить, что и въ этомъ новомъ фазисѣ своего развитія, тайныя общества, хотя и получили болѣе тревожный и раздражительный характеръ, чѣмъ прежде, но крутыя мѣры всетаки не входили въ ихъ планы, а злоба и раздраженіе выражались только на словахъ и служили проявленіями взволнованнаго чувства въ частныхъ бесѣдахъ, безъ всякаго твердаго рѣшенія систематически прилагать ихъ къ дѣлу. Стремленія обществъ также не шли черезчуръ далеко и были только повтореніемъ реформаторскихъ желаній самого государя, Строганова, Сперанскаго, желаній и принциповъ, которые въ началѣ царствованія высказывались только въ царскомъ кабинетѣ, увлекали только императора и его друзей—сотрудниковъ, а подъ конецъ царствованія сдѣлались общимъ достояніемъ всего образованнаго меньшинства. Въ программу упомянутыхъ обществъ входили: освобожденіе крестьянъ, новое уложеніе, реформа судопроизводстза, преобразованіе арміи, уничтоженіе военныхъ поселеній, свобода печати, торговли и промышленности, представительное правленіе. Даже по словамъ слѣдственнаго „Донесенія“, члены обществъ и въ это время готовы были, въ случаѣ совершенія государемъ такъ долго занимавшихъ его реформъ, быть его *„вѣрными приверженниками и оберегателями“*. Подобно Сперанскому и Новосильцеву, нѣкоторые изъ нихъ составляли проекты основныхъ

государственныхъ реформъ, проекты, вовсе не имѣвшіе того значенія, какое имъ до сихъ поръ приписывали. Это были только „*опыты* конституціоннаго законодательства, предпринятые для возбужденія изысканій по сей отрасли нравственныхъ наукъ",—professions de foi ихъ авторовъ; нѣкоторые изъ этихъ проектовъ, напр., пестелевскій, мало имѣли общаго съ практическими планами ихъ составителей и самое большее—служили только программами будущихъ политическихъ партій. „Русская Правда" Пестеля и „Конституція" Н. М. Муравьева были ничто иное, какъ опыты, свидѣтельствующіе объ ихъ убѣжденіяхъ и задушевныхъ стремленіяхъ. Они возбуждали въ слушателяхъ желаніе ближе познакомиться съ политическими вопросами и служили поводомъ къ преніямъ по этому предмету, но нисколько не предрѣшали будущности Россіи, судьба коей зависѣла отъ Земской Думы, которую предполагалось созвать" (Р. А. 1870, 1639). Монархическая конституціонная форма правленія, единство государства съ развитіемъ областного самоуправленія цензъ для избирателей и избираемыхъ—вотъ общія основы этихъ проектовъ (id., 1640; Пыпинъ). Для осуществленія своихъ замысловъ, члены тайныхъ обществъ, основательно разсчитывавшіе на силу арміи, не выработали еще никакого опредѣленнаго плана; все дѣло ограничивалось преимущественно словами да идеями; финалъ ихъ исторіи придалъ имъ окраску, какой въ сущности они не имѣли и какой при другихъ обстоятельствахъ никогда не получили бы. Смерть Александра была неожиданнымъ ударомъ, произведшимъ страшный переполохъ во всѣхъ сферахъ и въ частности въ тайныхъ обществахъ. Отступленіе назадъ для нихъ было уже невозможно; для движенія впередъ у нихъ не было ни общаго плана, ни сосредоточенія силъ, а между тѣмъ событія вынуждали дѣйствовать, и такимъ образомъ вышло импровизированное возстаніе 14 декабря въ Петербургѣ да подобная же попытка на югѣ Россіи...

Такъ кончилась эпоха, въ которой отъ начала до конца все дышетъ трагизмомъ. Жизнь каждаго изъ помянутыхъ сейчасъ людей—трагедія. Не ту ли же трагедію видимъ мы въ жизни Радищева, Сперанскаго и другихъ замѣчательныхъ дѣятелей того времени, особенно въ жизни самого Александра, этого симпатичнѣйшаго изъ государей XIX вѣка. Исполненный гуманныхъ намѣреній, преданный возвышеннымъ идеаламъ, мечтавшій облагодѣтельствовать свой народъ, онъ умираетъ съ разбитымъ сердцемъ, что не былъ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ быть. Вслѣдъ за государемъ, стоявшимъ сначала во главѣ прогрессивнаго движенія, удаляется изъ общественной жизни или совершенно стушевывается въ ней цѣлое поколѣніе, воспитанное тѣми-же идеями, которыми былъ проникнутъ и государь, служившее тому-же дѣлу, которое и онъ считалъ цѣлью своей жизни,—дѣлу общественнаго развитія. Борьба принциповъ кончилась полною побѣдою консервативной стороны, сильной своимъ подавляющимъ большинствомъ, которое отвлекло Александра отъ его реформаторскихъ намѣреній и, овладѣвъ ходомъ дѣлъ, такъ стѣснило свободное и открытое развитіе народившейся прогрессивной силы, что послѣдняя, будучи дѣйствительною силою и находясь поэтому въ невозможности остановиться въ своемъ движеніи, пошла по пути нежелательному не только для ея противниковъ, но даже и для ея сторонниковъ. Представители этой силы были увлечены потокомъ обстоятельствъ къ дѣлу, о которомъ многіе изъ нихъ даже и не думали въ то время, когда, полные идеалистическихъ надеждъ и упованій на реформы, они вступали на поприще общественной дѣятельности, беззавѣтно посвящая ей всю свою жизнь. Развязка, созданная системою ретроградовъ, охранявшихъ крѣпостное право и другія подобныя институціи, дала охранителямъ сильное, хотя и фальшивое доказательство справедливости тѣхъ тревогъ и опасеній, на основаніи которыхъ получили возможность дѣйствовать Шишковы, Магницкіе, Растопчины, Аракчеевы. Если-бы всѣ

подобные стражи стараго порядка удерживались въ почтительномъ отдаленіи, какъ это было въ началѣ царствованія, еслибы прогрессивной мысли дана была возможность свободнаго развитія, если-бы государь и его друзья-реформаторы могли осуществить свои задушевныя идеи, то общественное развитіе пошло-бы здравымъ, легальнымъ и совершенно мирнымъ путемъ, и всѣ молодыя силы, потраченныя даромъ, пошли-бы на практическую дѣятельность. Неестественность соціальныхъ условій повела къ совершенно другимъ результатамъ, и въ исторіи общественнаго развитія насталъ тридцатилѣтній перерывъ, по окончаніи котораго, впрочемъ, идеи двадцатыхъ годовъ — о свободѣ крестьянъ, о гласномъ судѣ и т. д. — воскресли съ новою силою и немедленно начали переходить въ житейскую практику. Ихъ осуществленіе было только отсрочено, несмотря на всѣ усилія вовсе искоренить ихъ. О послѣднемъ могли мечтать только люди, вовсе незнакомые съ исторіей и съ условіями общественнаго развитія, люди въ родѣ добродушнаго чудака Шишкова, который не шутя видѣлъ революціонное чудище въ библейскихъ обществахъ и въ нелѣпыхъ доктринахъ разныхъ мистиковъ. Но шишковскою искренностью отличались не многіе и масса людей, дѣйствовавшихъ въ одномъ направленіи съ адмираломъ била тревогу только для того, чтобы распространить панику и, воспользовавшись ею, помѣшать реформамъ, отстоять крѣпостное право, сохранить откупа и т. д. О будущемъ, о возможности или невозможности увѣковѣченія этихъ порядковъ масса вовсе не думала да и не умѣла думать; она старалась только о себѣ, и, стѣснивъ естественныя отправленія общественнаго организма, подвергла его жестокому лихорадочному кризису, за которымъ слѣдовалъ долголѣтній, тяжелый и мучительный сонъ. Но все-таки, дѣти и внуки лишились того, что успѣли отстоять ихъ отцы и дѣды. Идеи, которыя подвергались тогда всевозможнымъ гоненіямъ, до того развились и усилились, что получили офиціальную санкцію.

Александровская эпоха и создавшее ее поколѣніе все-таки сдѣлали свое дѣло, открывъ собою новый періодъ общественнаго развитія, которое совершается на нашихъ глазахъ и будетъ продолжаться впредь, какъ-бы ни противодѣйствовали ему разные Магницкіе и Каразины нашего времени...

VI.

1825 — 1861.

Говорить объ этомъ періодѣ подробно мы не имѣемъ никакой возможности и по недостатку источниковъ и по другимъ обстоятельствамъ. Мы ограничимся только ходомъ крестьянскаго вопроса да общими замѣтками о положеніи внутреннихъ дѣлъ *).

Полная побѣда консервативныхъ элементовъ отняла всякую возможность гласнаго обсужденія вопроса о крѣпостномъ правѣ, которое сдѣлалось неприкосновенною основою общества. Но эта неприкосновенность была призрачная. При восшествіи Николая, какъ и при всякомъ воцареніи, крестьяне ждали свободы; во все продолженіе его царствованія, несмотря на всевозможныя препятствія и рискъ, крестьяне все-таки жаловались государю и министрамъ на своихъ помѣщиковъ; въ одномъ только 1852 г. число такихъ жалобъ, дошедшихъ по назначенію, простиралось до 60; крѣпостные постоянно разбѣгались отъ своихъ господъ во всѣ стороны; множество прибѣгало къ самоубійству, какъ единственному средству для полнаго освобожденія; не проходило года, чтобы въ разныхъ губерніяхъ крестьяне не убивали

*) Рекомендуемъ читателю довольно мѣткую характеристику этого времени въ статьяхъ Пыпина, «Вѣстникъ Европы», 1871, V, IX.

своихъ помѣщиковъ, иногда и съ ихъ семействами, не увѣчили, не обворовывали ихъ, не поджигали ихъ домовъ; крестьянскіе бунты, постепенно усиливаясь, шли чрезъ все николаевское царствованіе. Волненія начались еще въ 1826 г., по поводу разнесшихся въ народѣ слуховъ объ освобожденіи, и происходили въ губерніяхъ кіевской, костромской, ярославской, вологодской, псковской, владимірской, смоленской, курской, пермской. Причиною волненій, даже по свидѣтельству властей, были обременительныя работы и жестокости помѣщиковъ. Несмотря на всевозможныя строгости, на военные суды, на усмиреніе посредствомъ войскъ, волненія продолжались и въ два слѣдующихъ года; „духъ буйства и своевольства распространился до такой степени, что крестьяне вовсе отказались отъ повиновенія, и вразумленія губернскаго начальства не имѣли никакого дѣйствія“. Въ 1830 г. — новые бунты, при которыхъ военные суды приговаривали виновныхъ къ такимъ жестокимъ наказаніямъ, что государь поручилъ губернаторамъ смягчать ихъ приговоры. Въ 1843 г. бунты въ 11 губерніяхъ, при чемъ въ оренбургской возстало до 40,000 крестьянъ и для усмиренія ихъ послано 10,000 солдатъ при 10 орудіяхъ; а въ пермской губерніи бунтовщики разбили одну военную команду и были усмирены только другою. Въ 1845 г. бунты въ 13 губерніяхъ; въ 1846 г. — въ 10 губ.; въ 1847 г. — въ 20 губ.; въ 1848 г. — въ 22 губ.; въ 1849 г.—въ 15 губ.; въ 1851 г.—въ 22 губ.; въ 1853 г.—въ 33 губ. и т. д. (Роман., Славатинскій, 366 и др.; Варадиновъ, Ист. Министерства Вн. Дѣлъ).

Хотя никакого гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса не допускалось, но само правительство дѣятельно занималось имъ въ кабинетной тишинѣ. Ни при одномъ изъ предшествовавшихъ государей не было принято столько отдѣльныхъ мѣръ къ улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ, какъ при Николаѣ; никогда прежде не отбиралось подъ опеку столько дворянскихъ имѣній, какъ при немъ; въ 1836 г.

состояло подъ опекой за расточительность, жестокое обращеніе съ крестьянами и недоимки 262 имѣнія; въ 1838 г.— 203 имѣнія,—140 за жестокое обращеніе съ крестьянами и 63 за мотовство и распутство. Николай Павловичъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ существеннаго улучшенія быта крестьянъ, и вскорѣ же послѣ манифеста 12 мая 1826 г., объяснявшаго крестьянамъ неосновательность ихъ надеждъ на свободу, былъ основанъ дѣйствовавшій до 1830 г. секретный комитетъ для пересмотра всѣхъ основныхъ учрежденій имперіи, между прочимъ и крѣпостного права. Выработанный имъ планъ реформъ былъ найденъ неудобнымъ для осуществленія вслѣдствіе іюльской революціи, возстанія Польши и оппозиціи со стороны Константина Павловича. Въ 1839 г. учрежденъ *второй* секретный комитетъ для пересмотра александровскаго закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Затѣмъ слѣдовали 3-й, 4-й, 5-й и 6-й секретные комитеты объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Шестой комитетъ закрылся вслѣдствіе европейскихъ волненій 1848—1849 годовъ. Ни въ одномъ изъ этихъ комитетовъ, ни въ одномъ изъ поступившихъ въ нихъ проектовъ не предполагалось полнаго освобожденія крестьянъ. Но и умѣренное желаніе правительства улучшить положеніе крѣпостныхъ и ограничить власть помѣщиковъ возбуждала крайнее неудовольствіе и сильное противодѣйствіе въ массѣ крѣпостниковъ, которые не переставали запугивать призраками крестьянскихъ волненій; вопіяли о посягательствѣ на свои священныя права и доказывали, что Россія еще не созрѣла для свободы. Вотъ что, напр., писалъ въ 1849 г. одинъ изъ нихъ: „Невѣжество крестьянъ, ихъ суевѣріе, закоснѣлость и непреодолимая привязанность къ старымъ обычаямъ дѣлаютъ ихъ неспособными къ воспріятію убѣжденія въ законоположеніяхъ и къ сознанію неприложнаго долга гражданской зависимости... Время, смягчивъ просвѣщеніемъ нравы дворянства, изглаживаетъ уже и слѣды прежняго ихъ обращенія съ крѣпостными людьми...

ю крестьяне вообще все еще остаются въ томъ же грубомъ невѣжественномъ состояніи, въ томъ же мракѣ, сквозь который не проникаютъ благотворные лучи просвѣщенія, вѣра ихъ—суевѣріе; исполненіе обязанностей—слѣдствіе привычки, страха и зависимости; нравственность требуетъ строгаго надзора и направленія; особенно если крестьянинъ опредѣляетъ себя ремеслу или промышленности внѣ земледѣлія: это послѣднее порождаетъ нерѣдко развратъ, своеволіе и неповиновеніе власти. Кто же можетъ предотвратить всѣ эти уклоненія отъ порядка и добрыхъ нравовъ, какъ не помѣщикъ, имѣющій ближайшій надзоръ за всѣмъ бытомъ простолюдина?" (Р. Славатинскій, 389—394; Варадиновъ; Чтенія, 1863 г., кн. I).

Улучшая бытъ крѣпостныхъ крестьянъ и стремясь къ переводу ихъ въ „обязанные", правительство въ то же время поддерживало значеніе дворянства, какъ первостепеннаго сословія, развивало систему дворянскихъ и аристократическихъ учебныхъ заведеній, давало дворянамъ преобладаніе въ мѣстной и усиливало ихъ значеніе въ государственной службѣ, повышало чиновныя степени, дающія права потомственнаго дворянства и т. д.

Еще болѣе старалось правительство о поднятіи значенія чиновничества. Для искорененія произвола и хаоса, царствовавшихъ въ судахъ и въ администраціи, былъ составленъ Сводъ Законовъ, введенный въ дѣйствіе, не смотря на то, что въ высшихъ общественныхъ сферахъ и въ государственномъ совѣтѣ большинство было противъ этой реформы, ограничивавшей столь выгодный для оппонентовъ произволъ. Издавъ сводъ, утвердивъ имъ систему всеобщей бюрократической опеки, правительство дѣятельно заботилось объ искорененіи взяточничества и другихъ злоупотребленій безконтрольнаго чиновничества, къ проступкамъ и несправедливостямъ котораго оно относилось съ такою примѣрною строгостью, о какой и не думали во вторую половину предыдущаго царство-

ванія, когда подъ мощнымъ покровительствомъ Аракчеева и К° произволъ и злоупотребленія администраціи не знали никакой узды. Одного изъ главныхъ причинъ учрежденія корпуса жандармовъ было желаніе защитить народъ отъ чиновничьихъ злоупотребленій и „рядомъ съ полиціей карательной создать полицію покровительственную“ (Р. Арх., 1870, 1728). Осуществивъ свои идеалы дисциплины и порядка, правительство, при помощи Канкрина, довело разстроенные финансы наши до такого блестящаго состоянія, въ какомъ они не находились тогда ни въ одномъ европейскомъ государствѣ. Поощряя торговлю, промышленность, науки и искуства, оно было прогрессивнѣе правительства аракчеевской эпохи однимъ уже тѣмъ, что вмѣсто Шишкова министромъ просвѣщенія былъ сдѣланъ Уваровъ; Магницкіе, Руничи, Фотіи и самъ Аракчеевъ попали подъ опалу; заводились сельскія школы, городскія библіотеки, основывались ученыя общества, археографическая комиссія, снаряжались ученыя экспедиціи и т. д. Пушкинъ возвращенъ изъ ссылки; лучшія произведенія его и Гоголя, которыя никоимъ образомъ не могли бы быть напечатаны въ предыдущую эпоху, были дозволяемы къ печати самимъ государемъ. Внѣшнее могущество Россіи достигло до небывалой силы.

Но при всемъ этомъ, въ русскомъ обществѣ произошелъ нравственный переломъ вслѣдствіе рѣшительной побѣды консервативныхъ элементовъ. Развитіе прогрессивной мысли было задержано вслѣдствіе серьезныхъ опасеній, возбужденныхъ многими обстоятельствами, особенно ужасной исторіей 14 декабря. Мы уже выяснили, насколько могли, дѣйствительныя причины этого болѣзненнаго кризиса, погубившаго цѣлое поколѣніе. Но этихъ причинъ консерваторы не видѣли, а по прежнему продолжали указывать ихъ въ тѣхъ же явленіяхъ, на которыя съ такою злобою напирали разные Магницкіе и Руничи. Шишковъ, напр., остававшійся еще нѣкоторое время министромъ, въ своихъ офиціальныхъ письмахъ

и докладахъ подробно развивалъ эти воззрѣнія на внутреннія дѣла, укоренившіяся въ большинствѣ общества. „Небывалые никогда прежде у насъ произвольные толки о вѣрѣ, о свободѣ, о правительствѣ умножили секты и расколы, возмутили простой народъ, поселили въ неопытные умы и въ сердца молодыхъ людей надменность по собственнымъ ихъ мечтаніямъ учреждать образъ правительства. Все сіе не догадками одними, но самыми происшествіями подтверждается Изъ многихъ дѣлъ и донесеній видимъ мы умноженіе вольнодумства и безвѣрія нетолько въ свѣтскихъ, но даже въ духовныхъ лицахъ, до такой степени развратившихся, что нѣкоторые изъ нихъ, при чтеніи въ церквахъ указа, подтвердившаго о крѣпостной зависимости, ободряли прихожанъ своихъ не повиноваться законной власти и многія подобныя тому неистовства проповѣдывали (??). Видимъ, *чего прежде не было* (?!!!), частыя возмущенія крестьянъ противъ помѣщиковъ, съ упорнымъ требованіемъ вольности, которая, по ихъ понятіямъ, состоитъ *въ тунеядствѣ и необузданности* (!!!). Видѣли съ ужасомъ прошлогоднее декабря 14 число, въ которое открылось уже не въ простомъ народѣ, но въ чиновныхъ, въ князьяхъ и дворянахъ и писателяхъ, называвшихъ себя просвѣщенными и образованными людьми, одаренными остротою ума и свѣтскими пріятностями, открылось, говорю, такое, основанное на заблужденіяхъ и *безвѣріи* (??) *) преступное злоумышленіе, какому доселѣ въ семъ классѣ людей не было никогда примѣра“ (Зап. Шишк., 123). Несчастная исторія эксплуатировалась всѣми, кому было выгодно пользоваться для своихъ интересовъ произведеннымъ ею впечатлѣніемъ. Мысль о свободѣ крестьянъ крѣпостники старались заглушить, какъ мысль самую преступную, которая будто

---

*) Нужно вспомнить, что почти всѣ декабристы были вѣрующими, а многіе изъ нихъ отличались самою глубокою религіозностью.

бы легко можетъ довесть до повторенія 14 декабря. Одного того обстоятельства, что къ тайному обществу принадлежало много писателей было достаточно, чтобы подать поводъ къ ожесточеннымъ нападкамъ на литературу, въ которой Шишковъ и ему подобные видѣли причину зла. „Вотъ что надѣлали ваши поэты“, говорилъ послѣ 14 декабря Жуковскому одинъ генералъ, на что Жуковскій довольно остроумно отвѣчалъ ему: „скажите лучше, ваши эполеты, ваше п—во!..“ Ретроградная агитація, однакожъ, не оказывала на высшія сферы такого вліянія, какое желалось разными Шишковыми. Но тревожное состояніе умовъ все-таки поддерживалось рядомъ событій, вводившихъ въ недоразумѣніе относительно ихъ значенія въ дѣлѣ русскаго общественнаго развитія. Цѣлый рядъ крестьянскихъ бунтовъ, вызвавшихся крѣпостнымъ правомъ, возстаніе Польши, бунтъ военныхъ поселянъ, іюльская революція во Франціи, такъ называемый бабій бунтъ въ Севастополѣ, холерное возмущеніе въ Петербургѣ, картофельные бунты въ разныхъ мѣстахъ, постоянные революціонные происки поляковъ, бунты крестьянъ остзейскихъ, обширный заговоръ политическихъ преступниковъ въ западной Сибири, общество Петрашевскаго, наконецъ февральская революція и вызванныя ею революціонныя вспышки во всей Европѣ,—все это впродолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ поддерживало тѣ печальныя недоразумѣнія, которыя были такъ выгодны защитникамъ крѣпостного права, откуповъ, стараго судопроизводства и т. д. Польскія и европейскія волненія вовсе не отражались, да и не могли отражаться на русской жизни, а всѣ чисто русскіе бунты и движенія были вполнѣ чужды какихъ бы то ни было революціонныхъ происковъ и либеральныхъ вліяній. Мы остановимся здѣсь на холерномъ возмущеніи въ Петербургѣ и на бунтѣ военныхъ поселянъ.

Относительно холернаго бунта достаточно будетъ привести здѣсь выдержки изъ письма Жуковскаго. „Петербургское народонаселеніе, испуганное распоряженіями, но необходимо-

сти принятыми для того, чтобы остановить развитіе холеры, а *можетъ быть и настроенное нѣкоторыми злонамѣренными людьми* (!!!), и во всякомъ случаѣ, побуждаемое варварскимъ невѣжествомъ, произвело мятежъ въ Петербургѣ. Кричали объ отравѣ, обвиняли докторовъ, что они хотятъ воспользоваться Богъ знаетъ чѣмъ. Напослѣдокъ, на одной изъ петербургскихъ площадей собралась толпа тысячь въ 5 или 6. Кидаются въ одну больницу, находятъ тамъ несчастнаго доктора въ то время, какъ онъ подавалъ помощь умиравшему отъ холеры. Его убиваютъ. Больница опустошена; больныхъ разносятъ съ ихъ постелями по домамъ, изъ которыхъ они поступили въ больницу. Полиція ничего не можетъ сдѣлать противъ мятежа; но появляются войска, и сходбище разсѣяно. Весь Петербургъ въ трепетѣ; ждутъ общаго возстанія. Извѣщенный о положеніи дѣлъ, императоръ рѣшается ѣхать въ Петербургъ... Онъ прибылъ. Зловѣщія донесенія встрѣчаютъ его. Онъ садится въ коляску и направляется по самымъ многолюднымъ улицамъ прямо къ тому мѣсту, которое наканунѣ было театромъ безпорядковъ. Безчисленная толпа бѣжитъ за нимъ; нѣсколько разъ онъ останавливается для разговора съ тѣми, кто тѣснился вокругъ самой его коляски. Наконецъ, доѣхавъ до площади, онъ останавливается возлѣ церкви, окруженный толпою въ 20 — 25 тысячь человѣкъ. Тогда онъ встаетъ... Вотъ слова имъ произнесенныя: „Вѣнчаясь на царство, я поклялся поддерживать порядокъ и законы. Я исполню мою присягу. Я добръ для добрыхъ, — они всегда найдутъ во мнѣ друга и отца. Но горе злонамѣреннымъ: у меня есть противъ нихъ оружіе! Я не боюсь васъ, вамъ меня бояться! Намъ послано великое испытаніе, зараза. Надо было принять мѣры, дабы остановить ея распространеніе; всѣ эти мѣры приняты по моимъ повелѣніямъ. Стало быть, вы жалуетесь на меня, ну, вотъ я, здѣсь! И я приказываю вамъ повиноваться. Вы, отцы семействъ, люди смирные, я вамъ вѣрю и убѣжденъ, что вы всегда прежде

другихъ уговорите людей несвѣдущихъ и образумите мятежниковъ. Но горе тѣмъ, кто позволяетъ себѣ противиться моимъ повелѣніямъ! Къ вамъ не будетъ никакой жалости. Теперь расходитесь!.. Но напередъ слѣдуетъ примириться съ Богомъ. Если вы оскорбили меня вашимъ непослушаніемъ, то еще больше оскорбили Бога преступленіемъ: совершено убійство. Молитесь Богу!“ При этихъ словахъ, онъ обнажилъ голову, обернулся къ церкви и перекрестился. Тогда вся толпа падаетъ ницъ съ молитвенными возгласами. Императоръ уѣзжаетъ, а народъ тихо расходится... И съ этой минуты все пришло въ порядокъ“ (Р. Арх., 1866, 343—346).

Характеръ бунта ясенъ изъ одного этого письма, но даже самъ Жуковскій, подъ вліяніемъ умонастроенія той среды, въ которой онъ вращался, не прочь былъ предполагать тутъ подстрекательства „*злонамѣреныхъ людей...*“

Бунтъ военныхъ поселянъ былъ естественнымъ результатомъ угнетавшей ихъ аракчеевщины.

VIII.

Исторія военныхъ поселеній есть исторія бунтовъ, которые начавшись съ первыхъ же лѣтъ, закончились катастрофой 1831 года. Въ 1817 г. волновалось бугское казачье войско, которое, будучи обращено въ поселеніе, лишалось своихъ старинныхъ казачьихъ правъ. Въ 1818 г. начались безпорядки въ новгородскихъ поселеніяхъ и въ бугской уланской дивизіи. Въ послѣдней ожидали проѣзда государя, и поселяне, несмотря на всевозможныя противодѣйствія начальства, хотѣли встрѣтить царя съ хлѣбомъ-солью и обратиться къ нему съ просьбами и жалобами. Это называлось тогда *бунтомъ*, и военный судъ раздѣлался съ бунтовщиками. Лѣтомъ 1819 г. начались болѣе серьезные безпорядки въ полкахъ чугуевскомъ,

таганрогскомъ и въ Харьковѣ. Поселяне отказывались отъ работъ и шумѣли. Никакія увѣщанія не помогали. „Не хотимъ военнаго поселенія“, кричали солдаты, женщины и дѣти. „Не хотимъ военнаго поселенія, оно не иное что, какъ служба графу Аракчееву, а не государю; а Аракчееву скажите, что мы приняли непремѣнно рѣшительныя мѣры истребить его и знаемъ навѣрное, что съ концомъ его разрушатся и военныя поселенія“. 2,000 человѣкъ было арестовано. Изъ нихъ 275 военный судъ приговорилъ „къ лишенію живота“, но Аракчеевъ, освободивъ ихъ отъ скорой смертной казни, подъ видомъ помилованія, осудилъ на медленную и мучительную, назначивъ по 12,000 шпицрутеновъ каждому и приказавъ начать экзекуцію съ 40, считавшихся наиболѣе виновными.

18 августа 1819 г. въ окрестностяхъ Чугуева совершалась ужасная развязка этой исторіи. Лучи восходящаго солнца, багровые отъ дыма, наполнявшаго воздухъ, бросали свой кровавый свѣтъ на чугуевскую равнину и на выстроенные по ней полки, на тысячи солдатъ, вооруженныхъ палками. Бьютъ барабаны, свистятъ шпицрутены, раздаются вопли истязуемыхъ, которыхъ водятъ по зеленымъ улицамъ; кровь ручьями течетъ съ нихъ, мясо виситъ клочьями, обнажаются кости, а командиры, заправляющіе экзекуціей, все кричатъ „крѣпче, крѣпче...“ Солдаты усердствуютъ такъ, что у нѣкоторыхъ дѣлается вывихъ лопатки. „Ожесточеніе преступниковъ, по словамъ самого Аракчеева, было до такой степени, что изъ 40 человѣкъ только 3, раскаявшись въ своемъ преступленіи, просили помилованія—они на мѣстѣ же прощены, а прочіе 37 чел. наказаны. Но сіе наказаніе не подѣйствовало на остальныхъ арестантовъ, приономъ бывшихъ, хотя оно было строго и примѣрно. По окончаніи сего наказанія спрошены были всѣ ненаказанные арестанты, каятся ли они въ своемъ преступленіи и прекратятъ ли свое буйство; но какъ они единогласно сіе отвергли, то снова забили барабаны, снова засвистѣли шпицрутены, снова начали умирать подъ ними люди.

Въ своемъ донесеніи Александру Аракчеевъ писалъ, что „причиною возмущенія была *слабость начальства* и негодованіе разныхъ чиновниковъ, изъ г. Чугуева выселяемыхъ!.“.

Чугуевская и другія расправы съ недовольными поселянами нагоняли на нихъ ужасъ, но не искореняли недовольства, которое затаившись подъ наружною покорностью, ждало только повода къ взрыву. Александръ умеръ, Аракчеевъ сошелъ со сцены, а поселенія продолжали существовать по прежнему. Въ 1826 г. одно офиціальное лицо письменно совѣтовало Николаю уничтожить ихъ. Поселенія, говорилось въ этой запискѣ, совершенно раззорили народъ. „Коренные жители изъ зажиточныхъ крестьянъ сдѣлались убогими; дѣйствующіе солдаты, изъ которыхъ многіе проливали кровь свою за отечество, суть батраки хозяевъ, безъ женъ, безъ собственности. Они несутъ всѣ бремя строевой службы, и сверхъ сего, изнуряются безъ всякой платы различными работами. Рабочіе батальоны замучены и начальники ихъ не стыдятся удерживать у нихъ часть заработанныхъ кровавымъ потомъ денегъ... Въ политическомъ отношеніи военныя поселенія есть предпріятіе опасное. Ибо можно ли равнодушно видѣть цѣлыя селенія вооруженныя, состояніемъ своимъ недовольныя и подъ командою офицеровъ угнетенныхъ,—видѣть все сіе у воротъ столицы и спать спокойно!.. Если провидѣніе и благословитъ Васъ, всемилостивѣйшій государь, не испытать бѣдственныхъ послѣдствій, отъ поселеній произойти долженствующихъ, то неминуемо августѣйшему наслѣднику вашему предоставлены будутъ если не бѣдствія, то затруднительнѣйшее положеніе“.

Предсказаніе сбылось скоро. Лѣто 1831 года было ужасное лѣто: сильные жары, засуха, лѣсные пожары и дымъ отъ нихъ, наполнявшій воздухъ и застилавшій солнце, преслѣдованія новгородскихъ раскольниковъ, появленіе холеры—все возбуждало умы и доводило ихъ до того болѣзненнаго состоянія, до того эпидемическаго помѣшательства, которое обна-

ружиается во всѣхъ движеніяхъ народной массы. Холера, впервые появившаяся въ Россіи, всюду нагоняла паническій ужасъ и волновала народъ; она произвела бабій бунтъ въ Севастополѣ и возмущеніе въ Петербургѣ. Грозная, неизвѣстная эпидемія породила много суевѣрныхъ видѣній и нелѣпыхъ слуховъ. Увѣряли, что холера ходитъ въ полночь по улицамъ въ видѣ страшной женщины, одѣтой въ саванъ, которая посылаетъ смерть въ каждый домъ, къ которому подойдетъ. Поэтому, на многихъ домахъ вывѣшивались доски съ надписью—„дома нѣтъ", или приклеивался псаломъ „живый въ помощи Бога небеснаго". Разсказывали также, что холера показывается, особенно по утрамъ и вечерамъ, на рѣкахъ въ видѣ темнаго облака, и если кто черпалъ съ этимъ облакомъ воду, то всѣ пившіе ее непремѣнно умирали холерными припадками. Большинство же вовсе не вѣрило болѣзни, а толковало объ отравѣ, Нетолько простолюдины, но и люди „образованные" приписывали холерную смерть польской интригѣ; крестьяне больше и больше подозрѣвали „господъ", военные поселяне и солдаты—свое начальство; многіе купцы и мѣщане также вѣрили въ господскую отраву. Увѣряли, что ядъ разсыпанъ по хлѣбнымъ полямъ, лѣсамъ, колодцамъ, улицамъ, бульварамъ, что имъ отравлены рѣки и колодцы; купоросное масло, разосланное для леченія скота отъ сибирской язвы, известь и сѣрная кислота, раздававшіяся какъ предупредительныя средства отъ холеры, еще болѣе поддерживали нелѣпые слухи, что народъ отравляютъ. Неблагоразумное распоряженіе начальства военныхъ поселеній о приготовленіи гробовъ и могилъ для будущихъ холерныхъ покойниковъ окончательно подтвердило несомнѣнность отравы. Строгость предупредительныхъ мѣръ выводила народъ изъ себя. Въ казармахъ курили такъ, что невозможно было дышать. На одномъ изъ карантиновъ какого-то проѣзжаго семинариста закурили до смерти. Карантинныя линіи, вмѣсто того, чтобы пересѣкать путь холерѣ, двигавшейся отъ

востока къ западу, были протянуты совершенно параллельно съ путемъ, и не достигая поэтому своей цѣли, совершенно стѣсняли народъ въ его хозяйственныхъ занятіяхъ. За сѣномъ, за дровами, за снопами крестьяне выѣзжали свободно изъ деревни; но на обратномъ пути ихъ непремѣнно останавливали; сѣно, дрова и проч. раскладывались и на шестахъ передавались черезъ заставу; такимъ же способомъ перепускали экипажи, лошадей и даже людей. Сельскимъ жителямъ было запрещено употреблять въ пищу кислое, соленое, рыбу и сырые плоды; выбранные дворянствомъ особые смотрители заявили при этомъ такую ревность къ дѣлу, что заставляли крестьянъ буквально голодать, выливая ихъ квасъ, выбрасывая рѣдьку и капусту, сожигая возы съ рыбой и т. д. При этомъ, конечно, не обходилось безъ злоупотребленій. Одинъ смотритель, помѣщикъ 50 душъ, требовалъ, чтобы у каждаго крестьянина была непремѣнно перцовка, и разъѣзжая по деревнямъ, пьянствовалъ на пропалую, истребляя это зелье, приготовленное отъ холеры. Холерные комитеты были сочтены народомъ за общество отравителей.

При такомъ болѣзненномъ настроеніи умовъ, достаточно было самого пустого случая, чтобы возбудить народное волненіе въ разныхъ мѣстахъ, — въ Новгородѣ, Старой Русѣ, Холмѣ. Въ Старой Русѣ бунтовщики разгромили аптеку, заставивъ аптекаря перепробовать лекарства изъ всѣхъ банокъ и склянокъ, что стоило ему жизни; засѣкли до смерти полиціймейстера Манжоса и трупъ его, привязанный ко хвосту разъяренной лошади, мыкали по улицамъ; убивъ генерала Мевеса, даже лошадь его мучали до тѣхъ поръ, пока та не издохла. Бунтъ одновременно вспыхнулъ во всѣхъ округахъ поселеній; у бунтовщиковъ были списки всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ, которыхъ они положили перебить за отравленіе народа и за измѣну государю. Всюду гремѣлъ набатъ и раскатывались неистовые крики мятежа; вооруженные ружьями, саблями, дрекольями бунтовщики обыскивали дома, штабы,

церкви, стараясь найти отраву, захватывали офицеровъ, лекарей, чиновниковъ, священниковъ, засѣкали ихъ до смерти, вколачивали гвозди въ пятки, убивали, пытали, вынуждали письменныя признанія въ отравѣ. Попытки усмирить ихъ были напрасны, и войска, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, переходили на сторону мятежниковъ или отказывались драться съ ними. Убитыхъ складывали въ кучи, отмѣчали по спискамъ и нерѣдко приходили повѣрять, не сохранилъ ли кто признаковъ жизни. Поселяне не щадили даже своихъ любимыхъ начальниковъ, и, умерщвляя ихъ, говорили съ сожалѣніемъ: „на то воля царя!...“ Нѣкоторые изъ бунтовщиковъ не вѣрили слухамъ объ отравѣ; „для дураковъ ядъ да холера,—говорилъ одинъ старикъ инженеру Панаеву,—а намъ надобно, чтобъ вашего дворянскаго, козьяго племени не было!“ Но масса совершенно чистосердечно вѣрила въ отраву и истребляла все, что ненавидѣла, думая, что исполняетъ царскую волю. Бунтъ былъ взрывомъ отчаяннаго озлобленія, накопившагося впродолженіе годовъ; бунтовщики, считая своихъ командировъ отравителями и притѣснителями народа, думали, что по царскому правосудію, они, какъ измѣнники, подлежатъ смерти и въ порывѣ необузданнаго мщенія, сами взялись за исполненіе этого правосудія. Они послали въ Петербургъ депутацію съ донесеніемъ о совершенныхъ ими казняхъ и съ жалобами, надѣясь, что царь приметъ депутатовъ милостиво и поблагодаритъ ихъ. Царь принялъ ихъ грозно, и бунтовщики совершенно растерялись, обманувшись въ своихъ надеждахъ. Еще до этого, послѣ того, какъ месть ихъ была удовлетворена кровью, когда вмѣсто утихшей страсти въ нихъ началъ говорить разсудокъ, они пришли въ нерѣшительное состояніе, не знали, что дѣлать безъ начальства, и назначили себѣ командировъ изъ офицеровъ, которыхъ пощадили потому, что не ненавидѣли. Отчаяніе, раскаяніе, угрызенія совѣсти, какое-то отупѣніе, страхъ казней, начали сильнѣе и сильнѣе волновать поселянъ послѣ того, какъ они ув-

нали о грозномъ пріѣздѣ императора. Бунтъ началъ утихать самъ собой. Посторонняя войска занимали поселенія. Командующіе распускали слухи, что убитые поселянами являются многимъ во снѣ, ходятъ и ѣздятъ по улицамъ, а ночью надъ ихъ могилами виднѣется свѣтъ. Суевѣріе еще болѣе поддерживало нервное разстройство растерявшихся мятежниковъ. Пріѣхалъ архирей, чтобы служить панихиду по убитымъ. „Вы" — говорилъ онъ поселянамъ — „будете подобны листу, отъ малаго дыханія вѣтра трепещущему,—и чего недоставало къ благополучію вашему? неужели наскучило вамъ въ тишинѣ мірской трудиться и собственными руками пріобрѣтать себѣ благосостояніе? Какое черезъ это утѣшеніе бываетъ! Самъ Господь сказалъ—въ потѣ лица твоего снѣди хлѣбъ твой. А вы возлюбили пуще праздность! Вспомните попеченіе и труды, изливаемые на васъ покойнымъ и симъ государемъ, какъ равно и начальниками! А что доселѣ было у васъ? Шинки, развратъ, занимались пьянствомъ, лѣнивствомъ!" Архирейская проповѣдь взволновала поселянъ. „Какой вздоръ говоритъ, снять бы съ него шапку да надѣть колпакъ"; „пропала наша правда, нѣтъ ее, видно, на землѣ", говорили они. Но ихъ энергія была уже надломлена и при совершенной растерянности массы, даже самые буйные агитаторы не могли ничего подѣлать. Всѣ ждали царскаго пріѣзда. Пріѣхалъ Николай. На колѣняхъ, со страхомъ и съ нѣкоторою надеждою встрѣтили его присмирѣвшіе бунтовщики. Разсказавъ имъ о холерѣ, постаравшись выяснить имъ ихъ преступность, государь потребовалъ, чтобы выдали виновныхъ. „Но поселяне молчали", разсказываетъ Панаевъ. „Я, стоя въ рядахъ поселянъ, услышалъ, что сзади меня какой-то поселянинъ говорилъ своимъ товарищамъ: „а что, братцы, государь ли это, полно? не изъ нихъ ли переряженецъ?" Услышавъ эти слова, я обмеръ отъ страха, и, кажется, государь прочелъ на лицѣ моемъ смущеніе, ибо послѣ того не настаивалъ о выдачѣ виновныхъ", а только старался довести ихъ до раскаянія. Свя-

щенники и нарочно командированные монахи начали проповѣдь покаянія; поселянъ заставили говѣть и исповѣдываться; дѣлались крестные ходы, пѣлись панихиды по убитымъ во время бунта. Между тѣмъ, шли аресты, аресты и аресты; производилось слѣдствіе, насталъ военный судъ. Генералъ Скобелевъ самъ предложилъ себя для производства наказаній. Военныя поселенія были наказаны почти поголовно шпицрутенами, кнутами и розгами. Многіе были наказаны на смерть. „Наказанія“—разсказываетъ священникъ Воиновъ—„производились частію въ Новгородѣ, частію въ штабахъ округовъ, на мѣстахъ преступленій, при сборѣ всѣхъ поселянъ и ихъ семействъ. Сцена на плацу во время наказаній была шумна и ужасна. Удары кнута и бичеваніе шпицрутенами съ воплемъ и стономъ бичуемыхъ раздавались по штабу, но крикъ кантонистовъ и визгъ женщинъ подъ розгами заглушалъ и покрывалъ все. Поселянкамъ казалось, какъ онѣ увѣряли впослѣдствіи, что грѣхи ихъ изъ подъ ударовъ вылетали изъ тѣла и поднимались въ видѣ брызжущаго пара. Призванный въ госпитальныя палаты для пріобщенія наказанныхъ св. тайнами, я былъ свидѣтелемъ другой страшной сцены: отъ стона и вида обнаженныхъ частей наказанныхъ причетникъ мой растерялся и оставилъ меня одного подавать наказаннымъ разную помощь. Палаты наполнялись глухимъ стономъ; трогательны и поразительны были обращенія ко мнѣ раскаявшихся. Иной взывалъ съ жалкимъ воплемъ и рыданіемъ „батюшка, не послушали мы вашей молитвы“; иные клялись и дополняли на духу безъ утайки признаніе въ томъ, въ чемъ не были уличены и не признавались на допросѣ. Наконецъ, изнемогъ и я, и послалъ смѣнить себя младшимъ священникомъ“. Многіе умерли во время или послѣ наказанія; тысячи были сосланы въ Сибирь и въ арестантскія роты; выслужившіе свой срокъ уволены въ отставку на родину. Въ штабахъ помѣщены гвардейскіе полки. Тишина и унылые водворились въ поселеніяхъ. Въ 1832 г. военные поселенцы были обра-

щены въ пахатныхъ солдатъ и обложены оброкомъ. Въ началѣ настоящаго царствованія были уничтожены послѣдніе слѣды аракчеевской Спарты.

Черезъ три года послѣ возмущенія, умиралъ въ своемъ Грузинѣ графъ Аракчеевъ, спасшійся во время бунта бѣгствомъ. Для дворни, для бывшихъ при немъ офицеровъ, для всѣхъ къ нему близкихъ кончина его была праздникомъ, и у положеннаго на столъ его трупа подчиненные его съ громкими возгласами радости, даже со стаканами шампанскаго въ рукахъ праздновали смерть ненавистнаго человѣка.

Всеобщая ненависть обезсмертила Аракчеева и аракчеевщину; но эта ненависть мало имѣетъ въ себѣ разумнаго; это ненависть къ личности и дѣламъ ея, а не ненависть къ принципу, представителемъ котораго былъ Аракчеевъ, не раціональная вражда къ тѣмъ условіямъ, которыя порождаютъ подобныхъ дѣятелей и даютъ имъ возможность выдѣлывать надъ людьми такіе эксперименты, какъ, напр., отученіе ихъ отъ пищи или превращеніе ихъ въ автоматовъ, управляемыхъ фельдфебелемъ. Военныя поселенія были только самымъ крупнымъ изъ подобныхъ государственныхъ экспериментовъ, которые повторялись чуть не на каждой страницѣ нашей исторіи и возможность которыхъ устранится только съ полнымъ развитіемъ общественной инициативы.

Опасенія, постоянно возбуждаемыя европейскими революціями, достигли высшей степени въ 1848 году. Объ ихъ характерѣ, направленіи, тенденціяхъ даютъ отличное понятіе доведенные въ 1848 г. до высочайшаго свѣденія „Мысли, возбужденныя современными событіями въ Европѣ“ неизвѣстнаго автора. Эти „Мысли“ можно сравнить съ запискою Карамзина, такъ какъ они были органомъ консервативнаго общественнаго мнѣнія, которое въ крайнихъ своихъ представителяхъ шло даже дальше автора мыслей, доказывая, напр., необходимость закрыть всѣ университеты и т. п. Читатель,

вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если приведемъ подробныя выдержки изъ этихъ „Мыслей“.

„Тревожное состояніе полуміра въ настоящее время возбуждаетъ тяжелые вопросы... Гдѣ предѣлы этой заразѣ духа, болѣе смертоносной, чѣмъ холера и чума, этимъ попыткамъ безумія мечтателей и замысламъ закоснѣлыхъ злодѣевъ ниспровергнуть всюду порядокъ, возмутить всѣ страсти человѣческія и перепутать всѣ права, обязанности и отношенія народовъ, правительствъ и лицъ? Какая охранная цѣпь стражи можетъ воспрепятствовать теченію этой заразы духа? Какъ удержать на границѣ Россіи отголоски соблазнительнаго ученія о волѣ, равенствѣ и братствѣ? Правда, смыслъ этихъ обольстительныхъ словъ уже разгаданъ во Франціи: это грабежъ, убійства и самоуправство слѣпой толпы, уничтоженіе узъ семейнаго быта и права собственности, труда и заслугъ, установленіе преимуществъ праздности, буйства и безстыдства...“

Доказывая, что сѣмена этой заразы посѣяны уже и на русской почвѣ, авторъ принимается прежде всего за боровшіяся тогда между собою литературныя школы, западниковъ и славянофиловъ... „Когда они (славянофилы) шумятъ: зачѣмъ Петербургъ — Петербургъ, а не Петроградъ и т. п., тогда они или смѣшны или идутъ къ одной цѣли съ западниками, къ безсильному желанію переиначить все въ Россіи, къ желанію, однакожъ, внушаемому пламенною, хотя и неразумною любовью къ отечеству... Потому-то западники и опасны своимъ безусловнымъ поклоненіемъ Европѣ. Забывая, что въ Россіи прежде всего надо быть русскимъ, они плѣняются всѣми новыми мыслями нѣмецкихъ и французскихъ писателей, и представляя заблужденія свои толпѣ, увлекаютъ за собою безотчетно молодежь, всегда пылкую и неопытную“.

„Вотъ первыя сѣмена заграничной заразы. Къ нимъ можно присоединить большое еще пристрастіе у насъ къ учи-

телямъ, наставникамъ, дядькамъ, нянькамъ, даже управителямъ, поварамъ, горничнымъ, портнымъ и портнихамъ и т. п. изъ иностранцевъ и иностранокъ...“

...„Можно принять такія мѣры:

„*А. Относительно мудроствованій Запада.* Установить преподаваніе нравственно-христіанской философіи во всѣхъ университетахъ и прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на тѣхъ началахъ и тѣмъ же порядкомъ, какъ преподаютъ богословіе и философію въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ...

„*Б. Касательно чужеземцевъ.* 1) Запретить держать въ русскихъ домахъ иностранцевъ и иностранокъ... 2) Не желающихъ (вступить въ подданство) чужестранцевъ всѣхъ, кромѣ банкировъ, выслать за границу... 3) ...Всѣхъ праздно-шатающихся по Россіи съ органами, учеными собаками, обезьянами и т. п., равно бродягъ-рознощиковъ мелочныхъ товаровъ: духовъ, помады, сѣрныхъ и фосфорныхъ спичекъ и т. д., также выслать и впредь не впускать. Желающихъ же изъ нихъ остаться поселить въ существующихъ колоніяхъ южнаго края, а малолѣтнихъ сиротъ опредѣлить въ кантонисты...“

„Какъ большая часть зашедшихъ къ намъ иностранцевъ, такъ и собственно русскіе побродяги, нищіе, составляютъ уже опасный зародышъ пролетаріевъ... Если же присоединить къ нимъ шатающихся безъ занятія вольноотпущенниковъ, отставныхъ солдатъ и солдатокъ, мѣщанъ, ихъ вдовъ и сиротъ, изгнанныхъ изъ службы или отставленныхъ безъ пенсіи военныхъ и статскихъ офицеровъ, чиновниковъ, почтовыхъ смотрителей, курьеровъ и т. д., съ ихъ женами, вдовами, сиротами, заштатныхъ церковно-служителей и также вдовъ и сиротъ ихъ, священническихъ и дьяконскихъ, наконецъ, воспитанниковъ и воспитанницъ воспитатательныхъ домовъ, студентовъ не-дворянскаго происхожденія, и семинаристовъ, остающихся безъ назначенія, — то можно сказать, что у насъ уже образовалось tiers-état... Итакъ, мы имѣемъ уже *пауперизмъ*, *пролетаріевъ* и *тьерсъ-эта*, т. е. всѣ ги-

бельныя сѣмена неустройствъ, отчаянной рѣшимости на самоуправство и готовности къ междоусобіямъ".

„Къ облегченію городовъ отъ этой язвы можно-бы: 1) Всѣхъ, неосѣдлыхъ и неимѣющихъ ремесла вольноотпущенниковъ, мѣщанъ, отставныхъ солдатъ, заштатныхъ священно- и церковно-служителей, здоровыхъ нищихъ и бродягъ, съ женами и дѣтьми, поселить, подобно, какъ были опыты поселенія отставныхъ солдатъ при Екатеринѣ II... 2) Семинаристамъ, остающимся втеченіе трехъ лѣтъ послѣ выпуска изъ семинаріи безъ назначенія по духовному вѣдомству, предоставлять избраніе рода жизни: приписаться ли къ городскому обществу, съ его согласія, войти ли въ военную службу, водвориться ли среди казачьихъ и линейныхъ войскъ. 3) Студентамъ не-дворянскаго происхожденія наравнѣ съ семинаристами, съ дѣтьми купцовъ и почетныхъ гражданъ, почетныхъ личныхъ дворянъ и вообще разночинцевъ, впредь воспретить вступленіе въ государственную службу... Студентовъ, которые не посвятятъ себя ученой или врачебной службѣ, или оставятъ ученое поприще, не достигши степени магистра, оставить въ томъ сословіи, къ которому принадлежали до поступленія своего въ университеты, съ правомъ, впрочемъ, входить въ полки, на правахъ вольноопредѣляющихся, и водворяться среди казачьихъ и линейныхъ войскъ... 4) За симъ прекратить право на пріобрѣтеніе чиновъ и вступленіе въ государственную службу, присвоенное воспитанникамъ разныхъ, не собственно для дворянъ учрежденныхъ, учебныхъ заведеній: гимназій, коммерческихъ училищъ и всѣхъ возможныхъ школъ, институтовъ и т. д. Эти преимущества оставить только питомцамъ ихъ изъ дворянъ..."

„Говоря о русскихъ пролетаріяхъ, нельзя умолчать объ одномъ изъ притоновъ ихъ, раскольничьихъ скитахъ"... Здѣсь предлагаются строгія мѣры противъ раскольниковъ: штрафовать, брать въ солдаты, ссылать на поселеніе; „изъ дѣтей-сиротъ годныхъ опредѣлять въ кантонисты, а неспособныхъ и

дѣвочекъ—по монастырямъ...“ „Раскольничьи общины тѣмъ болѣе требуютъ строгаго, тайнаго, непрестаннаго надзора, что онѣ основаны иногда на тѣхъ же началхъ, какія проповѣдуютъ въ Европѣ *коммунисты*...“

„Просвѣщеніе, какъ и человѣколюбіе, необходимо для блага народовъ. Это неоспоримо. Однакожъ есть степени просвѣщенія, есть предѣлы и человѣколюбію. Много у насъ теперь толкуютъ о всемірной грамотности, хотятъ особенно просвѣтить крестьянскихъ дѣвочекъ, и ужъ начали сочинять для мужиковъ повѣсти!.. Мысль западная: Эме Мартель давно уже издалъ книгу „о воспитаніи матерей“, въ которой, разумѣется, много философскихъ пошлостей и нехристіанскихъ выходокъ... Не говоря уже о невозможности засадить за указку и перо нѣсколько милліоновъ мужчинъ и женщинъ, старыхъ и малыхъ, если допустить мысль, что рано-ли, поздно-ли вся Россія примется читать, гдѣ повѣсти, гдѣ часословъ, а гдѣ писать пустится всякую всячину, кто же будетъ воздѣлывать землю, проводить пути сообщенія, воздвигать зданія, добывать металлы и минераллы, работать на промыслахъ и заводахъ и т. п.? Какъ найти довольно времени и на вседневные труды и на чтеніе?..“

Главнымъ оплотомъ противъ волненій авторъ считаетъ аристократію и находитъ въ Россіи всѣ условія, благопріятныя для ея развитія. „Остается только приподнять нѣсколько упавшее дворянство, закрывъ легкіе пути къ достиженію этого званія не-дворянамъ, возстановить обмельчавшіе роды князей и бояръ, ограничивъ раздробленіе владѣльческихъ имѣній... словомъ, возсоздать вельможество или столбовое дворянство. Оно потому и называется искони *столбовымъ*, что дворяне коренные столбы престола, на которыхъ онъ почіетъ и зиждетъ. Это—сила силы! Это двигатели въ рукахъ двигателя! Это драгоцѣнный алмазъ въ вѣнцѣ порфирородныхъ на Руси!..“

Авторъ говоритъ, что въ его проектѣ—спасеніе отечества,

и что если его „Мысли“ осуществятся, „то смѣло можно сказать, что Россія, при всеобщей любви къ отечеству ея обитателей, при вѣчной вѣрности своихъ войскъ, при благотворномъ на простой народъ вліяніи православной церкви и духовенства, просвѣщеннаго смиреномудріемъ св. евангелія, пребудетъ многіе вѣки страхомъ и завистью чуждыхъ ей народовъ“.

Въ заключеніи авторъ выставляетъ еще одинъ ужасный революціонный призракъ бунтовской силы, которая „растетъ и воспитывается въ самомъ сердцѣ многолюдныхъ столицъ, важнѣйшихъ крѣпостей и губернскихъ городовъ: это арестантскія роты и исправительныя отдѣленія при батальонахъ внутренней стражи... Это почти *то же, что народныя во Франціи ремесленныя или рабочія* (т. е. знаменитыя національныя мастерскія февральской революціи!!!), въ которыхъ расписаны люди по-ротно, по-батальонно и по бригадамъ...“ (Чтенія, 1865 г., кн. I, отд. V, стр. 227—243).

Хотя эти „Мысли“ и не могли имѣть большаго общественнаго вліянія, но мы считаемъ ихъ все-таки чрезвычайно важнымъ доктриномъ, такъ какъ въ нихъ съ полнотою и опредѣленностью выражены идеи и стремленія консервативной массы того времени. Въ извѣстныхъ сферахъ общества тогда говорили то же самое, что и этотъ „мыслитель“, и дѣйствовали именно въ его духѣ. Смѣшно, напр., читать его мнѣнія о политическихъ переворотахъ Европы, но вѣдь того же самого мнѣнія держались и многіе тогдашніе представители русскаго ума, Гоголь, Жуковскій, отчасти даже Пушкинъ и Лермонтовъ. Вспомните, что послѣдній видѣлъ въ великой революціи только безобразную анархію и говорилъ французскому народу —

«Ты жалокъ потому, что вѣра, слава, геній,
Все, все, великое, священное земли,
Съ насмѣшкой грубою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли!
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,

Изъ вольности — орудье палача,
И всѣ завѣтныя, отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ сплеча!..»

Жуковскій въ событіяхъ 1848 г. видилъ одно только „низведеніе человѣчества, освобожденнаго отъ всякой обязанности, ограничивающей чѣмъ нибудь его личную независимость, въ достоинство совершенно свободнаго *скотства*“ (Сочиненія, XI, 351). Желаніе автора изолировать Россію отъ европейскихъ вліяній было однимъ изъ главныхъ стремленій эпохи. Но стараясь о развитіи народныхъ началъ, будучи въ сущности совершенно славянофильскою, эта эпоха, вмѣстѣ съ авторомъ мыслей, относилась къ славянофильской школѣ съ такимъ же недовѣріемъ и строгою подозрительностью, какъ и къ расколу. Доходило до того, что заботливо сортируя раскольничьи секры на вредныя и менѣе вредныя, отнесли къ нимъ и славянофиловъ, только долго затруднялись, къ кому ихъ причислить, къ поповцамъ или безпоповцамъ, наконецъ рѣшили, что они „болѣе подобны безпоповцамъ...“ Наконецъ, эта постоянная заботливость автора объ искорененіи заразы духа посредствомъ отдачи въ солдаты семинаристовъ, студентовъ и т. д., тоже чрезвычайно характеристична для его времени, къ которому принадлежалъ грибоѣдовскій Скалозубъ, угрожавшій молодежи —

Я вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ;
Онъ въ двѣ шеренги васъ построитъ,
А пикнете,—такъ мигомъ успокоитъ!..

Относительно университетовъ авторъ „Мыслей“ былъ еще довольно либераленъ, если сравнить его съ тѣми, которые хлопотали о совершенномъ уничтоженіи университетовъ, объ окончательномъ стѣсненіи среднихъ заведеній, на что отчасти намекаетъ тотъ же незабвенный полковникъ Скалозубъ:

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проектъ насчетъ лицеевъ, школъ, гимназій,
Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два,—
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оккāзій!..

Вся система описываемой эпохи, подобно вышеизложеннымъ „Мыслямъ“ автора, сводилась къ принципу *народности*, подъ которою разумѣлось неизмѣнное сохраненіе существующаго statu quo. Это statu quo считалось естественнымъ проявленіемъ національнаго духа; оно освѣщалось десятью прошедшими вѣками исторіи; въ сохраненіи его видѣли единственное спасеніе Россіи отъ тѣхъ болѣзней, которыя будто бы окончательно погубили Западъ. Для достиженія этихъ цѣлей система держалась всеобъемлющей бюрократической опеки надъ народною жизнью. Строгія государственныя доктрины, возникшія въ Европѣ, какъ противодѣйствіе революціоннымъ броженіямъ, прилагались въ Россіи къ дѣлу полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Всѣмъ теченіемъ народной жизни управляли канцеляріи, планы и дѣйствія которыхъ сохранялись въ глубочайшей тайнѣ. Общество спало безмятежнымъ сномъ. Система *народности* менѣе всего допускала самодѣятельность *народа*, масса котораго находилась къ тому же въ крѣпостной неволѣ. При этомъ, система *народности*, поднявъ до такой высоты бюрократію, по странному противорѣчію допускала въ ней то господство „*нѣмцевъ*“, которое бросалось въ глаза даже въ то время. Главною заботою этой *народной* политики было образованіе многочисленной и сильной арміи, на которую уходили и большая часть государственныхъ доходовъ и лучшія молодыя силы народа. Въ заведеніяхъ военныхъ кантонистовъ и въ кадетскихъ корпусахъ юношество спеціально воспитывалось для военной службы, сущность которой состояла въ строжайшей дисциплинѣ и плацпарадной выправкѣ. Послѣднею увлекались до того, что прилагали къ военной службѣ эстетическую теорію искуства для искуства, и многіе утверждали, что „война только портитъ солдата“. Военные формы и военный духъ постепенно распространялись на всѣ гражданскія учрежденія; многія чисто гражданскія вѣдомства получили совершенно чуждый имъ военный характеръ, напр., лѣсное, ме-

жевое, горное, путей сообщенія. Военносудныя комиссіи по уголовнымъ дѣламъ вошли въ частое, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—даже въ постоянное употребленіе, напр., въ Сибири комиссіи по прійсковымъ дѣламъ. Военная служба предпочиталась гражданской, и на гражданскія должности—губернаторовъ, городничихъ, попечителей учебныхъ округовъ и т. д.,—назначались преимущеетвенно военные. Общество чувствовало къ военнымъ какое-то особое благоговѣніе, даже женщины:

Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что патріотки!..

Обояніе военной славой и внѣшнимъ могуществомъ Россіи было всеобщее и вполнѣ удовлетворяло національное тщеславіе. Каждый русскій вмѣстѣ съ Пушкинымъ гордился тѣмъ, что Европа трепещетъ милліона русскихъ штыковъ и что, дѣйствительно, выйдетъ очень страшно, когда—

От финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля,
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Возстанетъ русская земля.

Военныя сочиненія, напр., творенія Михайловскаго-Данилевскаго, разсказы Скобелева, повѣствованія о чудесахъ русской храбрости—составляли любимое чтеніе публики, а разводы, парады, ученья, маневры служили одними изъ любимѣйшихъ зрѣлищъ.

Народное просвѣщеніе во всю эпоху велось въ духѣ упомянутой офиціальной народности. И мистикъ Шишковъ, и европейски образованный классикъ Уваровъ, и Ширинскій-Шихматовъ—всѣ они платили усердную дань этому направленію и твердо держались его въ дѣлѣ народнаго образованія, стараясь „о водвореніи по всему пространству имперіи воспитанія, согласнаго съ духомъ нашихъ учрежденій, и о предохраненіи юныхъ сердецъ отъ впечатлѣній, противныхъ вѣрѣ, нравственности и *народному нашему чувству*“. Уни-

верситеты возбуждали подозрительность и опасенія. „Дисциплина внутренняя признавалась главнымъ ручательствомъ благосостоянія университетовъ, которые подвергались непрерывному и самому дѣятельному надзору“. „Привести образованіе отечества къ закону государственнаго единства, обнять въ этомъ образованіи коренное племя русское и вмѣстѣ съ нимъ племена разныхъ языковъ и вѣръ, связанныя съ нимъ союзомъ государственнымъ; основать образованіе русскаго народа на тѣхъ коренныхъ началахъ, которыя опредѣляются его исторіей; передавать блага всемірнаго просвѣщенія отечеству, устраняя вредъ и зло; посылать даровитыхъ юношей во всѣ концы просвѣщенной Европы, строго наблюдая за тѣмъ, чтобы они, какъ пчелы, сосали только медъ съ цвѣтовъ всемірнаго образованія; воздвигать училищныя зданія во всей красотѣ, обширности и величіи, соотвѣтственно могуществу, славѣ и пространству того государства, гдѣ они воздвигнуты; въ другомъ отношеніи, противодѣйствуя матеріализму Запада, освящать весь храмъ народнаго просвѣщенія божіимъ престоломъ, крестомъ и молитвою,—вотъ задачи, которыя рѣшались втеченіе тридцати лѣтъ въ исторіи образованія нашего отечества“, говоритъ Шевыревъ (Инструкц. министра отъ 27 мая 1833; Шевыр., Ист. Москов. Универс., 468; Щаповъ, 54). Вмѣстѣ съ тѣмъ прилагались самыя дѣятельные заботы о томъ, чтобы дворянское юношество получало воспитаніе отдѣльное отъ прочихъ сословій; учреждались кадетскіе корпуса, благородные пансіоны при гимназіяхъ, дворянскіе институты и училища, дѣвичьи благородные институты, — все это большею частью насчетъ крѣпостныхъ крестьянъ. При Уваровѣ въ гимназіяхъ для воспитанниковъ изъ дворянъ былъ даже особый костюмъ, а въ классахъ отдѣльныя благородныя скамьи (Р. Славатинскій, 84 — 87),. Образованіе дѣтей низшихъ сословій было ограничено. Въ 1827 г. ихъ воспрещено принимать въ университеты, такъ какъ „предметы обученія и самые способы преподованія

должны быть по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предначертаніемъ обучающихся, и чтобы каждый вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, получалъ познанія, наиболѣе для него нужныя, и не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился черезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ по обыкновенному теченію дѣлъ ему суждено оставаться". Какъ въ университетахъ, такъ и во всѣхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ могли обучаться только лица свободныхъ состояній. (Журн. Минист. Народн. Просвѣщ., ч. CXXI, отд. II, с. 160). Утвердилось офиціальное мнѣніе, что „высшее образованіе для низшихъ слоевъ народа безполезно, составляетъ роскошь для нихъ, выводитъ ихъ изъ круга ихъ первобытнаго состоянія безъ выгоды для себя и для государства". Въ 1845 г. въ докладѣ министра говорилось: „имѣя въ виду, что въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ замѣчается очевидно умножающійся приливъ молодыхъ людей, отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, я нахожу необходимымъ, не столько для увеличенія суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій — возвысить сборъ платы съ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (Плата возвышена съ 5 до 30, 40 и 50 р.). Министръ думалъ, что „необузданное стремленіе молодыхъ людей изъ низшихъ сословій къ высшему образованію" крайне вредно и опасно для государства. Онъ утверждалъ, что это образованіе должно принадлежать дворянамъ, „какъ потомкамъ древняго рыцарства", „тѣмъ болѣе, что лица низшаго сословія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго ихъ состоянія, не имѣя по большей части никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣденіяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми неспокойными и недовольными настоящимъ порядкомъ вещей"

(Щаповъ, 84—85; Журн. Мин. Нар. Просв., 1865 г.). Въ 1847 г. уничтоженъ разрядъ университетскихъ вольнослушателей. Число студентовъ ограничено комплектомъ. Поговаривали даже о закрытіи университетовъ. „Высшая власть“ — говоритъ г. Пыпинъ — „подозрительно смотрѣла на университетскую жизнь; попечители округовъ, почти всегда назначавшіеся изъ лицъ, по прежней службѣ совершенно чуждыхъ учебному вѣдомству, почти всегда раздѣляли эту подозрительность, не имѣли ни интереса, ни пониманія въ дѣлѣ просвѣщенія и главнымъ образомъ видѣли свое дѣло въ полицейскомъ присмотрѣ. Недостатокъ умственнаго и нравственнаго простора не могъ не стѣснять образовательной дѣятельности университетовъ; онъ дѣйствовалъ подавляющимъ образомъ, очень часто превращалъ професуру въ простое отправленіе ученаго промысла и подвергалъ тяжелому испытанію ревность и энергію лучшихъ людей... Для примѣра довольно вспомнить, какъ тяжело было Грановскому; это былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей, какіе только были у насъ въ то время, одинъ изъ избранныхъ умовъ, стоявшихъ во главѣ нашей образованности, человѣкъ самыхъ спокойныхъ политическихъ убѣжденій, умѣренность которыхъ стала даже поводомъ раздора съ нѣкоторыми изъ его друзей, человѣкъ, пользовавшійся большою популярностью и уваженіемъ въ образованномъ обществѣ,—и все это однако не спасло его отъ подозрѣній, притѣсненій и полицейскаго надзора“ (Вѣстн. Европы, 1871 г., IX, 318).

Наукѣ въ это время покровительствовали, но только въ томъ случаѣ, если она служила той-же офиціальной доктринѣ народности. Съ другой стороны, на философію, политическую экономію, новѣйшую исторію смотрѣли чрезвычайно подозрительно и даже враждебно. Философію въ университетахъ было поручено читать священникамъ. По русской исторіи сочиненіе Карамзина сдѣлалось чѣмъ-то въ родѣ алкорана и его всѣми мѣрами старались возвести на степень на-

ціональной святыни. Цѣлые отдѣлы исторіи, напр., дворцовые перевороты XVIII вѣка, смерть царевича Алексѣя, 14 декабря 1825 г.—запрещены были для публики, а архивныя свѣдѣнія о нихъ хранились въ глубочайшей тайнѣ. „Прошедшее Россіи удивительно, ея настоящее болѣе чѣмъ великолѣпно, что же касается ея будущаго, то оно выше всего, что только можетъ представить себѣ самое смѣлое воображеніе,—вотъ точка зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на русскую исторію и писать ее". Такъ говорилъ покойный гр. Бенкендорфъ, и его слова можно считать офиціальной программой, которой въ точности слѣдовали тогдашніе историки,—Устряловы, Шевыревы, Погодины, Зотовы и др. Шевыревъ, напр., восторгался тѣмъ, что видѣлъ въ русской исторіи постепенное „*приниженіе*" человѣческой личности!..

Для огражденія страны отъ европейскихъ идей были приняты всевозможныя мѣры. Строгости иностранной цензуры простирались до того, что многія великія научныя открытія, сдѣланныя въ Европѣ въ это время (напр., теорія Ляйеля) допущены къ свѣденію русскихъ только въ настоящее царствованіе. Запрещено воспитывать русское юношество заграницей. Дѣятельность иностранныхъ учителей поставлена въ самыя тѣсныя рамки. Выѣздъ русскихъ заграницу стѣсненъ до крайности. Въ 1834 г. срокъ дозволеннаго пребыванія заграницей опредѣленъ для дворянъ не болѣе 5, а для не-дворянъ—не болѣе 3 лѣтъ; въ 1851 г. для первыхъ 3, а для послѣднихъ 2 года, а за заграничный паспортъ положено взимать по 250 р. за каждое полугодіе.—Начиная съ 1825 г. русская политическая мысль очутилась въ совершенно изолированномъ положеніи, въ которомъ обществу было неизвѣстно, что дѣлается въ Европѣ. Событія іюльской революціи, напр., представлялись русскими газетами въ такомъ извращенномъ и крайне сокращенномъ видѣ, какъ будто король великодушно отказался отъ престола, утвердилъ регентомъ герцога орлеанскаго, созвалъ палаты и обѣщалъ принять дальнѣйшія

мѣры. Всѣ эти королевскія распоряженія исполняются и регентъ какъ будто доноситъ объ этомъ королю, который совершенно свободно удаляется отъ дѣлъ; онъ можетъ безпрепятственно остаться во Франціи, но „думаютъ, что онъ рѣшится оставить Францію". Наконецъ, король и его фамилія *рѣшили* выѣхать, и „августѣйшіе путешественники" изволили отбыть на корабли, а регентъ надѣлъ на себя корону (Предисловіе Антоновича къ шлоссеровской Исторіи XVIII в., стр. LXIII—LXV). Изъ за чего совершились всѣ эти перемѣны, какой въ нихъ смыслъ, почему „Парижъ сдѣлался позорищемъ бѣдственныхъ происшествій"—все это оставалось неизвѣстнымъ русскому читателю.—Точно въ такомъ-же превратномъ и безтолковомъ видѣ русская печать изображала и событія 1848 года. Въ Парижѣ взбунтовался народъ, самъ не понимая изъ за чего, какъ писалъ Гречъ, потому только, что „злодѣи-радикалы, имѣющіе въ виду нарушеніе всякаго порядка, подстрекали, подкупали, поили глупую чернь,—орудіе ихъ сатанинскихъ замысловъ" („Сѣв. Пчела" 1848 г., № 43); король, какъ и въ 1830 г., добровольно отказался отъ престола, и не бѣжалъ, а „поспѣшно уѣхалъ" изъ Франціи. О нѣмецкихъ революціяхъ сообщались еще болѣе отрывочныя и безтолковыя свѣденія, въ такомъ родѣ: „цензура уничтожена; тисненіе объявлено свободнымъ; король созвалъ государственные чины; произошли безпорядки" и т. п. Откуда явилась такая щедрость правительствъ на „свободу тисненія" и на „представительныя уложенія" и вслѣдствіе чего возникали всюду безпорядки—оставалось рѣшительно непонятнымъ. Вся исторія *безпорядковъ* представлялась газетами въ такомъ видѣ, что читатель никакъ не могъ дойти до мысли о великомъ, всемірномъ значеніи этихъ *безпорядковъ*. Только высочайшій манифестъ отъ 14 марта 1848 г. давалъ понять, что въ Европѣ творится что-то далеко не шуточное. „Послѣ благословеній долголѣтняго мира, Западъ Европы *внезапно* взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженіемъ за-

конныхъ властей и всякаго общественнаго устройства. Возникнувъ сперва во Франціи, мятежъ и безначаліе сообщились скоро сопредѣльной Германіи и разливались повсемѣстно съ наглостью, возраставшею по мѣрѣ уступчивости правительствъ; разрушительный потокъ сей коснулся, наконецъ, и союзныхъ намъ имперіи австрійской и королевства прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и нашей, Богомъ намъ ввѣренной Россіи. Но да не будетъ такъ! По завѣтному примѣру православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ на помощь Бога Всевышняго, мы готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ святою нашею Русью, защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ русскихъ. Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ, отвѣтитъ радостно на призывъ своего государя, что древній нашъ возгласъ—за вѣру, царя и отечество—и нынѣ предуважетъ намъ путь къ побѣдѣ, и тогда мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ: съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!“ Обществу однако не объяснялось, кто „дерзалъ угрожать Россіи“, и ему все-таки оставалось неизвѣстнымъ, что творится въ Европѣ. Да оно нисколько и не интересовалось этимъ. По свидѣтельству Панаева, даже „литераторовъ не интересовали никакія политическія европейскія событія. Никто изъ нихъ никогда и не заглядывалъ въ иностранныя газеты“. Русская печать твердила одно, что Западъ погибаетъ и пользовалась этимъ случаемъ для развитія въ обществѣ славянофильскихъ чувствъ въ духѣ оффиціальной доктрины. „Съ благоговѣніемъ смотрю теперь на нашу Россію“, писалось въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1848 г. (№ 57). „На своемъ неприступномъ для внѣшняго врага Востока возвышается она теперь надъ взволнованною Европою, какъ ковчегъ, хранящій въ себѣ зародышъ новаго міра, надъ волнами потопа, поглотившаго древній... Мы стоимъ отъ всего въ сторонѣ... Мы будемъ ни Азія, ни Европа,

мы будемъ Россія, самобытная, могучая Россія, не ботъ, прикрѣпленный къ кораблю европейскому, а крѣпкій русскій корабль перваго ранга“ (id., стр. LXIV—LXXI; Воспоминанія Панаева).

Литература находилась подъ строжайшей опекой. На всю Россію существовала только одна частная газета, да и та была допущена потому только, что находилась въ рукахъ знаменитыхъ друзей, Булгарина и Греча. Цензура, по выраженію Глинки, была *чугунная*. Положеніе литературы смягчалось только оплошностями цензоровъ да покровительствомъ государя, безъ котораго не могли-бы быть напечатаны лучшія произведенія Гоголя. „Мертвыя Души“ съ величайшимъ трудомъ получили разрѣшеніе. Предсѣдатель цензурнаго комитета не пропускалъ ихъ уже за одно заглавіе, „ибо душа бываетъ безсмертна“. Считали невозможнымъ пропустить даже слова: „ревизская душа“. „Предпріятіе Чичикова“—говорили цензора—„есть уже уголовное преступленіе; авторъ вотъ выставилъ его теперь, другіе и пойдутъ брать примѣръ да покупать мертвыя души“. Другіе же стояли на томъ, что „цѣна, которую даетъ Чичиковъ, два съ полтиной за душу, возмущаетъ душу; этого ни во Франціи, ни въ Англіи и нигдѣ нельзя позволить“ (Русск. Арх., 1866, 768). Одно время хотѣли было даже запретить *уже извѣстныя всѣмъ наизусть* тѣ басни Крылова, въ которыхъ дѣйствуютъ *цари животныхъ*, львы и орлы. Только генералъ Дуббельтъ отстоялъ произведенія баснописца. „Горе отъ ума“, быстро разошедшееся въ рукописяхъ по всей Россіи, было напечатано только черезъ десять лѣтъ послѣ своего сочиненія въ крайне обдерганномъ и обезображенномъ видѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ цензура долго не пропускала самой невинной исторической статьи Путятина о генералѣ Муравьевѣ и основанномъ имъ при Александрѣ I училищѣ колоновожатыхъ. Наконецъ, при помощи сильной протекціи, статью пропустили въ „Современникѣ“, но за исключеніемъ одного возмутительнаго мѣста,

въ которомъ было сказано, что въ программу училища входило преподаваніе *интеграловъ и дифференціаловъ;* цензура вычеркнула эти слова и поставила вмѣсто нихъ—*„продолженіе чистой математики!..“* Дѣло въ томъ, что въ это время въ академіи генеральнаго штаба не преподавалось интеграловъ и дифференціаловъ, и цензура опасалась, какъ бы читатели не дошли до вредной мысли, что программа муравьевскаго училища была обширнѣе академической программы (Бесѣды въ Общ. Люб. Р. Сл. 1871, вып. III)!.. Во время венгерской войны въ „Русскомъ Инвалидѣ“ запрещалось называть австрійцевъ *непріятелемъ* относительно венгерскихъ войскъ и упоминать о храбрости послѣднихъ (Р. Старина, II, 416). Имя Бѣлинскаго было запрещено!.. О французской революціи можно было говорить не иначе, какъ выставляя ее рядомъ злодѣяній и сумасбродствъ, совершенныхъ безбожными разбойниками. Когда Полевой, разбирая въ своемъ „Телеграфѣ“ 1831 г. глупую брошюру „Горе отъ Ума, Производящаго Всеобщій Революціонный Духъ“, осмѣлился указать на истинныя причины революціи и на ея историческое значеніе, то тотчасъ получилъ слѣдующее строгое предостереженіе. „Позвольте, м. г., вамъ замѣтить, что это не литература, а совершенное разсужденіе о высшей политикѣ! Я не столько удивляюсь, что цензура пропустила такія вредныя сужденія, какъ удивляюсь тому, что столь умный человѣкъ, какъ вы, пишетъ такія нелѣпости!.. Писатель съ вашими дарованіями принесетъ много пользы государству, если онъ дастъ перу своему направленіе благомыслящее, успокоивающее страсти, а не возжигающее оныя. Я надѣюсь, что вы съ благоразуміемъ примете мое предостереженіе и что впредь не поставите меня въ непріятную обязанность дѣлать невыгодныя замѣчанія насчетъ сочиненій вашихъ“ (Р. Арх., 1866, 1754). Даже такіе невинные сочинители, какъ Несторъ Кукольникъ, сплошь и рядомъ получали письменныя и неписьменныя внушенія въ томъ-же родѣ; напр., „Несторъ Ва-

сильевичъ! Историческій разсказъ „Сержантъ" обратилъ на себя вниманіе публики желаніемъ вашимъ выказать дурную сторону дворянина и хорошую его двороваго человѣка... Какъ можетъ человѣкъ столь просвѣщенный и обладающій такимъ перомъ, какъ вы, м. г., убивать время на занятія васъ недостойныя и на составленіе статей до такой степени ничтожныхъ!.. А потому, не благоугодно-ли вамъ будетъ на будущее время воздержаться отъ печатанія статей, противныхъ духу времени и правительства, дабы тѣмъ избѣжать взысканія, которому вы, при меньшей, какъ нынѣ снисходительности, подвергнуться можете" (Р. Стар. III, 793). А взысканія-то бывали нерѣдки и нешуточны, какъ можно видѣть, напр., изъ чаадаевской исторіи или ссылки Полежаева. Въ одномъ альманахѣ была напечатана элегія Серафимы Тепловой на смерть юноши, въ которой было сказано, что *волны бьютъ въ его гробницу*. Тотчасъ порѣшили, что подъ юношей подразумѣвается кто-нибудь изъ декабристовъ, а подъ гробницею—Петропавловская крѣпость; пропустившаго элегію цензора Глинку посадили на гауптвахту на двѣ недѣли!... Трагедія Кукольника „Рука Всевышняго Отечество Спасла" весьма понравилась государю; а Полевой, вѣроятно, не зная этого, напечаталъ въ „Телеграфѣ" разборъ этой трагедіи и доказывалъ ея недостатки. Журналъ за это запретили,—

«Рука Всевышняго» два чуда совершила:
«Отечество спасла
«И Полеваго погубила!» (М. Дмитріевъ, 109).

„Юрій Милославскій" Загоскина очень понравился всѣмъ въ высшихъ сферахъ; но Булгаринъ, видѣвшій въ немъ соперника своему „Дмитрію Самозванцу", обругалъ его, а Воейковъ въ „Русскомъ Инвалидѣ" вступился за Загоскина и обругалъ Булгарина. Велѣно прекратить эту перебранку; но лицо, сообщившее это приказаніе, передало его неточно, сказавъ, что не должно называть противниковъ по имени. Булгаринъ настрочилъ новую статейку противъ Воейкова, не

назвавъ въ ней Загоскина. И отправили на гауптвахту Воейкова и Булгарина за ихъ полемику, а Греча за то, что „не удерживалъ Булгарина“ (Р. Стар., IV, 503). Когда умеръ Гоголь, то въ офиціальномъ мірѣ были очень недовольны вниманіемъ общества къ его памяти и особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что московскій генералъ-губернаторъ въ полной парадной формѣ присутствовалъ на похоронахъ. Въ печати было запрещено упоминать даже имя Гоголя. Но Тургеневъ написалъ по поводу его смерти небольшую замѣтку и назвалъ въ ней Гоголя великимъ человѣкомъ; петербургская цензура не пропустила; но московскій попечитель Назимовъ разрѣшилъ напечатать ее въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. За напечатаніе съ разрѣшенія московской цензуры недозволенной петербургскою цензурою этой невинной замѣтки, Тургеневъ „былъ посаженъ подъ арестъ въ части на мѣсяцъ (первые 24 часа провелъ въ *сибиркѣ*), а потомъ отправленъ на жительство въ деревню“ (Сочиненія Тургенева, т. I, стр. LXXIX).

Естественно, что при такихъ условіяхъ масса литераторовъ и ученыхъ стала на сторонѣ офиціальной доктрины, частію по искреннему убѣжденію, какъ напр., Хомяковъ, Кирѣевскій, Аксаковъ, а большею частію по разсчету. Все твердило о зловредности гніющаго Запада, объ особенной даровитости и добродѣтеляхъ русскаго народа, о непобѣдимости русской арміи, о томъ, что „Россія — шестая часть свѣта“, какъ выражался тогда Краевскій и т. д., и т. д. Это патріотическое умонастроеніе выражалось подчасъ въ самыхъ комическихъ выходкахъ, въ отращиваньи бородъ, въ ношеніи рубахи поверхъ штановъ и т. п. К. Аксаковъ со слезами на глазахъ и съ проклятіями гніющему Западу топитъ въ Москвѣ-рѣкѣ свой фракъ (Воспоминанія И. И. Панаева); Гоголь тоже проклинаетъ фракъ и выражаетъ рѣшительное желаніе смѣнить его на патріотическій кафтанъ (Библ. Зап., 1859, 104); Воейковъ поднимаетъ горестный плачъ на всю

Россію о томъ, что честь русскаго имени и народная гордость жестоко оскорблены тѣмъ, что на одной изъ петербургскихъ скачекъ англійскій скакунъ опередилъ донскую кобылу (Колбасинъ, 265); Загоскинъ хвастаетъ передъ иностранцами своей *русской* физической силой и гордится тѣмъ, что побораетъ жидконогихъ европейцевъ и т. д. Та-же самая напыщенность и неестественная аффектированность заражали собой и искуство; драмы Кукольника, повѣсти Марлинскаго, стихи Бенедиктова, картины Брюлова, дикія завыванія на театральныхъ подмосткахъ Каратыгина, — все это сводилось къ одной общей чертѣ того времени, — къ ходульному величію. Нѣтъ спора, что у многихъ, напр., у славянофиловъ, идея національнаго величія имѣла вполнѣ искренній характеръ; но за то многіе другіе безчестно пользовались ею для постороннихъ и неблаговидныхъ цѣлей. Представителемъ этой ярой клики лжепатріотовъ былъ тотъ, кого такъ мѣтко характеризовалъ Пушкинъ —

«Онъ съ татариномъ татаринъ,
Онъ съ евреемъ самъ еврей,
Онъ съ лакеемъ важный баринъ,
Съ важнымъ бариномъ лакей».

Булгаринъ, измѣнившій Польшѣ для Россіи, потомъ измѣнившій Россіи для Франціи, измѣнившій декабристамъ, постоянно измѣнявшій своимъ лучшимъ друзьямъ, — Булгаринъ въ своей привиллегированной „Сѣверной Пчелѣ“ распинался за все русское и бранилъ Европу съ наглостью, которая могла поспорить только съ невѣжествомъ его почитателей. Вмѣстѣ съ нимъ подвизался и его другъ Гречъ. Подобно позднѣйшимъ сіамскимъ близнецамъ нашей литературы, эти публицисты превратили литературный доносъ въ настоящій промыселъ и бросали во всякаго, кто не нравился имъ, обвиненіемъ въ измѣнѣ національности. То-же самое дѣлали и многіе другіе. Въ разгаръ борьбы славянофиловъ съ западниками первые, въ лицѣ своего поэта Языкова, нападали на пос-

лѣднихъ съ остервенѣлою яростью и наускивали на нихъ общественное мнѣніе, какъ на „измѣнниковъ отечеству". Вотъ какъ, между прочимъ, честилъ западниковъ Языковъ:

«Вы людъ заносчивый и дерзкій,
Вы опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ — не русскій вы народъ!..
Умолкнетъ ваша рѣчь пустая,
Замретъ проклятый вашъ языкъ;
Крѣпка, надежна Русь святая
И русскій Богъ еще великъ!

Исторія Чаадаева показываетъ, что навлечь на себя подобное обвиненіе было далеко не безопасно. Въ своей статьѣ, напечатанной въ „Телескопѣ" Надеждина, Чаадаевъ доказывалъ, что Россія, развившись своеобразно и независимо отъ Европы, принявъ вѣру изъ Византіи, которая сама была тогда въ состояніи упадка и растлѣнія, не въ состояніи усвоить себѣ всецѣло благъ европейской цивилизаціи. Въ обществѣ, особенно московскомъ, статья эта произвела взрывъ негодованія, вызваннаго нестолько воззрѣніемъ автора на православіе, сколько его упреками современной Россіи и нападками на высшее общество. Начались доносы. Извѣстный Вигель, представляя петербургскому митрополиту Серафиму книжку „Телескопа" съ чаадаевской статьей, писалъ ему съ чувствомъ офиціально-патріотическаго раздраженія: „Многочисленнѣйшій народъ въ мірѣ, втеченіе вѣковъ существовавшій, препрославленный, къ коему, по увѣренію автора, онъ самъ принадлежитъ, поруганъ имъ, униженъ до невѣроятности... Сей извергъ, неистощимый хулитель нашъ, родился въ Россіи, отъ православныхъ родителей, и имя его есть Чаадаевъ (надо замѣтить, что статья не была подписана). Среди ужасовъ французской революціи, когда попираемо было величіе Бога и царей, подобнаго не было видно (!!!). Никогда, нигдѣ, ни въ какой странѣ, никто толикой дерзости себѣ не позволилъ". Доносы возымѣли дѣйствіе. Цензоръ „Телескопа" выгнанъ изъ

службы и лишенъ профессорскаго мѣста, издатель Надеждинъ сосланъ въ Устьсысольскъ, а Чаадаева велѣно считать сумасшедшимъ и приказано лечить (Р. Арх., 1868, 985 — 987; Р. Стар., I, 162 — 164).

Условія умственной дѣятельности отзывались на писателяхъ чрезвычайно неблагопріятно. Преждевременная смерть Пушкина, Лермонтова, Полежаева, Веневитинова, Бѣлинскаго, Грановскаго, Станкевича, сумасшествіе Гоголя, Батюшкова, Жуковскаго *), наконецъ, нравственное паденіе столь многихъ писателей,—все это были печальные результаты извѣстныхъ условій. Пушкинъ совершенно измѣнился, сдѣлался крайнимъ консерваторомъ и безусловнымъ поклонникомъ Карамзина во всемъ, даже въ воззрѣніи на крестьянскій вопросъ. Его статьи о необходимости цензуры и о книгѣ Радищева, его хвалебныя пѣсни, дышавшія сознательною лестью, его усилія втереться въ тѣ сферы, которыя погубили его и нравственно и физически, — все это были признаки времени, которое подчиняло себѣ даже такого человѣка, какъ Пушкинъ, который дошелъ до того, что началъ отзываться съ пренебреженіемъ о Западѣ и его цивилизаціи. „Государство безъ полномощнаго монарха“, говоритъ онъ,—„автоматъ; много, много, если оно достигнетъ того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина! Человѣкъ въ нихъ вывѣтрился до того, что и выѣденнаго яйца не стоитъ“. Гоголь пошелъ еще дальше, и погрузившись въ мистицизмъ, видѣлъ идеалъ общественнаго устройства въ древней Палестинѣ (Р. Арх., 1866, 1733 — 1737). Онъ проповѣдывалъ самый узкій эгоизмъ, убивающій всякое общественное чувство. „Ваши слова“, отвѣчаетъ онъ въ 1846 г. одной графинѣ,—„что каждый думаетъ только о

---

*) Жуковскій въ послѣдніе дни своей жизни вполнѣ увѣровалъ въ духовъ и привидѣнія и жилъ въ ихъ сферѣ.

спасенія личныхъ выгодъ, о сохраненіи собственной пользы, точно какъ на полѣ сраженія, sauve qui peut,—дѣйствительно справедливы; такъ оно теперь дѣйствительно есть; *такъ быть должно; такъ повелѣлъ Богъ, чтобы оно было. Всякъ долженъ думать теперь о себѣ, именно о своемъ собственномъ спасеніи*" (id, 1744). Тотъ-же самый квіэтизмъ проповѣдали и Жуковскій, и Крыловъ, и Кирѣевскій и всѣ другіе представители консервативной партіи.

«Не разсуждай, не хлопочи,
Безумство ищетъ, глупость судитъ;
Дневныя раны сномъ лечи,
А завтра быть тому, что будетъ, —

Такова въ сущности была мораль, вытекавшая изъ ихъ докрины.

Старые дѣятели, такимъ образомъ, сворачивали на указанную дорогу и нѣкоторые изъ нихъ доходили до полнаго нравственнаго паденія, какъ напр., Воейковъ и Полевой. Послѣдняго довели до того, что онъ началъ писать хвалебныя рецензіи даже на глупые романы Штевена на томъ основаніи, что авторъ ихъ служилъ частнымъ приставомъ (Воспом. Панаева).

Новые дѣятели, — Бѣлинскій, Грановскій, Рулье, Тургеневъ—находились въ самомъ незавидномъ положеніи...

Доктрина офиціальной народности одержала полную побѣду. Идея о непримѣнимости къ Россіи западной цивилизаціи выставлялась противъ всѣхъ улучшеній, которыя могли быть заимствованы съ Запада, даже противъ желѣзныхъ дорогъ. Даже такіе люди, какъ Плетневъ, доказывали, что желѣзныя дороги непримѣнимы въ Россіи (Р. Арх., 1869, 333). Свобода печати, судъ присяжныхъ, освобожденіе крестьянъ, самоуправленіе оказывались еще менѣе примѣнимыми...

Общество спало глубокимъ сномъ, раздѣленное на сословія и погруженное въ свои мелкіе, личные интересы. Въ одномъ концѣ Россіи не знали, что дѣлается въ другомъ.

Крѣпостное право и откупа, бюрократія, описанная Гоголемъ и Щедринымъ, офицерство и солдатство, изображенныя Чужбинскимъ и другими, бурсы, воспѣтыя Помяловскимъ, и т. д., и т. д.,—все это достаточно извѣстно, чтобы распространяться о немъ.

Иногда, впрочемъ, и до этого общества проникало вліяніе европейскихъ движеній, и общество начинало проявлять свой либерализмъ въ такихъ-же комическихъ формахъ, въ какихъ выражались и славянофильскія бредни о народности постнаго масла и о ношеніи русской рубахи поверхъ штановъ. Серьезныхъ общественныхъ движеній не было во всю эпоху, о которой идетъ рѣчь, но все-таки европейскія событія отражались на столичномъ обществѣ и породили здѣсь очень оригинальную игру въ конституцію. Мы говоримъ о петербургскомъ Обществѣ Посѣщенія Бѣдныхъ, которое было основано въ 1846 г. и къ которому принадлежали почти всѣ писатели, большая часть аристократовъ, богачей, гвардейцевъ, знаменитыхъ докторовъ. „Всю прелесть засѣданій общества составляли формы, цѣликомъ перенесенныя изъ западныхъ палатъ"; тутъ вносились билли, говорились рѣчи, шли парламентскія пренія; былъ свой центръ, своя правая и „самая ярая оппозиція, олицетворявшаяся въ А. А. Краевскомъ и др." Эта игра въ парламентаризмъ и то обстоятельство, что на попеченіи общества состояло до 15,000 семей, заставили смотрѣть на него очень подозрительно, хотя подозрѣвать тутъ рѣшительно было нечего. Въ 1848 г. это общество присоединено къ императорскому человѣколюбивому, а потомъ вовсе уничтожено (Р. Арх., 1869, 1005 — 1046). Русское общество того времени походило на школу, состоящую подъ строжайшей опекой; если оно по временамъ и выражало свое неудовольствіе на послѣднюю, то выражало его тоже на школьническій манеръ. Но и подобныя школьническія выходки влекли за собой серьезныя послѣдствія для виновныхъ. Преслѣдовались даже театральныя демонстраціи.

Однажды, разсказываетъ М. Дмитріевъ, „въ московскомъ театрѣ не понравилась зрителямъ какая-то актриса. Многіе зашумѣли, зашикали, затопали. Это дошло до Петербурга. Приказано было всѣхъ посадить подъ арестъ,—кого на гауптвахту, кого просто въ полицію. Посадили человѣкъ двадцать, между прочимъ, гр. Потемкина“ и нѣкоего смиреннѣйшаго человѣка Сибилева. „Москва раскричалась: лица были извѣстныя. Въ Петербургѣ немножко струсили и всѣхъ велѣно было выпустить. Мало этого: государь самъ пріѣхалъ въ Москву посгладить впечатлѣніе... Между тѣмъ, въ Москвѣ вышла каррикатура, представляющая лица всѣхъ, посаженныхъ подъ арестъ, и впереди ихъ смиренный Сибилевъ съ надписью—*глава заговора*“ (Мелочи, 112). Эта исторія очень характеристична для того времени, когда даже шиканье въ театрѣ было преступленіемъ и нетерпимымъ либерализмомъ, когда боялись и подобныхъ демонстрацій и въ то-же время опасались самаго ничтожнаго неудовольствія, въ родѣ того, которое было порождено въ Москвѣ арестомъ упомянутыхъ двадцати человѣкъ... Панаевъ въ своихъ Воспоминаніяхъ разсказываетъ, что даже на пирушки, устроявшіяся гдѣ нибудь въ частномъ домѣ литераторами, являлась для надзора полиція и сидѣла въ передней, хотя на этихъ пирушкахъ не было ничего, кромѣ пьянства да, пожалуй, еще трепака, въ который пускались подгулявшіе сочинители.

Такъ шли дѣла до 1853 г., когда европейскій миръ былъ нарушенъ. Россія съ патріотическимъ энтузіазмомъ, съ гордою вѣрою въ свою непобѣдимость и въ свои громадныя силы, съ героизмомъ, изумлявшимъ враговъ, пошла на бой, готовясь къ такому-же тріумфу, какой выпалъ ей на долю въ 1812—1815 г., издѣваясь надъ враждебной Европой и обѣщаясь показать ей, —

Что за машина такая
Наша Русь и въ сколько силъ!

Система, воспитывавшая столько времени эту національ-

ную гордость, опиравшуюся на громадную армію, развернула всѣ свои силы.

Насталъ періодъ разочарованій. Государственное зданіе, поддерживаемое исключительно ретроградными элементами, оказалось негоднымъ даже для войны, которая была одною изъ самыхъ главныхъ цѣлей системы, господствовавшей съ 1815 года.

Освобожденіе крестьянъ сдѣлалось необходимостью, которая одна только и могла предохранить государство отъ постепеннаго паденія.

Начались реформы.

Россія переживала тогда славные дни, полные разумной жизни, свѣтлыхъ надеждъ, благородныхъ увлеченій. И наше молодое поколѣніе, преждевременно старѣющееся теперь по разнымъ угламъ любезнаго отечества, а тогда состоявшее изъ дѣтей и юношей, готовилось вступить въ жизнь, полное вѣры въ свѣтлое будущее.

Музы, воодушевлявшія впослѣдствіи Катковыхъ, Скарятиныхъ, Крестовскихъ и Писемскихъ, молчали. Вся эта клика съ искуственнымъ жаромъ подтягивала общему хору тогдашней литературы, оказавшей великія заслуги дѣлу развитія русской общественной мысли.

Но въ тогдашнемъ либерализмѣ, въ тогдашнихъ прогрессивныхъ увлеченіяхъ было столько фальшивыхъ нотъ, что опытный наблюдатель легко могъ предвидѣть, что за прогрессистами скрывается другая партія, ждущая только удобнаго случая, чтобы выступить на сцену подъ знаменами „Вѣсти“ и „Московскихъ Вѣдомостей“. Время не замедлило оправдать эти предчувствія. Читатель, конечно, знаетъ, что теперь говорятъ и пишутъ всѣ эти господа; и если онъ сравнитъ ихъ рѣчи и писанія съ тѣмъ, что мы сообщимъ изъ обширнаго сборника матеріяловъ, собранныхъ г. Скребницкимъ (Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II, IV тома, Боннъ на Рейнѣ. 1862—1868), то отвѣты получатся у него сами собой.

Вслѣдъ за адресами, посредствомъ которыхъ дворянство разныхъ губерній *„ходатайствовало“* объ уничтоженіи крѣпостного права, правительство начало получать записки и проекты по крестьянскому вопросу. Большинство составителей этихъ проектовъ хлопотало, чтобы эманципація совершилась на условіяхъ, наиболѣе выгодныхъ для помѣщиковъ. Многіе даже прямо высказывались противъ освобожденія, какъ это можно видѣть изъ однихъ уже заглавій ихъ проектовъ; напр., „записка *Неизвѣстнаго* противъ освобожденія крестьянъ“; „нѣсколько мыслей о средствахъ улучшить положеніе сословія дворянъ-помѣщиковъ“, *Беклемишева;* „записка колл. сов. *Баранова* о пользѣ крѣпостного права и необходимости нѣкоторыхъ только измѣненій въ ономъ“; „Записки *Будберга* и *Безобразова* о вредномъ направленіи современной литературы“; „записка о сохраненіи помѣщичьей власти“, *Семенова;* „письмо кн. *Шаховскаго* о ненадѣленіи крестьянъ землею“; „записка *Клементьева* о вредѣ выкупа поземельной собственности“, и т. д. (Скребицкій, I, 926—943). Редакціонныя коммиссіи убѣдились изъ множества разсмотрѣнныхъ ими проектовъ и мнѣній, что извѣстныя лица „продолжаютъ поддерживать мнѣніе, прямо противорѣчащее высочайше указаннымъ началамъ и клонящееся, въ той или другой формѣ, къ освобожденію крестьянъ безъ земли, къ постепенному водворенію между крестьянами полной безземельности и вмѣстѣ съ нею новой, хотя уже не юридической, но не менѣе дѣйствительной матеріальной зависимости, истекающей изъ крайней нужды“ (стр. XCIII—XCIV). Огромное большинство губернскихъ комитетовъ и ихъ депутатовъ стремилось къ тому-же. Для рѣшенія вопроса ставили такую дилемму: правительство должно или выкупить земли для освобожденныхъ крестьянъ или же освободить ихъ безъ земли (стр. 302); но такъ-какъ необходимой для выкупа громадной суммы взять неоткуда, то остается прибѣгнуть къ освобожденію безземельному или, какъ впослѣдствіи выража-

лись Скарятины и Катковы, *„освободить крестьянъ отъ земли“*. Сорокъ членовъ второго приглашенія, составлявшіе ядро помѣщичьей оппозиціи, единогласно заявляли, что „свободный выборъ мѣста жительства и занятій, вольный наемъ земли и свобода договоровъ о работѣ составляютъ такое обезпеченіе, какого не даетъ крестьянамъ земля помѣщика“ (стр. 159). Признавая за помѣщиками безусловное право собственности, депутаты отъ губернскихъ комитетовъ горячо протестовали противъ какихъ бы то ни было ограниченій этого права, предположенныхъ правительствомъ для поземельнаго обезпеченія крестьянъ. Выработанныя редакціонными комиссіями правила крестьянскаго надѣла помѣщичья оппозиція считала порожденіемъ коммунизма, ведущимъ ни болѣе, ни менѣе, какъ къ революціи. „Это споліація помѣщичьихъ правъ, носящая на себѣ начало революціонное“; „неминуемымъ послѣдствіемъ ея будутъ нескончаемыя требованія всѣхъ классовъ, ненависть одного сословія къ другому и безпрерывныя волненія“ (стр. 145). Это насильственный захватъ чужой собственности, это споліація въ пользу крестьянъ земель дворянства, „которое возникло изъ народа, всегда звалось и всегда было *кормильцомъ и отцомъ его*“ (стр. 152). Это *„увлеченіе ученіями Прудона, которыя, какъ негодныя къ дѣлу, отвергнуты всею просвѣщенною Европою* (II, 329). Это насиліе, „вымогательство“ (стр. 881). Предвосхищая такимъ образомъ у Каткова и К° систему запугиванья красными призраками, адвокаты крѣпостничества предсказывали для Россіи всевозможныя бѣдствія отъ закона о надѣленіи крестьянъ частью помѣщичьей земли. „Первымъ послѣдствіемъ такого закона, заявляли сорокъ членовъ второго приглашенія, — были бы взаимныя неудовольствія, несогласія и борьба двухъ сословій; вторымъ послѣдствіемъ—развитіе общаго недовѣрія; третьимъ—общее потрясеніе и смѣшеніе понятій о правѣ собственности, о справедливости и законности; четвертымъ — привычка ожи-

дать и требовать обезпеченія потребностей посредствомъ распоряженій правительства, и, наконецъ, пятымъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ—всеобщій упадокъ дѣятельности и остановка въ развитіи промышленности“ (I, 165). Когда же эманципація совершилась, то изображенію всѣхъ этихъ ужасовъ, отъ нея будто бы проистекшихъ, посвятили свою дѣятельность гг. Скарятины, которые проповѣдуютъ то-же самое, что и ихъ предтечи, только съ меньшею откровенностью и съ большею лживостью. Ни отъ Скарятиныхъ, ни отъ Катковыхъ мы никогда не слышали такихъ откровенныхъ замѣчаній, какъ, напр., отъ сорока членовъ второго приглашенія. Они прямо заявляли, что „чѣмъ стѣснительнѣе будетъ для помѣщика новое Положеніе, тѣмъ болѣе оно представитъ ему побужденій, случаевъ и даже поводовъ къ обезземеленію и притѣсненію крестьянъ“ (стр. 167). Явное дѣло, что Скарятины лгутъ, утверждая, будто бы горестное положеніе освобожденныхъ крестьянъ зависитъ отъ эманципаціи, а не отъ тѣхъ противодѣйствій ей, не отъ тѣхъ ограниченій, на которыя намекали сорокъ членовъ второго приглашенія.

Адвокатамъ крѣпостничества хотѣлось свести всю реформу только на „улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ“. „Дворяне, отказавшись единодушно отъ права на личный трудъ крестьянина, принесли въ жертву милліоны для блага отечества“. „Естественно ихъ стремленіе, принося значительныя жертвы, не видѣть себя и семействъ своихъ обнищавшими, и вѣкового своего значенія, какъ передового земледѣльческаго сословія, униженнымъ въ глазахъ народа и выставленнымъ въ ложномъ свѣтѣ передъ исторіей“ (стр. 171, 329). Заявлялось даже, что дворянство, воспитанное крѣпостнымъ правомъ, безъ него и существовать не можетъ, если оно будетъ уничтожено со всѣми вытекающими изъ него привилегіями. „Право владѣть населенными имѣніями составляетъ одну изъ отличительныхъ, существеннѣйшихъ привилегій дворянства; *оно не съумѣетъ* употребить съ пользою иначе своихъ капи-

таловъ, потому что воспитаніе, обычай служить и другія условія жизни дворянъ не представляютъ для того благопріятныхъ данныхъ“. Нѣкоторые депутаты доходили даже до такой откровенности, что высказывали опасеніе относительно молодого поколѣнія дворянъ, *„рожденнаго въ роскоши“* и, вслѣдствіе эманципаціи, имѣющей поставить его въ болѣе скромную жизненную обстановку, долженствующаго превратиться въ „нравственныхъ пролетаріевъ, для существованія которыхъ нужны силою взятая чужая собственность и чужое счастье!“ (I, 247; II, 564)... Какъ видите, современные крѣпостники не далеко ушли отъ помѣщиковъ XVIII в., которые, вооружаясь противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ, вмѣстѣ съ Сумароковымъ и Дашковой старались поразить сторонниковъ эманципаціи вопросомъ, повидимому, неразрѣшимымъ для нихъ: „гдѣ же будемъ брать деньги, если освободятъ крестьянъ?..“ И у тогдашнихъ и у теперешнихъ крѣпостниковъ мы видимъ тѣ же тенденціи, то же стремленіе запугать освободителей крестьянства призраками анархіи и волненій; то же желаніе выставить помѣщичье сословіе „душою“, „отцомъ и кормильцемъ народа“, который не можетъ жить безъ его благодѣтельной опеки, безъ „нравственнаго обаянія и благоразумнаго вліянія, какое имѣютъ на крестьянъ помѣщики“ (I, 246). Вовсе освободить крестьянъ изъ-подъ власти *„образованнѣйшаго“* сословія въ государствѣ и „дать разомъ широкое самоуправленіе мужичку, который лучше умѣетъ повиноваться, чѣмъ начальствовать, не только преждевременно, но и *опасно*“. Волостное самоуправленіе— начало совершенно революціонное, республиканское, и члены второго приглашенія „съ трудомъ могли вообразить крѣпостное населеніе Россіи, распредѣленнымъ на *десять тысячъ какихъ-то республикъ*, съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи!“ (576, 813, 876) Да, десять тысячъ республикъ дѣло не шуточное, и отъ

нихъ можно ожидать только одной анархіи да окончательнаго одичанія россіянъ, ибо еще безсмертный Карамзинъ сказалъ, что народы дикіе любятъ свободу, народы же образованные предпочитаютъ крѣпкую власть надъ собою. Крестьянское самоуправленіе сильно „тревожило поземельную собственность, которая чувствовала себя беззащитною на случай смятеній и безпорядковъ". Будущее представлялось алармистамъ въ такомъ неблагопріятномъ видѣ, что, по словамъ ихъ, „помѣщикамъ сколько нибудь значительныхъ имѣній приходилось держать *цѣлую гвардію караульщиковъ добрыхъ и несонливыхъ*, и притомъ, организованныхъ въ артели, т. е., какъ говорятъ французы, амбригадированныхъ и дисциплинированныхъ" (I, 670; II, 746; III, 196).

Чтобы избѣжать этихъ ужасовъ и опасностей въ будущемъ, слѣдовало освободить крестьянъ безъ земли и старые крѣпостные порядки замѣнить на новые, болѣе мягкіе, хотя въ сущности совершенно одинаковые.

„Управленіе народомъ и соединенные съ нимъ судъ и расправу слѣдуетъ поручить не бездомнымъ скитальцамъ, пріѣзжающимъ на кормленіе", а „помѣстному дворянству, просвѣщенному болѣе всѣхъ сословій". За нимъ слѣдуетъ оставить „*по крайней мѣрѣ* (!!) ту власть, которую представляли собою, до наступленія принудительнаго выкупа, въ Германіи гершафтъ, въ Англіи—шерифы, въ Царствѣ Польскомъ —общинныя войтовства, въ прибалтійскихъ губерніяхъ—дворовое управленіе" (I, 351, 400; IV; 871). Но это было еще скромное требованіе, сравнительно съ вотчинною похотливостью большинства, незнавшею никакихъ границъ.

Оставляя за собою вотчинное право на всѣ свои земли, даже на крестьянскіе надѣлы, требуя съ крестьянъ за пользованіе послѣдними личной или денежной платы, помѣщики хотѣли оставить за собою столько крупныхъ привилегій, что совокупность ихъ составила бы то-же крѣпостное право только въ измѣненномъ нѣсколько видѣ. Помѣщикъ имѣетъ право

вмѣшиваться даже въ семейныя дѣла крестьянъ, напр., въ раздѣлы крестьянскаго семейства, *въ смѣну главы семейства* и замѣщеніе его другимъ благонадежнымъ лицомъ; выходъ крестьянокъ замужъ совершается съ дозволенія помѣщика; костромской комитетъ „въ видахъ нравственнаго оброчения“ (?!) за уклоненіе отъ брака дѣвицъ, молодыхъ бездѣтныхъ вдовъ и мужчинъ „требовалъ даже взимать съ нихъ ежегодный штрафъ отъ 3 до 10 руб.“ (I, 12—15); переходъ крестьянъ въ другія сословія и общества цѣлыми обществами и селеніями безусловно воспретить; частные переходы могутъ состояться только съ дозволенія помѣщика, при чемъ нѣкоторые комитеты требовали съ выходящаго извѣстной выкупной суммы (86, 99, 104). Право крестьянъ заявлять жалобы и иски противъ помѣщиковъ распространялось только на время, слѣдующее за объявленіемъ положенія, а доносы и жалобы по всѣмъ дѣламъ, бывшимъ до введенія временно-обязательнаго состоянія, кромѣ дѣлъ объ измѣнѣ и покушеніи на жизнь государя, безусловно запрещались, подъ страхомъ наказанія (74). Оставляя за собою исключительныя права „на всемъ пространствѣ своихъ помѣстій, не исключая и крестьянскихъ усадьбъ“, учреждать заводы и фабрики, торги и ярмарки, курить вино, строить кабаки, пристани, плотины и мельницы, стрѣлять дичь и ловить рыбу, открывать торговыя заведенія—помѣщики отвергали право крестьянъ на всѣ эти промыслы и занятія, если только они будутъ производиться не на землѣ, пріобрѣтенной крестьянами въ полную собственность. Большинство комитетовъ запрещало даже крестьянамъ заводить какія бы то ни было производства, „отъ которыхъ можетъ произойти опасность отъ огня или порча воздуха и воды и вообще какой-либо вредъ для жителей селенія“ (I, 66; II, 983, 985). На основаніи такого правила, помѣщикъ могъ бы заправлять промышленнымъ и фабричнымъ производствомъ крестьянъ, какъ ему угодно. Нѣкоторые комитеты прямо требовали, чтобы помѣщику были

предоставлены управленіе хозяйствомъ земель, какъ находящихся въ его непосредственномъ распоряженіи, такъ и отведенныхъ крестьянамъ, и „регуляція отведенныхъ крестьянамъ усадьбъ и поземельныхъ участковъ, т. е. надѣлъ, ограниченіе и замѣнъ оныхъ“ (I, 176). Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ промышленныхъ привилегій, помѣщики выговаривали себѣ „право безъ записки въ гильдію продавать оптомъ и отправлять черезъ таможни и заставы собственныя свои издѣлія и произведенія, исключительное право на устройство постоялыхъ дворовъ и гостинницъ на всемъ пространствѣ имѣній, право проводить дороги, рыть канавы и рвы, устраивать перевозы, право на минеральныя богатства какъ на поверхности земли, такъ и въ нѣдрахъ ея (при чемъ къ минеральнымъ богатствамъ отнесенъ и *торфъ*), право ловить рыбу удочкою, которое, „при всемъ своемъ идиллическомъ характерѣ“, все-таки важно и священно (265—282). Доходили до того, что, уступая крестьянамъ ихъ дворишки и домишки, оставляли за собою исключительное право на всѣ улицы, переулки и площади!.. Какъ населенныя имѣнія, такъ и всѣ упомянутыя права помѣщикъ можетъ отдавать „въ наемъ, арендное или откупное содержаніе“ (180). Ему „слѣдуетъ безусловно дозволить принудительное переселеніе крестьянъ“ въ другія мѣстности (II, 945). Нѣкоторые комитеты до того распространяли объемъ крестьянскихъ повинностей помѣщику, что даже обязывали мужиковъ участвовать попрежнему на барскихъ охотахъ или, по выраженію минскаго комитета, „содѣйствовать помѣщикамъ, по ихъ требованіямъ, для истребленія хищныхъ звѣрей“ (III, 167). По частнымъ искамъ помѣщика противъ крестьянина, въ случаѣ несостоятельности послѣдняго, все его движимое и недвижимое имущество отвѣчаетъ за долгъ; по мнѣнію сорока членовъ второго приглашенія, строгія взысканія по частнымъ искамъ должны благодѣтельно отзываться на экономическомъ благосостояніи крестьянъ, заставляя ихъ быть „полезными и дѣятельными чле-

нами общества“ (I, 82)!.. Вѣроятно, для усугубленія и вящшаго поддержанія той же „полезности и дѣятельности“ губернскіе комитеты и ихъ депутаты изобрѣли ту систему безконечныхъ штрафовъ въ пользу помѣщика, посредствомъ которой они думали вознаградить послѣдняго за его лишенія. За невзносъ оброка въ срокъ и за просрочку въ выполненіи натуральной повинности — штрафъ; за лѣность — сажать въ тюрьму отъ 1 дня до 2 мѣсяцевъ и подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ розгами и даже *палками*. Для взысканія недоимокъ помѣщикъ имѣетъ право назначать крестьянъ на работы, отдавать ихъ въ наемную работу, конфисковать ихъ хлѣбъ, сдавать ихъ въ рекруты и возмещать недоимки черезъ продажу рекрутскихъ квитанцій, переводить оброчныхъ на барщину, а барщинныхъ на оброкъ, лишать ихъ поземельнаго надѣла, не выдавать паспортовъ на заработки, конфисковать все имущество, сдавать неплательщиковъ въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, и т. д., и т. д. (III, 520—529, 575, 1,062, 1,063). Дворовыхъ помѣщикъ также имѣетъ право подвергать и тѣлеснымъ наказаніямъ и денежнымъ штрафамъ; за грубость, нахальство, буйство, умышленное причиненіе вреда и т. п. заключать подъ арестъ на хлѣбъ и на воду, сдавать въ рекруты, содержать въ смирительныхъ домахъ, арестантскихъ ротахъ и „другихъ заведеніяхъ“ (IV, 107, 109). „Чтобы крестьяне, поставленные въ новое положеніе, не уклонились въ крайность и, руководясь ложнымъ убѣжденіемъ, что всякія отношенія ихъ къ помѣщику прекратились, не дозволили себѣ дерзкихъ выходокъ противъ бывшаго своего владѣльца, необходимо удержать за помѣщикомъ власть, за наносимыя ему оскорбленія, распоряжаться лично, безъ участія сельской расправы“ (I, 609).

По требованію казанскаго комитета, „вліяніе и власть помѣщика должны были оставаться почти тѣми же, какими были они и въ крѣпостномъ быту“. Къ тому же стремились и другіе комитеты, стараясь, чтобы дворянство стало во главѣ

управлѐнія народомъ, который будто бы „не отвергаетъ неоспоримаго права дворянъ участвовать въ управленіи, и несмотря на неистовыя выходки поборниковъ извѣстной пропаганды, принявшихъ на себя личину любви къ Россіи и рѣзко напоминающихъ сословныя нападки 1789 г., сознаетъ высокое значеніе дворянъ, какъ самаго твердаго оплота престола и государственнаго порядка“ (610, 611 и др.).

Помѣщикъ, имѣніе котораго составляетъ цѣлую волость, долженъ быть начальникомъ ея, а въ разнопомѣстныхъ волостяхъ на эту должность назначается одинъ изъ помѣщиковъ волости, выбираемый дворянствомъ цѣлаго уѣзда; надъ отдѣльными же селеніями должны властвовать сельскіе начальники изъ дворянъ. Власть начальника необъятна: ей подчинены и душа и тѣло не только крестьянъ, но и всѣхъ жителей сельскаго общества. Начальникъ утверждаетъ приговоры сельскаго общества или кладетъ на нихъ свое veto; онъ собираетъ и распускаетъ мірскіе сходы, утверждаетъ, удаляетъ и во всемъ контролируетъ сельскихъ должностныхъ лицъ, изгоняетъ изъ общества вредныхъ членовъ и принимаетъ новыхъ; ему подчинены всѣ дѣйствія мірского схода, сельской управы и должностныхъ лицъ; „онъ есть безусловный распорядитель въ обществѣ по части хозяйственно-административной“; „въ немъ сосредоточиваются всѣ полицейскія распоряженія“. Онъ выдаетъ паспорты и виды на жительство, ловитъ бродягъ и преступниковъ, наблюдаетъ за посторонними лицами всякаго званія, временно или постоянно живущими въ его волости; „всякаго нарушителя общественнаго спокойствія и порядка, несмотря на его званіе и должность, равно лицъ развратнаго и буйнаго поведенія или неснабженныхъ узаконенными видами, онъ можетъ выслать изъ общества или передать въ распоряженіе мѣстной земской полиціи, содержа до того времени подъ арестомъ не долѣе 3 дней“, т. е., можетъ изгонять изъ волости и сажать въ чижовку всякаго, кого захочетъ!.. „Крестьяне состоятъ въ полномъ повинове

ніи у начальника общества и исполняютъ все его законныя требованія". „Въ случаѣ общаго нарушенія спокойствія и порядка, онъ обращается къ содѣйствію правительственной власти"... Онъ старается прекращать пьянство, буйство, распутство, наблюдаетъ за поведеніемъ крестьянъ; „уклоняющихся отъ исполненія *религіозныхъ обязанностей*, *нарушающихъ нравственныя правила* (!!), предающихся праздности и пьянству, нарушающихъ общественный порядокъ, виновныхъ въ грубости, безчинствѣ, ослушаніи и во всѣхъ вообще проступкахъ и преступленіяхъ, неподвергающихъ лишенію правъ состоянія и направленныхъ противъ личности начальника общества, его собственности и семейства, противъ членовъ того же общества или противъ постороннихъ лицъ,—онъ имѣетъ право отсылать для наказанія въ распоряженіе мірского схода или сельской управы" или же „*распоряжаться лично*", т. е. сѣчь розгами, штрафовать деньгами, сажать въ чижовку. Начальникъ внушаетъ крестьянамъ „преданность къ вѣрѣ", предлагая обществу мѣры къ утвержденію ея, повиновеніе законамъ, привязанность къ труду, чувство согласія и взаимной помощи". Онъ покровитель крестьянъ и ихъ ходатай передъ правительствомъ. Наблюдая за сохраненіемъ и употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, онъ „не отвѣчаетъ ни за ихъ цѣлость, ни за ихъ употребленіе", и т. д. и т. д. (I, 437—458, 587—619, 814, 831).

Пользованіе всѣми этими и другими привилегіями дворянство считало „новою жертвою нравственною, приносимою въ пополненіе матеріальныхъ пожертвованій" (611)!.. Имъ руководили только любовь къ отечеству и забота о благѣ народа...

Не всѣ, впрочемъ, депутаты и комитеты отстаивали эти привилегіи съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, при которыхъ они не могли видѣть, что возстановленіе крѣпостного права въ другой формѣ хотя и возможно, но не можетъ быть прочнымъ, и что дворянство, въ видахъ собственныхъ же своихъ интересовъ должно навсегда проститься съ этой институціей

и выступить на другой путь дѣятельности. Просвѣщенное меньшинство дворянъ просило распространенія реальнаго образованія, свободы печати (IV, 585, 808), гласнаго суда, отвѣтственности должностныхъ лицъ передъ судомъ, строгаго раздѣленія властей и самоуправленія обществъ (I, 793). Но даже почти всѣ подобныя требованія, сопровождавшіяся шумихою либеральныхъ фразъ, все-таки клонились къ тому, чтобы проектируемые порядки самоуправленія и децентрализаціи удовлетворяли преимущественно сословнымъ интересамъ дворянства, которое хотѣло на всѣхъ ступеняхъ управленія играть такую же роль, какую играетъ оно въ земскихъ учрежденіяхъ, созданіе которыхъ и было результатомъ упомянутыхъ требованій (765—781). Ограничивая самоуправленіе одними только хозяйственно-административными задачами и ставя во главѣ его дворянство, если не de jure, то de facto, крѣпостники-либералы имѣли прежде всего въ виду экономическую поддержку своего сословія, которое, вліяя на весь ходъ народно-хозяйственныхъ дѣлъ, могло бы такимъ образомъ если не вознаградить себя за потери, сопряженныя съ эманципаціей, то по крайней мѣрѣ, значительно уменьшить и облегчить ихъ хотя на первое время, а тамъ что будетъ, то будетъ... И самыя либеральныя изъ этихъ либеральныхъ стремленій имѣли цѣлью перемѣстить помѣщичьи привилегіи въ другія формы, болѣе сообразныя съ духомъ времени, чѣмъ форма крѣпостного рабовладѣльчества. Во главѣ этихъ стремленій стоялъ тогда „Русскій Вѣстникъ“, пропагандировавшій у насъ „свободныя учрежденія“ Англіи и этимъ, главнымъ образомъ, обязанный своему тогдашнему успѣху въ публикѣ, такъ какъ „просвѣщеннѣйшая“ часть ея, одержимая вотчинною похотливостію, видѣла въ такой пропагандѣ поддержку для своихъ исключительныхъ, сословныхъ тенденцій, прикрытыхъ маскою либерализма. Англоманія г. Чичерина, украшавшаго въ то время своими широковѣщательными диссертаціями „Наше Время“ и „Вѣсть“, теперь въ малѣ скончавшуюся, всего

лучше характеризуютъ качество той англоманіи, которую прельщали только вотчинныя привилегіи и первостепенная политическая роль британскаго дворянства. Эта задняя мысль упомянутыхъ либераловъ видна была во всемъ ихъ поведеніи, во время работъ по крестьянскому вопросу. Человѣкъ, напр., пишетъ записку „о вредномъ направленіи современной литературы“ и въ то же время трактуетъ о широкомъ развитіи въ Россіи началъ самоуправленія!.. И большинство депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ заявляло либеральныя требованія только послѣ предварительной неудачной защиты своихъ чисто-крѣпостническихъ тенденцій. Отвергая, напр., крестьянское самоуправленіе и доказывая его опасность, приходя въ ужасъ отъ учрежденія „10,000 республикъ“, т. е. волостей, эти господа въ то же время заявляли, что самоуправленіе съ дворянствомъ во главѣ слѣдуетъ распространить на всѣ сословія государства... „Не мытьемъ, такъ катаньемъ все-таки возмемъ свое!..“

Конечно, и въ губернскихъ комитетахъ, и въ средѣ ихъ депутатовъ, вызванныхъ въ Петербургъ, были люди, нежелавшіе возстановленія крѣпостной зависимости крестьянъ и стремившіеся къ тому, чтобы эманципація была завершена цѣлымъ рядомъ существенныхъ реформъ; но эти люди составляли ничтожное меньшинство, къ которому приставало большинство съ заднею мыслью воспользоваться ихъ либеральными тенденціями для своихъ узкихъ и отсталыхъ поползновеній. Такими-то кознями, интригами, запугиваньями была встрѣчена великая реформа нашего времени, положившая краеугольный камень въ основу зданія русской свободы. Громадное большинство общества смотрѣло на освобожденіе крестьянъ съ точки зрѣнія своихъ карманныхъ интересовъ. Крѣпостныя привычки и весь складъ мыслей, сложившійся подъ вліяніемъ ихъ, убивали всякое общественное стремленіе въ зародышѣ. Каждое сословіе, замкнутое въ своемъ неподвижномъ statu quo, только и думало, что о своемъ исключитель-

номъ положеніи, о своихъ привилегіяхъ, и кто былъ силенъ, тотъ добивался этого открыто, а кто слабъ и угнетенъ, тотъ извивался, хитрилъ и подличалъ. Эта разрозненность, эта вѣками привитая отупѣлость были главнымъ зломъ, порожденнымъ крѣпостной системой и солидарными съ ней порядками. Съ паденіемъ системы многіе, понятно, остались при тѣхъ же понятіяхъ и привычкахъ, и гдѣ можно было, обѣими руками ухватились за старую реакцію, тащившую назадъ...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.